

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

11(3) 2025

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Человеческий капитал молодежи: возможности, потенциал, риски
THEME OF THE ISSUE: Human capital of youth: opportunities, potential, risks

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 11, № 3. 2025

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 11, № 3. 2025

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Сухотский Н. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и инновационной работе Института социологии Национальной академии наук Беларуси, руководитель Центра политологии, Республика Беларусь.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шاپовалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ковальчук О. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ: Семченко И. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Алексеев А. А., доктор социологических наук, и.о. заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, профессор, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Орел, Россия.

Благоевич М., доктор социологических наук, главный научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское сотрудничество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой Демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Nikolai N. Sukhotsky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research and Innovation at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Center for Political Science, Republic of Belarus.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Olga Kovalchuk, Ph.D. in Philosophical Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

TECHNICAL SECRETARY: Irina Semchenko, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Anna Alekseenok, Doctor of Sociological Sciences, Acting Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Orel, Russia.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a Chief Researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Demographic and Migration Policy at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Кублицкая Е. А., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Республика Беларусь.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мchedlova М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова А., PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Проказина Н. В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Ростовская Т.К., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Титаренко Л. Г., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Республика Беларусь.

Тоценко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухмани Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шилова В. А., кандидат социологических наук, руководитель лаборатории, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Elena Kublitskaya, Candidate of Sciences in Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Republic of Belarus.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Natalia Prokazina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Tamara Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Larisa Titarenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Belarusian State University, Republic of Belarus.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmman, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Valentina A. Shilova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Laboratory, Leading Researcher at the Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ**

**SOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE**

Майорова-Щеглова С. Н., Филипова А. Г. О роли научной школы ННГУ им. Н.И. Лобачевского в становлении российской социологии детства (к юбилею руководителя З.М. Саралиевой)	5	Svetlana N. Mayorova-Shcheglova, Alexandra G. Filipova On the Role of the Academic School of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod in the Formation of Russian Sociology of Childhood (On the Anniversary of its Head, Z. M. Saralieva)	5
Кублицкая Е. А. Специфика межнационального и этноконфессионального взаимодействия различных религиозных групп московского студенчества	18	Elena A. Kublitskaya Specifics of interethnic and ethno- confessional interaction of various religious groups of Moscow students	18
Лютенко И. В. Нетрадиционные религиозные взгляды белгородских студентов	44	Irina V. Lyutenko Non-traditional religious views of Belgorod students	44
Савеличева И. Н. Политическая культура региональной молодежи	61	Irina N. Savelicheva Political culture of regional youth	61
Семченко И. В., Махмутова К. А. Патриотизм в контексте жизненных стратегий молодежи Белгородской области	79	Irina V. Semchenko, Karolina A. Makhmutova Patriotism in the context of the life strategies of the youth of the Belgorod region	79
Сёмочкина Н. Н., Руднева М. Я. Образ инклюзивного лидера в оценках студенческой молодежи	93	Natalia N. Semochkina, Marina Ya. Rudneva The image of an inclusive leader in the perception of student youth	93
Соловьева Н. Е., Шмигирилова Л. Н. Анализ самоидентификации молодежи в условиях геополитической нестабильности сельских территорий в приграничных регионах	108	Natalia E. Solovjeva, Larisa N. Shmigirilova Analysis of youth self-identification in the context of geopolitical instability of rural areas in border regions	108
Чуев С. В., Титов В. В. Ценностные основания формирования национально-государственной идентичности молодежи в современной России	118	Sergey V. Chuev, Viktor V. Titov The value basis of the formation of national-state identity of youth in contemporary Russia	118
Шаповалова И. С. Традиционные ценности и молодежь: проблема интериоризации	138	Inna S. Shapovalova Traditional values and youth: the problem of internalization	138

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ**

**SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES
AND PROCESSES**

Алексеенок А. А., Исаев А. В., Каира Ю. В. Трансформация жизненных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности	161	Anna A. Alekseenok, Aleksey V. Isaev, Yurij V. Kaira Transformation of the life strategies of student youth in the context of digitalization of everyday life	161
Иванова А. Е., Вангородская С. А. Влияние уровня образования детей и их родителей на отдельные аспекты самосохранительного поведения с учетом возрастной динамики	185	Alla E. Ivanova, Svetlana A. Vangorodskaya The influence of the level of education of children and their parents on individual aspects of self-preservation behavior, taking into account age dynamics	185
Скороход О. А., Литаш-Сорокина Е. А. Инновационный потенциал и риски человекоцентрированного взаимодействия молодых сотрудников с ИИ-ассистентами	203	Olga A. Skorokhod, Elena A. Litash- Sorokina Innovative potential and risks of human- centered interaction between young employees and AI Assistants	203
Чевтаева Н. Г., Боброва О. В., Маковкина С. А., Трофимова О. М. Проектное обучение как ресурс формирования академической честности студента в эпоху ИИ	218	Natalia G. Chevtaeva, Olga V. Bobrova, Svetlana A. Makovkina, Olga M. Trofimova Project learning as a resource for building student academic integrity in the Ai Age	218

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

Гайдукова Г. Н. Человеческий капитал студенческой молодежи как предмет маркетинга персонала	243	Galina N. Gaidukova Human capital of student youth as a subject of personnel marketing	243
Ефимова Г. З. Студенты как драйвер академического развития преподавателей	263	Galina Z. Efimova Students as catalysts for academic development of university faculty	263
Ковальчук О. В. Социальные стратегии детей-инвалидов: проблема сопровождаемого проживания	286	Olga V. Kovalchuk Social strategies for disabled children: the problem of assisted living	286
Кузьмин К. В., Набойченко Е. С., Петрова Л. Е. Студенты из семей участников специальной военной операции: оценка потребностей в психологической помощи и барьеры к ее получению (опыт Свердловской области)	299	Konstantin V. Kuzmin, Evgeniya S. Naboychenko, Larisa E. Petrova Students from families of participants in the Special Military Operation: assessment of needs for psychological help and barriers to receiving it (experience of the Sverdlovsk region)	299
Проказина Н. В. Социальные представления о работе и служении как факторы мотивации молодых специалистов в органах муниципальной службы	316	Natalia V. Prokazina Social perceptions of work and service as factors motivating young professionals in municipal services	316

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-1

Оригинальная статья

Майорова-Щеглова С. Н.
Филипова А. Г.

О роли научной школы ННГУ им. Н.И. Лобачевского
в становлении российской социологии детства
(к юбилею руководителя З.М. Саралиевой)

Московский государственный психолого-педагогический университет,
улица Сретенка, дом 29, Москва, 127051, Россия
sheglova-s@yandex.ru

Владивостокский государственный университет,
улица Гоголя, дом 41, Владивосток, 690014, Россия;
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Набережная реки Мойки, дом 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия
alexandra.filipova77@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования состоит в важности осмысления и систематизации накопленного научного знания в области социологии детства. Основная научная проблема определена через недостаточность в настоящий период знаний, позволяющих отследить процессы институционализации новых направлений развития социологической науки и определить роль научных школ при становлении теории среднего уровня – социологии детства. Работа базировалась на содержательном и статистическом анализе текстов опубликованных статей в научных журналах, с особым выделением статей в Вестнике ННГУ, диссертаций, а также выпускных квалификационных работ, поступивших на конкурс по социологии детства. Аргументирована эволюция взглядов на общетеоретические проблемы детства; выделены направления и уровни деятельности исследователей в поле социологии детства. На основе анализа статей и иных публикаций представителей исследовательской команды, показана роль опытных профессиональных ученых-преподавателей и рассмотрен механизм вовлечения неопитов в научную работу. Обобщение опыта деятельности научной школы под руководством З.М. Саралиевой при факультете социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского позволяет констатировать консолидацию ученых в исследуемой научной сфере. Раскрыто значение научного журнала в категоризации, создании устойчивого тезауруса, разработке социотехник изучения детской аудитории. Решение поставленных задач в данной статье позволило сделать выводы о необходимости включения в процесс изучения развития отечественной науки направлений, уровней, закономерностей и тенденций в развитии, а также включить в сферу управления наукой учет активности научных школ.

Ключевые слова: детство в современной России; социология детства; научная школа; теория среднего уровня; институционализация науки; Саралиева З.М.

Информация для цитирования: Майорова-Щеглова С. Н., Филипова А. Г. О роли научной школы ННГУ им. Н.И. Лобачевского в становлении

российской социологии детства (к юбилею руководителя З.М. Саралиевой) // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 5-17. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-1.

Original article

Svetlana N.
Mayorova-Shcheglova
Alexandra G. Filipova

On the role of the Academic school of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod in the formation of Russian sociology of childhood (on the anniversary of its Head, Z. M. Saralieva)

Moscow State University of Psychology and Education,
29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russia
sheglova-s@yandex.ru

Vladivostok State University,
41 Gogol St., Vladivostok, 690014, Russia;
Herzen Russian State Pedagogical University,
48 Moika River Emb., Saint Petersburg, 191186, Russia
alexandra.filipova77@gmail.com

Abstract. The relevance of the study lies in the imperative to comprehend and systematize the accumulated scientific knowledge in the field of the sociology of childhood. The main research problem is defined through the current insufficiency of knowledge that would allow tracing the processes of institutionalization of new directions in sociological science and determining the role of academic schools in the formation of a middle-range theory – the sociology of childhood. The work is based on a substantive and statistical analysis of texts from published articles in academic journals – with special emphasis on articles in the Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – as well as dissertations and final qualification papers submitted to competitions in sociology of childhood. The evolution of perspectives on general theoretical problems of childhood is substantiated; the directions and levels of activity of researchers in the field of the sociology of childhood are identified. The analysis of articles and other publications by members of the research team demonstrates the role of experienced professional scholars and educators, as well as the mechanisms for involving newcomers in research activities. Generalizing the experience of the academic school headed by Z. M. Saralieva at the Faculty of Social Sciences of Lobachevsky State University makes it possible to state the consolidation of researchers in the given scientific domain. The significance of the academic journal in the categorization, the creation of a stable thesaurus, and the development of sociotechniques for studying child audiences is revealed. The results obtained in this article lead to the conclusion that the study of the development of Russian science should include the analysis of directions, levels, patterns, and trends in its growth, as well as the inclusion of scientific school activity indicators into the scope of science management.

Keywords: childhood in contemporary Russia; sociology of childhood; academic school; middle-range theory; institutionalization of science; Z. M. Saralieva.

Information for citation: Mayorova-Shcheglova, S. N., Filipova A. G. (2025), “On the role of the Academic school of Lobachevsky State University of Nizhny

Novgorod in the formation of Russian sociology of childhood (on the anniversary of its Head, Z. M. Saralieva)", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 5-17. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-1.

Введение (Introduction).

Социологическая теория детства, как теория среднего уровня, построена на парадигмальном подходе, предложенном Р. Мертоном (Мертон, 2006: 198-199). Это с одной стороны, обоснованная теоретическая конструкция, которая позволяет охватить все процессы в обществе в отношении детства и детей (на макро, мезо и микроуровнях). С другой стороны, это прикладные социотехники, которые делают возможными зафиксировать, проанализировать и частично спрогнозировать важные для социума спонтанные и управляемые изменения в пространстве повседневной жизни ребенка. Огромное значение для институционализации любой теории среднего уровня имеет консолидация, кооперация ученых для создания понятийного аппарата, тезауруса, категоризации, для выстраивания разноуровневого внутреннего аудита научности, объективности, аргументированности, актуальности выделяемых предмета и объекта исследований (Черныш, 2025). Одним из действенных механизмов при этом выступают научные школы, возникающие и развивающиеся вокруг неординарных персон, умеющих объединить, направить, стимулировать такие научно-прикладные поиски. Таким примером в социологии детства стала научная школа кафедры общей социологии и социальной работы социологического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Юбилей ее основательницы и руководителя на протяжении последних десятилетий Зары Михайловны Саралиевой – отличный повод для обобщения, анализа и выявления перспективных направлений исследований в области социологии детства, которые являются значимыми для всей российской социологии.

Методология и методы (Methodology and methods).

Понятие «научная школа» принято рассматривать с учетом конструктивистского потенциала для развития научной мысли (Козлова, 2014). Определения и классификации понятия не многочисленны, но в основном принято выделять обязательные функции (инновационная, исследовательская и образовательная). В некоторых работах устанавливаются критерии уровней (локальная, национальная и др.), сфер (например, научная школа социологии молодежи), мест распространения (например, петербургская). При анализе школы используются традиционно два измерения: поэтапное распространение научной идеи либо социального взаимодействия соратников через описание взаимодействия людей-специалистов (Попова, 2023). То есть фактически утверждается историко-социологический ретроспективный взгляд на научную школу. В некоторых работах отражены попытки выделить научную школу как «...своеобразное «место силы», уникальный социальный лифт, особая форма научно-исследовательского сотворчества под руководством признанного лидера» (Волков, 2024: 192). Мы признаем необходимость многомерного изучения ценностных основ, институциональных и неформальных процессов в рамках выделения «научной школы» как объекта исследования, но полагаем, что эти важные подходы должны быть дополнены дополнительными ракурсами анализа: 1. Фиксацией устойчивого воспроизводства результатов научного труда, оформленных и опубликованных в доступном, открытом научном пространстве; 2. Доказательствами приращения молодых специалистов, поддерживающих и развивающих

первоначальные идеи. Именно эти методологические позиции определили цель, задачи и методы нашего исследования.

Целью данной статьи является выявление особенностей деятельности локальной научной социологической школы, исходя из нее выделены задачи: фиксация эволюции взглядов на общетеоретические проблемы детства; определения направлений и уровней деятельности исследователей в поле социологии детства; уточнение механизмов рекрутинга новых исследователей к определенной проблематике; выделение прорывов, лакун и перспектив исследований в рамках одной школы.

Методы исследования включали в себя содержательный анализ тестов работ основательницы школы и ее коллег, соавторов (22 работы), статистический анализ частотности публикаций по тематике детства журнала в рамках научной школы (64 статьи) и защищенных диссертационных исследований (94 работы), выполненный с использованием Python для парсинга и статистического анализа данных.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Эволюция взглядов на детей и детство в рамках научной школы.* Исследования по социологии детства в работах З. М. Саралиевой, ее коллег и учеников демонстрируют значительную эволюцию тематики и методов на протяжении более чем десяти лет. Ранние работы, начиная с 2007 года, обращаются к теме ценности детей в российском обществе, мотивам иметь или не иметь детей и роли детства как социального института (Саралиева, Балабанов, 2007; Балабанов, Саралиева, 2009). Эти исследования носили кросс-культурный характер и базировались на международных проектах, что способствовало сравнительному анализу и развитию теоретической базы.

Со временем акцент сместился на более конкретные проблемы детства и семейных отношений, включая внутрисемейное взаимодействие, профориентацию школьников, а также вопросы насилия и агрессии в школе. Так, в статьях 2013 года З. М. Саралиева и её коллеги анализируют связь школьного насилия с семейным статусом и социальным положением, выявляя риски и факторы, повышающие уязвимость детей в образовательной среде (Саралиева, Егорова, Судьин, 2013; Саралиева, Балабанов, 2013; Егорова, Сизова, 2016).

В середине 2010-х годов работы стали всё больше сосредотачиваться на подростках и институтах социализации, включая анализ гендерной чувствительности поколения «Z», что отражает влияние современных социальных трансформаций и технологий на восприятие гендерных норм (Саралиева, Щекотуров, 2015). Важным достижением является интеграция мнения детей в исследования, что заметно в публикации 2018 года, где обсуждаются их взгляды на «взрослые» и «детские» проблемы, подчеркивается необходимость учитывать детский голос в социальной политике и исследованиях (Саралиева, Кутявина, 2018). В качестве препятствия проведения исследования отмечаются «неверие, скепсис учителей в отношении целесообразности опросов детей, которые уходят корнями в изживающую себя субъект-объектную парадигму школьного взаимодействия» (Саралиева, Кутявина, 2018: 76).

З. М. Саралиева с коллегами фокусируются на институциональных аспектах социальной поддержки детей, в частности, на проблематизации замещающего родительства через призму деятельности уполномоченного по правам ребёнка. Анализ обращений к омбудсмену Нижегородской области позволил выявить ключевые проблемы поддержки замещающих семей и продемонстрировал влияние пандемии COVID-19 на

функционирование этих институтов (Саралиева, Захаркина, 2024).

Кроме того, исследовательская группа развивает тему многопоколенной семьи, интегрируя межпоколенческие отношения и социальные институты, что отражает переход к более комплексному и системному подходу (Саралиева, Судьин, 2023).

Вклад молодых исследователей. Научная школа под руководством З.Х. Саралиевой инициирует и стимулирует научное творчество студентов в новых исследовательских полях социологии детства. С 2009 г. Исследовательский комитет «Социология детства» Российского общества социологов проводит конкурс выпускных, дипломных, бакалаврских квалификационных работ и магистерских диссертаций в области социологии детства: «...конкурс нацелен на совершенствование учебной и научной работы студентов, повышение уровня их профессиональной подготовки в области социологии детства» (Колосова, Гуркина, 2014).

С 2013 года выпускники ННГУ присоединились к Всероссийскому конкурсу выпускных квалификационных работ в области социологии детства, организованному Исследовательским комитетом Российского общества социологов «Социология детства». За все годы существования конкурса на экспертизу попали 7 работ из ННГУ, из них 4 в разные годы были признаны победителями. Ирина Голубева дважды стала победительницей – с бакалаврской работой заняла второе место в 2016 г. и потом через 2 года с магистерской диссертацией на тему «Сиблинговые отношения в контексте характеристик семейной системы» (научный руководитель З.М. Саралиева) получила 1 место. Магистерская работа Надежды Майоровой «Представления подростков о своей будущей семье (на примере Нижнего Новгорода)» в 2020 году заняла 2 место, а бакалаврская работа Анастасии Кузяниной

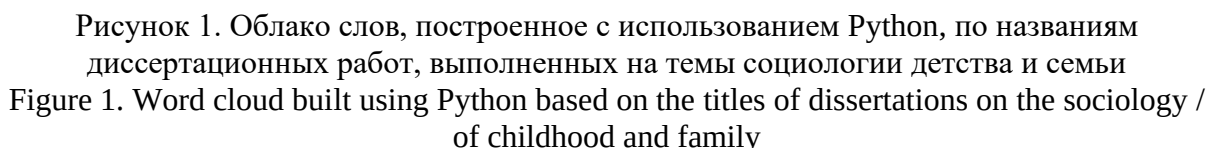
«Влияние интернет-потребления на качество детско-родительских отношений в эпоху цифровой коммуникации» (научный руководитель Т. Н. Захаркина) – также 2 место в 2024 году.

Одним из условий конкурса является обращение исследователей к мнению детей. Стоит отметить использование Инной Голубевой «мягких» методов изучения детей: для изучения сиблинговых отношений первоклассников – методика «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана, а в анкетировании учащихся 7-9 классов – методика «Незаконченные предложения».

Подготовка научных кадров. В диссертационном совете 24.2.340.13 (до 2023 года – Д 212.166.14), возглавляемого З. М. Саралиевой, с 2014 года защищаются диссертации по трем научным специальностям: экономическая социология; социальная структура, социальные институты и процессы и социология управления. Парсинг сайта диссертационных советов ННГУ позволил выявить 94 диссертации, успешно защищенные в данном совете с 2014 года по настоящее время.

В пуле кандидатских и докторских диссертаций весомое место занимают работы по социологии детства, молодежи и семьи. На рисунке 1 представлено облако слов, построенное на основе слов из названий диссертационных работ данного тематического направления.

В этих диссертациях особое внимание было уделено исследованию трансформаций семейных структур и практик – от моделей распределения гендерных ролей до динамики супружеских отношений и феномена долголетья брака. Актуализируются вопросы родительства, в том числе отцовства и родительно-профессионального баланса, а также воспитательных стратегий, включая пунитивные практики и социальную адаптацию детей-сирот (Беседина, 2020; Отделкина, 2016).

Темы затрагивают не только социальные явления, но и институциональные механизмы, включая социальное сопровождение, семейно-демографическую политику, управление

Тематика детства в «Вестнике ННГУ». З. М. Саралиева руководит секцией «Социология и социальная работа» журнала «Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки», на страницах которого регулярно публикуются статьи о детях и детстве. Изучение выпусков за период с 2008 года по настоящее время позволило выявить 64 статьи по тематикам, связанным с социологией детства. Из графика, представленного ниже виден устойчивый рост интереса к детским темам. Особенно насыщены публикациями 2017 и 2018 годы.

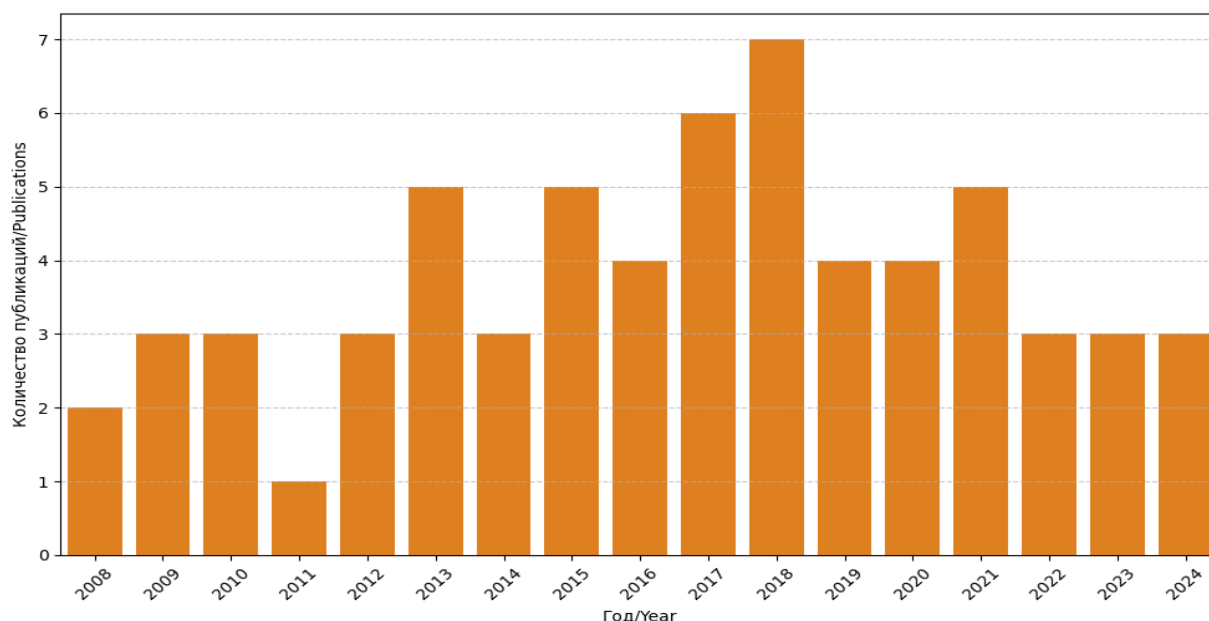

Рисунок 2. Распределение публикаций о детях за период с 2008 по 2024 гг., построенное с использованием Python
Figure 2. Distribution of publications about children for the period from 2008 to 2024, /built using Python

Ряд публикаций внесли серьезный вклад в разработку общеметодологических вопросов социологического изучения детства в России. Именно на страницах этого журнала впервые в нашей стране на основе контаминации, категоризации, эмпирических данных научных проектов за последние 20 лет показано, как поэтапно происходит институционализация социологии детства. В статье А. Г. Филиповой представлен контент-анализ статей о детях и детстве, опубликованных в журнале «Социологические исследования» за период с 1990 по 2014 г. Результаты исследования «свидетельствуют о преобладании социализационного подхода в изучении детства, недостаточной распространенности «мягких» методов исследования... обращении ученых преимущественно к респондентам подросткового и раннего юношеского возраста» (Филипова, 2016: 80).

Журнал поддерживал «пионерские» статьи, касающиеся активности (самостоятельности, самодеятельности, инициативности) и субъектности ребенка,

что свидетельствует о переходе от традиционного социализационного подхода к «новой» социологии детства. «Новая» социология детства рассматривает детей как активных участников социального взаимодействия и носителей собственного опыта, а не просто как «незавершённых» взрослых, подлежащих социализации. Дети и подростки как активные субъекты, взаимодействующие с городской средой, представлены в исследованиях детской независимой мобильности и соучаствующего проектирования (Купряшкина, 2018; Филипова, Асафова, Баранова, 2023). С. Ю. Митрофанова показывает вызовы «участвующего подхода» в исследовании детства, поднимая важные этические и методологические вопросы включения детей в исследовательский процесс как полноправных участников (Митрофанова, 2016).

Журнал демонстрирует устойчивый интерес к институциональным условиям, в которых формируется и реализуется детство. Внимание уделяется

взаимодействию ребенка с ключевыми социальными институтами: образованием, семьей, информационной средой. Рассматриваются вызовы цифровой среды – киберугрозы, скулшутинг, информационная безопасность, что позволяет раскрыть новые риски современного детства и акцентировать внимание на институциональных механизмах защиты (школа, родительство, нормативные регуляции). Так, в статье П. К. Карасева, С. А. Судына представлен региональный опыт создания системы профилактики скулшутинга, обосновывается роль школьного насилия в формировании деструктивных поведенческих паттернов (Карасев, Судын, 2021).

Традиционно внимание исследователей привлечено к семье, детско-родительским отношениям. Исследования фокусируются на родительских стратегиях, стилях воспитания, трансляции норм и ценностей, включая различия между поколениями родителей и детей (Бесчасная, 2021; Вдовина, 2008; Майорова-Щеглова, 2018). С. Н. Майорова-Щеглова, взяв за основу вторичный анализ данных, приходит к заключению, что «большая доля детско-родительских отношений в семьях с детьми подросткового возраста сегодня носят деструктивный для будущего развития общества характер» (Майорова-Щеглова, 2018: 55). А. А. Бесчасная пишет про исследования ВЦИОМ: «Совокупное родительское мнение косвенно является зеркалом детских потребностей, деятельности, поведения, проблем, которые сопровождают детей в повседневности, а также критическим взглядом на собственные действия в рамках действующего социального статуса» (Бесчасная, 2021: 58).

Ряд статей посвящен широкой школьной социальной проблематике – от адаптации ребенка в школьной среде до вопросов насилия, пренебрежения потребностями и мнением ребенка, и этот

ракурс серьезно отличается от многих исследований в русле социологии образования (Шлыкова, 2015; Азерли, Петрова, 2013).

В статьях о социально уязвимых группах детей (сиротах, детях-мигрантах и детях с инвалидностью) раскрываются структурные дефициты и институциональные барьеры (к примеру, Осипова, 2009; Мутаев, 2019; Чигирина, 2010). Исследования институциональных контекстов позволяют видеть, как социальные механизмы воспроизводят или ограничивают возможности детской субъектности и социальной включенности.

Таким образом, секцию «Социология и социальная работа» журнала «Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки» под руководством Зары Михайловны можно рассматривать как одну из площадок, способствующих не только описанию социальной реальности детства, но и переосмыслению самого положения ребенка в обществе, науке и политике. Журнал создает условия для методологического роста и междисциплинарного диалога, и в дальнейшем может сыграть важную роль в продвижении идей детской субъектности, прав ребенка, участия и разнообразия детского опыта в российском социологическом знании.

Заключение (Conclusions). Мы полагаем, что деятельность научной школы ННГУ им. Н. И. Лобачевского под руководством З. М. Саралиевой вносит серьезный вклад в динамичный процесс институционализации социологии детства в России. Консолидируя исследователей, находящихся в поиске, Зара Михайловна и ее соратники смогли объединить различные уровни науки: студенческую и академическую науку, обобщения практиков-специалистов.

Одновременно решаются две разноуровневые задачи методологического и методического характера, определенная часть таких работ содержит некоторое

ноу-хау в части инструмента, процедур работы с детской аудиторией

Анализ показал, что научная школа, хотя и создает собственные теории локальных сфер детства, но все же прослеживается явная тесная связь с иными теориями среднего уровня, прежде всего с социологией семьи. Преимущественным направлением развития социологического знания о детстве выступает раскрытие закономерностей и тенденций взаимоотношений взрослого и детского миров, преимущественно во внутрисемейных отношениях.

Деятельность научной школы ННГУ позволяет увидеть жизнь детей в реальных регионах, не только Нижегородской области, без излишней концентрации на реалиях исключительно мегаполисов с их трендами. Если говорить о лакунах исследовательской деятельности, то здесь обозначим дефицит лонгитюдных и сравнительных исследований, которые позволили бы интерпретировать динамику развития детства в стране.

Еще один важный вывод касается как развития социологии науки, так и «мягкого» управления ею. При фиксации этапов институционализации теорий среднего уровня необходимо учитывать направления, уровни и закономерности функционирования региональных и локальных научных школ. Для управления наукой это означает внимание к инициативности и активности научных коллективов в сферах, имеющих приоритетное значение для общества, включая социальное развитие подрастающего поколения. Социологам детства предстоят активные действия по продвижению своих важных выводов, рекомендаций и разработок в политической сфере и открытом общественном пространстве, и мы надеемся, что свой долгий деятельностный профессиональный вклад в эти процессы будет вносить и Зара Михайловна, и ее «команда».

Список литературы

Абросимова Е. Е. Детский сегмент видеоблогосферы: структура, функции и влияние на социализацию: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2018. 19 с. DOI: 10.30936/1606-951X-2018-20-1/2-252-258. EDN: XSTHAD.

Азерли Д. А., Петрова И. Э. Насилие в школе: взгляд современных российских исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 7-13. EDN: RRQLFX.

Балабанов С. С., Саралиева З. Х. М. Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3 (299). С. 129-135. EDN: JWLNIB.

Беседина О. А. Пунитивные воспитательные практики в современной российской семье: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2020. 23 с. EDN: NKNXGX.

Бесчасная А. А. Детство и родительство в исследованиях ВЦИОМ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 58-61. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_58. EDN: BECBQY.

Вдовина М. В. Конфликтные взаимоотношения поколений в семье и их регулирование // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 315-321. EDN: JZBMKR.

Волков Ю. Г. Научная школа – важнейшая форма существования науки // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 2 (72). С. 190-206. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.2.15. EDN: VJXJCL.

Гуркина О. А., Колосова Е. А. (2014) Конкурс дипломных работ и магистерских диссертаций в области социологии детства // Социологические исследования. № 2 (358). С. 144-145. EDN: RYYXTR.

Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Насилие над детьми: от проблем семьи к проблемам школы // Регионология. 2016. № 1(94). С. 120-132. EDN: VONBSD

Загребин В. В. Потребление психоактивных веществ учащейся молодежью: региональный аспект: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2015. 19 с. EDN: UFDKZX.

Козлова Л. А. «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестник Института социологии. 2014. № 3(10). С. 45-65. EDN: SPDLTD.

Котельникова Е. А. Социальное сопровождение как механизм включения в социум выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2024. 29 с.

Купряшкина Е. А. Особенности детской независимой мобильности в городах Приморского края // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 115-123. EDN: XWPONV.

Курникова М. В. Социальное самочувствие семьи с ребёнком-инвалидом в пространстве физической культуры и спорта: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2022. 48 с. EDN: PJVUPK.

Майорова-Щеглова С. Н. Социальные факторы, влияющие на деструктивность детско-родительских отношений в современных семьях с подростками // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4. С. 55-61. EDN: YWGMUX.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: Хранитель, 2006, 873 с.

Митрофанова С. Ю. (Раз)очарование «участвующей» перспективой социологии детства: участвующий подход в исследовании детства и его критическое осмысление // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 167-176. EDN: XXVNRH.

Мутаев У. К. Проблемы социальной адаптации и интеграции детей-мигрантов в российское общество // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 155-158. EDN: TNGLSK.

Осипова И. И. Модель учреждения нового типа по предотвращению социального сиротства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 1 (13). С. 41-45. EDN: KPSYQL.

Отделкина Т. Н. Формирование и сопровождение замещающей семьи как формы жизнеустройства детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2016. 16 с. EDN: ZPRNSV.

Полянина А. К. Управление информационной безопасностью детей: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2022. 51 с. EDN: GSQZNU.

Попова И. П. Научные школы в представлениях ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 32-43. DOI: 10.31857/S013216250029335-1. EDN: OTUIXE.

Рябokonь М. В. Социальные компоненты поведения абитуриентов (на примере классического университета): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2017. 20 с.

Саралиева З. Х. М., Балабанов С. С. Ценность детей и инвестиции в детство // Социология. 2007. № 3-4. С. 112-121. EDN: OANJOB.

Саралиева З. Х. М., Егорова Н. Ю., Судьин С. А. Насилие в школе: позиции школы и родителей // Актуальные проблемы родительства в России / под ред. Т. А. Гурко. Москва, 2013. С. 119-138. EDN: SDCSNP.

Саралиева З. Х. М., Захаркина Т. Н. Проблематизация замещающего родительства через призму института уполномоченного по правам ребенка // Социальное пространство. 2024. Т. 10, № 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.9. EDN: BKQJHL.

Саралиева З. Х. М., Щекотуров А. В. «Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть»: институциональный анализ гендерной чувствительности подростков поколения «Z» // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4 (76-77). С. 45-58. EDN: VKPSFP.

Саралиева З. Х. М., Балабанов С. С. Насилие в подростковой среде // Социокультурные корни насилия в современном обществе: материалы международной конференции / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. 2013. С. 40-45. EDN: TTBODX.

Саралиева З. Х. М., Кутявина Е. Е. Голос детей и детский взгляд на взрослые проблемы // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 70-76. DOI: 10.7868/S0132162518030078. EDN: YVQXSN.

Саралиева З. Х. М., Судьин С. А. Многопоколенная семья в фокусе

социологических исследований: (опыт нижегородских социологов) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 86-95. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.7. EDN: EROSWT.

Ситникова И. В. Процесс профессионального самоопределения молодежи: школа – вуз – рынок труда (на примере Нижегородского региона): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2022. 24 с. EDN: BPSSFB.

Филипова А. Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 80-87. EDN: VYURNT.

Филипова А. Г., Асафова В. С., Баранова И. И. Уроки городского развития: на пути к соучаствующему проектированию городской среды с подростками // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 94-101. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_94. EDN: FGDNZ.

Черныш М. Ф. Категоризация как одна из форм теоретизирования в социологии // Социологический журнал. 2025. Т. 31, № 2. С. 9-28. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1. EDN: LOMLVS.

Чигрина А. Я. Инклюзивное образование детей-инвалидов: отношение общества и практика распространения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 56-62. EDN: MTJLDZ.

Шлыкова Д. В. Проблемы школьной адаптации детей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 111-121. EDN: VQBIWB.

References

Abrosimova, E. E. (2018), "Children's segment of the video blogosphere: structure, functions and impact on socialization", Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, 19, DOI: 10.30936/1606-951X-2018-20-1/2-252-258, EDN: XSTHAD. (In Russian)

Azerli, D. A. and Petrova, I. E. (2013), "Violence in school: the view of modern Russian researchers", *Vestnik Nizhegorodskogo*

universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], (4), 7-13, EDN: RRQLFX. (In Russian)

Balabanov, S. S. and Saralieva, Z. Kh. M. (2009), "Typology of motives to have or not to have children", *Sociological Studies*, (3), 129-135, EDN: JWLNIB. (In Russian)

Besedina, O. A. (2020), "Punitive parenting practices in the modern Russian family", Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, 23, EDN: NKNXGX. (In Russian)

Beschasnaya, A. A. (2021), "Childhood and parenthood in the studies of VCIOM", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (3), 58-61, DOI: 10.52452/18115942_2021_3_58, EDN: BECBQY. (In Russian)

Vdovina, M. V. (2008), "Conflictual intergenerational relations in the family and their regulation", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (3), 315-321, EDN: JZBMKR. (In Russian)

Volkov, Yu. G. (2025), "The scientific school as the most important form of the existence of science", *Gumanitarniy Juga Rossii*, 14 (2), 190-206, DOI: 10.18522/2227-8656.2025.2.15, EDN: VJXJCL. (In Russian)

Gurkina, O. A. and Kolosova, E. A. (2014), "Competition of diploma and master's theses in the field of the sociology of childhood", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 144-145, EDN: RYYXTR. (In Russian)

Egorova, N. Yu. and Sizova, I. L. (2016), "Violence against children: from family problems to school problems", *Regionologiya*, 1 (94), 120-132, EDN: VOHBSD (In Russian)

Zagrebyan, V. V. (2015), "Consumption of psychoactive substances by students: regional aspect", Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, 19, EDN: UFDKZX. (In Russian)

Kozlova, L. A. (2014), "Scientific school in scientific policy and social research", *Vestnik Instituta sotsiologii*, (3), 45-65, EDN: SPDLTD. (In Russian)

Kotelnikova, E. A. (2024), "Social support as a mechanism for integrating graduates of institutions for orphans and children left without parental care into society", Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State

University, Nizhny Novgorod, Russia, 29. (In Russian)

Kupryashkina, E. A. (2018), "Features of children's independent mobility in the cities of Primorsky Krai", *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (2), 115-123. EDN: XWPONV. (In Russian)

Kurnikova, M. V. (2022), "Social well-being of a family with a disabled child in the space of physical culture and sports", Abstract of D. Sc. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, 48, EDN: PJVUPK. (In Russian)

Maierova-Shcheglova, S. N. (2018), "Social factors influencing the destructiveness of child-parent relationships in modern families with teenagers", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 55-61, EDN: YWGMUX. (In Russian)

Merton, R. (2006), *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure], AST, AST Moskva, Khranitel, Moscow, Russia, 873. (In Russian)

Mitrofanova, S. Yu. (2016), "(Dis)appointment with the 'participatory' perspective of the sociology of childhood: a participatory approach to the study of childhood and its critical understanding", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 167-176, EDN: XXVNRH. (In Russian)

Mutaev, U. K. (2019), "Problems of social adaptation and integration of migrant children into Russian society", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 155-158, EDN: TNGLSK. (In Russian)

Osipova, I. I. (2009), "Model of a new type of institution for the prevention of social orphanhood", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 41-45, EDN: KPSYQL. (In Russian)

Otdelkina, T. N. (2016), "Formation and support of a foster family as a form of life arrangement for orphans and children left without parental care", Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, 16, EDN: ZPRNSV. (In Russian)

Polyannina, A. K. (2022), "Management of information security of children", Abstract of D. Sc. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod

State University, Nizhny Novgorod, Russia, 51, EDN: GSQZNU. (In Russian)

Popova, I. P. (2023), "Scientific schools in the views of scientists", *Sociological Studies*, (12), 32-43, DOI: 10.31857/S013216250029335-1, EDN: OTUIXE. (In Russian)

Ryabokon, M. V. (2017), "Social components of applicant behavior (on the example of a classical university)", Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, 20. (In Russian)

Saralieva, Z. Kh. M. and Balabanov, S. S. (2007), "Value of children and investment in childhood", *Sotsiologiya*, (3-4), 112-121, EDN: OANJOB. (In Russian)

Saralieva, Z. Kh. M., Egorova, N. Yu. and Sudin, S. A. (2013), "Violence in school: positions of the school and parents", *Aktualnye problemy roditelstva v Rossii* [Current Problems of Parenthood in Russia], in Gurko, T. A. (ed.), Moscow, Russia, 119-138, EDN: SDCSNP. (In Russian)

Saralieva, Z. Kh. M. and Zakharkina, T. N. (2024), "Problematization of foster parenthood through the prism of the institution of the children's rights commissioner", *Sotsialnoe prostranstvo*, 10 (2), DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.9, EDN: BKQJHL. (In Russian)

Saralieva, Z. Kh. M. and Shchekoturov, A. V. (2015), "'I don't want to be the kind of girl who's always washing the dishes': institutional analysis of gender sensitivity of Generation Z adolescents", *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3-4), 45-58, EDN: VKPSFP. (In Russian)

Saralieva, Z. Kh. and Balabanov, S. S. (2013), "Violence in the adolescent environment", in Saralieva, Z. Kh. (ed.), *Sotsiokulturnye korni nasiliya v sovremennom obshchestve: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Socio-cultural Roots of Violence in Modern Society: Proceedings of the International Conference], Nizhny Novgorod, Russia, 40-45, EDN: TTBODX. (In Russian)

Saralieva, Z. Kh. and Kutavina, E. E. (2018), "Children's voice and children's view on adult problems", *Sociological Studies*, (3), 70-76, DOI: 10.7868/S0132162518030078, EDN: YVQXSN. (In Russian)

Saralievа, Z. Kh. M. and Sudin, S. A. (2023), "The multi-generational family in the focus of sociological research: the experience of Nizhny Novgorod sociologists", *Zhenshhina v rossiyskom obshchestve*, (4), 86-95, DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.7, EDN: EROSWT. (In Russian)

Sitnikova, I. V. (2022), "The process of professional self-determination of youth: school – university – labor market (on the example of the Nizhny Novgorod region)", Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, 24, EDN: BPSSFБ. (In Russian)

Filipova, A. G. (2016), "Childhood in the focus of domestic sociological research", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 80-87, EDN: VYURNT. (In Russian)

Filipova, A. G., Asafova, V. S. and Baranova, I. I. (2023), "Lessons of urban development: on the way to participatory design of the urban environment with teenagers", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 94-101, DOI: 10.52452/18115942_2023_1_94, EDN: FGGDNZ. (In Russian)

Chernysh, M. F. (2025), "Categorization as one of the forms of theorizing in sociology", *Sotsiologicheskii zhurnal*, 31 (2), 9-28, DOI: 10.19181/socjour.2025.31.2.1, EDN: LOMLVS. (In Russian)

Chigrina, A. Ya. (2010), "Inclusive education of children with disabilities: public attitudes and dissemination practices", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (1), 56-62, EDN: MTJLDZ. (In Russian)

Shlykova, D. V. (2015), "Problems of school adaptation of children", *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 111-121, EDN: VQBIWB. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 06 августа 2025 г. Поступила после доработки 23 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 06 August 2025. Revised 23 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия.

Svetlana N. Mayorova-Shcheglova, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Social Communication and Youth Work, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.

Филипова Александра Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая лабораторией комплексных исследований детства, Владивостокский государственный университет, Лаборатория комплексных исследований детства, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник, Институт детства Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Москва, Россия.

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Laboratory of Comprehensive Research on Childhood, Vladivostok State University, Laboratory of Comprehensive Research on Childhood, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Institute of Childhood, Herzen State Pedagogical University of Russia, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-2

Исследовательская статья

Кублицкая Е. А.

**Специфика межнационального и этноконфессионального
взаимодействия различных религиозных групп
московского студенчества**

Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН),
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
ekubl@yandex.ru

Аннотация. Высокий уровень межнациональной напряженности в московском мегаполисе сохраняется уже не одно десятилетие. Поскольку высокая степень национальной и конфессиональной напряженности приводит к изменению религиозного и социокультурного ландшафта, изучение проблем этноконфессионального взаимодействия крайне важно для адекватной оценки самых разных областей деятельности, особенно в условиях геополитической турбулентности, в которую вступила Россия в последние годы. Формирование этноконфессиональных конфликтов зависит от многих факторов: политических, социально-экономических и социокультурных трансформаций, массовой нерегулируемой миграции, пропагандистской амбивалентности медийных сетей, использующих цифровые технологии и т.д. На этом фоне неизбежно растут интолерантные позиции населения города. В социологических исследованиях, проведенных в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН, были рассмотрены представления религиозной молодежи о явлениях в сфере межэтнических и этноконфессиональных отношений. Выявлено, что мотивы роста религиозных групп молодежи и обращение их к конфессиям основаны на убеждении, что традиционные религии – хранители национальных, духовно-нравственных и культурных ценностей. Именно в них молодежь ищет защиты от ущемления прав своей национальности, потере национальной самобытности и риска уничтожения культурного менталитета. Таким образом, ракурс социологического поиска сконцентрирован на изучении проблемы этноконфессионального взаимодействия и связанной с ней степени проявления национальной и религиозной толерантности/ интолерантности различных религиозных групп (на примере студенчества) в столичном мегаполисе. Для определения уровня «культуры этноконфессиональной толерантности» были сформированы типологические группы: «последовательные верующие» и «новообращенные верующие». Формирование убеждений о национальном ущемлении, унижения национального достоинства связано с ростом интолерантного

этноконфессионального взаимодействия, которое прослеживается во всех аспектах анализа группы «новообращенных верующих». Вербальная ориентация на активные конфликтные действия в большей степени свойственна группе «новообращенных верующих», тогда как группа убежденных «последовательных верующих» имеет меньший «конфликтный заряд», более толерантны и терпимы к другим национальностям. Что касается межконфессиональных отношений, то обе группы верующих, в своем большинстве, нейтрально и терпимо относятся к представителям других религий. Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают предыдущие мониторинговые исследования, что очаги напряженности в области этноконфессионального взаимодействия касаются, прежде всего, межнациональных отношений, а уровень конфессиональной нетерпимости в своем большинстве не ведет к росту конфликтного потенциала в религиозной сфере.

Ключевые слова: студенческая молодёжь; религиозные группы; межнациональная напряженность; этноконфессиональное взаимодействие; толерантность; государственная национальная политика; социальные медиаресурсы

Информация для цитирования: Кублицкая Е. А. Специфика межнационального и этноконфессионального взаимодействия различных религиозных групп московского студенчества // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 18-43. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-2.

Research article

Elena A. Kublitskaya

**Specifics of interethnic and ethno-confessional interaction
of various religious groups of Moscow students**

Institute for Demographic Research, Federal State Budgetary Institution of Science,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FRSTS RAS),
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
eakubl@yandex.ru

Abstract. High levels of interethnic tension have persisted in the Moscow metropolitan area for more than a decade. As the high degree of national and religious tension leads to changes in the religious and sociocultural landscape, studying the issues of ethno-religious interaction is crucial for an accurate assessment of various areas of activity, especially in the context of the geopolitical turbulence that Russia has faced in recent years. The development of ethno-religious conflicts depends on many factors: political, socio-economic, and sociocultural transformations, mass unregulated migration, the propaganda ambivalence of media networks that use digital technologies, etc. Against this backdrop, the intolerant attitudes of the city's population inevitably grow. Sociological studies conducted at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences examined the views of religious youth on phenomena in the field of interethnic and ethno-religious relations. It was revealed that the motives for the growth of religious youth groups and their appeal to confessions are based on the belief that traditional religions are the guardians of national, spiritual, moral, and

cultural values. It is in these religions that young people seek protection from the infringement of their national rights, the loss of their national identity, and the risk of destruction of their cultural mentality. Thus, the focus of the sociological research is on studying the problem of ethno-confessional interaction and the degree of national and religious tolerance/intolerance among various religious groups (as exemplified by students) in the capital city. To determine the level of “ethno-confessional tolerance culture”, two typological groups were formed: “consecutive believers” and “new believers”. The formation of beliefs about national oppression and the humiliation of national dignity is associated with the growth of intolerant ethno-religious interaction, which can be observed in all aspects of the analysis of the group of “new believers”. The verbal orientation towards active conflict actions is more characteristic of the group of “new believers”, whereas the group of “convinced believers” has a smaller “conflict charge”, and is more tolerant and tolerant of other nationalities. As for inter-religious relations, both groups of believers, for the most part, are neutral and tolerant towards representatives of other religions. Thus, the results of this study confirm previous monitoring studies that the sources of tension in the field of ethno-religious interaction are primarily related to interethnic relations, and the level of religious intolerance does not generally lead to an increase in conflict potential in the religious sphere.

Keywords: student youth; religious groups; interethnic tension; ethno-religious interaction; tolerance; state national policy; social media resources

Information for citation: Kublitskaya, E. A. (2025), “Specifics of interethnic and ethno-confessional interaction of various religious groups of Moscow students”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 18-43. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-2.

Введение (Introduction). Изучение проблем этноконфессионального взаимодействия во многих странах мира во время нарастающей геополитической турбулентности особенно актуально. Негативные процессы в этой сфере превалирует над позитивными не только в центральной Европе и западноевропейских странах, но и на африканском континенте, странах Северной и Южной Америки. Какие факторы конфликтогенности в социальной сфере могут привести к снижению или стагнации толерантных отношений в этноконфессиональном взаимодействии? Анализируя современные научные публикации, с учетом авторских исследований, можно выделить несколько основных тенденций в развитии этноконфессиональных конфликтов:

- исследования показывают, что зачастую национальные и религиозные конфликты формируются в условиях

геополитических кризисов, переплетаясь с политическими, социально-экономическими и социокультурными трансформациями;

- рост национальной и конфессиональной напряженности в государствах связан с нерегулируемой иммиграцией, что приводит к изменению религиозного и социокультурного ландшафта в территориальных образованиях;

- технологии медийных сетей, мессенджеров и пр. усиливают роль всей системы массовой информации, имея возможность быстро транслировать как миротворческие, так и радикальные формы этноконфессионального взаимодействия. К сожалению, пока деструктивный аспект пропаганды преобладает.

Указанные причины негативных проявлений актуализируют проблему этноконфессионального взаимодействия в периоды кризисных турбулентных

трансформаций каких-либо общественных процессов.

Теоретико-социологический анализ работ ряда ученых, в том числе авторских, доказывает, что в зависимости от социально-экономической, социально-политической, государственной миграционной и национальной политики, ситуация в этноконфессиональном взаимодействии в обществе проявляется как в позитивном, так и в негативном ключе.

Позитивный аспект проявляется в формах этноконфессиональной идентификации и направлен на укрепление религиозного и национального самосознания. Негативный аспект взаимодействия – в формах межэтнических, межконфессиональных и этноконфессиональных конфликтов (Каргина, 2017; Кублицкая, 2009; 2013; 2015; 2020).

Какие меры предлагают государственные органы для снятия напряженности в этноконфессиональном взаимодействии? В частности, одной из актуальных задач государства является решение вопросов, связанных с неконтролируемым нелегальным миграционным потоком, с которыми сталкиваются как индустриальные, так и развивающиеся страны. Программы по этноконфессиональному диалогу, культурному и образовательному обмену могут являться основным стратегическим инструментом для снижения конфликтогенных факторов и формирования толерантных отношений в этой сфере. Все вышеизложенные аспекты этноконфессиональных конфликтов характерны и для современного российского общества.

В работе Ю. Хабермаса «Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий» (Хабермас, 2006) отмечалось, что слово «толерантность» в XVI веке, имело ограниченный смысл и понималось как терпимость только к иным религиозным

верованиям и религиозным меньшинствам. В современной научной терминологии понятие «толерантность» – терпимость к «чужому», «иному», может иметь более широкий контекст – этнический, религиозный, культурологический, политический и т.д.

Следует также остановить свое внимание на отношении населения к традиционным конфессиям в российском обществе. Религиозная идеология все чаще воспринимается населением не только как система трансцендентных символов религиозной веры, но и как хранительница национальных, духовно-нравственных и культурных ценностей. Значительная часть граждан России и особенно молодое поколение считают, что религия служит защитой национальной и культурной идентичности. Например, «русский – значит православный», «татарин – значит мусульманин».

В российском, в основном секуляризированном, обществе традиционные религии продолжают играть роль нравственного ориентира во всех возрастных группах населения. Тем не менее, молодежь, как наиболее мобильная группа, постоянно находится в поиске «нового» во всех общественных сферах, в том числе и религиозной. Вследствие того, что «консервативные» религии не всегда могут объяснить многие негативные последствия от геополитической турбулентности, которые имеют место в российском обществе, происходит новое осмысление или смена мировоззренческих позиций молодежи в отношении религии и общества, взаимодействия государственных структур и религиозных организаций. Поэтому, зачастую, молодое поколение начинает искать ответы на возникшие проблемы и противоречия в межнациональной, этноконфессиональной или социально-политической жизни общества и искать защиты от ущемления прав своей национальности, потере национальной самобытности и риска уничтожения культурного менталитета

(культурных традиций и обычаев) в лоне традиционных конфессий – православии и исламе¹. Социологический опыт мониторинговых исследований ИСПИ РАН доказывает высокий уровень религиозной толерантности православных и мусульман, исторически вместе проживающих в регионах России. Ислам и православие объединяют традиционные духовно-нравственные ценности и неприятие «демократических» ценностей западничества.

Цель настоящего социологического исследования состоит в изучении «культуры этноконфессиональной толерантности» в межличностном взаимодействии.

Методология, методы и эмпирическая база (Methodology and methods).

Методологическим обоснованием проблемы этноконфессионального взаимодействия в ее исследовательской функции является представление о том, что любое отношение индивида к социальному процессу, в частности, к религиозному и этническому, может стать объектом как философского, так и социологического изучения. Поскольку проблемы этноконфессионального взаимодействия в обществе и связанные с ним формы толерантности являются пограничными для разных научных дисциплин: философии и социологии религии, этносоциологии, этнопсихологии, культурологии, политологии и др., уточним, что в данной статье рассматриваются материалы зарубежных и отечественных ученых в рамках социологического подхода.

¹ Естественно, что молодежь, восприимчивая к новым духовным воззрениям, в то же время часто становится последователем какой-либо яркой субкультуры, начинает интересоваться неохристианскими религиозными течениями, эзотерическими учениями, оккультными науками и практиками. Данное направление нетрадиционной религиозности молодежи не является предметом социологического поиска.

Отметим, что институциональный анализ религии и этноса в классической социологии, на наш взгляд, был недостаточно интегрирован, так как проводился отдельно, изучая их взаимодействие в основном в области функциональных корреляций (Смелзер, 1994; Парсонс, 2002; Леви-Стросс, 1985).

Не претендуя на всесторонний социологический анализ современных работ зарубежных авторов, отметим тезисно некоторые публикации последних лет, касающиеся проблем этноконфессионального взаимодействия, религиозной и этнической толерантности и конфликтности в странах Азии, Европы и Африки:

- в статье дается обзор практик взаимодействия мусульман и коренного общества во Франции, Германии и Великобритании через призму трёх типов границ: символических (культурные знаки), социальных (ежедневные связи) и институциональных (политика, право); (Koenig, 2023);

- в материале рассматривается взаимодействие ислама и католицизма во Франции через культурно-идеологическую призму. Сделан акцент на толерантный подход к «другому» через исторические и академические дискурсы; (Palard, 2020);

- в публикации представлен социологический анализ социальной группы молодежи во Франции и Германии. Результаты опросов выявили парадокс религиозной индифферентности: в секулярных мультикультурных городах подростки сознательно дистанцируются от религии: снижается значимость религиозной идентичности как культурного маркера; (Michon, 2019);

- социологический анализ 8 млн твитов за 2019 год в Соединенном Королевстве (Великобритании и Северной Ирландии) показал высокий уровень этнорелигиозных оскорблений, в контексте Brexit. Авторы доказывают, что интернет стал ареной цифровой агрессии,

национальной и религиозной нетерпимости (Gorrell; Bakir, 2019);

- в статье рассматривается нестабильность этно-религиозного взаимодействия на Западных Балканах. Слабость государственных институтов и их политическая манипуляция религией усиливают межконфессиональное напряжение. Предлагаются конкретные меры по укреплению межрелигиозного диалога и структур взаимодействия (Sokol; Kalemaj, 2020);

- авторами проведен количественный анализ этноконфессиональных конфликтов и их последствий на экономическое развитие в бывшей Югославии. Этнорелигиозная напряженность объясняется различиями в уровне ВВП регионов (Kešeljević Nikolic; Spruk, 2025);

- в статье проанализированы религиозные конфликты в мультикультуральных школах Северной Италии. На основе 14 фокус-групп (ученики, учителя, родители) сравнивались взгляды студентов и взрослых. Выявлены основные причины религиозных конфликтов и предложены меры по управлению напряженностью в школах (Santagati, 2020);

- на основе репрезентативного опроса и статистического анализа авторами проведено исследование того, как высокая степень этнорелигиозной идентичности студентов-мусульман и христиан в Индонезии и на Филиппинах коррелируется с поддержкой межконфессионального насилия (Kanas; Scheepers; Sterkens, 2022);

- авторами проведено исследование в штатах Нигерии, доказывающее негативные последствия этнорелигиозного конфликта: разрушение школ, снижение посещаемости и успеваемости, адаптация студентов, вынужденный переезд, социальная изоляция, отток преподавателей (Bisallah, 2024);

- материалы исследований фиксируют, как дезинформация в СМИ усиливают этно-религиозные конфликты в

странах Западной Африки (Гане и Нигерии). На основе интервью выявлены механизмы распространения фейков и их влияние на общественное восприятие. Стратегии противостояния: медиа-грамотность, диалог, объективность журналистов (Adisa; Segbefia; Trofimova, 2024);

- в статье представлена интересная факторная модель ожиданий межэтнических и межрелигиозных конфликтов, с определением влияния СМИ, экономической конкуренцией и исторической конфликтов (Evstigneev; Voronin; Yarmak; Bolshakova, 2022).

В современной российской социологии религии и этнологии проводятся немало качественных и количественных исследований на уровне макро и микросреды: ситуации в целом по России, регионах РФ и социальных групп населения. Отметим ряд серьезных исследований во многом совпадающие с нашими тематическими разработками.

В 2018 году ведущие эксперты Института этнологии и антропологии РАН в коллективном труде (под редакцией В. А. Тишкова, В.В. Степанова) проанализировали содержание и теоретические концепции современной Стратегии государственной национальной политики РФ. На материалах конкретных регионов России раскрыты деструктивные воздействия националистической идеологии, провоцирующие факторы конфликтности бытового и печатного языка вражды. Представлены подходы предупреждения этнических конфликтов и общественных фобий. Изучены этнические и религиозные факторы общественных отношений, религиозная и этническая идентичность, религиозная ситуация и уровни этноконфессиональной конфликтности и толерантности и т.д. (Тишков; Степанов, 2018).

Специалист в области социологии религии и этносоциологии Р. Н. Мусина проводит мониторинговые опросы как в общероссийском масштабе, так и на

уровне республик Российской Федерации о роли и трансформации этнической и религиозной идентичностей как одного из значимых факторов в общественно-политических процессах в регионах РФ. В 2013 году результаты опросов были опубликованы в Российской политической энциклопедии под ред. Л. М. Дробижевой. Автор показал динамику изменения гражданской, этнической и региональной идентичности по масштабам распространенности, актуализации, степени консолидированности и содержанию за 20-ти летний период (в 1993-1999-2011-2012 гг.), а также соотношения этих идентичностей с культурными ориентациями, религиозностью, экономической активностью, социальным самочувствием населения и межэтническим согласием.

Нельзя не согласиться с автором, что «этническое» и «конфессиональное» тесно переплетаются в единый «этноконфессиональный фактор», подтверждая наши исследования, что ислам воспринимается как неотъемлемая часть татарской или башкирской культуры, а православие – русской. Не вызывает сомнений факт, что осложнение этноконфессионального взаимодействия в регионах России нередко идет за счет интенсивной миграции из стран Центральной Азии и Закавказья при этом этноконфессиональная идентичность может быть как мобилизующим, так и дестабилизирующим элементом при защите социально-экономических или социокультурных интересов конкретного сообщества (Дробижева, 2013).

По проблемам религиозной и этнической толерантности в России за последние пять лет опубликовано значительное количество социологических исследований в Российской академии наук, российских университетах, центрах изучения общественного мнения, представляющих серьезный интерес для научного мирового сообщества. Аналитические опросы фиксируют

сложную структуру и противоречивое влияние различных факторов при измерении уровня конфессиональной (религиозной) или этнической толерантности.

В многочисленных работах Л. М. Дробижевой на базе социологического мониторинга в Институте социологии РАН исследовалась государственно-гражданская идентичность, которая рассматривается в соотношении с такими групповыми идентичностями, как социальные, региональные и этнические. Именно они способны подпитывать сепаратизм территорий. Этническая идентичность, понимается ученым, «не только как самоотождествление, но и как представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также эмоциональное отношение к ним и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений» (Дробижева, 2011). Отмечается, что элементом когнитивно-эмоциональных компонентов в структуре конкретной идентичности лежит система стереотипов – представлений о действительных или воображаемых чертах своей общности или других группах. Такие стереотипы являются опасным инструментом насаждения заинтересованными лицами враждебного отношения между группами. Автор определяет понятие «толерантность» межэтнических отношений в социально-психологический аспект. Сами же толерантные отношения на социально-психологическом, личностном уровнях измеряются установками – готовностью к взаимодействию с людьми разной этнической принадлежности (Дробижева, 2013).

В работе С. Б. Дагбаевой на базе социологического исследования подробно рассматриваются особенности этнической социализации, то есть становления этнического самосознания, формирования этнической толерантности/интолерантности молодежи России в условиях нарастания

межэтнической напряжённости и распространения различных форм ксенофобии. Автор дает классификацию психологических факторов, обеспечивающих конструктивные типы межэтнического взаимодействия в современном обществе. Этническая социализация представлена как усвоение человеком этнокультурного опыта в процессе образования и жизнедеятельности. Этническая толерантность – результат успешной этнической социализации и заключается в принятии этнокультурных различий. Она зарождается, развивается, формируется на основе позитивной этнической идентичности. Выявлена трансформация этнической идентичности учащихся средних общеобразовательных школ г. Читы по типу гиперидентичности (определённая избирательность в межэтнических отношениях, большая социальная дистанция к иным этническим группам и определённая настороженность к ним) (Дагбаева, 2012).

В учебном пособии И. В. Челышевой представлены уже не рекомендации, а опыт практической реализации развития межэтнической толерантности студенческой молодежи средствами медиаобразования:

- цикл онлайн семинаров «Медиаобразование в поликультурном пространстве»;
- опыт работы по проведению серии мастер-классов для студентов по развитию межэтнической толерантности;
- программа «Развитие межэтнической толерантности средствами медиаобразования» для преподавателей вузов, исследователей, журналистов, студентов и др. (Челышева, 2020).

Значительное число работ российских ученых посвящено средствам массовой информации, социальным сетям и онлайн-интернет платформам в условиях, глобальной цифровизации, способствующих трансформации содержательных аспектов

мировоззренческих представлений социальных групп, например, в области этнорелигиозных и социокультурных отношений. Об этом дан детальный анализ в разработках группы ученых: С. В. Володенкова, С. Н. Федорченко, Н. М. Печенкина (Володенков; Федорченко; Печенкин, 2023), а также И. М. Дзялошинского (Дзялошинский, 2012). В первом исследовании рассмотрены проблемы характера и степени непосредственного воздействия цифровой среды на феномен общественного согласия или несогласия с конкретными позициями в заданной системе координат. Был проведен дискурс-анализ по теме соотношения цифровизации и мировоззрения в логике Pro et Contra, позволивший выявить ключевые риски, угрозы и вызовы в сфере сохранения традиционного мировоззрения и достижения общественного согласия на основе единства ценностно-смысловых и мировоззренческих представлений индивидов. Авторами заявлено, что существует принципиальная неоднозначность позиций ученых и экспертов в оценке степени и характера влияния цифровизации на содержательные параметры мировоззрения и ценностно-смысловых установок современной личности. Во втором исследовании И. М. Дзялошинский подчеркивает амбивалентность цифрового влияния социальных медиа ресурсов (ВКонтакте, Telegram, YouTube и т.д.) на формирование ценностных ориентаций и толерантных установок. Именно информация, представленная в цифровом виде, предназначенная для передачи идей или знаний в соцсетях, активно формирует отношение к «другим» – представителям иных этносов, конфессий, культур. Риски укрепления стереотипов и ксенофобии идут через деструктивный контент, языка вражды и социальных провокаций. Тем не менее, социальные медиа являются лишь инструментом.

Таким образом, в современной российской и мировой науке произошел

отход от упрощенного понимания толерантности как просто терпимость к «чужому», «иному». Современные исследователи используют многокомпонентность понятия толерантности. Анализ источников по определению толерантности выявил несколько ключевых подходов к характеристикам этого термина:

- *деятельностный подход*, когда толерантность понимается не как пассивная терпимость, а как активная социальная установка (аттитюд) и готовность к конструктивному взаимодействию с иными группами при признании их права на отличие.

- разделение толерантности на «слепую, всеобщую» (терпимость ко всему, включая деструктивные, антигуманные и антиобщественные явления) и «критическую» (ее границы ограничиваются основными принципами свободы и прав личности, демократии и верховенства законов).

Таким образом, можно согласиться со следующим определением толерантности – это активная позиция, ценностно-обусловленная готовность к равноправному диалогу и сотрудничеству с «другой позицией» при условии соблюдения базовых основ личности на свободу и демократию и признании его отличительных прав.

В нашем тематическом анализе закономерно используются конкретные виды толерантности:

- этническая толерантность (позиции по отношению к представителям других этносов);

- религиозная или конфессиональная толерантность (позиции по отношению к представителям других религий, конфессий или религиозных организаций).

Эмпирическая база социологического поиска – результаты исследования, проведенного ИДИ ФНИСЦ РАН в 2022 году в Москве среди студенческой

молодежи¹. Методический инструментарий состоял из индикаторов и показателей социально-политического, социокультурного, религиозного, конфессионального и этнического характера. Выборка исследования – квотно-пропорциональная, со взаимозависимыми социально-демографическими характеристиками генеральной совокупности. Метод сбора первичной информации – самозаполняемые анкеты в онлайн-программе «Анкетолог». Обработка эмпирических данных проводилась с помощью программы статистического анализа SPSS. Объем выборочной совокупности среди студенческой молодежи при введении дополнительной технической обработки составил: N = 620 ед. В социологическом анализе также использовались эмпирические показатели межэтнических отношений, которые не изменялись на протяжении предыдущих 30-ти лет в мониторинговых исследованиях по Москве. Это дало возможность фиксировать долговременные тенденции.

Выбор столицы в качестве социологического объекта анализа обусловлен прежде всего тем, что в развитой экономической, социокультурной структуре мегаполисов происходит зарождение многих позитивных и негативных социальных движений, в том числе в религиозных и этнических сферах. Москва исторически является экономическим, культурно-образовательным и научным центром с многоконфессиональным и многонациональным по своему составу населением. Развитая инфраструктура мегаполиса и ее потенциал привлекает население из многих российских регионов и стран Содружества. Миграционное поле столицы разнообразно и интенсивно развивается. Тем не менее, диалектика

¹ Социологические исследования среди студенчества в 2022 году были проведены ИДИ ФНИСЦ РАН в трех регионах России: Москве, республике Тыва и Белгородской области.

взаимодействия религиозных и этнических процессов такова, что ситуацию в сфере межнациональных отношений в мегаполисе нельзя охарактеризовать как благополучную.

Ракурс социологического поиска, как упоминалось выше, сконцентрирован на изучении проблемы этноконфессионального взаимодействия и связанной с ней степени проявления национальной и религиозной толерантности/интолерантности различных религиозных групп в столичном мегаполисе. Для определения «культуры этноконфессиональной толерантности» поставлены следующие методологические и методические задачи:

- сформировать типологические религиозные группы по показателям и индикаторам традиционной религиозной и конфессиональной самоидентификаций и др.;
- выявить базовые причины обращения к религии в сознательном возрасте у молодого поколения (факторы, воздействующие на повышение уровня традиционной религиозности);
- определить позитивные или негативные аспекты (специфику) этноконфессионального взаимодействия в современном российском обществе;
- выявить взаимосвязь социально-политических, миграционных, религиозных и национальных представлений в изучаемых типологических группах студенчества.

В ракурс нашего социологического поиска не входит изучение всего секуляризационного процесса. Поэтому исследовательские рамки не отражают всю схему методологические и методические принципы построения индексов: типологических групп по отношению к религии и атеизму (например, типология: «верующие», «колеблющиеся между верой и неверием», «неверующие», «атеисты»).

Не детализируя подробно систему использованных индикаторов и показателей религиозности, необходимо отметить, что основанием для разделения респондентов на религиозных и нерелигиозных — наличие или отсутствие веры в Бога и существование

сверхъестественных сил. Методика исследования предполагала последовательное сведение понятия «религиозность» к операционально определяемым показателям, что позволило с помощью их эмпирического наполнения выявить сущностные черты для более полного понимания феномена религиозности и его различных форм. Применялась сбалансированная система показателей, отражающих религиозные позиции на уровне сознания и поведения респондентов. Была построена типология, характеризующая степень включенности в религиозные процессы.

Две религиозные типологические группы имели некоторые различия по следующим показателям:

- по наличию веры в Бога и другую сверхъестественную силу;
- по религиозной самоидентификации;
- по конфессиональной самоидентификации;
- по мотивации участия в религиозных обрядах и праздниках;
- по включенности в культовые отношения (частота участия в конкретных обрядах);
- отношение к религии на протяжении жизни на основании самооценки.

Первая типологическая группа — «последовательные верующие»: «был и остаюсь верующим» (базовый индикатор); вторая типологическая группа — «новообращенные верующие»: «был неверующим, стал верующим» (базовый индикатор).

Анализ предложенных показателей религиозных групп выявил значительную разницу в приверженности религиозной идеологии и культовой активности. Первую религиозную группу можно охарактеризовать, как убежденных верующих, в своем большинстве «воцерковленных». Типичной чертой мировоззрения второй религиозной группы является «незавершенность» ее религиозного выбора в оценке религиозной веры и, зачастую, она не включена в

религиозные отношения по религиозным мотивам. Эту группу по социологическим показателям религиозного сознания и поведения скорее можно характеризовать как группу «колеблющихся между верой и неверием»¹. Тем не менее, считаем необходимым обратить особое внимание на группу «новообращенных верующих» и выявить базовые причины обращения молодежи к традиционной религии в сознательном возрасте. Сущностные черты религиозных представлений сформированных групп студенческой молодежи, могут представлять основу для выводов о происходящих процессах в этноконфессиональном взаимодействии.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Вышеизложенные тезисы о культуре религиозной и этнической толерантности молодежи были проанализированы в исследовании при рассмотрении некоторых факторов, препятствующих развитию этих отношений в этноконфессиональном взаимодействии.

Использованы следующие показатели, характеризующие:

- динамику, уровень и степень межнациональной напряженности населения и молодежи мегаполиса;
- отношение к негативным явлениям, препятствующим развитию толерантных отношений;
- отношение к представителям других этнических групп;
- отношение к религии и религиозным организациям;
- мотивация участия в культовой деятельности;
- показатели религиозной вражды в рейтинге основных «угроз»;
- показатели национальной нетерпимости в рейтинге основных «угроз»;
- установки на «конфликтное участие» религиозных групп в связи с

межэтническими отношениями (уровень протестного потенциала);

- главные показатели общенациональной идеи в оценках религиозного групп студенческой молодежи.

Динамика межнациональной напряженности.

Межэтнические отношения охватывают широкий перечень взаимодействий – от мирного повседневного общения до конфликтных ситуаций различной степени интенсивности и продолжительности.

Что касается уровня межнациональной напряженности в межэтническом взаимодействии в Москве, то, согласно мониторинговым исследованиям, он продолжает оставаться достаточно высоким. Как известно, в основании устойчивых стереотипов в межэтническом взаимодействии лежит формирование «сопоставлений-противопоставлений» в рамках основных исторических факторов (Панеш, 1996, 17). Применительно к исследуемой предметной области первостепенное значение, по нашему мнению, имеют: территориальная принадлежность (зоны контактного проживания), численное соотношение взаимодействующих этнических групп, интенсивность миграции, хозяйственно-культурная специфика, конфессиональная принадлежность и степень развитости двуязычия.

Так, сегодня в столице России проживает более ста национальностей и этносов. Согласно данным переписи населения 2010 года, в Москве проживал 1 млн 573 тыс. человек нерусского населения, что составляет 15,8%. С учетом потока нелегальной миграции, процентное соотношение русского и нерусского населения вскоре может составить 1:1. По подсчетам экспертов, в 2010 г. в Москве и Московской области находилось более половины всех иммигрантов (Деэскалация конфликтов, 2010: 212). Следует также отметить, что уровень толерантности/интолерантности этих

¹ Эмпирические результаты социологического опроса фиксируют, что 57% из второй религиозной группы отнесли себя к «колеблющимся между верой и неверием».

отношений напрямую связан с отражением в массовом сознании реалий повседневной жизни коренных жителей. Мониторинговые опросы населения фиксируют негативное отношение к неконтролируемому миграционному нашествию: ухудшается весь спектр жизнедеятельности москвичей (трудоустройство, транспортные передвижения, качество образования, здравоохранения, сферы обслуживания и т. д.). В то же время СМИ в нагнетании этнической напряженности играет не последнюю роль. Медиа-ресурсы изобилуют примерами нежелания мигрантов интегрироваться в принимающее сообщество, насаждая свои традиции и обычаи (ношение никабов, отправление мусульманских обрядов в общественных местах и пр.), не приемлемые для коренных

жителей. Несомненно, что толерантное этноконфессиональное взаимодействие должно быть обоюдным.

Вполне закономерно, что в таких условиях столичный мегаполис продолжает оставаться «лидером» межнациональной напряженности в сравнении с другими крупными городами российской федерации.

Эмпирические данные более чем тридцатилетнего мониторинга общественного мнения в столице России фиксирует стабильно высокий уровень межнациональной напряженности (см. Таблица 1). Последний социологический замер 2024 г. показывает, что за три последних года *крайний показатель уровня межнациональной напряженности* («налицо межнациональная напряженность, возможны конфликты») вырос на 20%².

Таблица 1

Динамика уровня межнациональной напряженности в Москве
в оценках населения за 33 года (1992-2024) (в % от числа опрошенных)³

Table 1

Dynamics of the level of interethnic tension in Moscow in the population's assessments
over 33 years (1992-2024) (% of the number of respondents)

Уровень межнациональной напряженности: / The level of interethnic tension	1992	1993	1994	1995	1996	1998	2001	2003	2007	2008	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2021	2024
Межнациональные отношения стабильны / Interethnic relations are stable	32	19	19	14	14	17	15	5	10	8	12	15	10	18	18	16	18	15
Имеется определенная межнациональная напряженность / There is a certain interethnic tension	34	46	49	51	52	59	48	54	42	46	40	44	53	49	50	59	56	44
Налицо межнациональная напряженность, возможны конфликты / There is ethnic tension, and conflicts are possible.	17	22	17	17	16	13	25	33	29	29	28	36	34	30	28	19	19	30
Затруднились ответить / Couldn't answer	17	13	13	17	17	11	11	8	19	14	16	6	3	4	5	7	7	11

² В статье использованы результаты социологического мониторинга, который был проведен ИДИ ФНИСЦ РАН в 2024 году среди населения г. Москвы.

³ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

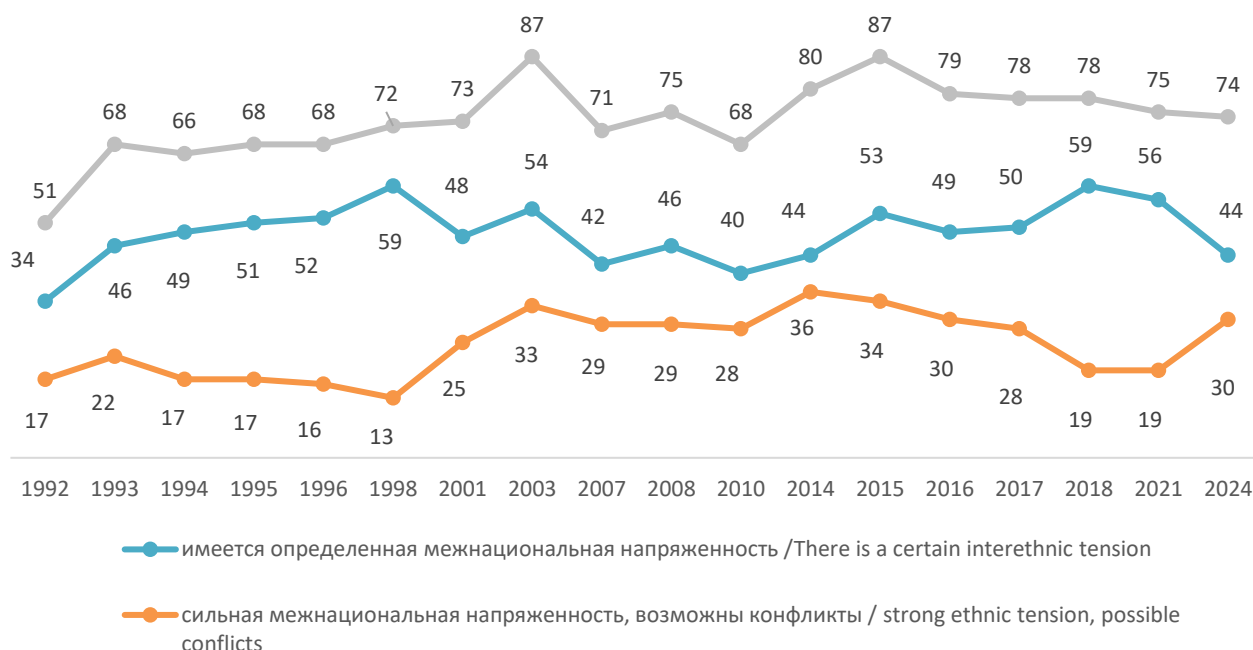

Рисунок 1. Динамика общего уровня и степени межнациональной напряженности в Москве (1992-2024) в оценках населения (в % от числа опрошенных)⁴
Figure 1. Dynamics of the overall level and degree of interethnic tension in Moscow (1992-2024) in terms of population assessments (% of the number of respondents)

Прежде всего отметим высокий уровень религиозной толерантности среди студенчества и религиозных молодежных групп города. Они достаточно индифферентны и терпимы к различным религиозным взглядам и религиям. Только 17% «последовательных верующих» и 14% «новообращённых верующих» испытывают неприязнь к некоторым религиям и религиозным организациям (см. Таблица 2, п. 3.3). Вторая группа «новообращённых верующих» значительно чаще, чем «последовательные верующие» отмечает культуротранслирующую функцию религии, которая является «защитницей»

национальной и культурной идентичности. Например, *вся группа «новообращённых» (100%) считает, что «религия способствует сохранению национальной культуры и традиций», а среди «последовательных верующих» таковых 85%. 72% и 44% (соответственно из этих групп) участвуют в религиозных праздниках, так как они являются национальными традициями; 60% и 50% (соответственно из этих групп) совершают религиозные обряды по традиции, потому что так принято в семье и у родственников (см. Таблица 2, пп. 3.8; 3.9; 3.10; Рисунок 2).*

⁴ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

Таблица 2

Показатели и индикаторы толерантности/интолерантности религиозных групп студенчества
в межнациональном и этноконфессиональном взаимодействии
(в % от всех опрошенных и в типологических группах, Москва 2022 г.)⁵

Table 2

Indicators and indices of tolerance/intolerance of religious groups of students in interethnic
and ethno-religious interaction (% of all respondents and in typological groups, Moscow 2022)

Утверждения и ценности / Approvals and values		Московское студенчество / Moscow students		
		Все опрошенные / All the respondents	Последовательные верующие / Consistent believers	Новообращенные верующие / New Converts believers
1. Меня беспокоят проблемы: / I'm worried about problems:				
1.	- ухудшения отношений между людьми разных национальностей / deterioration of relations between people of different nationalities	38	39	57
2.	- религиозной неприязни между верующими разных конфессий / religious hostility between believers of different faiths	10	8	29
2. Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться: / I had to deal with in my daily life:				
1.	- с конфликтными, недружественными отношениями в трудовых коллективах между мигрантами и коренными жителями (отличия в традициях, обычаях; языковой барьер; образ жизни, поведения и пр.) / with conflicting, unfriendly relations in labor collectives between migrants and indigenous people (differences in traditions, customs, language barrier, lifestyle, behavior, etc.)	29	28	36
2.	- с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры / disrespectful attitude of migrants to the norms and traditions of Moscow culture	47	49	52
3.	-с хулиганскими действиями и другими нарушениями на национальной почве / hooliganism and other violations on national grounds	37	33	36
4.	-с националистической пропагандой в СМИ / nationalist propaganda in the media	36	28	50
5.	- с фактами использования религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других национальностей / using religion and the feelings of believers to incite hostility among other nationalities	27	21	64
3. Утверждения: / Approvals:				
1.	В Москве сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты / There is strong ethnic tension in Moscow, and conflicts are possible.	28	31	50
2.	Есть национальности, к которым я испытываю неприязнь / There are nationalities that I dislike	25	26	36

⁵ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

3.	Есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь / There are religions and religious organizations that I dislike	25	17	14
4.	В настоящее время имеет место ущемление прав некоторых национальностей / Currently, there is a violation of the rights of some nationalities	52	33	64
5.	Я, <u>безусловно</u> , приму участие в конфликте в интересах своей национальной группы / I will certainly take part in the conflict in the interests of my national group	7	0	21
6.	Некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни / Some Russian Muslim communities contribute to inciting ethnic or interreligious strife	40	36	62
7.	Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни / Some actions of the Russian Orthodox Church contribute to inciting ethnic or interreligious strife	45	23	60
8.	Религия способствует сохранению национальной культуры и традиций / Religion contributes to the preservation of national culture and traditions	68	85	100
9.	Религиозные праздники являются национальными традициями / Religious holidays are national traditions	52	44	72
10.	Совершаю религиозные обряды по традиции, потому что у нас так принято (в семье, у родственников) / I perform religious rites according to tradition, because that's how we do it (in the family, with relatives)	56	50	60
11.	Религия приносит успокоение, помогает пережить трудности / Religion brings peace, helps to overcome difficulties	76	89	93
4. Консолидирующие этноконфессиональные идеи и ценности в российском обществе близкие для респондента: / Consolidating ethno-confessional ideas and values in Russian society that are close to the respondent:				
1.	- патриотизм / patriotism	31	56	17
2.	- религия и религиозные традиции / religion and religious traditions	10	26	8
3.	- интернационализм / internationalism	24	13	42

Эмпирические данные фиксируют, что традиционные религии в глазах «новообращенных верующих» являются хранительницами основ традиционных национальных ценностей и в православии, и в исламе⁶. Возможно этот фактор является определяющим в тяге к религиозному образу жизни, хотя бы на уровне включенности в традиционную культовую обрядность.

Что касается уровня межнациональной толерантности, то здесь

⁶ В типологической группе «новообращенных верующих» около 30%, считающих себя мусульманами.

выявлена менее оптимистичная картина. Отметим, что в изучаемых группах фиксируется различие по степени толерантности в межнациональном взаимодействии.

Дальнейший сравнительный анализ групп верующих базируется на утверждении, что *специфика взаимодействия конфессионального и национального состоит в ущемлении прав и свобод этнической группы, с потерей ее национальной самобытности и риска уничтожения культурного кода: ее традиций и обычаев.*

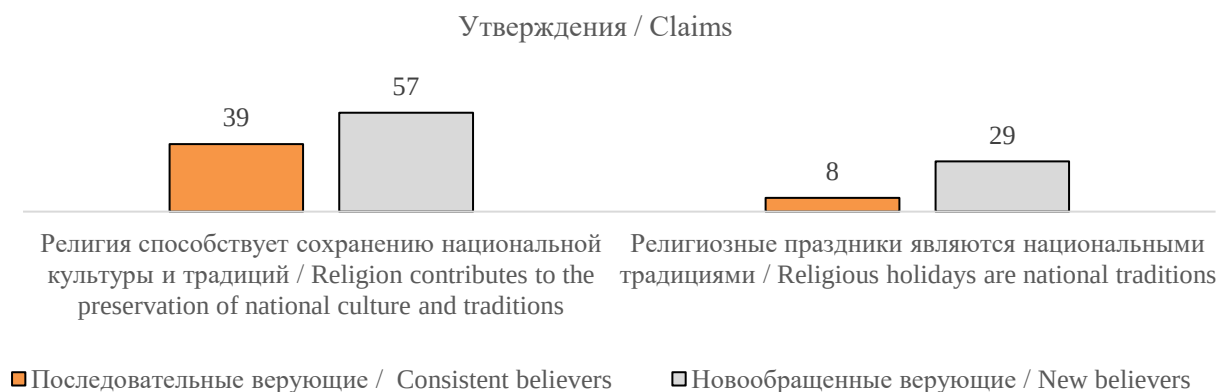

Рисунок 2. Отношение к религии как «хранительнице» национальных и культурных традиций в оценках религиозных групп студенчества (в % от опрошенных в типологических группах, Москва 2022 г.)⁷

Figure 2. Attitude to religion as a “keeper” of national and cultural traditions in estimates of religious groups of students (% of respondents in typological groups, Moscow 2022)

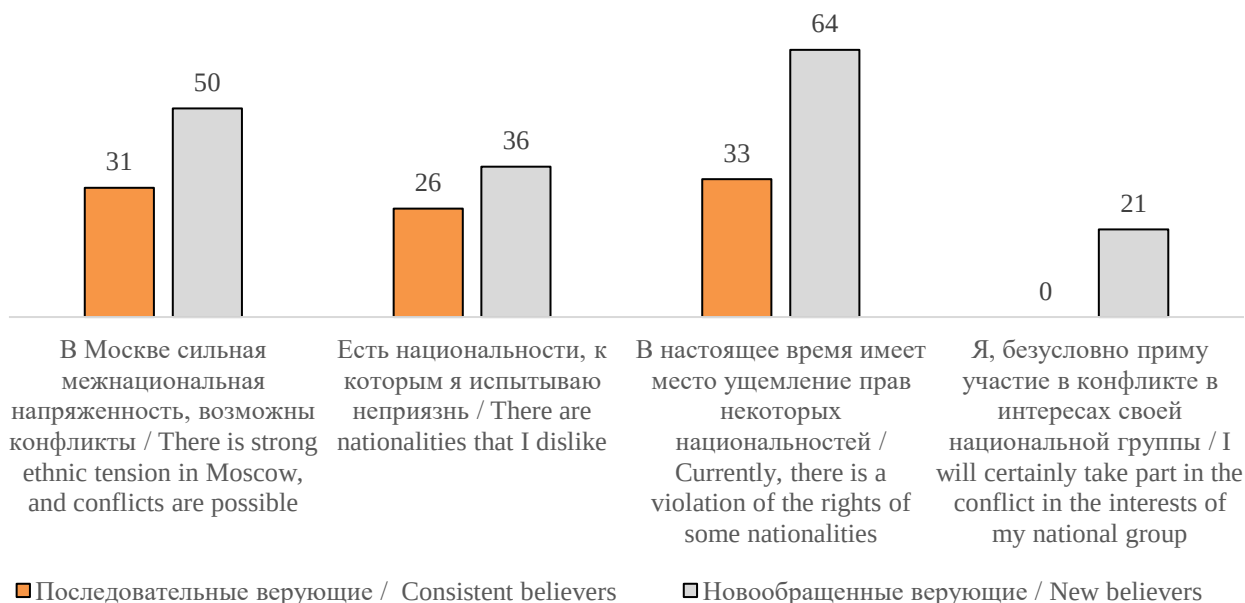

Рисунок 3. Показатели интолерантности религиозных групп студенчества в межнациональном взаимодействии (в % от опрошенных в типологических группах, Москва 2022 г.)⁸

Figure 3. Indicators of the intolerance of religious groups of students in interethnic interaction (% of respondents in typological groups, Moscow 2022)

⁷ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

⁸ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

Так, вторая типологическая группа («новообращенные верующие») по всем показателям межнационального взаимодействия имеет более скептические утверждения по сравнению с первой группой верующих (см. Таблицу 2, п.п. 3.1; 3.2; 3.4; Рисунок 3.):

- более 60% «новообращенных верующих» согласны с утверждением, что «в настоящее время имеет место ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей». Среди убежденных, «последовательных верующих» значительно меньше респондентов согласных с этой точкой зрения (33%):

- на 20% больше верующих второй группы по сравнению с первой группой утверждают, что в Москве высокая степень конфликтности в этноконфессиональном взаимодействии (50% и 31% соответственно в этих группах);

- согласных с утверждением «Есть национальности, к которым я испытываю неприязнь» (36% и 26% соответственно в этих группах). Почему именно группа «новообращенных верующих» практически по всем показателям межнационального общения имеет более скептические оценки по сравнению с «последовательными верующими»? Обратимся к представлениям религиозных молодежных групп к повседневной практике межнациональных отношений, негативных проявлениях в этой области.

Специфика этноконфессионального взаимодействия религиозных групп студенчества отражается во всех сферах жизнедеятельности общества.

Респондентам были предложены одиннадцать факторов, от социально-экономического и социально-политического до национального и религиозного характера, препятствующих развитию этнической и религиозной

толерантности. В сводной Таблице 2 указаны только тематические показатели, связанные с проблемами религиозного и национального характера.

Сравнительный анализ утверждений религиозных групп продолжает указывать на тенденцию большей критики национальных и религиозных отношений в мегаполисе «новообращенных верующих» (см. Рисунки 4 и 5):

- «меня беспокоит проблема ухудшения отношений между людьми разных национальностей» (так считают 57% опрошенных «новообращенных верующих» и 39% опрошенных «последовательных верующих»);

- «меня беспокоит проблема религиозной неприязни между верующими разных конфессий» (29% и 8% соответственно из опрошенных в религиозных группах);

- «Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры» (так считают 52% и 49% соответственно из опрошенных в религиозных группах);

- «Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с фактами использования религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других национальностей» (так считают 64% и 21% соответственно из опрошенных в религиозных группах);

- «Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с хулиганскими действиями и другие нарушения на национальной почве» (так считают 36% и 33% соответственно из опрошенных в религиозных группах);

- «Мне приходилось в повседневной жизни сталкиваться с фактами националистической пропаганды в СМИ» (так считают 50% и 28% соответственно из опрошенных в религиозных группах).

Рисунок 4. Негативные проявления в области межнациональных и межконфессиональных отношений в оценках религиозных групп студенчества (в % от опрошенных типологических групп, Москва 2022 г.)⁹

Figure 4. Negative manifestations in the field of interethnic and interfaith relations in the assessments of religious groups of students (% of the typological groups surveyed, Moscow 2022)

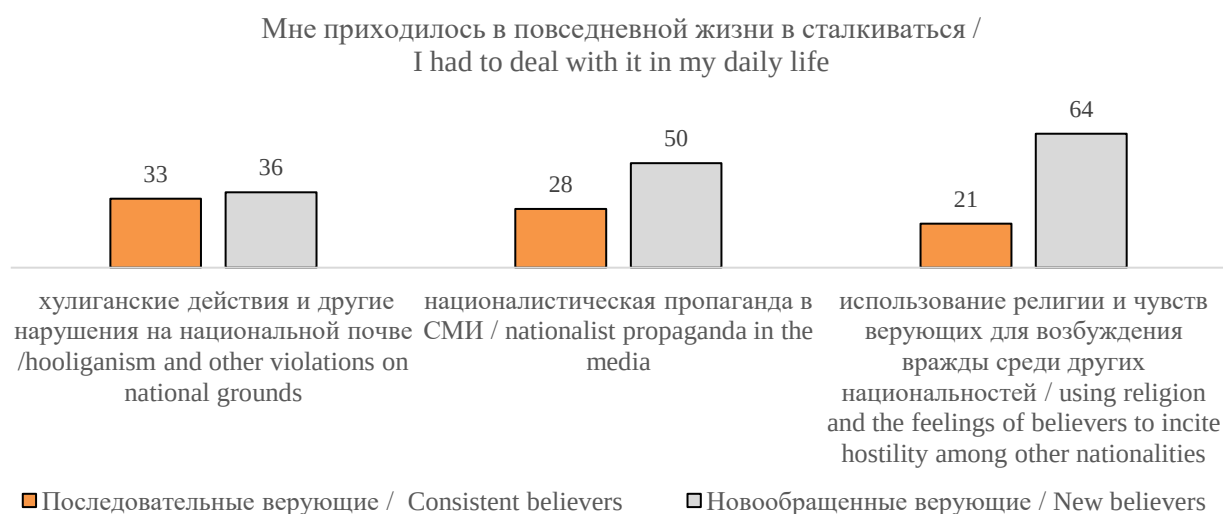

Рисунок 5. Негативные проявления в области этноконфессионального взаимодействия в оценках религиозных групп студенчества

(в % от опрошенных в типологических группах, Москва 2022 г.)¹⁰

Figure 5. Negative manifestations in the field of ethno-confessional interaction in the assessments of religious groups of students (in % of the typological groups surveyed, Moscow 2022)

⁹ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

¹⁰ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

Конфликтный потенциал этноконфессионального взаимодействия. Логика развития интолерантных отношений в этноконфессиональном взаимодействии: негативные проявления в области межэтнических и этнорелигиозных отношений зачастую ведут к формированию установок национальной и конфессиональной нетерпимости и, следовательно, к росту конфликтного потенциала массового сознания, направленного на сохранения своих религиозных или национальных прав и свобод через поведенческие формы защиты.

Так, например, исходя из логики социологического анализа религиозных групп московского студенчества, вполне объяснима «расстановка сил» на участие в национальных конфликтах (см. Таблицу 2, п. 3.5; Рисунок 3). Большой «конфликтный заряд», то есть вербальная ориентация на активные конфликтные действия свойственна группе «новообращенных верующих», так как пятая часть из них (21 %) согласны с утверждением: «Я, безусловно, приму участие в конфликте в интересах своей национальной группы». Любопытно, что вся типологическая группа «последовательных верующих» проигнорировала эту позицию. Тем не менее, анализ эмпирических данных показал, что на индикатор «буду участвовать в конфликте в зависимости от обстоятельств» ответили до половины респондентов из группы «последовательных верующих» и около 40% «новообращенных верующих».

На данном этапе социологического анализа уже можно утверждать, что группа убежденных «последовательных верующих» имеет меньший «конфликтный заряд», более толерантны и терпимы к другим национальностям.

Существует еще одна значимая группа переменных, которая детерминирует участие в конфликте. Это

несогласие или негативные оценки социальной группы студенчества некоторой работы религиозных организации¹¹. Данный тематический анализ предполагал рассмотрение показателей негативных проявлений в деятельности этих учреждений (см. Таблица 2, п. 3.6, п. 3.7). До 60% «новообращенных верующих» и 23% «последовательных верующих» утверждают, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» и 62% и 36% соответственно из этих групп считают, что также и «некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни». Столь высокий процент негативных оценок «новообращенных верующих» некоторыми действиями традиционных конфессий заставляет серьезно задуматься о причинах подобных интолерантных позиций.

Логика развития национального ущемления, унижения национального достоинства связана с ростом интолерантного этноконфессионального взаимодействия и прослеживается на всем протяжении социологического анализа группы «новообращенных верующих». Несомненно, что одним из основных факторов интереса и обращения к традиционной конфессии, является возможность защищать свою национальную идентичность (самобытность).

Именно поэтому данная типологическая группа выделяет в системе консолидирующих идей российского общества, способных объединить россиян, не саму религию и религиозные традиции

¹¹ В инструментарии социологического опроса были заложены показатели, характеризующие различные функции не только религий, но и религиозных институтов (сферы деятельности: образовательные, миротворческие и т. д.).

(8% из этой группы), а ценности интернационализма (42%). «Последовательные верующие» оценивают эти идеи — с точностью наоборот: «религия и религиозные традиции могут составить основное

содержание общенациональной идеи россиян»-26% опрошенных из этой группы, а ценность интернационализма отметило лишь 13% (см. Таблица 2, п. 4.2, п. 4.3; Рисунок 6)¹².

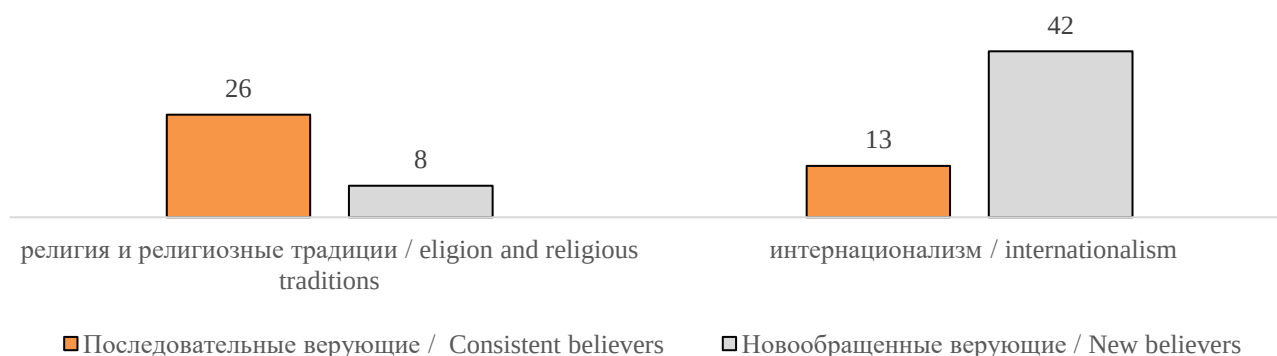

Рисунок 6. Консолидирующие этноконфессиональные идеи и ценности в российском обществе в оценках религиозных групп студенчества (в % от опрошенных в типологических группах, Москва 2022 г.)¹³

Figure 6. Consolidating ethno-confessional ideas and values in Russian society in the assessments of religious groups of students (% of respondents in typological groups, Moscow 2022)

Заключение (Conclusions).

Результаты проведенного социологического опроса среди студенчества в Москве (Кублицкая, 2015)¹⁴ подтверждают выводы мониторинговых исследований в субъектах Российской Федерации об особенностях и специфике межэтнического и этноконфессионального взаимодействия.

Отметим, что в целом указанная проблематика не находится в числе главных приоритетов внимания граждан России, но вместе с тем, как показывают

социологические исследования, она и не на периферии общественного внимания, так как затрагивает жизненно важные вопросы повседневности.

Исторически традиционные конфессии в массовом сознании занимают место культуuroобразующей составляющей в общей системе ценностей духовной жизни того или иного этноса. Этноконфессиональная идентичность усиливается по мере роста национального самосознания, что, зачастую, сопровождается повышением уровня межнациональной напряженности.

¹² Необходимо отметить, что места в рейтинге «идей национального согласия» номинированы в следующем порядке: «социальная справедливость», «свобода и права человека», общественный порядок», «безопасность», «патриотизм». Ценности «интернационализма» в группе «новообращенных» — на 5 месте, в группе «последовательных верующих» — на 10 месте. Ценности религии и религиозных традиций (на 9 месте и на 6 месте соответственно в этих группах).

¹³ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Москве в 2022 г.

¹⁴ А также среди студенчества Белгородской области и республике Тыва в 2022 г.

Конечно, активизация конфессиональной идентичности и повышение уровня религиозности населения может быть также связана не только с защитой своих национальных интересов, но и с признаками «пробуждающейся» этнической солидарности, что, в той или иной мере, может быть связано с процессом социально-экономических трансформаций российского общества и, в конечном счете, геополитической турбулентностью.

Социологический опрос молодежи в регионах России, и, в частности, в московском мегаполисе был направлен на изучение религиозного студенчества, выявления базовых факторов его обращения к традиционным конфессиям и определения культуры толерантности в этноконфессиональном взаимодействии. Сформированы две типологические группы (1 группа «последовательные верующие» и 2 группа «новообращенные верующие») по степени включенности в «религиозную систему»: религиозную идеологию, культовые практики. Первая группа в основном состоит из убежденных воцерковленных верующих, вторая группа обратилась к традиционной религии в сознательном возрасте, но характеризуется незавершенностью ее религиозного выбора. При анализе представленных участникам опроса тезисов, определяющих культуру религиозной и этнической толерантности, выявлен высокий уровень интолерантных позиций в этноконфессиональном взаимодействии в группе религиозного студенчества, обратившегося к религии в сознательном возрасте. Уровень религиозности среди молодежи растет зачастую из-за необходимости сохранять свою национальную самобытность, социокультурные доминанты, присущие данному социальному сообществу. Молодое поколение пытается найти способ защиты своей этнической идентичности в «хранителе» национальных и культурных традиций – в

христианском или мусульманском цивилизационном пространстве. Анализ результатов социологического исследования доказывает, что культуротранслирующая функция религии – одна из основных причин, повлиявших на рост религиозности среди некоторых слоев молодежи.

Следовательно, логика развития интолерантных позиций «новообращенных верующих» в этноконфессиональном взаимодействии такова: формирование убеждений о национальном ущемлении, унижении национального достоинства и высокая критичность при оценке негативных проявлений в области межэтнических и этнорелигиозных отношений – все это способствует формированию установок национальной и конфессиональной нетерпимости, а также и росту конфликтного потенциала в поведенческих формах защиты своего этнического сообщества.

Вполне объяснима «расстановка сил» на участие в национальных конфликтах. Вербальная ориентация на активные конфликтные действия в большей степени свойственна группе «новообращенных верующих», тогда как группа убежденных «последовательных верующих» имеет меньший «конфликтный заряд», более толерантна и терпима к другим национальностям. Что касается межконфессиональных отношений, то обе группы верующих, в своем большинстве, нейтрально и терпимо относятся к представителям других религий.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают предыдущие мониторинговые исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН среди населения регионов России, что очаги напряженности в области этноконфессионального взаимодействия касаются, прежде всего, межнациональных отношений, а уровень конфессиональной нетерпимости в межличностных отношениях достаточно

редко ведет к росту конфликтного потенциала в религиозной сфере.

Тем не менее, в социологическом опросе имеются значимые показатели религиозных переменных, которые детерминируют участие в конфликте «новообращенных верующих». Это несогласие или негативные оценки этой группы студенчества по отношению к некоторым аспектам деятельности религиозных организаций, а также их наблюдения, что «религии и чувства верующих используются для возбуждения вражды между людьми различного этнического происхождения».

Согласно нашим данным, предиктором участия в конфликте также может являться амбивалентная провокационная деятельность некоторых средств массовой информации в интернет-пространстве: (ВКонтакте, Telegram, YouTube и т.д.).

Вероятность участия в конфликте может быть сопряжена и с неудовлетворенностью населения и молодого поколения, в частности, эффективностью национальной и культурной политики государственных органов власти, особенно в области миграционных процессов. Негативное отношение к мигрантам является доминирующей характеристикой, свойственной межэтническим отношениям во всех исследуемых нами регионах и тем более в московском мегаполисе. Уровень толерантности/интолерантности этих отношений напрямую связан с отражением в массовом сознании реалий повседневной жизни: ухудшается весь спектр жизнедеятельности москвичей (трудоустройство, сфера обслуживания, транспорт, качество образования, здравоохранения и т. п.). Многолетний социологический мониторинг межнациональной напряженности в столице России показывает, что ее высокий уровень («В Москве сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты») среди населения

не снижается до настоящего времени, а среди религиозных групп молодежи он варьируется от 31% у «последовательных верующих» до половины из группы «новообращенных верующих». И, что особенно важно отметить, формируется опасная спираль межэтнической напряженности, так как рост установок на конфликтное участие одной из сторон неизбежно предполагает обратную реакцию, с другой стороны. В заключении сравнительного тематического анализа религиозных групп еще раз отметим главное: *специфика негативного взаимодействия конфессионального и национального состоит в ущемлении прав и свобод этнической группы, с потерей ее национальной самобытности и риска уничтожения культурного кода: ее традиций и обычаев.*

В настоящее время идет разработка нового комплекса управленческих мер, направленных на совершенствование миграционной политики, принимая во внимание интересы коренного населения, дифференциацию подходов в работе с различными группами мигрантов (профессиональные навыки, развитость двуязычия, ограничительные меры в различных сферах деятельности, корректировка визовых режимов и т.п.). Кроме уточнения программы национальной государственной политики, необходима эффективная работа соответствующих общественных организаций и медиа ресурсов по продвижению позитивных нарративов, поддержки проектов просвещения, цифровых технологий, которые должны способствовать взаимной социокультурной адаптации различными этносами и конфессиональными традициями коренных жителей и приезжих, особенно в молодежной среде.

Считаем необходимым уточнить, что в процессе длительного систематического этноконфессионального взаимодействия и длительного проживания на ограниченной территории людьми приобретаются знания

об особенностях национальной культуры, религиозных традиций, социально-этических норм поведения других конфессиональных и этнических групп. Эти знания способствуют развитию культуры толерантности и взаимного уважения в этноконфессиональном взаимодействии, помогая постепенно ассимилироваться и интегрироваться некоренным жителям в новой социокультурной среде проживания.

Список литературы

- Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 113-133. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133. EDN: QWTETU.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробужева. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с. ISBN 978-5-8243-1772-5. EDN: RVDLPN.
- Дагбаева С. Б. Этническая социализация молодого поколения в изменяющемся мире // Гуманитарный вектор. 2012. № 1 (29). С. 240-246.
- Дробужева Л. М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 22-32. EDN: OWKQQB.
- Дмитриева А. В. Деэскалация конфликтов как путь стабилизации региональных социумов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф. 2010. С. 200-221. ISBN 978-5-94881-112-3. EDN: VZOOCN.
- Дзялошинский И. М. Роль СМИ в формировании образа «Другого» // Медиа. Информация. Коммуникация. 2012. № 1. С. 1-19. EDN: TGOKAZ.
- Каргина И. Г. Усложнение природы и поля религиозных конфликтов, связанных с религией, как проявление нормальной аномии / «Нормальная аномия» в России и современном мире: коллективная монография. Под общ. ред. С. А. Кравченко. Москва: МГИМО-Университет, 2017. С. 220-255. ISBN 978-5-9228-1750-9.
- Кублицкая Е. А. Проблема толерантности в межнациональных и этноконфессиональных отношениях (опыт социологических исследований в столичном мегаполисе) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. Т. 27, № 4. С. 97-104. EDN: MQJBZL.
- Кублицкая Е. А. Конфликтный потенциал межнациональных и этноконфессиональных отношений // Россия и мусульманский мир. 2013. № 9 (255). С. 35-43. EDN: RCSHKZ.
- Кублицкая Е. А. Характер межэтнического и этноконфессионального взаимодействия в полиэтнических регионах РФ. / Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма. Москва; Орел; Ливны: Изд-во Новоспасского монастыря НП «Спасское дело», 2015. С. 83-124. ISBN: 978-5-9906510-0-5.
- Кублицкая Е. А. Проблема толерантности в этноконфессиональном взаимодействии (на примере мониторинга столичного мегаполиса) // «Alma mater (Вестник высшей школы)». 2020. № 11. С. 54-59. DOI: 10.20339/AM.11-20.054.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. Москва: Наука, 1985. 299 с.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. Москва: Академический проект, 2002. 880 с. ISBN: 5-8291-0237-4.
- Смелзер Н. Социология / Под ред. В. А. Ядова. Москва: Феникс, 1994. 688 с. ISBN 5-7113-0106-3.
- Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Ред. Тишков В. А., Степанов В. В. Москва: ИЭА РАН, 2018. 452 с. ISBN 978-5-4211-0232-8.
- Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социс. 2006. № 1. С. 47. ISSN 0132-1625.
- Чельшева И. В. Развитие межэтнической толерантности студенческой молодежи средствами медиаобразования: опыт практической реализации. Москва: ОД «Информация для всех», 2020. 76 с. EDN: EPEMJR.

Adisa R. M., Segbefia S. K., Mohammed S., Trofimova G. N. Misinformation and Disinformation in Ethno-Religious Conflicts: A Comparative Study of Media in Ghana and Nigeria // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2024. Vol. 29, № 2. Pp. 346-357. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-346-357 journals.rudn.ru+1.

Bisallah H. Analysis of the Effects of Ethno-Religious Conflict on Educational Development in Zangon Kataf // *Kaduna State*. 2024. DOI:10.13140/RG.2.2.20430.88641.

Evstigneev V., Voronin D., Yarmak O., Bolshakova M. Factor model of expectations of inter-ethnic and inter-religious conflicts among Russian students // *Transportation Research Procedia*. 2022. № 63. Pp. 367-376. DOI: 10.1016/j.trpro.2022.06.024. EDN: QMGHPJ.

Gorrell G., Bakir M. E. Race and Religion in Online Abuse towards UK Politicians. Working Paper. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/336230246_Race_and_Religion_in_Online_Abuse_toward_s_UK_Politicians_Working_Paper (дата обращения: 25.08.2025).

Kanas A., Scheepers P., Sterkens C. Ethno-Religious Identification and Support for Inter-Religious Violence: A Study of Muslim and Christian Students in Indonesia and the Philippines // *Politics and Religion*. 2022. Vol. 15, № 2. DOI: 10.1017/S1755048321000146.

Kešeljević A., Nikolic S., Spruk R. Ethnic Conflicts, Civil War and Economic Growth. Region-Level Evidence from former Yugoslavia. 2025. 60 p. DOI: 10.48550/arXiv.2505.02431.

Koenig M. Religious Diversity, Islam, and Integration in Western Europe –Dissecting Symbolic, Social, and Institutional Boundary Dynamics // *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2023. № 75. Pp. 1-27. DOI: 10.1007/s11577-023-00911-5.

Michon B. French and German teenagers in multicultural cities: Religious indifference as a paradox of secular societies. *Social Compass*. 2019. № 66 (1). Pp. 94-111. DOI: 10.1177/0037768618815779.

Palard J. Negotiating Religious Otherness: Islam, Catholicism and Secularism in France. *Archives de Sciences Sociales des Religions*, 2020. 192. DOI: 10.4000/assr.58844.

Santagati M. Religious Conflicts in Multicultural Schools: A Generational Divide

between Students and Adults. In *Migrants and Religion: Paths, Issues, and Lenses*, Brill, 2020. Pp. 715-753. DOI: 10.1163/9789004429604_024.

Sokol L., Kalemaj I. Sources and Continuities of Ethno-Religious Nationalism in the Western Balkans. *Nomos. Southeast European Integration Perspectives // The Challenges of Democratization and Reconciliation in the Post-Yugoslav Space*. 2020. Vol. 13. Pp. 153-168.

References

Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N., Pechenkin N. M. (2023), "Influence of the Digital Environment on the Contemporary Worldview: Pro et Contra", *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 113-133, DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133, EDN: QWTETU. (In Russian)

Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost: vchera, segodnya, zavtra [Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow] (2013), hands. project and resp. ed. L. M. Drobizheva, Russian Political Encyclopedia, Moscow, Russia, ISBN 978-5-8243-1772-5, EDN: RVDLPH. (In Russian)

Dagbaeva, S. B. (2012), "Ethnic socialization of the younger generation in a changing world", *Humanitarian vector*, 1(29). 240-246. (In Russian)

Drobizheva, L. M. (2011), "Russian identity and tolerance of interethnic relations: the experience of 20 years of reforms", *Bulletin of the Kennan Institute in Russia*, (20), 22-32, EDN: OWKQQB. (In Russian)

Dmitrieva, A. V. (2010), "De-escalation of conflicts as a way to stabilize regional societies", *Sotsialnye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie*, New chronograph, Moscow, Russia, 200-221, ISBN 978-5-94881-112-3, EDN: VZOOCN. (In Russian)

Dzyaloshinsky, I. M. (2012), "The role of the media in shaping the image of the "Other", *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya*, (1), 1-19, EDN: TGOKAZ. (In Russian)

Kargina, I. G. (2017), "Complication of the nature and field of religious conflicts associated with religion as a manifestation of a normal anomia", *«Normalnaya anomiya» v Rossii i sovremennom mire: kollektivnaya monografiya* ["Normal Anomie" in Russia and the Modern World: A Collective Monograph], ed. by S. A., Kravchenko, MGIMO-University, Moscow,

Russia, 220-255, ISBN 978-5-9228-1750-9. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), "The problem of tolerance in interethnic and ethno-confessional relations (the experience of sociological research in the metropolitan metropolis)", *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom*, 27 (4), 97-104, EDN: MQJBZL. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2013), "Conflict potential of interethnic and ethno-confessional relations", *Rossiya i musulmanskyy mir*, 9 (255), 35-43, EDN: RCSHKZ. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2015), "The nature of interethnic and ethno-confessional interaction in multi-ethnic regions of the Russian Federation", *Pravoslavie i sovremennost: problemy sekulyarizma i postsekulyarizma* [Orthodoxy and modernity: problems of secularism and post-secularism], Eagle, Moscow; Publishing House of the Novospassky Monastery NP Spasskoye Delo Livny, Russia, 83-124, ISBN: 978-5-9906510-0-5. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2020), "The problem of tolerance in ethno-confessional interaction (on the example of monitoring the metropolitan metropolis)", *«Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)»*, (11), 54-59, DOI: 10.20339/AM.11-20.054. (In Russian)

Levy-Stros, K. (2015), *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology], Science, Moscow, Russia. (In Russian)

Parsons, T. (2002), *O strukture sotsialnogo deistviya* [On the structure of social action], Academic Project, Moscow, Russia, ISBN: 5-8291-0237-4. (In Russian)

Smelzer, N. (1994), *Sotsiologiya* [Sociology], ed. By V. A. Yadova, Phoenix, Moscow, Russia, ISBN 5-7113-0106-3. (In Russian)

Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinarnyy podkhod i obshchestvennyye praktiki. Opyt preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov [Ethnic conflict phenomenon: interdisciplinary approach and community practices. Experience in Conflict Prevention and Resolution] (2018), ed. by Tishkov V. A., Stepanov V. V., IEA RAS, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-4211-0232-8. (In Russian)

Habermas, Y. (2006), "When should we be tolerant? On the competition of visions of the world, values and theories", *Socis*, (1), 47, ISSN: 0132-1625. (In Russian)

Chelysheva, I. (2020), *Razvitie mezhetnicheskoy tolerantnosti studencheskoy molodezhi sredstvami mediaobrazovaniya: opyt prakticheskoy realizatsii* [The development of interethnic tolerance of students by means of media education: experience of practical implementation], OD "Information for all", Moscow, Russia, EDN: EPJMJP. (In Russian)

Adisa, R. M., Segbefia, S. K., Mohammed, S., Trofimova, G. N. (2024), "Misinformation and Disinformation in Ethno-Religious Conflicts: A Comparative Study of Media in Ghana and Nigeria. RUDN", *Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29 (2), 346-357, DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-346-357 journals.rudn.ru+1.

Bisallah, H. (2024), "Analysis of the Effects of Ethno-Religious Conflict on Educational Development in Zangon Kataf", *Kaduna State*, DOI: 10.13140/RG.2.2.20430.88641.

Evstigneev, V., Voronin, D., Yarmak, O., Bolshakova, M. (2022), "Factor model of expectations of inter-ethnic and inter-religious conflicts among Russian students", *Transportation Research Procedia*, (63), 367-376, DOI: 10.1016/j.trpro. 2022.06.024, EDN: QMGHPJ.

Gorrell, G., Bakir, M. E. (2019), "Race and Religion in Online Abuse towards UK Politicians", *Working Paper*, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/336230246_Race_and_Religion_in_Online_Abuse_towards_UK_Politicians_Working_Paper (Accessed 25 August 2025).

Kanas, A., Scheepers, P., Sterkens, C. (2022), "Ethno-Religious Identification and Support for Inter-Religious Violence: A Study of Muslim and Christian Students in Indonesia and the Philippines", *Politics and Religion*, 15 (2), DOI: 10.1017/S1755048321000146.

Kešeljević, A., Nikolic, S., Spruk, R. (2025), *Ethnic Conflicts, Civil War and Economic Growth: Region-Level Evidence from former Yugoslavia*, 60, DOI: 10.48550/arXiv.2505.02431.

Koenig, M. (2023), "Religious Diversity, Islam, and Integration in Western Europe - Dissecting Symbolic, Social, and Institutional Boundary Dynamics", *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, (75), 1-27, DOI: 10.1007/s11577-023-00911-5.

Michon, B. (2019), "French and German teenagers in multicultural cities: Religious indifference as a paradox of secular societies", *Social Compass*, 66 (1), 94-111, DOI: 10.1177/0037768618815779.

Palard, Y. (2020), "Negotiating Religious Otherness: Islam, Catholicism and Secularism in France", *Archives de Sciences Sociales des Religions*, 192, DOI:10.4000/assr.58844.

Santagati, M. (2020), "Religious Conflicts in Multicultural Schools: A Generational Divide between Students and Adults", *In Migrants and Religion: Paths, Issues, and Lenses*, Brill, 715-753, DOI: 10.1163/9789004429604_024.

Sokol, L., Kalemaj, I. (2020), "Sources and Continuities of Ethno-Religious Nationalism in the Western Balkans". Nomos. Southeast European Integration Perspective", *The Challenges of Democratization and Reconciliation in the Post-Yugoslav Space*, (13), 153-168.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2025 г. Поступила после доработки 30 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 15 August 2025. Revised 30 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes, Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-3

Исследовательская статья

Лютенко И. В.

Нетрадиционные религиозные взгляды белгородских студентов

Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН),
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
blodrein@mail.ru

Аннотация. В условиях глобализации, миграционных трансформаций и растущей дифференциации духовных практик изучение нетрадиционных религиозных взглядов среди молодёжи приобретает особую актуальность и социально-научную значимость. Современные социальные изменения стимулируют поиск новых форм религиозной идентичности и способов удовлетворения духовных потребностей, особенно в периоды жизненных переходов и неопределённости. В статье рассматривается влияние миграционной мобильности/иммобильности на мотивацию, интерес, формирование и практическую вовлеченность в нетрадиционные религии и учения среди студентов. В статье представлен комплексный анализ трех групп студентов: общая группа студентов, «потенциальные иммигранты» и «иммобильные» студенты, выявляется их различие по уровню интереса, мотивации и вовлеченности в нетрадиционные религиозные учения. Анализируется роль социальной среды, в частности семейных традиций, которые, несомненно, оказывают влияние на включенность в практику даже при низком личном интересе. Результаты показывают, что мобильность студентов усиливает внутреннюю мотивацию и способствует более активному духовному самоопределению, что обусловлено необходимостью социальной адаптации и поиска смысловых опор в условиях перемен, тогда как «иммобильные» студенты демонстрируют значительную роль культурного окружения в поддержании религиозной практики, даже при относительно низком собственном интересе. Эти данные подчёркивают сложность взаимодействия личностных, социально-культурных и ситуативных факторов в формировании нетрадиционного религиозного поведения. Понимание этих механизмов имеет важное значение для разработки программ поддержки студентов, а также для изучения процессов религиозной трансформации в условиях глобализации. Исследование способствует более глубокому осмыслению роли нетрадиционных религиозных движений в современной молодёжной среде.

Ключевые слова: нетрадиционные религии; восточные религии; студенты; миграция; молодёжь; мобильность; иммобильность

Информация для цитирования: Лютенко И. В. Нетрадиционные религиозные взгляды белгородских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 44-60. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-3.

Irina V. Lyutenko

Non-traditional religious views of Belgorod students

Institute for Demographic Research, Federal State Budgetary Institution of Science,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FRSTS RAS),
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
blodrein@mail.ru

Abstract. In the context of globalization, migration transformations and the growing differentiation of spiritual practices, the study of non-traditional religious views among young people acquires special relevance and socio-scientific significance. Modern social changes stimulate the search for new forms of religious identity and ways to satisfy spiritual needs, especially during periods of life transitions and uncertainty. The article examines the impact of migration mobility/ immobility on motivation, interest, formation and practical involvement in non-traditional religions and teachings among students. The article presents a comprehensive analysis of three groups of students: the general student population, 'potential immigrants', and 'immobile' students. The differences between these groups are revealed by their level of interest, motivation, and involvement in non-traditional religious teachings. The role of the social environment, in particular family traditions, which undoubtedly have an impact on inclusion in practice, even with low personal interest, is analyzed. The results show that student mobility enhances internal motivation and promotes more active spiritual self-determination, due to the need for social adaptation and the search for semantic supports in conditions of change, while "immobile" students demonstrate a significant role of the cultural environment in maintaining religious practice, even with a relatively low self-interest. This data emphasizes the complexity of the interaction of personal, socio-cultural and situational factors in the formation of non-traditional religious behavior. Understanding these mechanisms is essential for developing student support programs as well as for studying the processes of religious transformation in the context of globalization. The study contributes to a deeper understanding of the role of non-traditional religious movements in the modern youth environment.

Key words: non-traditional religions; eastern religions; students; migration; youth; mobility; immobility

Information for citation: Lyutenko, I. V. (2025), "Non-traditional religious views of Belgorod students", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 44-60. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-3.

Введение (Introduction). В условиях современной глобализации мир сталкивается с возрастающей геополитической турбулентностью, проявляющейся в виде политической и экономической нестабильности, социальных кризисов. Эти факторы существенно влияют на миграционные процессы и религиозный ландшафт, стимулируя население как вынужденной, так и добровольной миграции, а также к

обращению к альтернативным религиям и мистическим учениям. Одним из примечательных аспектов этих изменений является трансформация религиозных взглядов населения, что проявляется в росте нетрадиционных религиозных течений и синкретических форм верований. Анализ нетрадиционных религиозных взглядов представителей различных миграционных групп населения в целом и студенчества в частности,

является важным для понимания процессов культурной трансформации и социальной интеграции в многоэтнических обществах. Такие исследования позволяют выявить механизмы формирования идентичности, влияния религиозных практик на межсоциальное взаимодействие. Кроме того, понимание специфики нетрадиционных религиозных взглядов помогает разработать эффективные стратегии межкультурного диалога, снизить уровень социальной напряженности и предотвратить конфликты, связанные с религиозным разнообразием. В контексте современных миграционных процессов и геополитической турбулентности данный анализ способствует формированию комплексной и инклюзивной политики, ориентированной на уважение культурных различий и укрепление общественного единства.

Цель статьи: изучить нетрадиционные религиозные взгляды студентов с разными миграционными намерениями, обучающихся в четырех высших учебных заведениях Белгородской области. Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- отобрать студентов в группы по критерию миграционных намерений;
- проанализировать включенность студентов этих групп в нетрадиционные религиозные отношения.

Прежде чем перейти к реализации поставленной цели, необходимо сделать небольшой обзор теоретических основ исследования. Миграционным процессам посвящено много научных работ и исследований. В статье рассматриваются группы студентов с различными миграционными намерениями, особое внимание заслуживают труды, рассматривающие процессы потенциальной миграции, добровольного отказа от переезда и миграционной активности студенчества.

Многие ученые рассматривают миграцию как выбор индивида, позволяющий реализовать возможности и удовлетворить потребности, если для реализации этих целей необходима смена места жительства (Ягельский, 1980; Рыбаковский, 2017; Sjaastad, 1962). Миграция молодежи, в основном, рассматривается как перемещение лиц в возрасте от 15 до 35 лет, цель которого состоит в постоянной или временной смене места жительства. Высокие миграционные интенции молодых людей обусловлены стремлениями самореализации (Williams, Jephcote, Janta, 2017). Миграция молодежи является важным социально-демографическим процессом, влияющим на развитие регионов. Потенциальная миграция (желание индивида переехать) часто употребляется в контексте готовности к переселению, которое выражается в намереньях, планах и ожиданиях в отношении будущего переезда.

В статьях о потенциальной миграции студентов часто рассматривается более широкие темы, посвященные намереньям, мобильности, образовательной миграции и др. Но можно выделить ряд исследований и статей, рассматривающий потенциальную миграцию и сопутствующие с ней темы. В ряде зарубежных исследований ученые выделяют факторы, влияющие на миграционные намерения студентов высших учебных заведений и индивидуальные характеристики студентов (образование, социально-экономический статус) в формировании их намерений остаться в регионе обучения или переехать в другой регион после окончания учебы (Wolter, 2020). Исследователи в Великобритании рассматривают факторы, влияющие на миграционные намерения выпускников университетов. Факторы притяжения (attraction factors): возможности

трудоустройства, карьерные перспективы и качество жизни. Факторы отталкивания (repulsion factors): высокая стоимость жилья, ограниченные возможности для досуга и удаленность от семьи (Faggian, Mc Cann, 2009).

В отличие от потенциальных мигрантов, иммигранты студенты в ходе нашего исследования обозначили намерение остаться на прежнем месте жительства. Термином «иммигрантское население» обозначают группы людей, которые ввиду разных причин не меняют места жительства. Ключевой вклад в развитие концепции иммигрантности, как самостоятельного феномена внесли: С. Шевел (Schewel, 2019), Т. Крессуэлл (Cresswell, 2010) и др.

В нашей статье иммигрантность будет рассматриваться в контексте добровольного отказа от переезда. Ряд работ ученых рассматривает добровольную иммигрантность в формате социальной и культурной устойчивости. Добровольная иммигрантность выступает осознанным выбором индивидов, связанным с идентичностью, привязанностью к месту, ценностями, семейными связями и социальной стабильностью (Cresswell, 2010, de Haas 2014).

В статье анализируются нетрадиционные религиозные взгляды групп с разной степенью включенности в миграционные процессы. Стоит охарактеризовать понятия о нетрадиционных религиях и мистических учениях. Термин «нетрадиционные религии и учения» в основном используется для обозначения религиозных сообществ, верований и духовных практик, которые не входят в число доминирующих или исторически устоявшихся религиозных традиций определенного общества или региона. Данные религии и учения часто отличаются от традиционных конфессий

как по своим догматам, так и по социальному статусу. Порой воспринимаются как новые или альтернативные формы вероисповедания.

В нетрадиционных религиозных учениях зачастую ставится акцент на индивидуальном духовном опыте, синкретизме и адаптации различных элементов из разных религиозных систем. Эти воззрения могут включать новые религиозные движения (НРД), эзотерические учения, а также различные формы альтернативных духовных практик. В социальном и культурном контексте термин «нетрадиционные религии и учения» подчёркивает отличие данных религий и учений от традиционных конфессий и их особое положение в религиозном ландшафте общества. Анализ нетрадиционных религий важен для понимания процессов религиозной трансформации, социальной адаптации и взаимодействия культур.

В наших исследованиях рассматривается интерес и включенность в практику следующих религий и учений: астрологии, нумерологии, хиромантии, спиритизма, восточных религий и их духовных и физических практик. Данные религии учения могут относиться как к новым религиозным движениям (НРД), к культовой среде, а могут быть отдельными духовными, эзотерическими или мистическими практиками и учениями, которые существуют независимо друг от друга и не обязательно образуют религиозные движения. Так как методика исследований еще до конца не разработана, в ней не учитывались показатели принадлежности данных религий и учений к культовой среде и оккультуре, на данном этапе нельзя их классифицировать к какому-либо из этих феноменов. Но все же необходимо дать краткое описание.

Нетрадиционные религии и учения зачастую менее институционализированы

или вовсе не имеют формализованных структур. Например, астрология и хиромантия – практики, существующие как отдельные знаковые или предсказательные системы, не обладающие централизованным религиозным институтом (Campion, 2012).

Исследованием НРД¹ и нетрадиционных религиозных течений занимались ученые разных стран. К. Кэмпбэлл рассматривал религию как «рынок убеждений», с индивидуальным выбором религиозных или духовных практик, удовлетворяющих личные или социальные потребности индивида. Кэмпбэлл в своих работах уделял внимание взаимодействию веры и практики в культовой среде (Campbell, 2010). Р. Старк и В. Бейнбридж внесли значительный вклад в изучение НРД и нетрадиционных религий и учений. В их работах представлены теоретические объяснения возникновения, распространения, движения данных воззрений (Stark, Bainbridge, 1987).

Е. Г. Балагушкин рассматривал нетрадиционные религии комплексно, включая историко-культурный и социологический анализ. Балагушкин анализировал исторические предпосылки формирования новых религиозных движений в России, включая влияние политических, социальных и культурных изменений, а также процессы глобализации и секуляризации. Ученый отмечал, что интерес к нетрадиционным религиям часто связан с поиском индивидуального духовного опыта и альтернативных смыслов, которые недостаточно представлены в традиционных религиях (Балагушкин, 1999).

Работы В. А. Митрохина охватывают социокультурные, исторические и религиоведческие аспекты развития и функционирования нетрадиционных

религий. Ученый исследовал происхождение и эволюцию новых религиозных движений в России, учитывая влияние политических, социальных и культурных трансформаций, а также модернизации и глобализации (Митрохин, 1985).

В исследованиях нетрадиционных и новых религий В. А. Мартинович рассматривает перестройку, распад СССР и трансформацию общества, как факторы роста интереса к нетрадиционным религиозным учениям, в контексте более глобальных процессов религиозного плюрализма (Мартинович, 2024). В работах Е. Баркер представлен системный анализ новых религиозных движений, их структура, разновидности и социальные проявления. Баркер подчеркивает важность объективного подхода к изучению НРД (Barker, 1997).

В рамках социологического исследования были проанализированы восточные религиозные учения, включая практики, такие как йога и медитация и др. Включение восточных религий в категорию «нетрадиционных» в определённых контекстах считается допустимым по ряду причин, связанных с историко-культурными особенностями, религиозным ландшафтом и восприятием этих религий в конкретных обществах, например, в России и других странах с доминирующими традиционными религиями. Традиционно буддизм представлен в Калмыкии, Туве и Бурятии. В Белгородской области, исконно православном регионе, его возможно рассматривать в качестве нетрадиционного учения. По данным конфессиональной самоидентификации, не более 1% населения Белгородской области идентифицируют себя как буддисты.

Методология и методы (Methodology and methods). В рамках социологического исследования была реализована стратифицированная выборка

¹ НРД – новые религиозные движения.

с квотным отбором респондентов. Первый этап отбора осуществлялась на основе ответов на вопрос анкеты, касающегося намерений респондента сменить место жительства после завершения обучения: «Планируете ли Вы переехать на другое место жительства после окончания учебы?». На основании ответов респонденты были разделены на две группы:

1. Группа «Потенциальные мигранты». В данную группу вошли респонденты, выразившие намерение переехать после окончания обучения. Критериями включения являлись ответы «Да, планирую уехать насовсем» и «Да, но планирую потом вернуться». Таким образом, данная группа объединяет студентов, демонстрирующих готовность к перманентной или временной миграции.

2. Группа «Имобильные студенты»¹. В данную группу вошли респонденты, не планирующие смену места жительства после завершения обучения. Критерием включения являлся ответ «Нет, не планирую уезжать из региона».

Для сравнительного анализа и выявления общих тенденций, касающихся интереса и вовлеченности в нетрадиционные религии и учения вне зависимости от миграционных намерений, в анализ также была включена контрольная группа «студенты», состоящая из всех участников опроса.

После отбора по критерию миграционной активности, внутри каждой группы применяется типологический анализ, основанный на степени вовлеченности в нетрадиционные религии и учения.

Типологический анализ, фокусирующийся на нетрадиционной религиозности, находится еще в стадии разработки и опирается на методику

Е. А.Кублицкой (Кублицкая, 1990). Планируется дальнейшая валидизация и уточнение перечня нетрадиционных религиозных и мистических учений, а также индикаторов культового поведения.

Операционализация понятия «нетрадиционная религиозность» осуществляется через индекс, состоящий из двух компонентов: религиозного сознания и культового поведения.

Индикаторы религиозного сознания:

1. Вера в сверхъестественное, определяемая через вопрос о вере в Бога и другие сверхъестественные силы. Респонденты, выразившие веру в сверхъестественные силы или допустившие существование сверхъестественного, включаются в дальнейший анализ.

2. Интерес к нетрадиционным религиям и мистическим учениям. Оценивается путем выявления интереса к восточным религиям, их практикам, а также другим нетрадиционным религиозным и мистическим учениям.

3. Мотивация интереса к нетрадиционным религиям и учениям. Измеряется мотивационная структура, лежащая в основе интереса и практики нетрадиционных религий и учений.

Индикатор культового поведения:

1. Включенность в культовую деятельность. Оценивается участие в религиозных обрядах и практиках, связанных с нетрадиционными религиозными течениями.

На основе представленных критериев формируются типологические группы. Первая группа «практикующие», обладающая всеми показателями нетрадиционной религиозности, отобранная в соответствии с критериями: нетрадиционное религиозное сознание: вера в сверхъестественное, интерес к альтернативным религиям и учениям, мотив этого интереса и вовлеченность в

¹ Имобильность употребляется в контексте добровольного отказа от миграции.

культовые практики¹. Вторая группа «непрактикующие», отличается невысокой вовлеченностью в альтернативные формы нетрадиционных религиозных учений и мистических течений, формируется на основе следующих показателей: вера в существование сверхъестественных сил, интерес к нетрадиционным религиям и учениям, мотивы, побуждающие интерес к этим воззрениям, отсутствие участия в культовой практике.

Всего в исследовании 2022 года было опрошено более 2000 белгородских студентов. Объем выборочной совокупности группы «студенты» N = 2001. Объем выборочной совокупности группы «потенциальные мигранты» N = 615, группы «иммобильные студенты» N = 423.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Л. Л. Рыбаковский отмечает, что у коренного населения более стабильна миграционная активность, которая связана с трудовыми аспектами, улучшением жилищных условий и социальными причинами. Коренное население менее мобильно и больше привязано к территории из-за социальных связей, традиций и культурных факторов. Приезжие проявляют большую миграционную активность, чаще ориентированы на поиск перспективных рабочих мест вне родных регионов, а также на рынки труда с более высоким уровнем заработной платы. Повышенная миграционная активность приезжих связана с социально-экономической нестабильностью, отсутствием устойчивых социальных связей и стремлением в кратчайшие сроки улучшить свои условия жизни (Рыбаковский, 2017). Согласно теории push – pull основные факторы, влияющие на миграционные интенции: положительные факторы, влияющие на

удержание людей в регионе и привлечение мигрантов из других регионов (притяжение) и отрицательные факторы способствуют выбытию (выталкивание) (Lee, 1966).

Решение о переезде возникает постепенно, формируясь под воздействием множества факторов. К более значимыми факторам, влияющим на желание переехать, относятся: экономические, социальные, политические, экологические.

Охарактеризуем социально-экономическую инфраструктуру Белгородской области. Белгородская область является приграничной территорией по отношению к Украине, где, в свою очередь, с 2022 г. проходит специальная военная операция. В 2022 году социально-экономическая обстановка в Белгородской области характеризовалась рядом положительных и отрицательных тенденций, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами. По данным Росстата, Белгородская область демонстрировала положительные показатели в экономической сфере (увеличение объема промышленного производства, рост ВРП², уровень зарегистрированной безработицы ниже среднего показателя по России)³. В то же время с начала СВО из Белгородской области уехали около 300 медицинских специалистов (онкологи, терапевты, медсестры, фармацевты) и столько же преподавателей высших учебных заведений⁴. Регион столкнулся с нехваткой квалифицированных специалистов в

² ВРП – валовой региональный продукт.

³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области: [сайт]. Итоги ВПР за 2022 год. URL: <https://31.rosstat.gov.ru/news/document/232443> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Шевченко С. Дефицит работников в Белгородской области стал одним из самых высоких в Центральной России. 03.03.2023 г. БелПресса [сайт]. URL: <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/49690.html#> (дата обращения: 20.05.2025).

¹ Участие в обрядах и церемониях нетрадиционных религий, мистических учений, восточных религий.

инженерно-технической сфере. В дефиците были рабочие: электрики, слесари, операторы сельхозтехники, водители автобусов. По данным Росстата, за 2022 г. в регионе миграционная убыль составила 11 116 человек¹.

Данные 2022 года показывают высокую миграционную активность в молодежной среде: 58% студентов выразили желание переехать, тех, кто не планирует переезжать – 42%. Среди тех, кто планирует переехать, большинство (74%) ориентированы на внутреннюю миграцию, эмигрантов только 23%. «Потенциальные мигранты» отмечают следующие мотивы миграции: трудовые (трудоустройство по специальности – 51%, повышение заработной платы – 65%, карьерный рост – 56%), улучшение жилищных условий – 46%, возможность путешествовать – 50%. Стоит отметить, что группа «потенциальных мигрантов» студентов состоит на 56% из коренных жителей белгородской области и 44% приезжих. В группе «иммобильных» студентов (тех, кто не собирается переезжать) – 77% коренных жителей и только 23% приезжих, что говорит о большей стабильности и укорененности данной группы в регионе. Отобрав респондентов в группы по миграционной активности, получили группы «потенциальные мигранты» – 58% и «иммобильные» студенты – 42%².

Сформировав группы по критерию миграционной активности, рассмотрим показатели нетрадиционного религиозного сознания и культового поведения.

Вера в сверхъестественные силы является ключевым элементом при

изучении нетрадиционного религиозного сознания и выступает одним из его составляющих. Она отличает религиозные взгляды от светского мировоззрения. Нетрадиционные религии, как и мировые конфессии, предлагают ответы на фундаментальные вопросы о смысле жизни через призму сверхъестественного. Это формирует особую систему ценностей и отношений. Часть нетрадиционных учений строит свои доктрины и практики на взаимодействии со сверхъестественными силами.

Эйлин Баркер подчёркивала, что вера в сверхъестественное является центральным элементом новых религиозных движений (НРД). Вера помогает понять привлекательность НРД. Баркер отмечает, что последователи НРД часто переживают «трансформирующий мистический опыт», базирующийся на убеждении во взаимодействии с потусторонними силами или сущностями (Barker, 1984). Вера в сверхъестественное помогает молодым людям найти ответы на вопросы, которые невозможно получить при обращении к традиционным религиям, обрести ощущение стабильности в периоды неопределённости.

В ходе исследования респондентам задавался вопрос верят ли они в сверхъестественные силы. Так, половина (49%) всех студентов сообщили, что верят в сверхъестественные силы или допускают их существование. В типологических группах процент веры совпадает с общей группой студентов (49% – «потенциальные мигранты», 46% – «иммобильные» студенты). Отобрав студентов, верящих в сверхъестественные силы, определим среди них тех, кто интересуется нетрадиционными религиями и мистическими учениями.

В последнее время наблюдается рост числа приверженцев нетрадиционных религиозных учений. Особенно это заметно среди молодежи. Современная

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области: [сайт]. Статистика. URL: <https://31.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 26.05.2025).

² Процент рассчитывался от числа ответивших, выразивших желание переехать или остаться в регионе.

молодежь зачастую ориентирована на личный духовный опыт вне традиционных религий. Учёные отмечают, что молодое поколение воспринимает мировые религии как догматичные. Это побуждает молодежь к поиску альтернатив, которые нацелены на индивидуальный подход и помощь в определении личностных ценностей и взглядов. На интерес молодежи к нетрадиционным религиозным и мистическим учениям влияет множество факторов: процессы глобализации и урбанизации, смены ценностных ориентаций, развитие информационного общества, поиск новых форм самоидентификации и др. Интерес выступает способом адаптации к быстро меняющемуся миру. Нетрадиционные религиозные практики предоставляют молодым людям гибкость в построении духовной жизни, что отражает тенденцию к индивидуализации веры и отходу от коллективных религиозных норм (Балагушкин, 1980; Мартинович, 2015).

В ходе исследования мы задавали вопрос студентам об интересе к нетрадиционным религиям и мистическим учениям, восточным религиям. В Таблице 1 показан интерес трех групп белгородских студентов, верящих в сверхъестественные силы, к данным религиозным учениям и практикам. Студенты могли выбрать несколько вариантов ответов. Выделены три группы студентов. В первую группу вошли все студенты, верящие в сверхъестественные силы. Во группу «потенциальные мигранты» вошли респонденты, верящие в сверхъестественные силы и планирующие переехать. В третью группу – «иммобильные» вошли студенты, верящие в сверхъестественные силы, но не собирающиеся переезжать. В каждой группе практически половина студентов проявляет интерес к нетрадиционным религиям и мистическим учениям, восточным религиям и их практикам.

В группе «потенциальных мигрантов» интерес к данным религиозным течениям выше, чем в других группах.

Самые востребованные у молодежи: астрология, нумерология, духовные и физические практики. Ими интересуются от 16% до 31% студентов. Самые востребованные нетрадиционные учения у молодых людей предоставляют индивидуальный подход и возможность самопознания, что помогает поиску ответов на вопросы о собственном предназначении и месте в мире. Данные религии и учения располагают возможностями для самопознания.

Меньше интереса студенты проявляют к направлениям восточных религий, хиромантии, экстрасенсорным и парапсихологическим исследованиям. Ими интересуются от 8% до 22% студентов. Восточные религии предлагают молодому поколению альтернативные философские учения, акцентирующие внимание на самопознании и личном опыте. Экстрасенсорные и парапсихологические исследования располагают ответами о сверхъестественном, скрытых способностях человека, ясновидении.

Неоязычество, спиритизм и уфология вызывают редкий интерес у отдельных энтузиастов. Ими интересуются от 3% до 7% студентов. Неоязычество представляет собой комплекс учений и практик, основанных на древних языческих верованиях. Сложность учений и воспроизводства, проблема адаптации к современным условиям снижает привлекательность неоязычества для молодежи. В современном мире молодые люди более скептически относятся к сеансам с потусторонним, поэтому можно наблюдать невысокий интерес студентов к экстрасенсорным и парапсихологическим исследованиям. Уфология не привлекательна отсутствием доказательной базы существования НЛО (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Интерес белгородских студентов к восточным религиям и практикам, нетрадиционным религиям и эзотерическим учениям (в % от числа опрошенных групп студентов, Белгородская область 2022 г., множественный вопрос)⁹

Table 1

Belgorod students' interest in eastern religions and practices, non-traditional religions and esoteric teachings (% of the surveyed student groups, Belgorod region, 2022, multiple question)

Утверждения / Claims	студенты / students	иммобильные студенты / immobile students	потенциальные мигранты / potential migrants students
Не интересуюсь / Not interested	50	54	42
Астрология / Astrology	28	27	31
Нумерология / Numerology	23	23	24
Духовные и физические практики индуизма (Йога и др.) / Spiritual and physical practices of Hinduism (Yoga, etc.)	21	16	26
Направления восточных религий / Directions of Eastern religions	16	13	22
Хиромантия / Palmistry	11	12	11
Экстрасенсорные и парапсихологические исследования / Psychic and parapsychological research	9	8	11
Уфология / Ufology	5	6	5
Спиритизм / Spiritualism	5	5	4
Неоязычество / Neo-paganism	4	5	3

Изучение мотивов, побуждающих интерес к нетрадиционным религиям, является важной задачей исследования нетрадиционных религиозных взглядов. Именно мотивация объясняет внутренние побуждения и потребности, толкающие индивида к поиску альтернативных духовных учений, и помогает понять почему он выбирает именно эти учения, а не традиционные религии (Heelas, 1996, Parker, 1998). Исследование мотивов позволяет определить осознанный, глубокий интерес от поверхностного или навязанного влияния. Балагушкин отмечал, что мотивация молодежи к

альтернативным религиям и их практикам обусловлена поиском личного смысла и духовной идентичности, которые молодые люди не смогли найти в рамках традиционных конфессий (Балагушкин, 1980).

В ходе исследования молодым людям задавался вопрос о том, чем привлекли их восточные религии и практики, нетрадиционные религиозные и мистические учения. Им были представлены 8 мотивов, наиболее отражающих привлекательность этих воззрений. В Таблице 2 представлены результаты, показывающие мотивацию респондентов в изучаемых группах.

⁹ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Белгородской области в 2022 г.

Таблица 2

Мотивация интереса к восточным религиям, нетрадиционным религиозным течениям
и эзотерическим практикам (в % от числа опрошенных групп студентов,
Белгородская область 2022 г.)¹⁰

Table 2

Motivation of interest in Eastern religions, non-traditional religious movements
and esoteric practices (% of surveyed groups of students, Belgorod region, 2022)

Утверждения / Claims	студенты / students	иммобильные студенты / immobile students	потенциальные мигранты / potential migrants are students
Традиции, нормы и культура мировых религий не всегда помогают мне в повседневной жизни / The traditions, norms, and culture of the world's religions do not always help me in my daily life	27	23	37
Заслуживают внимания для научного изучения / Noteworthy for scientific study	52	45	55
Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия / Increase self-control of the individual, a sense of calm	52	52	60
Расширяют физиологические возможности человека / Expand a person's physiological capabilities	35	37	34
Способствуют нравственному совершенствованию человека / Contribute to the moral perfection of a person	48	46	55
Являются привлекательными своей оригинальностью, экстравагантностью / Are attractive for their originality, extravagance	46	39	40
Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии / They open the way to understanding the essence of the world and achieving inner harmony with it	36	46	56
Мои знакомые, родственники, друзей изучают или практикуют эти учения / My acquaintances, relatives, friends study or practice these teachings	17	21	19

¹⁰ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Белгородской области в 2022 г.

Варианты ответов по каждому мотиву состояли из позиций: «да», «нет», «затрудняюсь ответить». В таблице представлены результаты крайней позиции ответов «да». Мотивация интереса замерялась с учетом нового критерия отбора респондентов – интерес. В группу студентов были отобраны респонденты, верящие в сверхъестественные силы и интересующиеся альтернативными религиями и учениями. Группа «иммобильных» студентов состоит из верящих в сверхъестественное, интересующихся альтернативными религиями и учениями и не планирующих переезжать на другое местожительство. Группа «потенциальных мигрантов» включает студентов, верящих в сверхъестественное, интересующихся альтернативными религиями и учениями и планирующих в будущем переезд.

Данные показывают, что для молодого поколения важны развитие самоконтроля, обретение внутренней гармонии, нравственное совершенствование, а также осознание значимости нетрадиционных религий и учений для научного исследования. Не малый процент (от 23% до 37%) респондентов указали на то, что: традиции, нормы и культура мировых религий не всегда помогают им в повседневной жизни. Возможно, эти студенты могут считать, что религиозные нормы и обряды традиционных конфессий абстрактны и формальны, часто не применимы в повседневной жизни. Также выбор этого утверждение может говорить о секулярном мировоззрении респондента. Практически 20% студентов в группах указали, что их ближайшее окружение изучает или практикует эти учения. Данное утверждение отражает социальный и психологический фактор, влияющий на интерес к данным религиям и учениям. Когда близкое окружение изучает или включено в обрядовую деятельность нетрадиционных религий и учений, у индивида может возникнуть доверие

и открытость к этим религиям и учениям. Практика в рамках социальной группы способствует разделению общих интересов. Если сравнивать группы студентов, в группе «потенциальных мигрантов» уровень интереса выше по многим утверждениям. В этой группе больше тех, кто отмечает неспособность традиционных конфессий дать ответ на интересующие вопросы о смысле жизни. Студенты отмечают помощь данных религий и учений в их самосовершенствовании (см. Таблицу 2).

Включенность в культовую деятельность восточных религий и учений, нетрадиционных религий и мистических учений является важной по ряду причин:

1. Участие в культовой деятельности помогает индивиду сформировать и укрепить религиозную идентичность;
2. Обряды и ритуалы зачастую выступают элементом связи индивида и религиозного сообщества;
3. С помощью культовой практики можно обрести духовный рост, эмоциональную поддержку и взаимопомощь между членами религиозного сообщества;
4. Включенность в практику может оказывать положительный эффект на психологическое и физическое состояние индивида. Практика рассматривается некоторыми учеными как механизм изменения сознания и восприятия, укрепления веры (Turner, 1969, Whitetehouse, 2004).

Студентам задавался вопрос о включенности в практику нетрадиционных религиозных учений: «насколько в Ваш повседневный быт вошли какие-либо элементы восточных религий и нетрадиционных или мистических учений?». Можно было выбрать четыре варианта ответа: «совсем не вошли», «несущественно вошли отдельные из них», «существенно вошли отдельные из них» и «затрудняюсь ответить». В ходе анализа были исключены респонденты, затруднившиеся ответить. Студенты

ответившие, что включены частично или полностью в практики объединены в одну группу. В группу «практикующие» вошли респонденты, верящие в сверхъестественное, интересующиеся восточными религиями, нетрадиционными религиями и мистическими учениями, имеющие мотивацию, полностью или частично включённые в их практику. Группа «непрактикующие» состоит из верящих в сверхъестественное, интересующихся альтернативными религиями и учениями, имеющих мотивацию, но не включённых в практику этих религий и учений. На рисунке представлены результаты включённости в практику восточных, нетрадиционных религий и мистических учений. Группа студентов проявляет умеренный интерес и мотивацию к нетрадиционным религиям и учениям, но демонстрирует, по сравнению с другими группами, невысокую вовлечённость в практику. Группа

«потенциальных мигрантов» показывает высокую мотивацию и интерес к нетрадиционным религиям и учениям, по сравнению с другими группами. В этой группе больше включённых в практику. Для «потенциальных мигрантов» практика может выступать стимулом, поддерживающим идентичность, особенно в преддверии миграционных перемен. В группе «иммобильные» студенты самый низкий интерес и мотивация по сравнению с другими группами, но включённость в практику достаточно высокая – половина студентов участвует в практиках. Это может быть связано с влиянием ближнего окружения, наличие родственников, друзей, знакомых, практикующих нетрадиционные религии и учения создаёт дополнительный социальный и культурный контекст, способствующий вовлечённости независимо от личных установок (см. Рисунок).

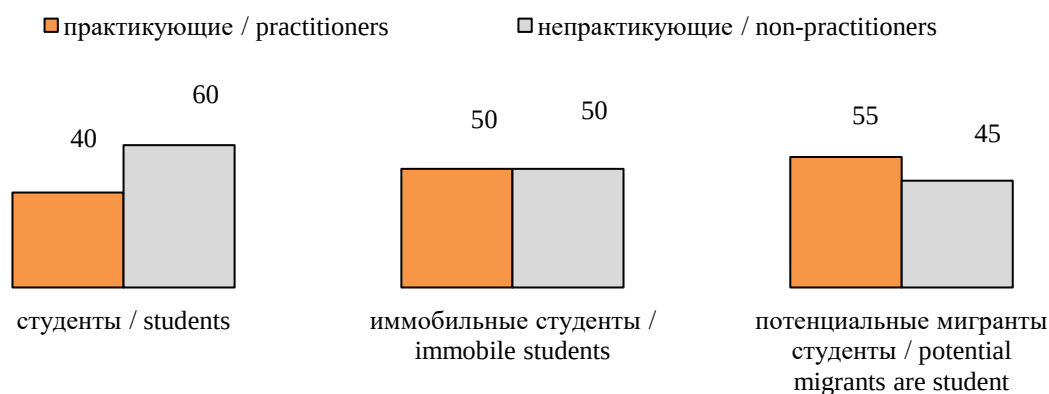

Рисунок. Включённость в практику восточных религий и учений, нетрадиционных религий и мистических учений (в % от числа опрошенных групп студентов, Белгородская область 2022 г.)¹¹

Figure. Inclusion in the practice of Eastern religions and teachings, non-traditional religions and mystical teachings (% of the number of surveyed groups of students, Belgorod region, 2022)

¹¹ Источник: составлено автором по данным социологического исследования в Белгородской области в 2022 г.

Заключение (Conclusions). В ходе социологического анализа предполагалось выяснить, есть ли разница в приверженности к нетрадиционным религиозным взглядам среди групп с различной миграционной активностью. Анализ проводился среди трёх групп студентов с различной степенью интереса, мотивации и вовлеченности в практику нетрадиционных религиозных учений.

Половина студенческого контингента, верящего в сверхъестественное, проявляет повышенный интерес к нетрадиционным религиям, однако вариабельность заинтересованности в отдельных учениях достаточно высокая (до 28%), что говорит о дифференцированности предпочтений. Мотивация отражает умеренный уровень вовлеченности в практику и заинтересованности.

«Потенциальные иммигранты» демонстрируют высокий уровень интереса (58%) и расширенный диапазон заинтересованности к конкретным учениям (до 31%), что превышает общие показатели по всему студенческому составу. Уровни мотивации по некоторым индикаторам достигают 60%, что является максимальным значением в сравнении с другими группами. Эти данные свидетельствуют о более активной внутренней заинтересованности и готовности к практическому применению нетрадиционных религиозных учений. Высокий уровень включённости в практику (55%) подтверждает эту тенденцию, указывая на то, что интерес и мотивация сопряжены с реальным участием в нетрадиционных религиозных сообществах. Возможно, это связано с необходимостью формирования нового культурного и социального ядра, а также поиска поддержки в период предстоящей миграции.

Группа «иммобильные» студенты характеризуется более низким уровнем интереса по сравнению с «потенциальными мигрантами» и

студентами в целом, демонстрируя сдержанную вовлеченность в эти религии и учения. При этом уровень включённости в практику (45%) примерно соответствует уровню интереса. Значимым является фактор ближнего окружения: наличие родственников, друзей и знакомых, которые изучают и практикуют нетрадиционные религии, повышает показатель вовлеченности в практику именно в этой группе. Это подчеркивает роль социального и культурного окружения, стимулирующего практическую деятельность независимо от личного интереса.

Интерес и мотивация тесно связаны с уровнем вовлеченности в практику, однако семейное влияние и окружение могут являться значимым стимулом в ситуации низкого собственного интереса. «Потенциальные мигранты» представляют наиболее активную группу по параметрам религиозной заинтересованности и практической вовлеченности, что может быть связано с их ожиданиями и потребностями в новых условиях.

Желание переехать или остаться (мобильность / иммобильность) определенно оказывает влияние на отношение к нетрадиционным религиозным взглядам и на включённость в соответствующую практику. Этот эффект объясняется различиями в социально-культурных, психологических и жизненных обстоятельствах, с которыми сталкиваются представители разных групп студентов. Процесс миграции связан с необходимостью переосмысления своей социальной и культурной идентичности. Приверженность нетрадиционным религиозным учениям может стать основой для конструирования нового «я», что стимулирует активное участие в религиозной жизни. Эти процессы дополняют друг друга и показывают многомерный характер влияния социально-культурной мобильности на религиозное поведение.

Список литературы

Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. Москва: Изд-во МГУ, 1980. 103 с.

Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ / РАН. Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 1999. 244 с.

Баркер А. Новые религиозные движения. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 284 с. EDN: MCHFLG.

Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103. EDN: BGWJUG.

Мартинovich В. А. Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь. Минск: РИВШ, 2024. 664 с. ISBN: 978-985-586-794-5.

Мартинovich В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск: Минская духовная академия, 2015. 560 с. ISBN: 978-985-7028-11-5.

Митрохин Л. М. Религии «нового века». Москва: Советская Россия, 1985. 160 с.

Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2017. 234 с. ISBN: 978-5-9500099-7-6. EDN: ZDQTLZ.

Рыбаковский Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 56-63. DOI: 10.7868/S0132162517100063.

Ягельский А. География населения / Анджей Ягельский; сокр. пер. с польского В. Ф. Худодея. Москва: Прогресс, 1980. 382 с.

Campbell C. The Easternisation of the West: or, How the West Was Lost // Asian Journal of Social Science. 2010. Vol. 38/5. Pp. 738-757.

Campion N. Astrology and cosmology in the world's religions. New York University Press, 2012. 273 p. ISBN: 978-0-8147-1713-4.

Cresswell T. Towards a politics of mobility // Environment and planning: society and space. 2010. Vol. 28. Pp. 17-31. DOI: 10.1068/d11407.

Faggian A., McCann P. Universities, agglomerations and graduate human capital mobility // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2009. Vol. 100, issue 2. Pp. 210-223. DOI: 10.1111/j.1467-9663.2009.00530.x.

de Haas H. How migration really works: the facts about the most divisive issue in politics, 2023. 464 p. ISBN: 1541604326.

Lee E. S. A Theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3. № 5. Pp. 47-57. DOI: 10.2307/2060063.

Heelas P. The new age movement: religion, culture and society in the age of postmodernity. Wiley-Blackwell, 1996. 288 p. ISBN: 978-0-631-19332-6.

Parker M. The new age movement: religion, culture and society in the age of postmodernity. Wiley-Blackwell. 1998. 288 p. ISBN: 978-0-631-19332-6.

Sjaastad L. A. The costs and returns of human migration // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, № 5. Part 2. Pp. 80-93.

Schewel S. Understanding immobility: moving beyond the mobility bias in migration studies // International Migration Review. 2019. Vol. 54, № 2. Pp. 328-355. DOI: 10.1177/01979183198319319.

Stark R., Bainbridge W. S. A theory of religion. Peter Lang: New York, 1987. 386 p.

Turner V. The ritual process: structure and anti-structure. New York, 1969. 239 p. ISBN: 9781315134666.

Williams A. M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis // Popul. Space Place. 2017. 24. DOI: 10.1002/psp.2123.

Whitehouse H. Modes of religiosity: a cognitive theory of religious transmission. Bloomsbury Academic, 2004. 193 p. ISBN: 0759106150, 9780759106154.

Wolter A. Migration and higher education in Germany // Inequality, innovation and reform in higher education. 2020. Pp. 39-57.

References

Balagushkin, E. G. (1980), *Netraditsionnye religii v kapitalisticheskikh stranah Zapada i ih vliyanie na molodezh'* [Non-traditional religions in the capitalist countries of the West and their influence on young people], Publishing House of

Moscow State University, Moscow, Russia. (In Russian)

Balagushkin, E. G. (1999), *Netraditsionnye religii v sovremennoy Rossii: morfologichesky analiz* [Non-traditional religions in modern Russia: morphological analysis], Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, IF RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Barker, A. (1997), *Novye religioznye dvizheniya* [New religious movements], Russian Christian Humanitarian Institute, St. Petersburg, Russia, EDN: MCHFLG. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (1990), "Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study", *Sociological Studies*, (5), 95-103, EDN: BGWJUG. (In Russian)

Martinovich, V. A. (2024), *Sotsialnaya identifikatsiya novykh religioznykh dvizheniy v Respublike Belarus* [Social identification of new religious movements in the Republic of], RISH, Minsk, Belarus, ISBN: 978-985-586-794-5. (In Russian)

Martinovich, V. A. (2015), *Netraditsionnaya religioznost: vzniknovenie i migratsiya: Materialy k izucheniyu netraditsionnoy religioznosti* [Non-traditional religiosity: emergence and migration: Materials for studying unconventional religiosity], 1, Minsk Theological Academy, Minsk, Belarus, ISBN: 978-985-7028-11-5. (In Russian)

Mitrokhin, L. M. (1985), *Religii "novogo veka"* [Religions of the "new century"], Soviet Russia, Moscow, Russia. (In Russian)

Rybakovsky, L. L. (2017), *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kn. 2: Migratsiya naseleniya: yavlenie, ponyatie, determinanty* [History and theory of population migration, book 2: Population migration: phenomenon, concept, determinants], Publishing House "Econ-Inform", Moscow, Russia, ISBN: 978-5-9500099-7-6, EDN: XTJZTV. (In Russian)

Rybakovsky, L. L. (2017), "Functions and consequences of migration processes", *Sociological Studies*, (10), 56-63, DOI: 10.7868/S0132162517100063. (In Russian)

Yagelsky, A. (1980), *Geografiya naseleniya* [Geography of the population], Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Campbell, C. (2010), "The Easternisation of the West: or, How the West Was Lost", *Asian Journal of Social Science*, 38/5, 738-757.

Campion, N. (2012). *Astrology and cosmology in the world's religions*, New York University Press, 273, ISBN: 978-0-8147-1713-4.

Cresswell, T. (2010), "Towards a politics of mobility", *Environment and planning: society and space*, 28, 17-31, DOI: 10.1068/d11407.

Faggian, A., McCann, P. (2009), "Universities, agglomerations and graduate human capital mobility", *Tydschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 100 (2), 210-223, DOI: 10.1111/j.1467-9663.2009.00530.x.

de Haas, H. (2023), *How migration really works: the facts about the most divisive issue in politics*, 464. ISBN: 1541604326.

Lee, E. S. (1966), "A Theory of migration", *Demography*, 3 (5), 47-57, DOI: 10.2307/2060063.

Heelas, P. (1996), *The New age movement: religion, culture and society in the age of postmodernity*, Wiley-Blackwell, 288, ISBN: 978-0-631-19332-6.

Parker, M. (1998), *The New age movement: religion, culture and society in the age of postmodernity*, Wiley-Blackwell, 288, ISBN: 978-0-631-19332-6.

Syaastad, L. A. (1962), "The costs and returns of human migration", *Journal of Political Economy*, 70 (5/2), 80-93.

Schewel, S. (2019), "Understanding immobility: moving beyond the mobility bias in migration studies", *International Migration Review*, 54 (2), 328-355, DOI: 10.1177/01979183198319

Stark, R., Bainbridge, W. S. (1987), *A Theory of religion*. Peter Lang: New York, 386.

Turner, V. (1969), *The ritual process: structure and anti-structure*, New York, 239, ISBN: 9781315134666.

Williams, A. M., Jephcote, C., Yanta, H., Li, G. (2017), "The migration intentions of young adults in Europe: a comparative, multilevel analysis", *Popul. Space Place*, 24, DOI: 10.1002/psp.2123.

Whitehouse, H. (2004), *Modes of religiosity: a cognitive theory of religious transmission*, Bloomsbury Academic, 193, ISBN: 0759106150, 9780759106154.

Wolter, A. (2020), "Migration and higher education in Germany", *Inequality, Innovation and Reform in Higher Education*, 39-57.

Статья поступила в редакцию 10 августа 2025 г. Поступила после доработки 28 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 10 August 2025. Revised 28 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Лютенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального

государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Irina V. Lyutenko, Junior Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS), Moscow, Russia.

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-4

Исследовательская статья

Савеличева И. Н.
Научное руководство
Шаповалова И. С.

Политическая культура региональной молодежи

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
valieva@bsuedu.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Политическая культура молодежи является важным аспектом анализа в условиях геополитической нестабильности, выступает индикатором рефлексии в молодежном пространстве политических событий разного уровня. Целью статьи является рассмотрение показателей политической культуры молодежи в контексте геополитической нестабильности и определение их рискованных значений, способных трансформироваться в проблемные модели политического поведения. В статье проанализированы результаты исследования 2021-2022 года, посвященного изучению политической культуры и мышления региональной молодежи, респондентами онлайн опроса стала молодежь Белгородской области в количестве 4215 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов. Определено, что региональная молодежь оценивает свой уровень политической культуры как достаточно низкий, а свою политическую активность как невысокую. Основой для оценки политических решений становятся человекомерные ценности, связанные с качеством жизни и безопасностью. Политические жизненные планы не важны для молодежи на фоне других жизненных стратегий, но при этом отмечаются достаточно высокие политические амбиции не менее чем у 13% молодых людей. Совокупность показателей политической культуры молодежи обусловила риски, которые реализовались в региональной среде в условиях геополитических изменений 2022-2025 года: были проявлены политическая дезориентация и дезадаптация, политическая исключенность, повышение молодежной миграции, сужение горизонта планирования. По итогам исследования обозначена проблема невнимания социальных институтов к формированию и повышению уровня политической культуры молодежи.

Ключевые слова: молодежь; политические стратегии; политическая культура; политические ценности; политические диспозиции

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Информация для цитирования: Савеличева И. Н. Политическая культура региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-4.

Research article

Irina N. Savelicheva
Scientific supervision
Inna S. Shapovalova

Political culture of regional youth

Belgorod State National Research University
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
valieva @bsuedu.ru

Belgorod State National Research University
78, Preobrazhenskaya Str., Belgorod, 308000, Russia
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. In the context of geopolitical instability, the political culture of youth is an important aspect of analysis, acting as an indicator of reflection on political events at different levels within the youth space. The purpose of the article is to consider the indicators of the political culture of youth in the context of geopolitical instability and determine their risk values that can transform into problematic models of political behavior. The article analyzes the results of the 2021-2022 study devoted to the study of the political culture and thinking of regional youth, the respondents of the online survey were 4215 young people of the Belgorod region, the sample is quota in relation to gender, age, type of settlement and territory of residence of respondents. It was determined that regional youth assessed their level of political culture and their level of political activity as quite low. The basis for assessing political decisions are human-measured values associated with the quality of life and security. Political life plans are not important for young people against the background of other life strategies, but at the same time, quite high political ambitions are noted among at least 13% of young people. The totality of indicators of the political culture of youth determined the risks that were realized in the regional environment in the context of geopolitical changes in 2022-2025: political disorientation and maladaptation, political exclusion, increased youth migration, and a narrowing of the planning horizon were manifested. The results of the study identified the problem of social institutions' inattention to the formation and improvement of the level of political culture of youth.

Keywords: youth; political strategies; political culture; political values; political dispositions

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic "Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space".

Information for citation: Savelicheva, I. N. (2025), "Political culture of regional youth", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-4.

Введение (Introduction).

Политическая турбулентность российского пространства и непредсказуемость политических реакций молодежи в условиях геополитической нестабильности сформировали запрос, обращенный к государственной молодежной политике, связанный прежде всего с ее функцией в формировании политической культуры, сознания и мышления молодежи России. Вопросы, на которые стремились ответить, в том числе и известные ученые-юнологи, связаны с молодежной рефлексией, восприятием политических событий, прогнозированием молодежного поведения. Все это относит исследователей в поле изучения политической культуры молодежи, трансформирующейся в последствии в ее осознанный или интуитивный политический выбор и политическую самоидентификацию.

Политическая культура молодежи представляет собой одновременно синтез результирующих воздействий институтов социализации и рефлексии на геополитическую ситуацию и системную политическую культуру российского общества. Таким образом, показатели политической культуры молодежи становятся маркером, отражающим внимание к ней и ее воспитанию и оценкой отношения к действительности. В этой связи актуализируется важность исследования политической культуры молодежи в динамике и хронотопе политических событий, а также создания фундамента прогнозирования поведения молодежи в условиях социальных рисков политической трансформации.

Целью статьи является рассмотрение показателей политической культуры молодежи в контексте геополитической нестабильности и определение их рискованных значений, способных трансформироваться в проблемные модели поведения.

Методология и методы исследования (Methodology and

methods). Политическая культура молодежи, как научное понятие, имеет неоднозначную трактовку. Так, О. В. Шупленков и Н. О. Шупленков под политической культурой понимают систему представлений, убеждений, установок, моделей поведения людей, просматривающейся в исторически сложившемся, относительно устойчивом опыте предшествующих поколений, проявляющихся во взаимодействии акторов политического процесса и обеспечивающих функционирование политической жизнедеятельности общества на преемственной основе. В качестве зрелой политической культуры авторы называют такие показатели, как высокий уровень общего образования и культуры, прочные всесторонние политические знания, ставшими личными убеждениями, заинтересованное отношение к политике, активное участие в политической жизни, способность самостоятельно ориентироваться и принимать решения, адекватные и законные средства, методы и навыки политической деятельности (Шупленков, Шупленков, 2013). Политическая культура, по мнению авторов, имеет ряд характерных черт (скорее даже функций): закрепляет устоявшиеся, повторяющиеся связи, отношения между составными частями политического процесса, сохраняет стабильные стороны политического опыта; является результатом исторического формирования общества, итогом политического коллективного труда; имеет тотальный характер, политические отношения «пронизаны, насыщены, пропитаны» политической культурой; характеризует политическое поведение и сознание большей части населения и не сводится к сумме политических субкультур. Им же удалось отметить отличие именно молодежной политической культуры, под которой ученые понимают «зафиксированный в традициях и нормах политический опыт молодежи; уровень ее

морально-нравственных, ценностных представлений о политической власти и взаимоотношениях государства и общества, которые выражаются в соответствующей деятельности институтов власти; совокупность типичных форм мышления и поведения молодежи в публичной сфере, создающих преемственность политического развития социума, а также способность оценивать явления общественной жизни и занимать определенную политическую позицию, которая выражается в конкретном социально-политическом функционировании» (Щупленков, Щупленков, 2013).

Несмотря на, что данное определение кажется нам всеобъемлющим, интересны и позиции других исследователей – так, по мнению Л. А. Погосян, политическая культура молодежи одновременно принадлежит и к системе социально-политических отношений, и к системе культуры. Как составляющая политической системы общества она отражает степень политической зрелости и социальной активности молодежи политических отношений. Как часть культуры общества политическая культура – накопленный потенциал, опыт того или иного социума, который раскрывает процесс формирования и реализации сущностных сил молодого человека в процессе его политической деятельности. Следовательно, политическая культура молодежи может быть понята через рассмотрение качественных характеристик политической деятельности, проявляющихся в уровне компетентности, активности, сознательности участвующих в ней людей (Погосян, Гражданкина, 2014).

Отдельно в научной периодике стоит вопрос и даже дискуссия о структуре политической культуры. Например, И. В. Вицентий выделяет 2 уровня её реализации: уровень сознания и уровень поведения: «первый уровень представлен разнообразными политическими

представлениями, мифами, стереотипами, политическими ценностями и убеждениями, политическими оценками и т. п., которые бытуют в рамках конкретной политической системы. Второй уровень представлен разнообразными формами политического поведения граждан, которые можно условно дифференцировать в 2 группы: политический абсентеизм и политическая активность. Последняя, в свою очередь, представлена разнообразными формами электоральной активности, протестной активности, вовлеченностью в деятельность общественно-политических объединений и т.д.» (Вицентий, 2014). А И. Г. Долинина видит в политической культуре сочетание трех структурных компонент: политического опыта, политического сознания и политического поведения (Долинина, 2010).

В научном дискурсе вопрос политической культуры молодежи исследуется достаточно широко (Бухнер, 2017; Чекмарёв, Дорофеева, 2012; Акаев, 2016; Колпаков, 2017; Умарова, 2011; Сафонова, 2015), так как она имеет целый ряд выраженных эмпирических индикаторов, с которыми сталкиваются ученые, воспринимается как результат целенаправленного действия институтов социализации, что позволяет связать ее с эффективностью их деятельности: «политическая культура молодежи есть совокупный результат обучения и воспитания, представляющий собой комплексную характеристику освоенного обучающимися политического опыта, сформированного политического сознания и в соответствующей мере происходящего и предстоящего в будущем конвенционального политического поведения, при доминирующих признаках: заинтересованности в решении существующих общественно-политических проблем, подготовленности к политическому участию в жизни общества, способности взаимодействовать с государственными институтами»

(Долинина, 2011). Особенно часто исследователи обращаются к изучению политической культуры студенческой молодежи, оперируя к ее прогрессивности и перспективах включения в человеческий капитал страны (Вилков, Богданов, 2011; Кудрявцева, 2016).

В рамках статьи мы постараемся верифицировать показатели тех элементов политической культуры молодежи, которые выделяют ученые, отразив их проблемных контекст в условиях зарождающегося политического кризиса (исследование выполнено в 2021-2022 году (ноябрь-январь), в преддверии геополитического конфликта между Россией и Украиной). Особый упор в анализе будет сделан на показатели политических коммуникаций, мотивации политического выбора (в том числе и ценностный аспект), политические диспозиции, политическую идентификацию и политические стратегии молодежи. В качестве исследовательского пространства определена территория Белгородской области – региона России,

имеющего достаточно высокие показатели качества жизни, но при этом оказавшего в ситуации повышенного риска прифронтовой реальности. Данные обстоятельства позволили увидеть риски в показателях политической культуры, которые стали проявляться в условиях последующей эскалации политической нестабильности.

Исследование основано на результатах массового опроса региональной молодежи в возрасте от 16 до 35 лет (Белгородская область), осуществляемого в условиях стихийной выборки методом онлайн-опроса с использованием целевого рекрутинга, с соблюдением репрезентации по полу, возрасту и типу поселения. Отдельной контролируемой характеристикой выборки стало распределение молодежи по группам учащейся, студенческой и работающей. Ремонт выборки осуществлялся по репрезентации демографических характеристик, а также качественному признаку (выбраковка по фейковым ответам на открытые вопросы).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Table 1

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
16-17	2018	47,9
18-21	853	20,2
22-25	637	15,1
26-30	350	8,3
31-35	357	8,5
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	1977	46,9
женский / female	2238	53,1
Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Средний город, областной центр / Medium-sized city – regional center	1844	43,7
Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	1361	32,3
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	810	23,9

Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Обучаются в школе, гимназии, колледже, училище / They study at school, gymnasium, college, vocational school	1523	36,1
Обучаются в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	1714	40,7
Работают / They are working	783	18,6
Окончили учебное заведение, но временно не работают / Graduated from an educational institution, but are temporarily unemployed	195	4,6
Итого ответивших / Total number of respondents	4215	100,0

Полные результаты исследования, а также их сравнительный анализ с тематическими исследованиями политических стратегий молодежи, были представлены в публикациях коллектива Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета (Шаповалова, Валиева, 2024; Шаповалова, Валиева, 2022a; Шаповалова, Валиева, 2022b; Шаповалова, 2022; Певная и др, 2022).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Важным элементом политической культуры, истоком ее формирования, является политическая коммуникация молодежи, а также та ее часть, которая организуется вокруг политических событий, смыслов и выборов. Политическая коммуникация является основой политической социализации, которая непосредственно влияет на формирование политической культуры молодежи. Исследование, проведенное автором статьи, позволило определить некоторые особенности такой коммуникации молодежи региона. Так, большая часть политических тем не вызывает особого интереса у молодежи, но

к региональной, внутренней и внешней политике России примерно 40% молодежи проявляют достаточно высокое внимание.

Такой ракурс может быть опосредован сменой идеологической парадигмы: глобализация, до недавнего времени считавшаяся ориентиром для цивилизации, сменилась на локализацию (в том числе и по причине геополитического кризиса), что снизило интерес к внешним политическим событиям, но усугубило его к политическому действию и политикам внутри государства. Более 20% молодежи интересуются экспертным мнением и мнением оппозиционных структур. Данный последний факт одновременно показывает не только группу молодежи с полярными взглядами, но и механизм политического мышления, связанный с критическим восприятием действительности (необходимостью понимания и знания разных точек зрения на политические события) (Рисунок 1). Такая дислокация в политической коммуникации в последствии обусловила возникновения рисков, связанных с получением разнонаправленной политической информации, усугубившей внутренний конфликт политического сознания молодых людей.

Политические интересы молодежи
/ Political interests of youth

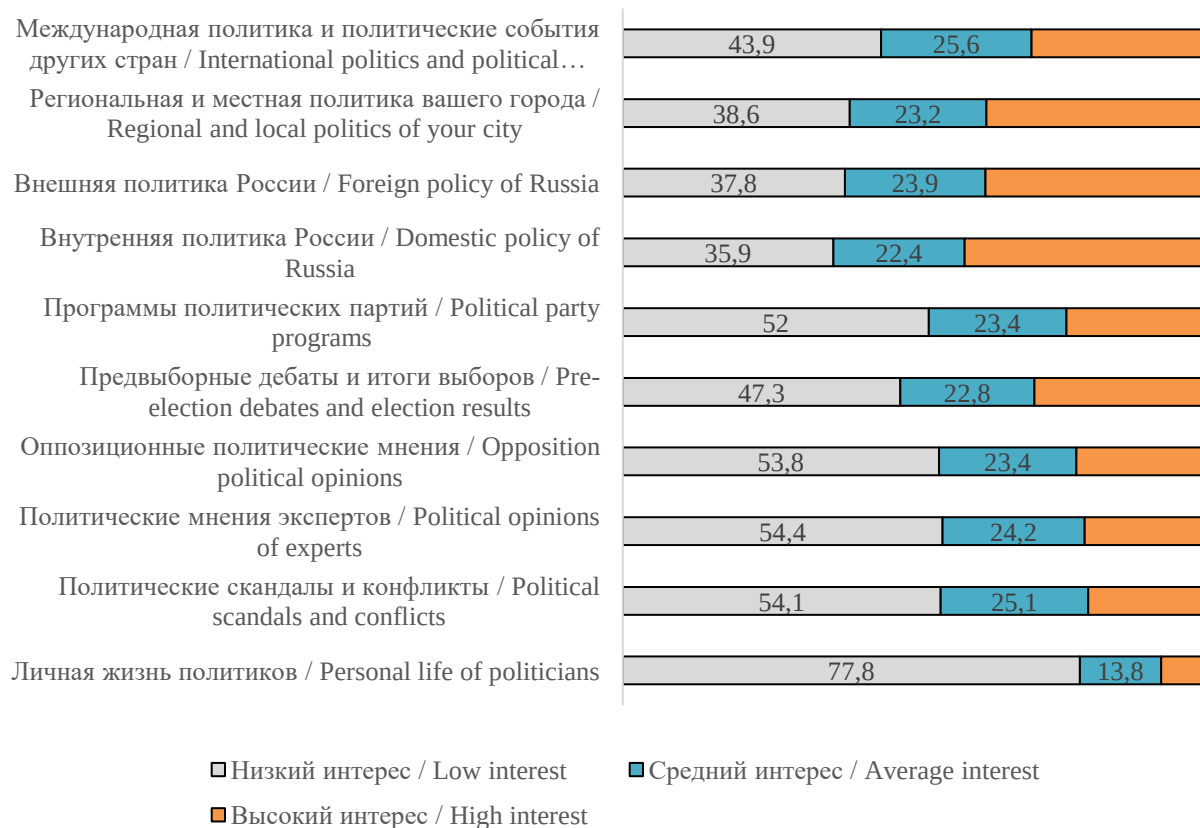

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос «Насколько Вас лично интересует?»
Figure 1. Respondents' answers to the question "How much are you personally interested in?"

Ценности, которых придерживается молодежь, становятся основой выбора политической позиции и оценки политической ситуации и решений. Мировоззрение молодежи в своей основе имеет 10 политических ценностей высокой разделяемости (выше 80%), среди которых: качество жизни, безопасность, забота о человеке, справедливость, права и свободы человека, законность, свобода, мир, прогресс, порядок. Топ-3 ведущих ценности формируют человекомерный акцент требований к политике и ее смысл, далее идут либеральные и демократические принципы, в конце этого рейтинга ведущих ценностей располагаются, по сути, системные требования к государственному

устройству. Данные ценности дают ту канву, которую видит молодежь в качестве основы политических решений, те критерии, которые становятся определяющими факторами для осуществления ею политического выбора (см. Рисунок 2).

Самооценка показателей политической культуры позволила увидеть ее проблемные лакуны. Молодежь критично оценила свои знания и понимание политических процессов, свое политическое участие в них и способность вести политический диалог. Самой высокой оценки заслужила политическая толерантность, хотя ее уровень как высокий оценили только 20,8%.

Ранги ценностей, важных для молодежи
/ Rankings of values important to young people

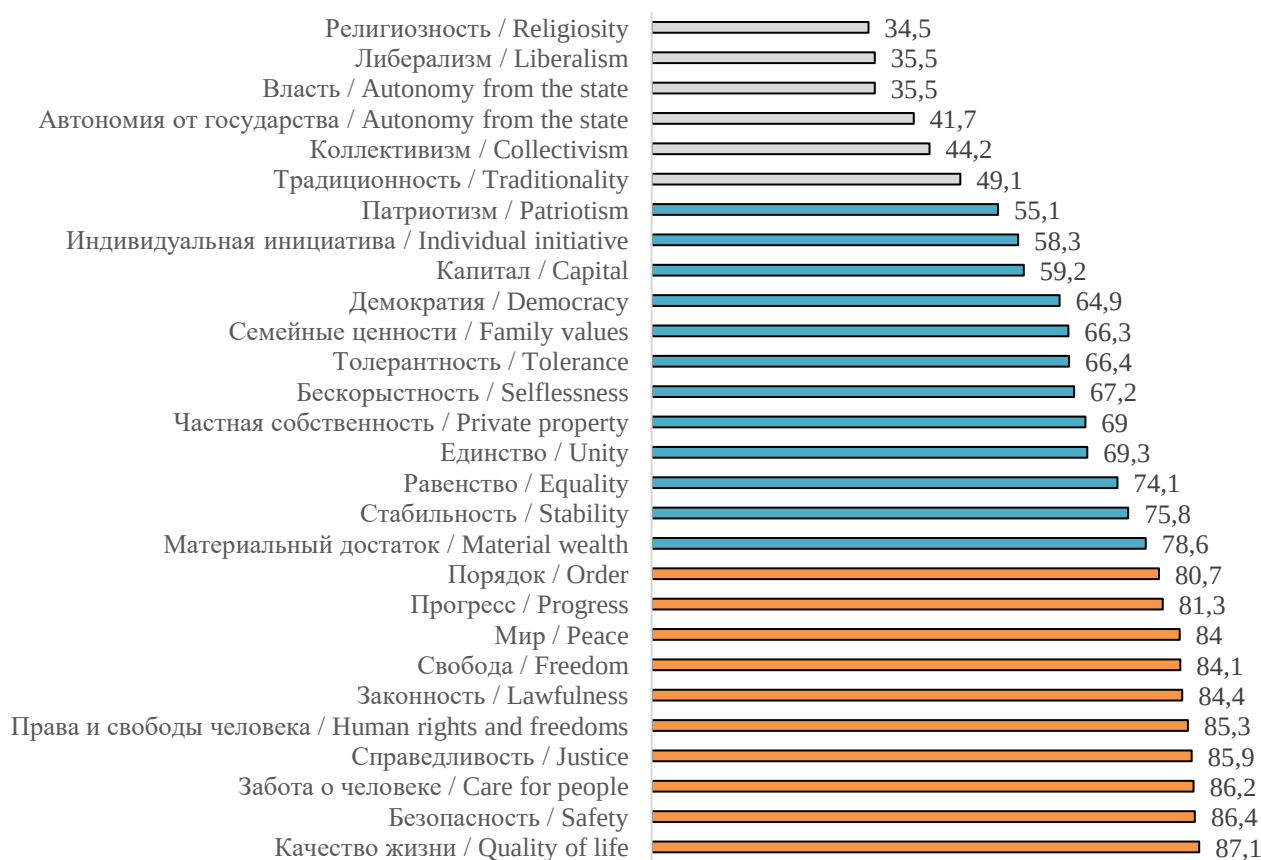

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Какие из перечисленных ценностей для Вас наиболее важны?»

Figure 2. Respondents' answers to the question "Which of the listed values are most important to you?"

Анализируя низкие оценки, мы видим, что самый проблемный показатель, формирующий политическую культуру – это политическое участие, его уровень оценили, как низкий 59,0% (Рисунок 3).

И здесь есть еще один момент, на который стоит обратить внимание – допустим, в нашей системе политической социализации не предусмотрено формирование политических знаний, политический интерес является индивидуально формируемой величиной, но политическая толерантность, как основа бесконфликтного, не экстремистского общества, как часть системной толерантности, должна

формироваться в рамках воспитательных мероприятий институтов социализации. Соответственно, данный показатель не является целенаправленно формируемым ни в школе, ни в вузе. Этот факт указывает на риски, повышения экстремизации, что в условиях политического конфликта становится реальной угрозой (с которой столкнулись российские регионы в условиях повышенного миграционного потока с сопредельных территорий).

Самооценка показателей политической культуры в разрезе участвующих в исследовании групп дала возможность увидеть их контур для молодежи разных статусов и поселений.

Самооценка показателей политической культуры молодежи
/ Self-assessment of youth political culture indicators

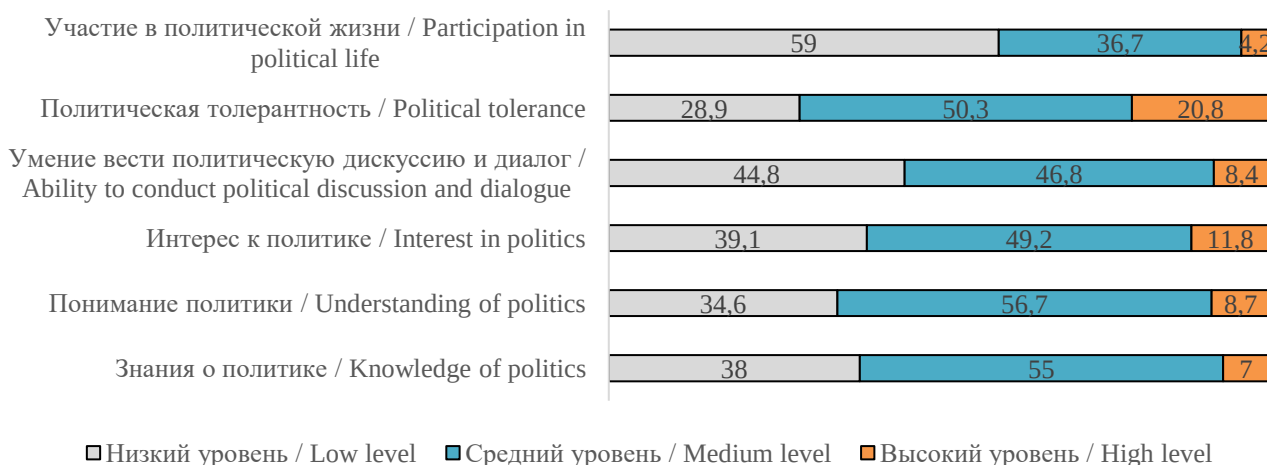

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили себя?»
Figure 3. Respondents' answers to the question "How would you rate yourself?"

Так, для городской молодежи показатель политического участия и умения вести политическую дискуссию выше, толерантность и понимание политики лучше представлены для молодежи деревень. По всем показателям, кроме умения вести политическую дискуссию, учащаяся молодежь оценивает себя выше – возможно здесь мы имеем дело с юношеским максимализмом. В дискуссии приоритет сохраняется за студенческой молодежью.

Невысокий уровень всех показателей политической культуры актуализирует внимание к данному вопросу – неуправляемое формирование данного ментального образования (а именно так можно оценить столь низкие оценки показателей) приводит нас к мысли о стохастичности развития политической культуры молодежи, акторами социализации здесь скорее выступают политические события, мнения (в лучшем случае – экспертные), в то время как формальные институты социализации не регулируют данный процесс.

Важным элементом оценки политической культуры являются политические мотивы и цели, которые молодежь фиксирует в отношении политической деятельности. В

проведенном исследовании политические цели были оценены молодежью с позиции двух ракурсов – деперсонифицировано и персонифицировано. Эти оценки во многом различны. Оценивая цели других людей, стремящихся в политику, молодежь устанавливает следующие приоритеты: первичность реализации собственных идей (46,1%), обогащение и заработок (41,3%), донесение взглядов до общественности (37,6%). Среди тех целей, которыми наделяют современных политиков молодые люди, почти 30% указывают, в том числе, и на желание сделать политическую карьеру, поспособствовать прогрессу и развитию, служить обществу, представлять интересы народа (см. Рисунок 4).

Эти целевые пики не сохраняются в выборе личных целей включения в политическую деятельность: не в первой тройке остается мотив реализации собственных интересов, полностью уходит из списка приоритетов обогащение и заработок, а вот трансляция обществу собственных интересов и взглядов наоборот, получает приоритет (но, по сути, остается в целевом ряду на третьем месте). Целевыми пиками становятся желание поспособствовать прогрессу и развитию и служить

интересам народа. Почти 30% считают важным пресечь коррупцию и махинации и участвовать в политической жизни страны (см. Рисунок 4). Такой целевой разрыв косвенно указывает на оценку политических деятелей – в силу непогруженности большинства молодежи в политику, такую оценку они дают тем презентуемым образам, действиям и решениям, которые видят «невооруженным взглядом» – в том

небольшом поле политического интереса, который, как правило, сопряжен с новостной повесткой.

Хотя эгоцентричные и несоциальные цели выбираются меньшинством молодых людей, практически все они получают более 10% выборов. Особенно заставляют задуматься показатели 15,4% (обогащение и заработок), 13,8% (реализация амбиций), 10,7% (установление нужных связей).

Оценка целей политического участия
/ Assessing the goals of political participation

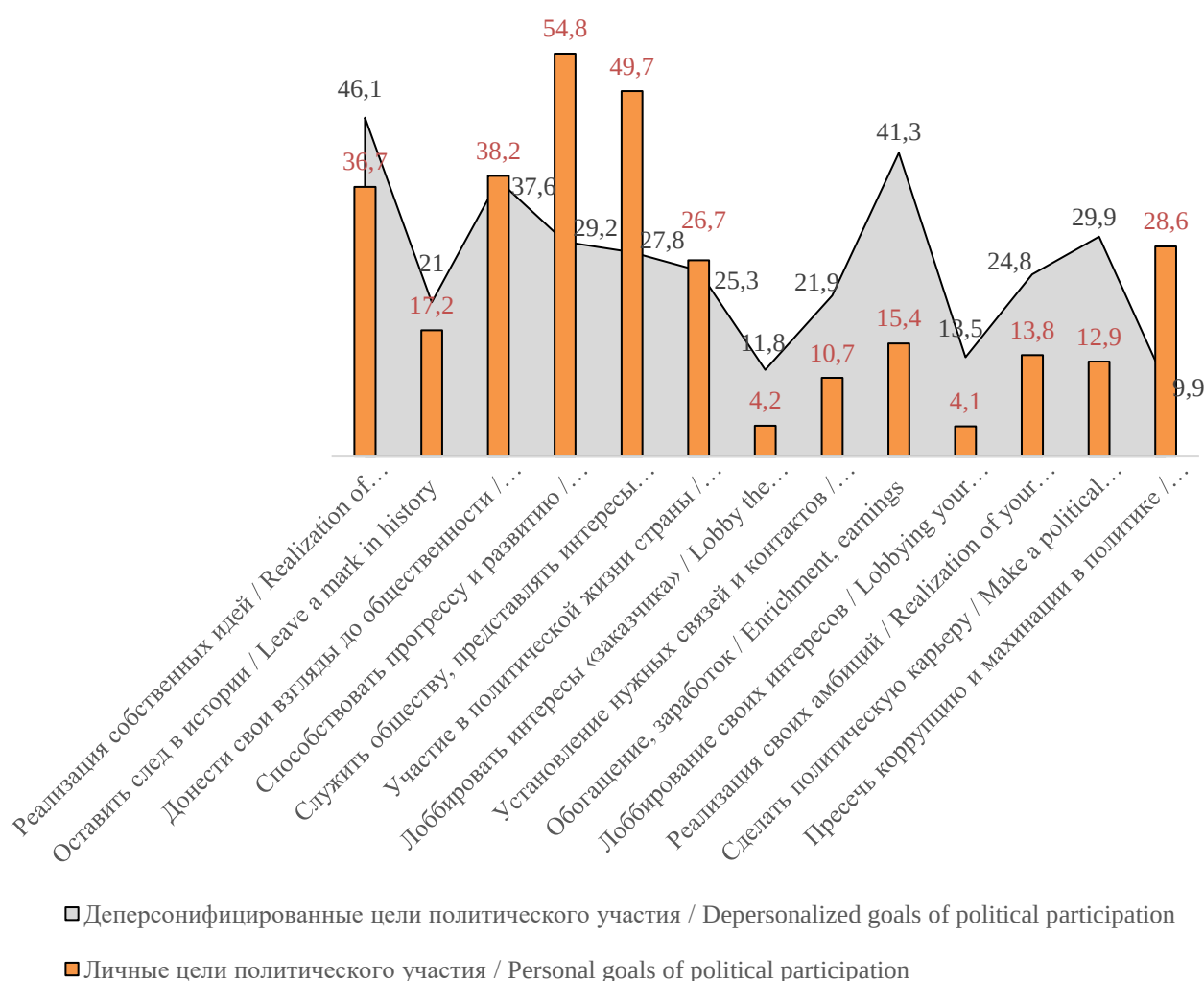

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопросы
«Как Вы считаете, с какими целями люди идут в политику?» и «Если бы Вы шли в политику
(или Вы уже идете в политику), какая бы цель двигала вами?»
Figure 4. Respondents' answers to the questions "What do you think are the goals for which people
go into politics?" and "If you were to go into politics (or are you already going into politics),
what goal would drive you?"

Рассматривая целевые ориентиры для разных групп молодежи, мы видим, что существуют определенные целевые акценты, которые дает конфигурация политического целеполагания в каждой социальной группе. Так, для городской молодежи больше, чем для сельской важны в политике реализация таких целей как способствовать прогрессу, пресечь коррупцию и махинации, но одновременно с этим и устанавливать нужные связи и контакты, сделать политическую карьеру. А для сельской молодежи есть приоритет по выборам реализации собственных идей,

желанию донести свои взгляды до общества. Учащаяся молодежь более других групп желает реализовать собственные идеи, оставить след в истории, донести свои взгляды обществу, но также более других ориентирована и на обогащение, реализацию собственных амбиций; студенческая молодежь хотела бы больше чем остальные группы способствовать прогрессу, участвовать в политической жизни страны; работающая молодежь дает больший процент выборов в отношении целей служения обществу, пресечения коррупции и махинаций.

Политическая активность молодежи
/ Political activity of youth

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Как можно определить Вашу политическую активность?»

Figure 5. Respondents' answers to the question: "How can your political activity be defined?"

Политическая культура молодежи влияет на ее политическую самоидентификацию, определение своего политического статуса и диспозиции. В рамках исследования были выделены пять типов политического статуса на основе политической активности: политически вовлеченный тип (5,1%), погруженный тип (15,1%), пассивный (слабо интересующийся) тип (превалирующее большинство 41,4%), индифферентный

тип (22,3%), и исключенный тип (16,0%). Таким образом, условно политически пассивными могут считаться практически 80% молодежи (Рисунок 5).

В разрезе молодежных групп, участвовавших в исследовании, можно сказать, что, политически вовлеченный тип чаще встречается среди сельской молодежи, погруженный тип скорее характерен для молодежи, проживающей в среднем городе. Пассивный тип вообще

более представлен среди городской молодежи, индифферентный и исключенный – среди сельской. Есть определенный риск воспроизводства неравенства относительно включенности в политическую жизнь, приобщенности к политическим процесса, через поселенческие модели. Если говорить о модели занятости и образования, то чаще вовлеченный тип выявляется среди учащейся молодежи, и в противовес ему также более представлены среди этой группы индифферентный и исключенный тип, а вот погруженный тип наиболее характерен среди работающей молодежи, как в прочем, и пассивный тип.

Политические позиции молодежи, как отдельный показатель, остаются неизменными на протяжении последних 5 лет – либеральная позиция является доминирующей по отношению к остальным, второй в этом списке становится демократическая позиция, все остальные политические акценты (как правило связанные с принципами ведущих партий) не набирают и 10%.

Самоидентификация молодежи в условиях и в пространстве политического выбора России напрямую связана с отождествлением своих интересов с принципами и деятельностью партий, представленных в политическом пространстве. Молодым людям, в рамках исследовательского дизайна, был предложен выбор партий, которые, по их мнению, отражают интересы молодежи и с которыми они солидарны, и напротив, не солидарны, по причине не ориентации на проблемы молодежи. Такая оценка позволила построить рейтинг партий по показателю солидарности с ними молодых людей (Рисунок 6).

Тот факт, что негативные оценки, связанные с отсутствием внимания у ведущих партий к интересам молодежи, преобладают над положительными оценками, заставляет еще раз обратить внимание на контент предвыборных программ и презентаций. Лидерами

положительных оценок, которые получены от 24% молодежи, становятся партия «Единая Россия» и партия «Новые люди» – у этой партии единственной из всего списка положительные оценки доминируют над отрицательными. Также 20,7% солидарны с партией ЛДПР и 16,7% с партией «Справедливая Россия – За правду». Остальные партии получают менее 15% положительных оценок. Лидерами отрицательных оценок становятся партии КПРФ, «Единая Россия», партия пенсионеров и «Коммунисты России».

Демонстрацией моделей политического поведения, сформированного под воздействием политической культуры и в результате политической самоидентификации, становится отношение к политической активности, политические стратегии и собственно оценка и использование политических практик в повседневной жизни и в рамках политического выбора.

Свои возможности влиять на политику молодежь оценивает не просто не высоко, а скорее низко, причем при повышении уровня управления они уменьшаются: так, если на уровне города свое влияние оценивают, как низкое 44,7%, то уже на уровне региона 51,5%, на уровне Федерации – это уже 61,4%. Высокий уровень влияния в оценках молодежи падает с 22,7% на локальном уровне до 11,6% на федеральном.

Пессимистичная оценка возможности влияния на политику основана в том числе и на опыте политического участия молодежи. Так, масштабное участие наблюдается только в выборных мероприятиях (непосредственно голосование) (58,1%). Все остальные мероприятия, по включенности молодежи в них, практически не превышают 10% участия (исключение составляют политические флешмобы и избирательные компании, где молодежь обычно выступает в роли статистов).

Солидарность молодежи с партиями России
/ Solidarity of youth with Russian parties

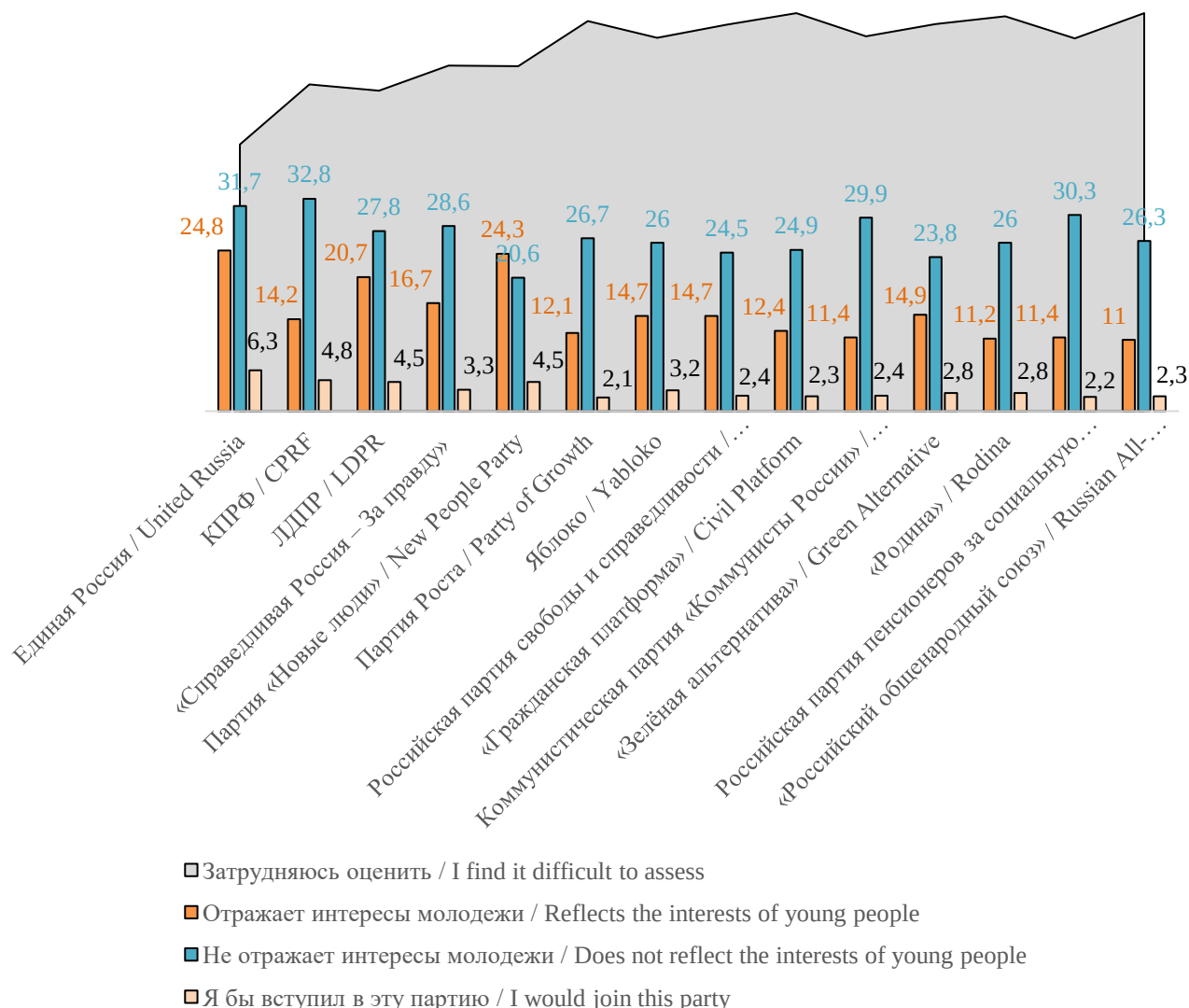

Рисунок 6. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько основные политические партии России выражают Ваши интересы и насколько Вы солидарны с ними?»

Figure 6. Respondents' answers to the question: "To what extent do the main political parties of Russia express your interests and to what extent are you in solidarity with them?"

Порядка 9% принимали участие в политических клубах, кружках, референдумах, дебатах и дискуссиях – 5% от их числа входят в группу политически включенной молодежи, они же более других представлены и в ответах об участии в деятельности политических партий. Протестный опыт включил в себя

представителей молодежи разного политического статуса.

Политические стратегии, представленные в ответах молодежи, показывают, что они не так уж важны и большая часть молодежи не включает их в обязательный реестр своей жизни. Наиболее важным для 30% молодежи становится обязательное участие в

выборах и референдумах и повышение своей политической активности и информированности для 21,1%. Участие в избирательных компаниях, как обязательное поведение в дальнейшем, планируют 17,0%, по 14% хотели бы

выдвинуть свою кандидатуру на выборы в качестве депутата и принять участие в протестных акциях. 13,6% видят себя в должности мэра или губернатора, хотя при этом менее 12% хотели бы вступить в партию (Рисунок 7).

Политические стратегии молодежи / Political Strategies of Youth

Рисунок 7. Ответы респондентов на вопрос:
«Какая из перечисленных позиций вам ближе всего?»

Figure 7. Respondents' answers to the question: "Which of the listed positions is closest to you?"

Разные молодежные группы демонстрируют определенные акценты в выборах обязательных политических стратегий. Так, деревенская молодежь и учащаяся молодежь более других желают стать политически продвинутыми, включиться в политическую повестку, участвовать в избирательных компаниях, представить свою кандидатуру в качестве депутата, губернатора, мэра. И, если для учащейся молодежи данный перевес связан скорее с возрастными особенностями, то для деревенской молодежи такая специфика может определять ориентацию на социальную

мобильность – стратегию выхода на более высокий социальный уровень, включение «социального лифта» в политической сфере.

Политические стратегии молодежи поднимают вопрос о возможности создания молодежных политических организаций, в том числе молодежных партий. 61,2% дали однозначно положительный ответ о включении в такого рода политическую перспективу, при этом почти четверть молодых людей готовы вступить и активно участвовать в деятельности такой партии, остальные готовы отдать свой голос за нее. 15,0% не

верят в конкурентоспособность такой партии.

Факторный анализ открытого вопроса об ориентирах такой партии, позволил определить основные группы вопросов, которые она могла бы решать: к числу таких можно отнести вопросы, связанные напрямую с проблемами и потребностями молодежи; вопросы образования и повышения его конкурентоспособности; вопросы внутренней политики, в том числе безопасности, качества жизни; вопросы справедливости, равенства, борьбы с коррупцией. По сути, так как в большинстве случаев молодежь указывает конкретно один из акцентов, это могли бы быть четыре молодежные партии с непересекающимися программами.

Отношение к электоральным технологиям в молодежной среде помогает понять факторная модель принятия решения об участии в выборах. Преимущественные факторы выбора получены по положительным решениям участия, среди них приоритетными становятся гражданская позиция участия (44,5%), надежда на улучшение ситуации (41,9%), возможность повлиять на жизнь в стране (31,4%). Порядка 20% считают, что своим участием могут помочь конкретному кандидату или партии, а также, что их голосом смогут воспользоваться, если они не придут на выборы. Отрицательные решения также имеют рейтинг своих причин – так, ведущими причинами, к которым апеллируют порядка 10% молодежи, стали отсутствие веры, что их голос что-то может изменить, веры в честные выборы и уверенность в формальности выборных технологий. 7-9% указали причины связанные с отсутствием информации о кандидатах голосования, недоверие к их предвыборным обещаниям и отсутствие достойных кандидатур. Таким образом, положительное решение поддержки выборных технологий для молодежи связаны более с потребностью в

гражданском участии, а отрицательные – с недоверием к самой электоральной технологии.

Заключение (Conclusions). По итогам исследования могут быть сделаны определенные выводы о показателях политической культуры молодежи российского приграничья. Уровень политической культуры региональной молодежи на пороге геополитического кризиса был низок: молодежь критично оценила свои знания и понимание политических процессов, свое политическое участие в них и способность вести политический диалог. Опираясь на данные последних исследований (не опубликованных на данный момент), можно сказать, что этот уровень не сильно изменился. В условиях политической турбулентности, группа, демонстрировавшая приверженность и интерес к оппозиционной коммуникации, составила группу молодежи, не принявшей политическую трансформацию.

Не включенность молодежи в политическую повестку, ее политическая пассивность, обусловила ситуацию политической дезориентации, которая спровоцировала последующую деформацию и миграцию молодежи. Неопределенность политической позиции оказала сильное воздействие на горизонт жизненного планирования, и вообще на все стратегии молодежи – краткосрочное планирование повысило риск ошибки в жизненно-важных решениях, связанных с трудовыми, матримониальными, образовательными, самосохранительными и экономическими стратегиями молодежи.

Центрированность на качестве жизни и безопасности в разрезе политических ценностей создало факторную основу принятия решений, которая активировалась в ситуации повышенного риска среды – все факторные модели жизненного планирования молодежи региона в первых позициях зафиксировали фактор безопасности, что в условиях идеологических войн, морально-

нравственных решений и необходимости политической идентификации, создало рисковое пространство подверженности внешнему воздействию для молодежи. Стремление к качеству жизни увеличило миграционные процессы, изменив структуру регионального человеческого капитала.

Есть отдельная тема, связанная с жизненными стратегиям молодежи, привлекающая наше внимание и обозначающая зону определенного риска – при низком интересе к политическим процессам, низкой включенности в политическую активность, существует достаточно значимая группа молодежи, которую привлекает политическая карьера (13-14%). В ситуации признания низкого уровня политической культуры по всем показателям, но при мотивированности использования данной формы социальной мобильности в качестве социального лифта, политический профиль возможных молодых политиков может вызывать серьезные опасения, в том числе и по мотивам, вовлекающим их в политическую деятельность. Данные опасения усугубляются ситуацией политического кризиса и неопределенности, где политическая культура лидеров (даже молодых) начинает играть решающую роль в разрешении конфликтов и достижении компромиссов.

Таким образом, показатели политической культуры молодежи на рубеже геополитических перемен спровоцировали риски, часть из которых реализовалась в пространстве региона, и привела к серьезным последствиям, связанным с изменением характеристик регионального человеческого капитала, возможностью реализовать программы стратегического развития региона. Невнимание к политической культуры молодежи со стороны социальных институтов (прежде всего образования и воспитания) дает основу для формирования все новых рисков в условиях современной реальности,

последствия которых могут быть не настолько отсроченными. В это связи, необходим не просто мониторинг показателей политической культуры региональной молодежи, но и разработка программ ее формирования и повышения уровня для всей молодежи, и, отдельно, для молодежи, имеющей политические амбиции, для молодых политических лидеров и активистов.

Список литературы

Акаев Д. В. Трансформация политической культуры молодежи: роль интернет-коммуникаций // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6 (57). С. 153-158. EDN: XHLIWD.

Бухнер А. А. Политическая культура молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник Международного института рынка. 2017. № 1. С. 57-64. EDN: YPRWLF.

Вилков А. А., Богданов А. В. Традиционализм и модернизм в политической культуре студенческой молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, № 4. С. 68-74. DOI: 10.18500/1818-9601-2011-11-4-68-74. EDN: ONTLFH.

Вицентий И. В. Политическая культура студенчества: по результатам исследования Мурманской области // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 76-81. EDN: SLIZIT.

Долинина И. Г. Сознание и поведение молодежи в контексте гражданской политической культуры // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1. С. 162-170. EDN: NCUZQN.

Долинина И. Г. Динамика развития политической культуры // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 113-118. EDN: NCDGPP.

Колпаков В. В. Влияние интернет-технологий на формирование политической культуры российской молодежи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 122-132. EDN: ZXWYCX.

Кудрявцева Е. Э. Политическая культура студенческой молодежи в современном

российском обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6 (45). С. 97-102. EDN: RIJODG.

Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) / Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андрианова Е. В., Худякова М. В., Шаповалова И. С. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9. EDN: VYDKQJ.

Погосян Л. А., Гражданкина Л. Ю. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4 (43). С. 293-295. EDN: SKHKVX.

Пожидаева Э. О., Телин К. О. Политическая культура как фактор стабильности политической системы // Вестник Московского университета. Сер. 12: Полит. науки. 2016. № 1. С. 91-106. EDN: VNFNEV.

Сафонова А. С. Структура и особенности формирования политической культуры современной молодежи // Перспективы науки. 2015. № 4 (67). С. 88-92. EDN: UCBXIZ.

Тульчинский Г. Л. Перспективы российской политической культуры // Социально-политические науки. 2014. № 4. С. 11-15. EDN: TFBYUP.

Умарова А. А. Особенности современного состояния молодежной политической культуры в России // Новые технологии. 2011. № 1. С. 190-193. EDN: NQUVRR.

Чекмарёв Э. В., Дорофеева Е. С. Социально-национальное самосознание как стержень политической культуры молодежи // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 1 (30). С. 226-231. EDN: OXURGT.

Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 39-45. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45. EDN: RHTLHO.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Политическое мышление и политические

стратегии молодежи // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 4 (117). С. 589-605. DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605. EDN: FAQCJM.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2 (107). С.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Факторные модели принятия политических решений и выбора молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 71-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-7. EDN: NHRXPI.

Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Политическая социализация и идентичность в условиях трансформации российского общества // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 6. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.724. EDN: RWWZHV.

Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Национально-культурная идентичность в контексте философской традиции диалога культур // NB: Философские исследования. 2013. № 10. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848. EDN: RWBKHN.

Reference

Akaev, D. V. (2016), "Transformation of the political culture of youth: the role of Internet communications", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, (6), 153-158, EDN: XHLIWD. (In Russian)

Bukhner, A. A. (2017), "Political culture of youth as a factor in the development of civil society", *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*, (1), 57-64, EDN: YPRWLF. (In Russian)

Vilkov, A. A., Bogdanov, A. V. (2011), "Traditionalism and modernism in the political culture of student youth in modern Russia", *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsologiya. Politologiya*, 11 (4), 68-74, DOI: 10.18500/1818-9601-2011-11-4-68-74, EDN: ONTLFH. (In Russian)

Vitsentiy, I. V. (2014), "Political culture of students: based on the results of the study of the Murmansk region", *Mezhdunarodny zhurnal issledovany kultury*, (1), 76-81, EDN: SLIZIT. (In Russian)

Dolinina, I. G. (2011), "Consciousness and behavior of young people in the context of civil political culture", *Sotsialno-gumanitarnye*

znaniya, (1), 162-170, EDN: NCUZQN. (In Russian)

Dolinina, I. G. (2010), "Dynamics of development of political culture", *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, (4), 113-118, EDN: NCDGPP. (In Russian)

Kolpakov, V. V. (2017), "The influence of Internet technologies on the formation of the political culture of Russian youth", *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly*, (4), 122-132, EDN: ZXWYCX. (In Russian)

Kudryavtseva, E. E. (2014), "Political culture of student youth in modern Russian society", *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*, (6), 97-102, EDN: RIJODG. (In Russian)

Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kienko, T. S., Tarasova, A. N., Andrianova, E. V., Khudyakova, M. V., Shapovalova, I. S. (2022), "Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022)", *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 8 (3), 116-136, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9, EDN: VYDKQJ. (In Russian)

Pogosyan, L. A., Grazhdankina, L. Yu. (2014), "Political culture as a factor in the formation of social activity of young people", *Vestnik Severo-Kavkazskogo federalnogo universiteta*, (4), 293-295, EDN: SKHKVX. (In Russian)

Pozhidaeva, E. O., Telin, K. O. (2016), "Political culture as a factor in the stability of the political system", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Polit. nauki*, (1), 91-106, EDN: VNFNEV. (In Russian)

Safonova, A. S. (2015), "Structure and Features of Formation of Political Culture of Modern Youth", *Perspektivy nauki*, (4), 88-92, EDN: UCBXIZ. (In Russian)

Tulchinsky, G. L. (2014), "Prospects of Russian Political Culture, *Sotsialno-politicheskie nauki*", (4), 11-15, EDN: TFBYUP. (In Russian)

Umarova, A. A. (2011), "Features of the Current State of Youth Political Culture in Russia, *Novye tekhnologii*, (1), 190-193, EDN: NQUVRR. (In Russian)

Chekmarev, E. V., Dorofeeva, E. S. (2012), "Social and National Identity as the Core of Youth Political Culture", *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*, (1), 226-231, EDN: OXURGT. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2022), "Political strategies of youth: will our politics be young?"

Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya, 22 (1), 39-45, DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45, EDN: RHTLHO. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Valieva, I. N. (2024), "Political thinking and political strategies of youth", *Integratsiya obrazovaniya*, 28 (4), 589-605, DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605, EDN: FAQCJM. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Valieva, I. N. (2022a), "Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites", *Integratsiya obrazovaniya*, 26 (2), 345-362, DOI: 10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362, EDN: VWPPZY. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Valieva, I. N. (2022b), "Factor Models of Political Decision-Making and Youth Choice", *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 8 (4), 71-88, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-7, EDN: NHRXPI. (In Russian)

Shchuplenkov, O. V., Shchuplenkov, N. O. (2013a), "Political socialization and identity in the context of transformation of Russian society", *NB: Problemy obshchestva i politiki*, (6), DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.724, EDN: RWWZHV. (In Russian)

Shchuplenkov, O. V., Shchuplenkov, N. O. (2013b), "National-cultural identity in the context of the philosophical tradition of dialogue of cultures", *NB: Filosofskie issledovaniya*, (10), DOI: 10.7256/2306-0174.2013.10.8848, EDN: RWBKHH. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 07 июня 2025 г.
Поступила после доработки 02 сентября 2025 г.
Принята к печати 10 сентября 2025 г.
Received 07 June 2025. Revised 02 September 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Савеличева Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Irina N. Savelicheva, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-5

Оригинальная статья

Семченко И. В. ,
Махмутова К. А.

Патриотизм в контексте жизненных стратегий
молодежи Белгородской области

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308009, Россия
Semchenko@bsuedu.ru
makhmutova@bsuedu.ru

Аннотация: В статье автор раскрывает особенности представлений о патриотизме среди молодежи. Патриотизм рассматривается как универсальный патерн, который должно быть сформировано у современной молодежи на трех основах: гражданственность, мир, культура. Автор полагает, что патриотизм как форма отношения к социальной реальности в молодежной среде может быть устойчивым вектором, сохраняющимся в быстроменяющихся тенденциях в политической, культурной, социальной сферах. В ходе теоретического анализа понятия патриотизма была констатирована амбивалентность этого понятия: конструктивная модальность – любовь к Родине, гордость за страну, национальная принадлежность и пр., и деструктивная – навязывание мнения со стороны, узкий национализм, глорификация экстремизма и пр. Конструктивный патриотизм, как одна из форм проявления гражданственности, должен иметь созидательную силу, которая может объединить людей и снижать различные дискриминационные формы разрушительного поведения. В эмпирической части статьи были представлены данные исследований 2022-2023 года, в которых принимала участие молодежь Белгородской области. Было определено, что молодежь воспринимает патриотизм через активную гражданскую позицию, социальной справедливости и привязанностью к стране и Родине. Большая часть опрошенных относят себя к патриотам (при этом отмечается весомая положительная динамика по отношению к 2019 году), но также имеются некоторые формы негативного влияния антипатриотической направленности, что обуславливает необходимость формирования оптимальных форм социальной регуляции, основанных на обеспечении интериоризации ценностей патриотизма современной молодежью. Результатом исследования можно считать выделение триединой формы патриотизма основанной на ценностях социально-культурного плана, ориентации на политические особенности развития общества и духовно-нравственное воспитание.

Ключевые слова: патриотизм; молодежь; гражданственность; страна; политика; культура; ценности

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Государственного задания FZWG2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства», 2023-2025 г.

Информация для цитирования: Семченко И. В., Махмутова К. А. Патриотизм в контексте жизненных стратегий молодежи Белгородской

области // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3.
С. 79-92. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-5.

Original article

Irina V. Semchenko ,
Karolina A. Makhmutova

**Patriotism in the context of life strategies among young
people in the Belgorod region**

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308009, Russia
Semchenko@bsuedu.ru
makhmutova@bsuedu.ru

Abstract: The author of the article reveals the characteristics of young people's ideas about patriotism. Patriotism is considered a universal value that should be instilled in modern youth through three key principles: citizenship, peace and culture. The author believes that patriotism as a form of attitude to social reality in the youth environment can be a stable vector, preserved in rapidly changing trends in the political, cultural, social spheres. Theoretical analysis of the concept of patriotism revealed its ambivalence: constructive aspects include love for the Motherland, pride in the country and national identity, while destructive aspects include the imposition of opinions from outside the country, narrow nationalism and the glorification of extremism. Constructive patriotism, as one of the forms of manifestation of citizenship, should have a creative force that can unite people and reduce various discriminatory forms of destructive behavior. The empirical section of the article presents data from studies conducted in 2022-2023, in which young people from the Belgorod region participated. It was determined that young people perceive patriotism through an active civic position, social justice and attachment to the country and the Motherland. Most of the respondents consider themselves patriots (while there is a significant positive trend in relation to 2019). However, there are also some negative influences of an anti-patriotic orientation, which necessitates the formation of optimal forms of social regulation based on ensuring the internalisation of the values of patriotism by modern youth. The study's findings can be summarised as the identification of a triune form of patriotism, based on socio-cultural values, political features of societal development, and spiritual and moral education.

Keywords: patriotism; youth; citizenship; country; politics; culture; values

Acknowledgment: The research was supported by a state assignment "Life strategies of youth in the context of the geopolitical transformation of the Russian space", FZWG-2023-0016, 2023-2025.

Information for citation: Semchenko, I. V., Makhmutova, K. A. (2025) "Patriotism in the context of the life strategies of the youth of the Belgorod region", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 79-92. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-5.

Введение (Introduction).

В последние годы наблюдается возрождение научного интереса к теме патриотизма, которая исследуется с различных теоретических позиций и в рамках

множества научных отраслей, включая педагогику, социологию, управление, политологию и другие. Такой интерес исследователей к проблеме патриотизма, особенно в молодежной среде,

детерминирован комплексом социально-политических, социокультурных и психолого-педагогических факторов, определяющих как текущее состояние общества, так и векторы его будущего развития.

Во-первых, в условиях глобализации и трансформации современных обществ происходит переосмысление традиционных ценностных ориентиров и идентификационных моделей. Молодежь, как наиболее восприимчивая к изменениям социальная группа, оказывается в эпицентре столкновения разнонаправленных дискурсов – от националистических до космополитических. Это актуализирует задачу изучения содержания и структуры патриотического сознания новых поколений, которое уже не может быть сведено к классическим канонам, а представляет собой сложный, зачастую противоречивый, синтез традиционных ценностей и новых глобальных трендов.

Во-вторых, патриотизм выступает ключевым элементом консолидации полиэтничного и поликонфессионального общества, фактором обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности. В данном контексте молодежный патриотизм представляет собой не только объект научного анализа, но и стратегический ресурс развития государства. Исследование его специфики позволяет выявить потенциал гражданской солидарности, уровень лояльности к институтам власти и готовности к конструктивному участию в жизни страны, что является фундаментом для выработки эффективной государственной молодежной политики.

В-третьих, наблюдается парадигмальный сдвиг в понимании самого феномена патриотизма: от его этатистской трактовки, акцентирующей связь с государственными институтами, к более широкому гражданско-активистскому пониманию, где на первый план выходит не декларативная

лояльность, а практическая деятельность на благо локального сообщества и страны в целом. Это требует разработки новых методических инструментов для его измерения и анализа, выходящих за рамки традиционных социологических опросов.

Наконец, в современном информационном пространстве, характеризующимся высокой степенью гибридности и конфликтогенности, формирование патриотических чувств происходит в условиях интенсивного противоборства различных идеологий и целенаправленных манипулятивных воздействий. Изучение каналов, механизмов и агентов формирования патриотизма (как институциональных, так и неформальных) позволяет разработать эффективные стратегии противодействия деструктивным влияниям и экстремистским narratives, а также способствовать становлению зрелой, рефлексивной и критически мыслящей гражданской идентичности.

Таким образом, комплексное междисциплинарное исследование патриотизма в молодежной среде является не только релевантным научным запросом, но и насущной практической необходимостью, ответом на вызовы современности, от решения которых зависит устойчивость и будущий исторический путь государства.

В этой связи формирование патриотизма должно быть ориентировано на новый уровень осмысления. Наличие и характер связи между представлениями о патриотизме и самой установкой патриотизма в данном аспекте является важным исследовательским ракурсом.

Методология и методы (Methodology and methods). Согласно БСЭ, патриотизм – это объединение двух понятий – соотечественник и Родина, отечество, т.е. осознанная любовь к Родине, своему народу, его традициям и пр. Предпосылки возникновения патриотизма заложены в привязанности к семье, роду, племени. Трансформация

понятия происходила в связи с развитием политической, социальной и других сторон общественной жизни человека, но основные его характеристики оставались и сохраняются до сих пор.

Согласно аксиологической концепции, патриотизм основывается на понимании ценности человека как гражданина, которому гарантированы равные возможности, а успех зависит от личной инициативы и самостоятельности, способности к труду и собственным способностям. Также, необходимо обратить внимание на феноменологический подход, в котором иерархия ценностей построена на интенциональности ценностно-ориентированного сознания, т.е. направленность человека на формы и ценности, которые могут быть заложены в обществе (Валуев, 20009); психологическую концепцию, где основой является субъективно-объективное понимание патриотизма, от возвышенного чувства любви до объективного понимания значимости дома, родного края и пр. Здесь следует отметить амбивалентность восприятия патриотизма, риск трансформации любви к «своим» традициям и роду в националистические идеи, шовинизм и другие деструктивные течения (Выршиков, Бузский, 2001).

С точки зрения социологического подхода, патриотизм – это социальное явление, которое должно иметь практически-предметный характер, т.е. должны совершаться действия, поступки во благо Родины (Иванова, Лутовинов, 2008). Соответствующие ценностные ориентации рассматриваются в социологии труда, политики, образовании, вопросах молодежной политики, девиантного поведения, государственного управления и т.д.

Рассмотрим несколько направлений изучения патриотизма:

1. Изучение патриотизма как значимой *социально-культурной ценности* связано во многом со спецификой

различных социокультурных факторов, особенностей ментального развития, особенностей становления общественных форм и притязаний, трансформации социально-политического и экономического положения страны, граждан и др. В целом, становление патриотизма это не революционной процесс, а управляемый, поэтому такое воздействие является наиболее значимой характеристикой в системе воспитания и образования современной молодежи. И здесь возникают вопросы идентичности и патриотизма как социокультурного феномена развития общества в изменяющейся социальной среде.

2. *С политической точки зрения* вопросы патриотизма, как национальной идеи и российской государственности посвящены множество трудов постсоветского периода (Абрамов, 2016; Патриотизм и национализм..., 2015). На государственном уровне патриотическое воспитание находится в Федеральном проекте «Патриотическое воспитание граждан РФ», в рамках проекта проводятся мероприятия, ориентированные на воспитательную работу среди детей и молодежи. Все программы имеют крупные проекты по развитию межпоколенческого взаимодействия, развитию патриотических движений, клубов, популяризацию истории страны, продвижению патриотических движений и пр. (Антонова, Сафронова, Лучникова, 2017; Иванова, 2003). Применительно к нашей стране, можно заметить, что патриотизм, как баланс этнонационального и интернационального является единственным возможным рецептом выживания. Весь исторический опыт России демонстрирует, что конструктивным является только путь сочетания самоуважения определённой этнической группы с уважением к другим этносам (Абрамов, 2016). Особое значение патриотизма проявляется в системных трансформациях, происходящих в обществе, когда прежние механизмы

социального, политического контроля ослабевают, ценностные установки теряются, общественные связи изменяются. В таких условиях патриотизм может быть базой для общества, сохраняя свойства идентификации гражданина в определённой форме социального управления (Патриотизм и национализм..., 2015: 34).

3. Патриотизм можно рассматривать с позиции *социально-психологического и духовно-нравственного воспитания*. Современная ситуация диктует всему обществу необходимость развития патриотического воспитания молодежи. И многие ученые и практики сталкиваются с комплексом проблем, связанных с формированием нового облика патриота и формулировки патриотизма. Сегодня на государственном уровне приоритетной задачей становится развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, а, следовательно, повышается актуальность изучения патриотизм в контексте жизненных стратегий молодежи.

Направления изменения форм патриотизма в многом могут быть связаны со следующими социальными тенденциями:

- трансформациями в социально-культурных ценностях, сформированными в обществе в определенный период его развития;
- политическими преобразованиями, инициированными государством;
- контрпатриотизмом, который также в системном порядке развивается в социальном прогрессе/регрессе;
- новыми формами социального взаимодействия;
- трансформациями, происходящими в социальном обществе;

– изменениями социально-психологического концепта патриотизма в рамках восприятия людьми государственных и геополитических трансформаций.

Следовательно, различные вариации патриотизма могут устойчиво коррелировать с преобразованиями, которые происходят в государстве, проблемами и противоречиями социальных изменений в условиях развития современного общества (Колесов, Макаров, Сабодаш, 2023).

Необходимость объективной социологической информации по этому вопросу определена потребностью выявления специфических форм и черт патриотизма в молодежной среде. Исторически сложившееся определение «патриотизма» сводится к понятию «любовь к Родине, отечеству», поэтому оно связано, в первую очередь, с эмоциональным фактором человеческого восприятия дома, рода, страны, а, следовательно, с духовно-нравственными традициями и, во вторую очередь – социальным регулированием, через побуждение к действиям населения. Сложность операционализации понятия патриотизма заключается не только во множественности подходов, но и в определении понимания в сознании молодежи факторов, приводящих к проявлениям «лжепатриотизма», «антипатриотизма», «контпатриотизма», и, как следствие, деформации истинного понимания этого феномена (Валуев, 2009).

Разнообразие подходов и оценок к пониманию патриотизма приводит к множеству исследовательских разработок. Методологический интерес автора представлен подходом к патриотизму через самоидентификацию, ценностные ориентиры, эмоциональную составляющую и гражданственность (Рисунок 1).

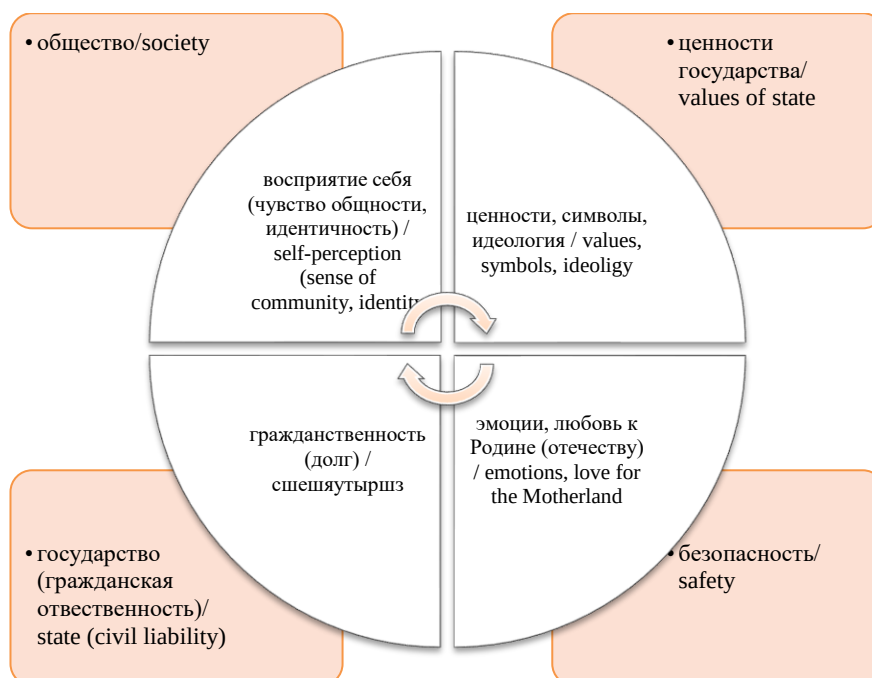

Рисунок 1. Структура патриотизма (авторский подход)
Figure 1. Structure of patriotism (author's approach)

Говоря о структуре патриотизма, необходимо исходить из содержания данного явления. Можно сказать, что патриотизм выражается в направленности действий общности по обеспечению собственной жизненной позиции на основе культурных традиций, ценностных ориентиров, институционализированных форм социального взаимодействия. Такие формы взаимодействия, основанные на патриотической идее, могут иметь контексты политической, культурной, исторической направленности.

В настоящее время внутренних и внешних перемен и геополитического кризиса, усиление значимости России на международной арене приводит к повышению внешнего воздействия на все ее социальные институты. В частности, враждебные действия ориентированы на разрушение идеологической составляющей жизнеустройства российского социума, ценностной основы государственности через изменение понятий «патриотизм», «патриотическое воспитание». Именно в такое время

сохранение и усиление базовых основ ценностных ориентаций российского патриотизма в молодежной среде, активное формирование российской идентичности позволит обеспечить сохранность государственной безопасности и национального единства. С точки зрения важности развития патриотического сознания молодежи, можно обратиться к «Стратегии реализации молодежной политики в РФ» на период до 2030 года, где четко определены формы контроля показателей и доли участвующей в проектах молодежи. В частности, создание системы для становления и развития поколения российских граждан, патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России к 2030 году – охват не менее 50% молодежи.

В ходе аналитической работы мы обратились к данным мониторингового исследования, посвященного восприятию россиянами патриотизма (ВЦИОМ,

2023 г.)¹. В рамках исследования опрошено было 1600 россиян в возрасте от 18 лет, и получены следующие данные:

- 91% россиян считают себя патриотами;
- 45% считают, что быть патриотом – это работать и действовать во благо/для процветания страны;
- 38% – защищать свою страну от нападок и обвинений;
- 16% – любовь к Родине – это любовь к семье и близким;
- 15% – забота о людях;
- 10 % – взаимопомощь и взаимопонимание.

В ракурсе рассмотрения ценностных ориентаций видна большая разница между восприятием себя как патриота и реальным действием – только 45% из говорящих о том, что они патриоты, готовы действовать во благо страны (деятельностный патриотизм). Можно сказать, что патриотизм свойственен общепринятым традиционным *ценностям* россиян, но остаётся в значительной степени декларативным, «латентным». Это подтверждается и данными исследования, проведенного в 2024 году Международным центром социологических исследований НИУ «БелГУ», в котором, в рамках исследования интериоризации традиционных ценностей, было определено, что разница между декларируемым патриотизмом

респондентов и интериоризованной ими ценностью «Патриотизм» составляет 27%, а между ценностью «Служение Отчеству и ответственность за его судьбу» практически 40% (Шаповалова, 2025).

Ниже приведены данные, представленные ВЦИОМ о результатах мониторингового опроса респондентов, оценивших возможность назвать себя патриотом. Уровень патриотизма повышается в течении всего периода исследований (с 2000 по 2024 год), при этом значения положительных оценок за 2024 год увеличены по отношению к предыдущему году на 10%. Возросшее количество положительных выборов можно считать гражданским откликом на ту геополитическую трансформацию и кризис, который мы наблюдаем в последнее время (Таблица 1).

Для более глубокого и точного понимания и определения патриотизма в молодежной среде Международным центром социологических исследований Белгородского государственного университета в 2022 и 2023 году был проведен массовый опрос молодежи Белгородской области (n=3006 (2022), n=5580 (2023), доверительный интервал – 95%, ошибка выборки – 3,02%). Целевыми квотами исследования являются: место жительства, пол, возраст, образование респондентов, дополнительными характеристиками стали экономическое положение и семейный статус (Таблица 2).

¹ Патриотизм: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 26.06.2025).

Таблица 1

Оценка возможности назвать себя патриотом, по результатам мониторингового исследования

Table 1

Assessment of the opportunity to call oneself a patriot, based on the results of a monitoring study

Ответ/ answer	Да, безусловно / Yes, definitely	Скорее да / Rather yes	Скорее нет / Rather no	Безусловно нет / Definitely no	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
2000	84	47	16		0
2005	47	37	8	2	6
2006	42	42	10	2	4
2008	48	40	6	2	4
2010	41	43	9	1	3
2011	41	39	14	3	3
2013	37	44	12	2	5
2014	48	36	9		3
2016	46	34	12	6	2
2018	51	41	4	1	3
2020	46	43	6	2	3
2022	54	38	4	1	3
2023	52	39	4	1	4
2024	62	32	2	1	3

Таблица 2

Данные по исследовательским квотам молодежи (Белгородский регион)

Table 2

Data on youth research quotas (Belgorod region)

Исследовательская квота / Research quota	Характеристика / Characteristic	% соотношение
Гендерное соотношение / Gender ratio	Мужчина / Man	40,4
	Женщина / Woman	59,6
Возрастное соотношение / Age ratio	14-15	16,9
	16-17	19,3
	18-21	41,4
	22-25	10,6
	25-30	6,2
	31-35	6,0
Место жительства / Place of residence	Областной центр / Regional center	44,9
	Районный центр / District center	25,0
	Сельское поселение/ Rural settlement	30,0
Образование Education	Обучающийся в школе, гимназии, колледже, училище / Studying at a school, gymnasium, college, college	40,4
	Обучающийся в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	40,0

	Работающий / Working	19,2
	Окончили учебное заведение, но временно не работаете / You have graduated from an educational institution, but you are temporarily not working	0,5
Экономическое положение респондентов / The economic situation of the respondents	Не имеет материальных ограничений / It has no material limitations	18,4
	Может позволить себе дорогие покупки и хороший отдых, но не покупку дорогой собственности / Can afford expensive purchases and a good vacation, but not the purchase of expensive property	38,8
	Может позволить себе продукты питания, одежду, но не дорогие приобретения / Can afford food, clothes, but not expensive purchases	37,2
	Весьма ограничены в средствах / Very limited in funds	5,6
Семейный статус / Family status	Не состоит в браке, детей нет / Unmarried, no children	85,6
	Не состоит в браке, есть дети / Unmarried, has children	3,9
	Состоит в браке, детей нет / Married, no children	3,6
	Состоит в браке есть дети / Married, has children	5,6
	Разведен, детей нет / Divorced, no children	0,4
	Разведен, дети есть / Divorced, has children	1,0

В рамках исследования социальных стратегий региональной молодежи, в том числе, были рассмотрены и их духовно-нравственные диспозиции, в число показателей которых включена оценка патриотизма.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Проведенный опрос среди молодежи Белгородской области позволил определить знания и формы проявления патриотизма в молодежной среде в контексте жизненных стратегий региональной молодежи.

В ходе лонгитюдного исследования было выявлено, что на протяжении семи лет, начиная с 2015 и до 2022 года,

большая часть опрошенных относили себя к патриотам, но спад положительных ответов к 2019 году позволил выдвинуть предположение о надвигающемся риске духовности, идентичности, ценностной дезориентации молодежи. Возврат к ежегодным замерам в 2022 году (после начала специальной военной операции) показал, что произошел перелом, трансформация сознания молодежи, «развернувшая» ее лицом к собственной стране. Осознание возможных рисков, угроз (возможно оформленность внешнего врага), повысили уровень патриотизма, переведя его показатель в значение практически абсолютного гражданского согласия (90%) (Рисунок 2).

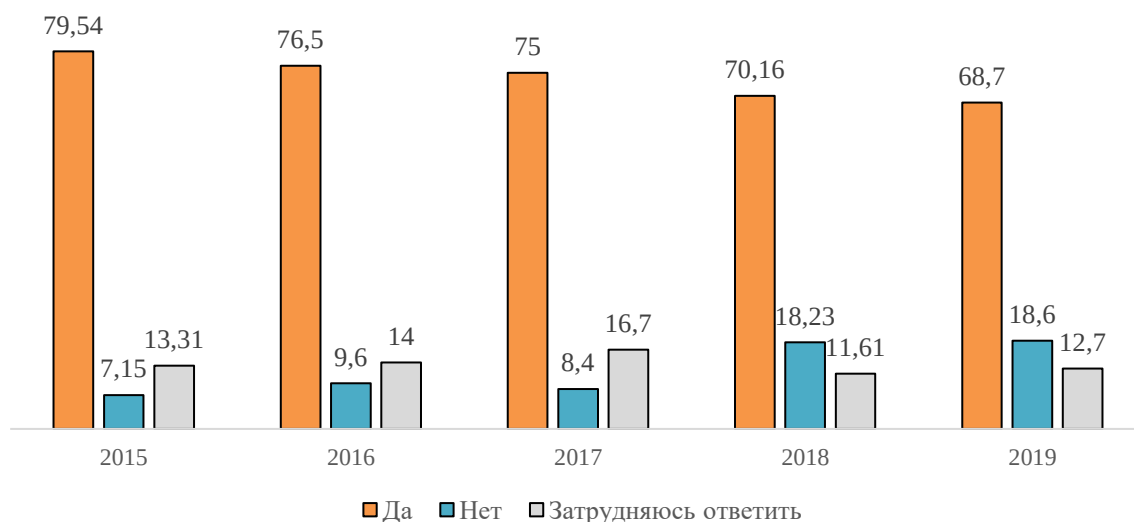

Рисунок 2. Молодежь и патриотизм

(по результатам социологического исследования, 2015-2019)

Figure 2. Youth and patriotism (based on the results of a sociological study, 2015-2019)

С 2023 года, в связи с актуальной ситуацией геополитической угрозы и кризиса, молодежи был задан изменённый по форме вопрос об оценке собственного

патриотизма, что позволило увидеть его новую структуру, в свете изменившихся социальных обстоятельств (Рисунок 3).

Рисунок 3. Оценка собственного патриотизма молодежью Белгородской области (2023 год)

Figure 3. Assessment of their own patriotism by the youth of the Belgorod region (2023)

В данном контексте особое внимание необходимо обратить на два аспекта: во-первых, уровень патриотизма относительно других периодов исследования значительно вырос, даже те, кто сомневался, после начала специальной военной операции, идентифицируют себя с

понятием «патриота» и данный показатель остается устойчивым с 2022 года; во-вторых, более 8% респондентов не готовы себя относить к патриотам России, при этом почти 4% из них, пересмотрели собственные взгляды именно после начала СВО. Причины и особенности

формирования таких взглядов необходимо рассматривать и изучать в динамике. 8% молодежи не считающие себя патриотами составляют особую рисковую группу, которая, в условиях гибридных войн может стать объектом внешнего воздействия. Риски, возникающие при этом, могут иметь достаточно весомые масштабы, в том числе и для региональной безопасности, но в первую очередь заключаются в следующих направлениях повышения социальной напряженности:

- рост недоверия молодежи к институту власти;
- повышение уровня социальной нестабильности, поляризация общества;
- повышение готовности молодежи к протестным решениям;
- риск экстремизации сознания молодежи и, как следствие, принятие возможности моделей экстремистского поведения.

Конечно, выделены глобальные формы негативного влияния антипатриотической направленности, но именно их необходимо иметь в виду для изучения патриотизма с позиции ценностно-деятельностной ориентации и формирования оптимальных механизмов социального проектирования.

В целом патриотизм рассматривается через различные формы проявления гражданской ответственности, поддержания национальных особенностей и традиций региона. Восприятие патриотизма можно разделить на компоненты:

1. Компонент внешних глобальных интересов – проявление патриотизма в большинстве случаев остается в стремлении к развитию страны, историческим особенностям развития, чувству долга, то есть к атрибутам патриотизма, относящимся к глобальному

пониманию, ориентированному на традиции, страновые тенденции и др.;

2. Компонент внутренней убежденности – активное участие в качестве защитника Родины, привязанность к отчужденному дому, т.е. объективные внешние атрибуты, которые не могут быть отнесены глобальным тенденциям;

3. Компонент внешнего окружения – это гордость за спортивные, культурные и прочие достижения и ощущение причастности к судьбе страны, т.е. готовность принимать победы и достижения своей страны и к ним относится с доверием и уважением;

4. Компонент личных интересов – готовность жертвовать личными интересами и чувство ответственности за происходящее в стране.

В определении смыслов понятия «патриот» молодежью в 2023 году основные формы патриотизма распределились по рангам следующим образом:

1) беззаветная любовь к Родине, безусловная, независимая от ситуации (39,8%);

2) привязанность к родной земле, языку, традициям (18,6%);

3) гордость за принадлежность к государству (10,6%).

Данное распределение показывает, что молодежь связывает патриотизм с активной гражданской позицией, социальной справедливостью, различными формами привязанности к стране. На Рисунке 4 представлена распределенность ответов респондентов, и становится очевидным, что личная привязанность, амбиции, внешняя атрибутика менее всего связаны со смыслами патриотизма в сознании молодежи.

Рисунок 4. Понятие «патриот» в понимании молодежи
Figure 4. The concept of “patriot” in the understanding of young people

Заключение (Conclusions).

Методологический поиск основного содержания патриотизма обнаруживает разнообразие типологий, различных форм проявления патриотизма, ценностных ориентаций и пр. Поэтому в ходе исследования на основе проведенного предварительного анализа было выделено 3 направления изучения патриотизма – это определение социально-культурной направленности, политической и духовно-нравственной.

Динамика патриотизма в России в целом и у молодежи Белгородской области схожа, высокие показатели говорят о субъективной тождественности себя со страной, как Родиной и государством – такая ситуация показывает общенациональные тенденции, связанные с новыми акцентами в воспитательной и образовательной системе, ориентацию на патриотические смыслы во всех институтах формальной и неформальной социализации.

Выявление рискованной группы молодежи, не идентифицирующей у себя патриотических установок, определяют зону дефицита воздействия социальных институтов и ставят дополнительные задачи в программах повышения и развития патриотизма в молодежном сознании.

Особые формы проявления патриотизма в системе стратегического развития имеет триединую форму, основанную на:

- гражданской ответственности как форме организации жизни молодежи в регионе, стране через выполнение гражданских обязанностей, поддержание национальных идей, ценностей и традиций;

- направленности на мирное сосуществование людей различных национальностей, религиозных конфессий и пр., противодействие экстремизму, изменению гражданских позиций и пр.;

- уважению к культурному наследию региона и страны в целом, выраженное через восприятие ценностей, их усвоение и передачу будущим поколениям, а также через индивидуальные характеристики гордости за достижения и культурные традиции страны, региона, признание различных социально-культурных традиций.

В качестве основы устойчивого развития общества патриотизм может быть интегрирующей базой, которая позволит повысить уровень консолидации и солидаризации современного российского общества.

Список литературы

Абрамов А. В. Российский патриотизм: история и современность: монография. Москва: ИИУ МГОУ, 2016. 183 с.

Антонова А. Д., Сафронова Е. С., Лучникова М. Д. Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы // Молодой ученый, 2017. № 48 (182). С. 296-299. EDN: XHFHAE.

Валуев В. Г. Аксиология патриотизма социальных субъектов государственного

управления на региональном уровне. Дисс... канд.соц.н., Саратов, 2009. 192 с.

Вырщиков А. Н., Бузский М. П. Патриотическое воспитание: методологический аспект. Волгоград: Издатель, 2001. 47 с.

Иванова С. Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 300 с. ISBN: 5-88648-440-X. EDN: QODKPL.

Иванова С. Ю., Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм. Р.-н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 310 с. ISBN: 978-5-902982-31-9. EDN: QWEDBD.

Лутовинов В. И. Военно-патриотическое воспитание российской молодежи: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. С. В. Смурского. Москва: Изд-во РАГС, 2010. 170 с. ISBN: 978-5-7729-0516-6. EDN: LWCILF.

Колесов В. И., Макаров Ю. М., Сабодаш О. А. Патриотическое воспитание в социуме. Москва: ИП Колупаева Е. В., 2023. 340 с.

Патриотизм и национализм как фактор российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.): коллективная монография / Н. П. Ильин и др.; отв. ред. В. В. Журавлев. Москва: РОССПЭН, 2015. 782 с.

Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / А. В. Абрамов, С. П. Поляков, Н. Н. Дубинина [и др.]. Москва: Московский дом национальностей, 2015. 368 с. ISBN: 978-5-9247-0113-4. EDN: TTZENP.

Шаповалова И. С. Традиционные ценности и молодежь: проблема интериоризации // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 138-160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-9.

References

Abramov, A. V. (2016), *Rossiyskiy patriotizm: istoriya i sovremennost: monografiya* [Russian patriotism: history and modernity: monograph], IU MGOU Publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Antonova, A. D., Safronova, E. S., Luchnikova, M. D. (2017), "Patriotism in contemporary Russia: issues and problems", *Molodoy ucheny*, (48 (182)), 296-299, EDN: XHFHAE. (In Russian)

Valuyev, V. G. (2019), *Aksiologiya patriotizma sotsialnyh subiektov gosudarstvennogo upravleniya na regionalnom urovne* [The axiology of patriotism among social subjects of regional state administration], Cand. Soc. Sci. Diss., Saratov, Russia. (In Russian).

Vyrshchikov, A. N., Buzsky, M. P. (2001), *Patrioticheskoe vospitanie: metodologichesky aspekt* [Patriotic education: methodological aspect], Publisher, Volgograd, Russia. (In Russian).

Ivanova, S. Yu. (2003), *Patriotizm v sisteme sotsiokulturnykh tsennostey sovremennoy Rossii* [Patriotism within the system of sociocultural values of modern Russia], SGU Publ., Stavropol, Russia, ISBN: 5-88648-440-X, EDN: QODKPL. (In Russian).

Ivanova, S. Yu., Lutovinov, V. I. (2008), *Sovremennyy Rossiyskiy patriotizm* [Contemporary Russian patriotism], YSC RAS Publ., Rostov-on-Don, Russia, SBN: 978-5-902982-31-9, EDN: QWEDBD. (In Russian).

Lutovinov, V. I. (2010), *Voenno-patrioticheskoe vospitanie rossyskoy molodezhi: uchebno-metodicheskoe posobie* [Military-patriotic upbringing of Russian youth: study guide], ed. by S.V. Smulsky, RAGS Publ., Moscow, Russia, ISBN: 978-5-7729-0516-6, EDN: LWCILF. (In Russian).

Kolesov, V. I., Makarov, Yu. M., Sabodash, O. A. (2023), *Patrioticheskoe vospitanie v sotsiume* [Patriotic education in society], Kolupaeva E.V. IP Publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Patriotizm i natsionalizm kak faktor rossyskoy istorii (konets XVIII v. – 1991 g.): kollektivnaya monografiya [Patriotism and nationalism as a factor in Russian history (late 18th century – 1991): collective monograph] (2015), by N.P. Ilyin et al., ed. by V.V. Zhuravlev, ROSSPEN Publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Patriotizm kak faktor jeffektivnogo razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti [Patriotism as a factor in effective development of Russian statehood] (2015), by A.V. Abramov, S.P. Polyakov, N.N. Dubinina et al, Moskovskiy

dom natsionalnostey Publ., Moscow, Russia, ISBN: 978-5-9247-0113-4, EDN: TTZEHF. (In Russian).

Shapovalova, I. S. (2025), “Traditional values and youth: a problem of interiorization”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 138-160, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-9. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2024 г. Поступила после доработки 02 сентября 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 12 December 2024. Revised 02 September 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Семченко Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Irina V. Semchenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Махмутова Каролина Александровна, ассистент кафедры социологии и организации работы с молодежью, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Karolina A. Makhmutova, Assistant Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-6

Исследовательская статья

Сёмочкина Н. Н.

Руднева М. Я.

Образ инклюзивного лидера
в оценках студенческой молодежи

Российский государственный университет социальных технологий,
улица Лосиноостровская, дом 49, Москва, 107150, Россия
Odinokova@mail.ru

Российский государственный университет социальных технологий,
улица Лосиноостровская, дом 49, Москва, 107150, Россия
Rumarina@list.ru

Аннотация. Формирование лидерского потенциала молодежи тесно связано с образовательной средой, которая является уникальным местом взаимодействия обучающихся с разными потребностями и возможностями. Именно в ней складывается представление о лидерстве, которое сопровождает молодых людей в течение длительного времени. В то же время инклюзивное лидерство в молодежной среде и его восприятие недостаточно изучены в социологии. В статье приведено авторское определение «образ инклюзивного лидера», представляющее собой адаптированный социологический концепт «социального портрета» с учетом специфики инклюзии и молодежного лидерства. Автором проведено социологическое исследование методом анкетного онлайн-опроса (N = 295) среди студентов российских вузов – партнеров РУМЦ. Анкета включала три блока: социальный портрет инклюзивного лидера, специфика его восприятия молодежью и данные о респондентах. Результаты исследования показали, что у молодежи сформировано представление об инклюзивном лидере как о человеке, обладающем специфическим набором личностных качеств и ценностей. В отличие от традиционного лидерства, инклюзивное лидерство проявляется преимущественно через поддерживающее поведение и наставничество. Ключевые для молодежи характеристики инклюзивного лидера – эмпатия, высокая моральность и доброжелательность. Исследование выявило ключевые факторы, влияющие на восприятие инклюзивного лидерства: наличие инвалидности или ОВЗ, пол и возраст респондентов. Готовность стать инклюзивными лидерами в молодежной среде довольно высока, однако респонденты отмечают наличие значительных барьеров, требующих системных мер поддержки на государственном уровне.

Ключевые слова: инклюзивное лидерство; инклюзивный лидер; инклюзия; молодежь

Информация для цитирования: Сёмочкина Н. Н., Руднева М. Я. Образ инклюзивного лидера в оценках студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 93-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-6.

Natalia N. Semochkina
Marina Ya. Rudneva

The image of an inclusive leader in the perception of student youth

Russian State University of Social Technologies,
49 Losinoostrovskaya St., Moscow, 107150, Russia
Odinokova@mail.ru

Russian State University of Social Technologies,
49 Losinoostrovskaya St., Moscow, 107150, Russia
Rumarina@list.ru

Abstract. The development of youth leadership potential is closely linked to the educational environment, which serves as a unique space for interaction among students with diverse needs and abilities. It is within this environment that perceptions of leadership are shaped, influencing young people over an extended period. However, inclusive leadership and its perception within the youth community remain insufficiently studied in sociology. This article presents an original definition of the “image of an inclusive leader”, which is an adapted sociological concept of the “social portrait”, taking into account the specifics of inclusion and youth leadership. To empirically validate this concept, the author conducted a sociological study using an online survey (N = 295) among students of Russian universities that are part of the Resource Educational & Methodical Center network. The questionnaire included three sections: the social portrait of an inclusive leader, the specifics of its perception by youth, and respondent demographic data. The study results indicate that young people have a well-formed understanding of an inclusive leader as a person with a specific set of personal qualities and values. Unlike traditional leadership, inclusive leadership is primarily expressed through supportive behavior and mentorship. The key characteristics of an inclusive leader valued by youth include empathy, high moral standards, and benevolence. The study also identified key factors influencing the perception of inclusive leadership, including the presence of disabilities or health limitations, gender, and age. While the willingness of young people to become inclusive leaders is relatively high, respondents highlighted significant barriers that require systemic support measures at the national level.

Keywords: inclusive leadership; inclusive leader; inclusion; youth

Information for citation: Semochkina, N. N., Rudneva, M. Ya. (2025), “The image of an inclusive leader in the perception of student youth”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 93-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-6.

Введение (Introduction). Создание положительного образа человека с инвалидностью – это один из эффективных путей формирования общественного мнения, ключ к толерантному и принимающему отношению к инвалидности в обществе.

Такое «принимающее» общество основано на идеологии инклюзии, которая исходит из идеи о том, что различия между людьми, какими бы причинами они не определялись, рассматриваются как естественное явление и не могут служить

основанием для ограничения их прав (Афонькина, 2015).

Важнейшей сферой применения инклюзии является образование. Инклюзивное образование – это «подход, заключающийся в позитивном отношении к разнообразию учеников и в восприятии индивидуальных особенностей не как проблемы, а как возможностей для обогащения процесса познания» (ЮНЕСКО, 2007). Т.е. в первую очередь – это обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся¹.

Образовательное пространство является уникальной средой с точки зрения инклюзии, ведь в нем представлены, с одной стороны, равные по возрасту участники (сверстники), с другой стороны, имеющие разные возможности и потребности. Т.е. именно в образовательной среде стихийно или целенаправленно формируется социально-психологический опыт взаимодействия нормотипичных людей и людей с особенностями развития. Результатом такого опыта является формирование образа, во-первых, нормотипичного человека в сознании людей, имеющих особенности в развитии, и наоборот, в сознании нормотипичных людей – образа человека с особенностями развития. В подобной среде также происходит формирование личности, обладающей лидерскими качествами, т.е. неформального лидера инклюзивного сообщества – инклюзивного лидера.

«Образ» – довольно широкое понятие, под ним можно понимать некую целостность восприятия, состоящую из структурных элементов. Социальный образ – это совокупность социальных смыслов, на основе которых мы рефлекслируем социокультурные явления или процессы. Важно, что эти смыслы

формируют мировоззрение человека (Сильнова, 2014).

В социологии «образ» – это конструкт социального объекта, представления о нем в сознании людей, которые формируются в результате опыта взаимодействия. Этот конструкт динамичен, может изменяться во времени под влиянием новых взаимодействий, но большая роль отводится именно молодому возрасту. Важная черта образа – наличие эмоционального отношения к объекту и его вербализация, закрепление в определенных терминах (Сильнова, 2014).

В социологическом дискурсе категория «образ» применима как к индивиду, так и к социальной группе. Кроме того, образ формируется и в отношении различных социальных ролей и статусов, таких как мать, учитель, руководитель. Последний представляет особый интерес для социологического анализа, поскольку отражает общественные представления о лидерах, оказывающих значительное влияние на других людей.

В социологии лидерство определяется как процесс социального влияния, при котором один индивид или группа направляет, мотивирует и координирует деятельность других для достижения общих целей. Оно может быть институционализированным, закрепленным в нормативно-правовых актах и организационных структурах, либо возникать спонтанно, вне формальных регламентов (Ибрагимова, 2009). Соответственно, можно говорить о существовании как формального, так и неформального образа лидера, каждый из которых обладает специфическими характеристиками. Воздействие лидера также может быть транзакционным и трансформационным (Волосникова, 2023).

Особое значение имеет лидерство в молодежной среде. Рыльщикова О.Г. пишет, что лидерские навыки и качества воспринимаются молодежью несколько по-другому, т.к. у молодых

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» (в ред. от 08.08.2024 г.). URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 08.03.2025).

людей осведомленность в вопросах лидерства часто бывает сниженной (Рыльщикова, 2022). Р.Р. Хозинов подчеркивает значение молодежного лидерства как начального этапа становления будущей управленческой элиты страны (Хозинов, 2016).

В научных публикациях под инклюзивным лидерством часто понимается руководство образовательной организацией (Банч, Ряписов, 2017; Волосникова, Федина, Брук, 2024), вовлечение студентов в инклюзивные проекты (Фазлеева, 2020) или вовлечение студентов с ОВЗ в различные активности (Медведева, 2022). Т.е. концепция инклюзивного лидерства еще находится в процессе разработки.

В зарубежных исследованиях подчеркивается, что инклюзивное лидерство отличается от других типов (Furtado, Carvalho, Sobral, 2024), большое внимание уделяется процессу его формирования. Например, исследование Mor Barak и др. показало, что оно не возникает само по себе, а является следствием образования и знаний лидера, его последовательного обучения (Mor Barak, Brimhall, Luria, Ozbilgin, 2024). Важная черта инклюзивного лидерства – это наличие ценностей и строгое следование им (Randel, Galvin, Shore, Ehrhart, Chung, Dean, Kedharnath, 2018).

С учетом определенных нами понятий «инклюзия», «образ», «лидер», для целей настоящей статьи можно сформулировать понятие «образ инклюзивного лидера». Это социальный конструкт, отражающий устойчивые представления об индивидууме, способном оказывать влияние на окружающих в инклюзивной среде. Инклюзивный лидер – это человек, разделяющий ценности инклюзии, имеющий коммуникативные и организаторские навыки и способный к эффективному взаимодействию с другими людьми. Инклюзивное лидерство может проявляться в наставничестве, организации волонтерских и социально

значимых мероприятий, профориентационных, спортивных и культурных событий. Образ инклюзивного лидера динамичен, формируется в процессе социального взаимодействия, включает в себя как формальные, так и неформальные роли.

Методология и методы (Methodology and methods). Поскольку концепция «образ инклюзивного лидера» в социологии является не до конца разработанной, то в данной статье мы исходили из классического понятия «социальный портрет», который не тождественен понятию «образ».

Социальный портрет – это интегрированное описание социальной сущности объекта, включающее системную характеристику всех составляющих его компонентов, а также социальных процессов и отношений, с ним связанных. В российской социологической науке существует множество подходов к составным элементам социального портрета разных социальных групп. В поколенческом подходе выявляются специфические качества поколения: жизненные цели, человеческий и социальный капитал, детско-родительские установки, и др. (ИНАБ №4, 2007). Поскольку мы изучаем мнения студентов, то целесообразно выбрать те подходы, которые касаются социального портрета молодежи¹.

Социальный портрет включает социально-демографические, социально-психологические и социально-информационные характеристики (Горшков, Шереги, 2010). Эти общие компоненты социального портрета дополняются социологами при описании портретов конкретных групп, например, возрастных или профессиональных

¹ «Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18-25 лет // ФОМ. 14.04.2010. URL: https://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np# (дата обращения: 08.03.2025).

(Ермолаева, Носкова, Зайнуллина, Купцова, Нагимова, 2014: 23).

Компоненты социального портрета могут быть оценены с помощью различных шкал: социометрических, индексов экономической активности (Махиянова, Тахаутдинова, 2018), социального самочувствия (Фантацини, Шаклеина, Юрас, 2018), социальных оценок и опросов общественного мнения¹.

Эти компоненты были дополнены в соответствии с выделенной спецификой инклюзивного лидера:

1. Личностное восприятие инклюзивного лидера, включающее представления о значимых лидерских качествах, специфических чертах, ценностных ориентациях, которыми может и должен обладать инклюзивный лидер.

2. Близость к инклюзивному лидеру, оценка социальной дистанции до него.

3. Эмоциональное отношение к инклюзивному лидеру и лидерству, оценка благоприятных факторов и барьеров в формировании позиции лидера в инклюзивном пространстве.

К этим компонентам добавлен блок о самом респонденте, включающий:

–социально-демографические данные (пол, возраст, образование, место проживания);

–данные о статусе респондента (инвалидность/ОВЗ, семейный и правовой статус, детско-родительские отношения).

Таким образом, анкета содержала 3 основных блока: социальный портрет инклюзивного лидера, специфическое восприятие образа инклюзивного лидера и данные о респонденте.

С помощью составленной анкеты был проведен онлайн опрос инклюзивного сообщества образовательных учреждений

высшего и среднего профессионального образования.

В опросе приняли участие 295 респондентов, которые в большинстве своем были студентами Российского государственного университета социальных технологий, Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тверского государственного университета, Тверского государственного технического университета, Липецкого государственного технологического университета. Все вузы являются партнерами сети РУМЦ.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Среди опрошенных 31,5% – мужского пола, а 68,5% – женского. Возрастная структура выборки довольно однородна: подавляющее большинство респондентов (86,8%) – это молодые люди в возрасте 18-24 лет. Еще 5,4% – младше 18 лет, 4,4% – в категории 25-29 лет, а респонденты старше 30 лет составляют всего 3,4%.

60,3% опрошенных проживают в городах с населением более 1 млн человек). В городах с населением 500 тыс. – 1 млн человек проживает 7,5% опрошенных, в городах с численностью 250–500 тыс. человек – 8,5%. Доля тех, кто живет в городах среднего и малого размера (от 50 тыс. до 200 тыс. человек), составляет 14,2%. Еще 5,1% – жители малых городов (менее 50 тыс. человек), 4,4% проживают в сельской местности.

86,8% являются студентами бакалавриата или специалитета, еще 7,8% – среднего профессионального образования, 4,4% – магистратуры. Только 1% выбрали вариант «другое».

Большинство респондентов характеризуют свою семью как полную: 50,8% живут с двумя родителями и сиблингами, 9% – только с родителями, без братьев или сестер. Почти четверть (23,5%) живут в неполных семьях. 9% имеют правовой статус сироты или ребенка, оставшегося без попечения

¹ Лидер – 2020: идеал и реальность. ВЦИОМ. 15.04.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lider2020-ideal-i-realnost?ysclid=m2x7vq9zv178623140> (дата обращения: 08.03.2025)

родителей. 7,7% указали в этом вопросе вариант «другое».

Треть опрошенных имеют инвалидность (28,1%) или ОВЗ (5,1%). Еще треть имеют инвалидность в семье (6,4%) или в близком окружении (24,1%). Среди нозологий чаще всего встречаются нарушения опорно-двигательного аппарата (33,6%), соматические заболевания (9,2%), нарушения зрения (4,7%).

Еще треть опрошенных (36,3%) – не имеют инвалидности сами и в окружении. Это позволяет сформировать три подмассива респондентов с разным уровнем осведомленности об инвалидности и провести сравнительный анализ по ряду показателей.

Почти две трети опрошенных (63,7%) имеют в своем окружении людей, которых они считают инклюзивными лидерами. Среди респондентов, имеющих инвалидность/ОВЗ, этот показатель выше – 70,4%. Среди тех, у кого инвалидности/ОВЗ нет, ниже – 54,2%.

Среди тех, у кого в окружении есть инклюзивные лидеры, 34,5% знают этих лидеров лично и общаются с ними, 43,9% – знают, но не общаются, еще 12% – дружат, 2,6% – конфликтуют. Эти доли немного различаются в группах респондентов с разным опытом инвалидности (Таблица 1).

Таблица 1

Дистанция до лидера в разных группах, % в каждой группе

Table 1

Distance to the leader in different groups, % in each group

Как бы вы описали степень вашей близости к лидерам? / How would you describe the degree of your closeness to the leaders?	Инвалидность / ОВЗ/ Disability / Disability		
	есть у респондента/ the respondent has	есть в окружении / there is in the environment	отсутствует / absent
Знаю, он мой друг / I know, he/she is my friend	24,4	20,8	21,9
Знаю и общаюсь / I know and communicate	14,4	15,1	16,8
Знаю, что они есть в нашем сообществе, но не общаюсь / I know that they are in our community, but I do not communicate	9,4	13,3	15,9
Знаю, но нахожусь в конфликтных отношениях / I know, but I am in a conflict relationship	27,4	25,4	23,3
Я сам лидер / I am a leader myself	24,4	25,4	22,1
Итого / Total	100%	100%	100%

Респонденты с ОВЗ чаще имеют личный контакт с инклюзивными лидерами – 24,4% называют их друзьями. Дистанция до лидеров наиболее выражена среди респондентов без инвалидности/ОВЗ – 15,9% знают о существовании таких лидеров, но не общаются с ними, тогда как

среди людей с инвалидностью этот показатель ниже (9,4%).

Респондентам было предложено выбрать пять самых значимых характеристик инклюзивного лидера (см. Таблица 2).

Таблица 2

Наиболее и наименее часто выбираемые ответы на вопрос
«Как бы Вы описали инклюзивного лидера?»

Table 2

The most and least frequently chosen answers to the question
“How would you describe an inclusive leader?”

Топ ответов / Top answers	Антилидеры / Anti-leaders
Человек высоких моральных ценностей, чуткий, добрый, способный понять проблемы других, выслушать и дать совет / A person with high moral values, sensitive, kind, able to understand the problems of others, listen and give advice (73,6%)	Человек, у которого есть близкие, имеющие инвалидность или ОВЗ / A person who has relatives with disabilities or special needs (12,5%)
Человек, который имеет большой опыт взаимодействия с людьми, имеющими инвалидность или ОВЗ / A person who has extensive experience interacting with people with disabilities or special needs (60,3%)	Человек, который сам имеет инвалидность или ОВЗ / A person who has a disability or special needs (10,8%)
Человек, который готов и умеет поддерживать и помогать членам инклюзивного сообщества, способный эффективно управлять разнородной группой / A person who is ready and able to support and help members of an inclusive community, able to effectively manage a diverse group (50,5%)	Человек, достигший значимых результатов (в спорте, в карьере, в учебе и пр.) / A person who has achieved significant results (in sports, in a career, in studies, etc.) (8,1%)
	Глубоко верующий человек / A deeply religious person (5,4%)

Респонденты считают, что для инклюзивного лидера в первую очередь важны моральные качества, эмпатия и опыт взаимодействия с людьми с ОВЗ. Для респондентов женского пола опыт взаимодействия с людьми с ОВЗ является более важным критерием (62,9%), чем для мужчин (54,8%). Еще более существенными оказались гендерные различия в оценке значимости готовности лидера помогать и поддерживать членов инклюзивного сообщества: 56,9% женщин оценили его как важный, в то время как у мужчин этот показатель составил 36,6%. Поддержка имеет наибольшее значение для респондентов младше 18 лет (81,3%).

Наименее значимыми для респондентов оказались качества,

связанные с личным опытом инвалидности или наличием в окружении людей с ОВЗ, с достижениями в спорте, карьере или учебе, а также с религиозностью.

Заметна разница в ответах студентов с разным уровнем инвалидности (Таблица 3).

Студенты с ОВЗ чаще отмечают важность личных качеств, таких как чувство юмора (36,7% против 25,2% среди тех, кто не сталкивался с инвалидностью), а также привлекательный внешний вид и харизматичность (29,6% против 25,2%). В то же время для них менее важны поддержка равенства и отсутствие предубеждений (31,6% против 44,9% и 23,5% против 39,3% соответственно).

Таблица 3
Восприятие качеств инклюзивного лидера, % согласных с утверждением в каждой группе
Table 3
Perception of qualities of an inclusive leader, % agreeing with the statement in each group

Как бы Вы описали инклюзивного лидера? / How would you describe an inclusive leader?	Инвалидность / ОБЗ / Disability / Disability		
	есть у респондента/ the respondent has	есть в окружении / there is in the environment	отсутствует / absent
Человек, обладающий чувством юмора / A person with a sense of humor	36,7	21,1	25,2
Человек с привлекательной внешностью, опрятный, стильный, харизматичный / A person with an attractive appearance, neat, stylish, charismatic	29,6	30,0	25,2
Глубоко верующий человек / A deeply religious person	9,2	2,2	4,7
Человек, поддерживающий равенство и сплоченность в сообществе / A person who supports equality and cohesion in the community	31,6	41,1	44,9
Человек, у которого отсутствуют предубеждения и стереотипы, терпим к различиям других / A person who has no prejudices and stereotypes, is tolerant of the differences of others	23,5	45,6	39,3
Человек, достигший значимых результатов / A person who has achieved significant results	12,2	6,7	5,6
Человек, который сам имеет инвалидность или ОБЗ / A person who has a disability or special needs	13,3	13,3	6,5

* поливариантная переменная, сумма превышает 100%

Также заметно, что в группе респондентов с ОБЗ оценка значимости религиозности лидера в 2-4 раза выше, чем в остальных группах. Интересно также, что значимые достижения как характеристика лидера важны прежде всего для людей с инвалидностью (12,2%), тогда как среди остальных групп этот показатель ниже (5,6% и 6,7%). Также наличие достижений важны и для респондентов старше 35 лет (22,2%).

Внешний вид инклюзивного лидера имеет большее значение для респондентов мужского пола (34,4% против 25,2%), а

также для респондентов моложе 18 лет (43,8%) и старше 35 лет (33,3%).

К наиболее значимым внутренним качествам опрошенные отнесли честность (65,4%), толерантность (61,7%), эмпатию (54,6%), коммуникабельность (51,2%), справедливость (50,2%). К наименее значимым – бескорыстие (13,9%), хладнокровность (11,9%), расчетливость (10,5%), эмоциональность (7,1%), веру в бога (4,7%).

Респонденты, имеющие ОБЗ, выше, чем в среднем по выборке оценили такие качества инклюзивного лидера, как

эмоциональность (11,2% в группе имеющих инвалидность/ОВЗ), чувство долга (22,4%), честность (72,4%), коммуникабельность (55,1%), справедливость (59,2%), харизма (36,7%), вера в бога (9,2%). Менее важны для них, чем для других групп – толерантность (55,1%), сопереживание (17,3%).

Мужчины также выше оценивают необходимость чувства долга для инклюзивного лидера (25,8% против 18,3%), хладнокровности (17,2% против 9,4%), харизмы (37,6% против 28,2%), адаптивности (41,9% и 32,7%), критического мышления (18,3% и 11,4%). Женщины же более ценят толерантность (67,8% против 48,4% у мужчин), отзывчивость (43,1% против 26,9%), вежливость (23,8% против 14%), доброжелательность (32,7% против 20,4%), индивидуальный подход (59,9% и 48,4%), умение слушать и слышать (24,8% и 12,9%).

Для респондентов в возрасте 35 лет и старше религиозность лидера имеет значение в 22,2% случаев, а чувство долга – в 55,6%.

По мнению респондентов, ключевая роль лидера в инклюзивном студенческом сообществе проявляется в психологической поддержке, возможности оказать помощь члену коллектива, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации (61,4%), а также в наставничестве (53,2%) и в повышении уровня образованности студентов (49,8%). Интересно, что респонденты с ОВЗ довольно высоко оценили демонстрацию спортивных достижений и привлечение студентов в спорт как проявления лидерства (21,4% против 10% и 12,1% в других группах). Респонденты женского пола выше оценили роль лидера в волонтерской активности и привлечении в волонтерство студентов (40,1% среди женщин, 18,3% – мужчин), в повышении уровня образованности студентов (53,5% против 41,9%) и в психологической поддержке (65,8% и 51,6%). Для

респондентов в возрасте 25-29 лет и моложе 18 лет роль лидера в наставничестве также является более значимой (76,9% и 62,5% соответственно).

Среди лидерских черт, наиболее важных для инклюзивного лидера, оказались глубокое понимание особенностей жизни людей с ОВЗ и инвалидностью (58,3%), индивидуальный подход к людям (56,3%), коммуникабельность (56,9%), ответственность (41,4%). Наименее важными респонденты посчитали формализм (1,4%), экспертность (3,1%), стремление к росту и развитию (5,8%), энергичность и энтузиазм (6,4%), стратегическое мышление (7,5%), ораторские навыки (8,1%), сдержанность (9,5%), целеустремленность (9,5%), умение работать в условиях многозадачности (10,2%), критическое мышление и способность управления конфликтами (по 13,6%). Интересно отметить, что респонденты выбирают как неважные те характеристики, которые в целом важны для лидеров, т.е. они воспринимают инклюзивное лидерство как отдельное явление, имеющее свою специфику.

Возможно этим можно объяснить то, что треть опрошенных считают, что для инклюзивного лидера в первую очередь важно уметь видеть в людях их сильные стороны, мотивировать на развитие и успех с учетом возможностей людей (70,5%).

Опрошенные считают, что для инклюзивного лидера наиболее значимыми должны быть нравственные ценности (81,7%) и ценности командной работы (81%), а также ценности саморазвития, накопления опыта, индивидуализм (67,5%). Качества, которые по мнению респондентов должны отсутствовать у инклюзивного лидера: агрессивность (80,3%), безответственность (63,4%), высокомерие (55,9%), безразличие (54,2%), манипулятивность (36,6%).

Пятая часть (21,4%) видят себя в роли инклюзивного лидера, еще 21,7% – видят при условии развития нужных качеств. 6,8% не видят, но хотели бы. Значительная доля опрошенных (36,9%) не

видят и не хотели бы. Еще 13,2% затруднились с ответом. Готовность к инклюзивному лидерству не одинакова в разных группах респондентов (Таблица 4).

Таблица 4

Желание быть инклюзивным лидером в зависимости от опыта инвалидности/ОВЗ

Table 4

Desire to be an inclusive leader based on disability/disability experience

Видите ли вы себя в роли инклюзивного лидера? / Do you see yourself as an inclusive leader?	Инвалидность / ОВЗ / Disability		
	есть у респондента / the respondent has	есть в окружении / there is in the environment	отсутствует / absent
Да, я себя вижу / Yes, I see myself	35,7	15,6	13,1
Да, но мне нужно развивать определенные качества / Yes, but I need to develop certain qualities	18,4	23,4	23,4
Нет, я не вижу, но хотел бы / No, I don't see it, but I'd like to	8,2	3,3	8,4
Нет, не вижу и не хотел бы / No, I don't see it and I wouldn't like to	30,6	44,4	36,4
Другие мысли / Other thoughts	7,1	13,3	18,7
ИТОГО: / TOTAL:	100,0	100,0	100,0

Наибольшую готовность к роли инклюзивного лидера демонстрируют респонденты, имеющие инвалидность или ОВЗ: 35,7% из них уверенно видят себя в этой роли. Среди тех, у кого в окружении есть люди с инвалидностью, данный показатель значительно ниже (15,6%), а среди не имеющих подобного опыта – 13,1%. Т.е. личный опыт инвалидности повышает субъективное ощущение готовности к лидерству в инклюзивной сфере.

Интересно, что нежелание брать на себя роль инклюзивного лидера оказалось наиболее распространенным в группе, где инвалидность/ОВЗ присутствует в окружении: 44,4% респондентов заявили, что не видят себя в этой роли и не хотят ее занимать.

Обнаружена также связь между полом респондента и готовностью выступить в роли инклюзивного лидера. Мужчины несколько чаще, чем женщины, видят себя в этой роли (24,7% против 19,8%). Среди мужчин также выше доля тех, кто считает, что им нужно развивать определенные качества для лидерства (25,8% против 19,8%). В то же время женщины чаще выбирали вариант «Не вижу себя лидером, но хотел(а) бы» (8,4% против 3,2%). Пересечение 2 факторов – женский пол и отсутствие опыта общения с инвалидностью/ОВЗ может быть существенным барьером в инклюзивное лидерство.

Респонденты считают путь становления инклюзивного лидера довольно тернистым (Таблица 5).

Таблица 5

Оценка пути к инклюзивному лидерству (по 5-балльной шкале)

Table 5

Assessment of the path to inclusive leadership (on a 5-point scale)

Для того, чтобы стать лидером в инклюзивном пространстве / In order to become a leader in an inclusive space	Средняя оценка в группах, где инвалидность / ОВЗ / Average score in groups with disabilities/disability		
	есть у респондента / the respondent has	есть в окружении / there is in the environment	отсутствует / absent
человеку необходимо преодолеть большое количество жизненных трудностей / A person needs to overcome a large number of life difficulties	3,2	3,03	2,81
человек должен иметь активную жизненную позицию / A person must have an active life position	3,77	3,9	3,99
человек должен приобрести опыт взаимодействия с членами инклюзивного сообщества / A person must gain experience interacting with members of an inclusive community	3,88	3,83	3,79

Заметно, как отличаются мнения респондентов, имеющих инвалидность/ОВЗ и не имеющих. Первые выше оценивают необходимость преодоления жизненных трудностей (3,2 против 2,81 среди не имеющих ОВЗ). Личный опыт инвалидности может приводить к восприятию жизненных трудностей как барьера на пути к лидерству, тогда как остальные респонденты делают больший акцент на активности и социальном опыте.

В то же время, среди мужчин выше оценка необходимости преодоления жизненных трудностей для лидера (3,28 против 2,89 у женщин).

Анализ возрастных различий в желании быть инклюзивным лидером показывает, что наибольшая уверенность в своей лидерской роли наблюдается в группе 25-29 лет (46,2%), тогда как среди самых молодых респондентов (до 18 лет) этот показатель минимален (12,5%). В старших возрастных группах (35 лет и старше) уровень самоидентификации с

инклюзивным лидерством также невысокий (22,2%).

Стоит отметить и наличие некоторых корреляций с семейным и правовым статусом респондента. Так, студенты из неполных семей почти в 3 раза реже видят себя в роли инклюзивного лидера (9,6% против 25,2%), а студенты из полных семей, но являющиеся единственным ребенком – в 2 раза реже (10,7% против 22,5%). Т.е. состав семьи и наличие сиблингов может оказывать значимое влияние на формирование склонности к лидерству.

Интересно, что еще выше уровень готовности к лидерству – у респондентов, имеющих правовой статус «сирота» (47,1%) и «ребенок, оставшийся без попечения родителей» (63,6%). Такие показатели могли бы быть интересным объектом для дальнейшего изучения.

Респонденты считают, что инклюзивное лидерство нуждается в поддержке. Для его развития в первую очередь требуется создание культуры

взаимоуважения и толерантности, развитие политики равных возможностей (67,1%), популяризация и развитие профессиональных компетенций инклюзивных лидеров как кадрового потенциала в области развития инклюзивной культуры в России (66,4%), а также проведение всероссийских фестивалей, конкурсов, школ и других мероприятий по выявлению лидеров инклюзивного сообщества и развитию их лидерского потенциала (64,7%).

Респонденты мужского пола более высоко оценивают внедрение системы поощрений лидеров инклюзивных сообществ (44,1% против 27,7% у женщин). К этому же склонны молодые респонденты: среди тех, кто моложе 18 лет, этот вариант выбрали 68,8%, а среди тех, кому от 18 до 24 лет – 68,4%. Респонденты в возрасте старше 35 лет считают более эффективным проведение всероссийских фестивалей, конкурсов, и др. (88,9%).

Наименее эффективной мерой поддержки развития инклюзивного лидерства опрошенные считают проведение различных психологических тестов на наличие лидерских качеств.

Заключение (Conclusions).

Исследование показало, что для молодежи инклюзивное лидерство не вызывает затруднений в интерпретации. Большинство респондентов имеют в своем окружении людей, которых можно охарактеризовать как инклюзивных лидеров, что говорит о небольшой социальной дистанции до лидеров в молодежной среде.

Личностный образ инклюзивного лидера формируется в первую очередь преимущественно через неформальные качества: для молодежи это человек с высокими моральными ценностями, эмпатичный, доброжелательный, обладающий опытом взаимодействия с людьми с ОВЗ и готовый поддерживать членов инклюзивного сообщества. Ключевыми личными характеристиками

респонденты назвали честность, толерантность, эмпатию, коммуникабельность и справедливость, тогда как традиционные лидерские компетенции (экспертность, стратегическое мышление, критическое мышление) оказались менее значимыми. Это подтверждает, что инклюзивное лидерство не тождественно классическому лидерству и не обязательно ассоциируется с формальным руководством.

Наши данные говорят о наличии гендерных различий в восприятии инклюзивного лидерства: женщины больше ценят личностные и поддерживающие качества (эмпатия, отзывчивость, индивидуальный подход), в то время как мужчины выделяют такие черты, как хладнокровие, чувство долга, харизма и адаптивность. Выявлены и возрастные отличия: студенты старше 35 лет чаще ориентируются на достижения и религиозные установки как значимые качества инклюзивных лидеров, но при этом реже проявляют желание быть инклюзивными лидерами. Несовершеннолетние респонденты подчеркивают значимость наставничества и поощрений, но при этом видят больше барьеров на пути к лидерству.

Выборка была дополнительно сегментирована по опыту инвалидности. Люди с ОВЗ чаще имеют личный опыт взаимодействия с инклюзивными лидерами и больше ориентируются на внешние проявления (харизма, достижения, чувство юмора, религиозность), а толерантность и сопереживание воспринимаются ими как само собой разумеющиеся характеристики, что может объяснять их сравнительно меньшую значимость в этой группе.

Стремление к инклюзивному лидерству разделилось поровну: около 40% студентов готовы занять эту роль немедленно или при дополнительном обучении, тогда как столько же не видят себя в ней. Интересно, что факторами, повышающими готовность к

инклюзивному лидерству, являются наличие инвалидности и мужской пол. В то же время путь к инклюзивному лидерству воспринимается как сложный и требующий преодоления значительных барьеров, особенно среди студентов с ОВЗ и мужчин.

Обнаружены предварительные корреляции между стремлением к инклюзивному лидерству и семейным, а также правовым статусом. Так, наличие полных семей, сиблингов, а также статус сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей, могут выступать драйверами формирования инклюзивного лидерства, однако эти взаимосвязи требуют дальнейшего изучения.

Несмотря на существующие барьеры, респонденты едины во мнении, что инклюзивное лидерство следует активно развивать как на национальном, так и на институциональном уровнях. Это требует принятия комплексных мер – от реализации политики инклюзии до проведения образовательных мероприятий, фестивалей и конкурсов, способствующих формированию и укреплению инклюзивных лидерских практик в молодежной среде.

Список литературы

Афонькина Ю. А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015. №11 (55). С. 149-162. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-11-13. EDN: VKGQKL.

Банч Г. О., Ряписов Н. А. Роль лидерства в развитии инклюзивного образования // *Сибирский педагогический журнал*. 2017. № 6. С. 108-114. EDN: SZXZHV.

Волосникова Л. М. Лидерство в инклюзивном образовании: современный дискурс // *Вестник Нижневартского государственного университета*. 2023. № 2. С. 17-25. DOI: 10.36906/2311-4444/23-2/02. EDN: XMGCWZ.

Волосникова Л. М., Федина Л. В., Брук Ж. Ю. Позиции лидеров – директоров инклюзивных школ: зарубежный дискурс // *Социальная психология и общество*. 2024.

Т. 15, № 1. С. 22-38. DOI: 10.17759/sps.2024150102. EDN: LYBEXZ.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. Москва: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

Ибрагимова А. С. К вопросу о теориях лидерства: социологический подход // *Вестник экономики, права и социологии*. 2009. № 3. С. 82-85. EDN: KWWYGD.

ИНАБ № 4 – 2007. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Москва: Институт социологии РАН, 2007. 95 с.

Махиянова А. В., Тахаутдинова И. И. Индексы экономической активности в составлении социального портрета бедных слоев населения // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 1. С. 262-266. EDN: YWREFB.

Медведева Е. С. Вовлечение студентов-инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в работу волонтерского движения / // *Всероссийская конференция по вопросам доступности профессионального образования*, Москва, 01-31.12.2022. Москва: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2022. С. 129-131. EDN: RMIWIS.

Рыльщикова О. Г. Изучение лидерства в современной молодежной среде // *Столыпинский вестник*. 2022. № 7. С. 52. EDN: OSAQLQ.

Сильнова Е. И. Концептуализация понятия «социальный образ» в социальной философии // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. С. 688. EDN: SZVSWP.

Социальный портрет населения: методология, основные характеристики / Ермолаева П.О., Носкова Е.П., Зайнуллина М.Р., Купцова А.И., Нагимова А.М. Казань: «Артифакт», 2014. 92 с. EDN: THOTMN.

Фазлеева Л. Р. Развитие лидерских качеств студентов вуза в процессе реализации социальных проектов в инклюзивной образовательной среде // *Инклюзия в университетах: глобальные тренды и локальные стратегии: Сборник статей международного научного онлайн форума*, Тюмень, 27-28.10. 2020. Тюмень: «Знание-М», 2020. С. 228-231. DOI: 10.38006/907345-74-4.2020.228.231. EDN: KWDDDL.

Фантаццини Д., Шаклеина М. В., Юрас Н.А. Big Data в определении социального

самочувствия населения России // Прикладная экономика. 2018. № 50. С. 43-66.

Хозинов Р. Р. Молодежное лидерство в управленческих отношениях: концептуальный анализ // Вестник ВЭГУ. 2016. № 1(81). С. 146-151. EDN: VLJFLH.

ЮНЕСКО. Руководство по инклюзии: обеспечение доступа к образованию для всех / пер. с англ.: С. Котова. М.: ООО «Перспектива», Владимир, ООО «ТранзитИКС», 2007. 62 с.

Furtado L., Carvalho J., Sobral F. Inclusive leadership: pushing the field forward // Revista de Administração de Empresas. 2024. № 64. URL: <https://periodicos.fgv.br/rae/article/view/91933> (дата обращения: 08.03.2025).

How do Inclusive Leaders Emerge? A Theory-Based Model / Mor Barak M., Brimhall K., Luria G., Ozbilgin M. // Management Learning. 2024. С. 1-40.

Inclusive leadership: Realizing positive outcomes through belongingness and being valued for uniqueness / Randel A.E., Galvin B.M., Shore L.M., Ehrhart K.H., Chung B.G., Dean M.A., Kedharnath U. // Human Resource Management Review. 2018. № 28(2). С. 190-203. DOI: 10.1016/j.hrmr.2017.07.002.

References

Afonkina, Ju. A. (2015), "Social inclusion of persons with disabilities and the problem of human dignity", *Russian Journal of Education and Psychology*, (11 (55)), 149-162, EDN: VKGQKL. (In Russian)

Banch, G. O., and Ryapisov, N. A. (2017), "The role of leadership in the development of inclusive education", *Sibirsky pedagogichesky zhurnal*, (6), 108-114, EDN: SZXZHV. (In Russian)

Volosnikova, L. M. (2023), "Leadership in inclusive education: modern discourse", *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 17-25, DOI: 10.36906/2311-4444/23-2/02, EDN: XMGCWZ. (In Russian)

Volosnikova, L. M., Fedina, L. V., and Bruk, Zh. Ju. "Positions of leaders – directors of inclusive schools: foreign discourse", *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, 2024, 15 (1), 22-38, DOI: 10.17759/sps.2024150102, EDN: LYBEXZ. (In Russian)

Gorshkov, M. K., and Sheregi, F. Je. (2010), *Molodezh Rossii: sotsiologichesky portret* [Youth

of Russia: a sociological portrait], CSPiM, Moscow, Russia. (In Russian)

Ibragimova, A. S. (2009), "On the issue of leadership theories: a sociological approach", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (3), 82-85, EDN: KWYGOD. (In Russian)

INAB №4 - 2007. *Molodezh novoy Rossii: obraz zhizni i tsennostnye priority* [INAB No. 4 - 2007. Youth of the new Russia: lifestyle and value priorities] (2007), ISRAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Mahyanova, A. V., and Tahautdinova, I. I. (2018), "Economic activity indices in compiling a social portrait of the poor strata of the population", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (1), 262-266, EDN: YWREFB. (In Russian)

Medvedeva, E. S. (2022), "Involvement of students with disabilities and people with disabilities in the work of the volunteer movement", *Vserossyskaya konferentsiya po voprosam dostupnosti professionalnogo obrazovaniya* [All-Russian Conference on Accessibility of Professional Education], N.E. Bauman MSTU, Moscow, Russia, 129-131, EDN: RMIWIS. (In Russian)

Rylshchikova, O. G. (2022), "Studying leadership in the modern youth environment", *Stolypinsky vestnik*, (7), 52, EDN: OSAQLQ. (In Russian)

Silnova, E. I. (2014), "Conceptualization of the concept of "social image" in social philosophy", *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (5), 688, EDN: SZVSWP. (In Russian)

Ermolaeva, P. O., Noskova, E. P., Zainullina, M. R., Kuptsova, A. I., and Nagimova, A. M. (2014), *Sotsialny portret naseleniya: metodologiya, osnovnye kharakteristiki* [Social portrait of the population: methodology, main characteristics], Artifakt, Kazan, Russia, EDN: THOTMN. (In Russian)

Fazleeva, L. R. (2020), "Development of leadership qualities of university students in the process of implementing social projects in an inclusive educational environment", *Inkluziya v universitetah: globalnye trendy i lokalnye strategii* [Inclusion in Universities: Global Trends and Local Strategies], Znanie, Tumen, Russia, 228-231, EDN: KWDDDL. (In Russian)

Fantaccini, D., Shakleina, M. V., and Juras, N. A. (2018), "Big Data in determining the social

well-being of the population of Russia”, *Prikladnaya ekonometrika*, (50), 43-66. (In Russian)

Khozinov, R.R. (2016), “Youth leadership in managerial relationships: a conceptual analysis”, *Vestnik VJeGU*, 1(81), 146-151, EDN: VLJFLH. (In Russian)

UNESCO (2007), *Rukovodstvo po inklyuzii: obespechenie dostupa k obrazovanyu dlya vseh* [Inclusion Guide: Ensuring Access to Education for All], Translated by S. Kotova, Perspektiva, TranzitIKS, Moscow, Vladimir, Russia. (In Russian)

Furtado, L., Carvalho, J., and Sobral, F. (2024), “Inclusive leadership: pushing the field forward”, *Revista de Administração de Empresas*, 64, available at: URL: <https://periodicos.fgv.br/rae/article/view/91933> (Accessed 08 March 2025).

Mor Barak, M., Brimhall, K., Luria, G., and Ozbilgin, M. (2024), “How do Inclusive Leaders Emerge? A Theory-Based Model,” *Management Learning*, 1-40.

Randel, A. E., Galvin, B. M., Shore, L. M., Ehrhart, K. H., Chung, B. G., Dean, M. A., and Kedharnath, U. (2018), “Inclusive leadership: Realizing positive outcomes through belongingness and being valued for uniqueness,” *Human Resource Management Review*, 28 (2), 190-203, DOI: 10.1016/j.hrmr.2017.07.002.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2025 г. Поступила после доработки 22 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 12 March 2025. Revised 22 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Сёмочкина Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и медиакоммуникаций, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Natalia N. Semochkina, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Media Communications, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia.

Руднева Марина Яковлевна, кандидат социологических наук, доцент, декан факультета социологии и журналистики, Российский государственный университет социальных технологий, Москва, Россия.

Marina Ya. Rudneva, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Faculty of Sociology and Journalism, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia.

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-7

Исследовательская статья

Соловьева Н. Е.
Шмигирилова Л. Н.

**Анализ самоидентификации молодежи
в условиях геополитической нестабильности
сельских территорий в приграничных регионах**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия
solovjeva@bsuedu.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия
shmigirilova@bsuedu.ru

Аннотация. В данной статье раскрываются результаты социологического исследования, которое направлено на изучение ценностных ориентаций молодежи в сельских территориях в приграничных регионах и является сложным процессом выбора между современными и традиционными ценностями. Проведенный опрос среди респондентов, выявил разные взгляды на важные аспекты жизни, которые включают: гражданственность, моральные идеалы, патриотизм и семейные ценности. Результаты исследования показывают, что большое количество молодых людей акцентирует внимание на крепкой семье (57,5%) как главной ценности, что доказывает о значимости семьи, об устоях и семейных традициях, второе по значимости занимает патриотизм (49,3%), это подчеркивает желание молодых людей не только создавать семью, и заботиться о своем будущем, но и проявлять гражданскую ответственность за судьбу страны. В то же время, приоритет духовного над материальным, а также высокая нравственная осведомленность, представляют собой менее заметные, но все еще значимые аспекты мировоззрения респондентов. Статья подчеркивает важность понимания этих ценностей для дальнейшего исследования и проведения анализа социального поведения молодежи и их роли в процессе формирования идентичности в условиях быстро меняющегося мира.

Ключевые слова: идентичность; молодежь; нравственность; патриотизм; приграничный регион; политическое сознание; семья; семейные ценности

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта ZWG-2024-0021 «Анализ самоидентификации молодежи в условиях геополитической нестабильности сельских территорий в приграничных регионах», в рамках научных проектов в сфере общественно-политических наук.

Информация для цитирования: Соловьева Н. Е., Шмигирилова Л. Н. Анализ самоидентификации молодежи в условиях геополитической нестабильности сельских территорий в приграничных регионах // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 108-117. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-7.

Natalia E. Solovjeva
Larisa N. Shmigirilova

Analysis of youth self-identification in the context of geopolitical instability of rural areas in border regions

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
solovjeva@bsuedu.ru

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
shmigirilova@bsuedu.ru

Abstract. This article reveals the results of a sociological study that aims to study the value orientations of young people in border regions and is a complex process of choosing between modern and traditional values. The survey conducted among the respondents revealed different views on important aspects of life, which include: citizenship, moral ideals, patriotism and family values. The results of the study show that a large number of young people focus on a strong family (57.5%) as the main value, which proves the importance of family, foundations and family traditions, the second most important is patriotism (49.3%), this emphasizes the desire of young people not only to create a family, but also to take care of their future, but also to show civic responsibility for the fate of the country. At the same time, the priority of the spiritual over the material, as well as high moral awareness, are less noticeable, but still significant aspects of the respondents' worldview. The article emphasizes the importance of understanding these values for further research and analysis of the social behavior of young people and their role in the process of identity formation in a rapidly changing world.

Key words: identity; youth; morality; patriotism; border region; political consciousness; family; family values

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the ZWG-2024-0021 project "Social technologies of immunization of youth of border regions and new territories of Russia in the context of civilizational contradictions", within the framework of scientific projects in the field of sociopolitical sciences.

Information for citation: Solovjeva, N. E., Shmigirilova, L.N. (2025), "Analysis of youth self-identification in the context of geopolitical instability of rural areas in border regions", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 108-117. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-7.

Введение (Introduction).

В последние десятилетия геополитическая нестабильность стала одной из основных характеристик глобальной политической архитектуры, при этом существенно влияя на различные регионы государств, в том числе и на приграничные зоны. Приграничные территории, которые находятся на стыке различных культур и национальностей, сталкиваются с

уникальными вызовами, в свою очередь, которые напрямую затрагивают процесс самоидентификации молодежи. В постоянно изменяющейся среде, как из-за внутренних, так и внешних факторов, молодежь оказывается перед необходимостью переосмыслить свои принадлежности к определенной культуре и нации.

Так как динамика самоидентификации молодежи в приграничных регионах является сложным и многогранным процессом, который выявляется как социальными, так и экономическими факторами, а также исторической памятью и культурным наследием. Поэтому геополитические изменения могут вызвать чувство неопределенности и тревоги, что будет способствовать ценностным переосмыслениям, которые молодежь придерживается.

Следовательно, анализ самоидентификации в таких условиях не только предоставляет возможность понять, как молодежь воспринимает себя в контексте меняющегося мира, но и способствует выявить и оценить их роль в процессе социального взаимодействия и конфликтов.

Методология и методы (Methodology and methods). Различные аспекты самоидентификации современной молодежи достаточно широко представлены в научных изысканиях и разработках отечественных и зарубежных ученых (Зайцева, Махотин, 2021; Маленков, Печеркина, 2019; Матвеева, 2022; Махмутова, Волхонская, 2022; Осинина, 2022; Федотова, 2022; Brandtzaeg, Chaparro-Domínguez, 2020; Brinthaup, Scheier, 2021; Bushman, Hardy, Nelson, Frandsen, Cazzell, Goodman, 2020; Deci, Ryan, 2000; Huesmann, 2020; Maiya, Carlo, Landor, MemmottElison, 2021).

Для целей исследования интерес представляют работы, которые посвящены изучению социального организма в теориях органицизма. Так, по мнению И. И. Антюшева, «... с позиции органицизма он (социальный организм) рассматривается как разветвленная система. Она обладает целостностью, включает в себя совокупность множества отдельных элементов. Элементы системы действуют не обособленно, а находятся в постоянной коммуникации друг с другом,

которая подчиняется определенным закономерностям» (Антюшев, 2016: 28).

Подобно мысли И. И. Антюшева коллектив авторов исходит из понимания того, что современная молодежь, являясь сложной и подвижной социальной группой, на которую воздействуют разнообразные факторы внешнего мира (социально-экономические, геополитические, социокультурные, исторические и другие), определяется как некая часть общего социального организма с взаимозависимыми и взаимосвязанными индивидуальными ценностями, самооценкой самой себя, социальных отношений.

Значимость мысли подчеркивает высказывание Г. П. Кузьминой о том, что «... органический метод в исследовании социальной реальности требует рассматривать общество как явление планетарное и космическое, исторически закономерное. Органическая требовательность означает, что социальную жизнь не понять на основе односторонних подходов, что социальный организм следует рассматривать в связи с целым, то есть со средой его обитания» (Кузьмина, 2017: 41).

Сельские территории приграничных регионов характеризуются уникальными условиями жизни, социальными связями и культурными традициями. Особый интерес представляет молодежь приграничных регионов, поскольку, на наш взгляд, может испытывать воздействующие факторы на идентификацию и самоощущение в условиях геополитической нестабильности, сталкиваясь, в частности, с рисками социокультурных угроз в приграничье, проникновению чужеродных ценностей, культурных образцов, духовных идеалов. Зачастую именно информационные войны в сочетании с «пограничным» местопроживанием могут гораздо в большей степени влиять на мировоззренческую сферу молодой личности.

Исследование было проведено в 2024 году в рамках проекта «Социальные технологии иммунизации молодежи приграничных регионов и новых территорий России в условиях цивилизационных противоречий».

Метод исследования – анкетный опрос молодежи приграничных регионов и новых территорий (N=1215), который позволил проанализировать самоидентификацию молодежи приграничных регионов (Белгородской, Курской областей, ЛНР, ДНР) в условиях геополитической нестабильности. 70,4% респондентов составили женщины и 29,6% – мужчины. В общей массе возраст респондентов варьировался от менее 18 лет (17,2%), 18-29 – 63,3% (наиболее

массовая возрастная категория респондентов), 7% – 30-35 лет.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Самоидентификация молодежи приграничных регионов сопряжена с балансом выбора ею современных и/или традиционных ценностей, индивидуального и/или коллективного мнения, локальных и/или глобальных ориентиров.

Обратимся к некоторым результатам социологического исследования. Отвечая на вопрос «Какие мысли, ассоциации прежде всего приходят Вам в голову, когда Вы слышите выражение «традиционные ценности»?», молодые респонденты ответили следующим образом (Таблица 1):

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие мысли, ассоциации прежде всего приходят Вам в голову, когда Вы слышите выражение «традиционные ценности»?»
(не более 3-х вариантов ответа)

Table 1

Distribution of answers to the question: “What thoughts and associations first come to your mind when you hear the expression ‘traditional values’”? (no more than 3 answer options)

Значения / Values	Варианты ответов / Answer options, %
Жизнь / Life	28,3
Здоровье / Health	22,0
Достоинство / Dignity	25,3
Права и свободы человека / Human rights and freedoms	29,9
Патриотизм / Patriotism	49,3
Гражданственность / Civic consciousness	18,1
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу / Service to the Fatherland and responsibility for its fate	27,8
Высокие нравственные идеалы / High moral ideals	23,5
Крепкая семья / Strong family	57,5
Созидательный труд / Creative work	9,8
Приоритет духовного над материальным / Priority of the spiritual over the material	14,2
Гуманизм / Humanism	14,5
Милосердие / Mercy	19,1
Справедливость / Justice	24,5
Коллективизм / Collectivism	11,1
Взаимопомощь и взаимоуважение / Mutual assistance and mutual respect	26,4
Историческая память и преемственность поколений / Historical memory and continuity of generations	39,0

Единство народов России / Unity of the peoples of Russia	33,9
Другое / Other	4,1
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	0,9

*перечень традиционных ценностей в данном вопросе взят из Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m7vvf1xqxj174599082>.

Как видно из данных Таблицы 1, на первое место в системе традиционных ценностей молодежь определяет крепкую семью (57,5%) и патриотизм (49,3). Служению Отечеству и ответственность за его судьбу отдают 27,8% опрошенных.

Кстати, семейные ценности и патриотизм также оказались в приоритете у россиян, по результатам опроса ВЦИОМ в декабре 2023 года. Согласно этим данным, для 45% респондентов остаются принципиально важными в жизни «крепкая семья, союз мужчины и женщины, вклад в воспитание детей и уважение к старшим»¹. 23% называют главной ценностью патриотизм – «любовь к стране, осознание единства народов России, уважение к исторической памяти, готовность служить Отечеству»².

Важно отметить, что по оценке молодежи приграничных регионов историческая память и преемственность поколений (39%), а также единство народов России (33,9%) присутствуют в традиционных ценностях, что отражает российскую идентичность и утверждение мысли молодежи о важности сохранения исторической памяти и понимания того, что, сохраняя историческую память, подрастающее поколение сможет противостоять искажающим попыткам навязывания чужеродных ценностей и

«размежеванию» исторического единства России.

Традиционные ценности являются основой российского общества, позволяющая защищать и укреплять суверенитет России, для 51,5% молодых респондентов приграничья. 26,6% ответили «скорее да». Независимо от сложившейся геополитической ситуации молодые респонденты выбирают традиционные ценности, среди которых наиболее важные дефиниции «крепкая семья», «патриотизм», «историческая память», «единство народов России», «служение Отечеству» (о которых мы говорили выше), а также «права и свободы человека» (29,9%), «жизнь» (28,3%), «взаимопомощь и взаимоуважение» (26,4%), «достоинство» (25,3%) и др.

Существуют два важных фактора, отчасти влияющих на выбор традиционных ценностей, которые сами респонденты определили. Во-первых, 70% молодых респондентов приграничных территорий считают себя приверженцами традиционных ценностей. Во-вторых, выбор традиционных ценностей молодежью приграничья очевиден и потому, что у 37,4% («все или почти все») и 39,8% («большинство») респондентов родственники, друзья или знакомые придерживаются традиционных ценностей.

При этом 34,9% молодых респондентов затруднились в ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей?».

¹ Традиции в эпоху перемен. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 23.12.2023).

² Традиции в эпоху перемен. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 23.12.2023).

Такая позиция «раздумывания» возможно связана с недостатком практического опыта и/или неполным пониманием деструктивного и нередко агрессивного воздействия внешних сил. В этой связи уместно высказывание заместителя председателя Комитета Совета Федерации по международным делам А. А. Климова о том, что «...наши иностранные оппоненты рассматривают молодежь, в том числе несовершеннолетних, как наиболее уязвимое звено отечественной политической системы и беззащитно эксплуатируют отсутствие у части молодых людей глубоких знаний и должного жизненного опыта»¹.

Необходима работа с молодежью по формированию у нее знаний и умений, культуры рационального выбора достоверной и нефейковой информации в плотном массиве данных, которыми оперируют средства массовой информации, социальные сети.

Наиболее реальными угрозами и опасностями молодые респонденты приграничных территорий на первый план выдвинули «террористические акты в отношении стратегически важных объектов (атомные электростанции, водохранилища, городские системы жизнеобеспечения и т.д.)» (69,9%) и «военные конфликты с ближайшими соседями» (55,1%). Проявление большей тревожности и переживаний отражает специфику проживания на пограничной территории России с сопредельным государством. При этом ощущение близости границ и военных действий не отразилось на выборе традиционных ценностей, а возможно более укрепились в сознании молодежи и переосмысливаются в сторону не материального. Молодежь приграничья также опасается за «войны со

странами Запада» (36,1%), «деградацию науки и образования» (27,2%), «упадок культуры и духовно-нравственных ценностей» (23,0%), «экологические катастрофы» (22,3%). При этом менее всего молодые обращают внимание на такие опасности, как «угрозы из космоса» (2,8%), «гражданская война» (0,1%), «высокое количество мигрантов» (0,1%).

Большая часть опрошенных респондентов (60%) ощущают себя в безопасности, а 25,5% не испытывают ощущения защищенности. 14,5% затруднились ответить. Очевидно, что «ощущение безопасности создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей в настоящем и дает основания для уверенности в будущем» (Левицкая, Тренкаева, Козлова, Богомаз, Цехмейстук, 2018: 28).

Отвечая на вопрос «Кто может обеспечить Вашу безопасность?», участники опроса выбрали наиболее важными в позициях ответов самих себя (36,3%), семью (26,7%), государство (26,6%). При этом более доверяют свою безопасность фактически тем же социальным институтам: своей семье (43,5%), государству (15,2%) и самому себе (32,3%).

Самоидентификация молодежи приграничных регионов сопряжена с географическим положением и статусом приграничной зоны – вблизи военных действий. И, в первую очередь, на восприятие самое себя влияет семья, поскольку в большинстве ответов, опрошенных прослеживается важность семьи как в формировании традиционных ценностей, которые передаются от поколения к поколению, так и в ощущении окружающего социального мира. В этом смысле проявляется особая чувственная привязанность молодежи к семье.

У молодежи приграничных территорий наиболее «оголенно» восприятие реальных угроз и опасности, что может влиять на психоэмоциональное

¹ Климов: попытки деструктивного влияния извне на российскую молодежь усилились. URL: <https://vmeste-rf.tv/news/klimov-popytki-destruktivnogo-vlianiya-izvne-na-rossiyskuyu-molodezh-usililis-/> (дата обращения: 15.04.2024).

состояние, стрессовые переживания, в которых могут проявляться и деструктивное поведение.

В этой связи важно проводить мероприятия по социальной профилактике негативных последствий в молодежной среде, в том числе приграничных территорий, в условиях глобализации и угроз извне. На это обратили внимание эксперты, которые также приняли участие в настоящем опросе (N=75). Более половины экспертов (58,7%) считают, что необходимо «обращение к историческим корням, культурному наследию предков, лучшим традициям и обычаям народа и воспитание на этой основе глубоких патриотических чувств, любви к Родине» при важном условии – «совершенствовании политического сознания, нравственной и эстетической культуры общества, особенно подрастающего поколения» (42,7%), а также «изучение истории, языка, религии, науки, литературы и искусства, народного творчества, современных достижений своей страны» (40,0%).

Безусловно требуется продуманная молодежная политика, организующая не только событийные мероприятия, но предоставляющая реальные возможности активного участия молодых людей в молодежных проектах и программах, направленных на поддержку идентичности самой молодежи. При этом, как убедительно подчеркивает Президента Российской Федерации В.В. Путин, «... общероссийскую молодежную программу не нужно делать «охранительной», она должна быть современной и устремленной в будущее»¹.

Заключение (Conclusions).

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о процессах самоидентификации молодежи сельских

территорий приграничных регионов в условиях геополитической нестабильности. Анализ данных выявил, что, несмотря на повышенный уровень внешних угроз и вызовов, характерный для приграничья, молодое поколение демонстрирует устойчивую и четко выраженную систему ценностных ориентаций, в основе которой лежат традиционные основания.

Ключевым выводом является доминирование в ценностной иерархии молодежи таких фундаментальных категорий, как крепкая семья (57,5%) и патриотизм (49,3%). Это свидетельствует не о консервативном замкнутом сознании, а о глубокой потребности в стабильности, надежности и принадлежности к большому сообществу в условиях внешней неопределенности. Семья выступает для молодежи приграничья ключевым источником психологической защиты, эмоциональной поддержки и трансляции культурных образцов, в то время как патриотизм осознается как гражданская ответственность за судьбу страны и ее будущее.

Важным аспектом самоидентификации является также сильная историческая и гражданская составляющая. Высокие показатели значимости исторической памяти и преемственности поколений (39,0%) и единства народов России (33,9%) указывают на осознание молодежью себя частью непрерывного исторического процесса и единого многонационального государства. Это формирует своего рода «культурно-исторический иммунитет», помогающий противостоять попыткам внешнего идеологического воздействия и размывания национальной идентичности.

Исследование подтверждает, что географический фактор и близость к зоне конфликта напрямую влияют на восприятие угроз. Молодежь приграничных регионов наиболее остро осознает риски, связанные с терроризмом (69,9%) и военными конфликтами (55,1%),

¹ Путин обсудил молодежную политику с членами правительства. URL: <https://rg.ru/2024/04/04/zadaniia-na-zavtra.html?ysclid=m7yl92r4hy236277709> (дата обращения: 24.04.2024).

что объективно отражает специфику их повседневной реальности. Однако, что парадоксально, эти вызовы не ведут к росту маргинализации или отчуждения, а, напротив, способствуют консолидации вокруг традиционных ценностей и таких институтов, как семья и государство. При этом чувство личной безопасности молодежь связывает не только с государством (26,6%), но и с собой самой (36,3%) и своей семьей (26,7%), демонстрируя установку на самодостаточность и взаимопомощь.

В то же время выявлена и определенная уязвимость: затруднения 34,9% респондентов с оценкой идеологического воздействия извне указывают на недостаточную сформированность медиаграмотности и критического мышления, что делает эту группу потенциальной мишенью для деструктивного влияния.

Самоидентификация молодежи приграничных сельских территорий представляет собой сложный синтез традиционных устоев и современного осмысления реальности. Она формируется под влиянием трех ключевых факторов: семьи как основного транслятора ценностей, геополитического контекста (пограничье), обостряющего чувство патриотизма и гражданственности, исторической памяти, обеспечивающей связь с прошлым и культурную преемственность.

Перспективы дальнейших исследований видятся в более глубоком изучении механизмов трансляции этих ценностей в повседневные практики и социальное поведение молодежи. Практическая значимость работы заключается в необходимости разработки адресной государственной молодежной политики, которая, будучи современной и устремленной в будущее, должна опираться на выявленный традиционный фундамент. Такая политика должна быть нацелена не на «охрану», а на активное вовлечение молодежи в проекты,

укрепляющие ее идентичность, развивающие критическое мышление и обеспечивающие реальные возможности для самореализации в родных регионах.

Таким образом, современная молодежь в сельских территориях в приграничных регионах демонстрирует желание к гармонии между традиционными и современными ценностями. Несмотря на влияние глобализации, устоев, традиций, такие как крепкая семья и патриотизм, способствуют актуальности в наше время, что свидетельствует о глубокой взаимосвязи молодого поколения с культурным наследием. Дальнейшее исследование данной проблемы способен содействием лучше понять динамику идентичности и ее влияние на социальные процессы в регионах. Использование традиционных ценностей в контексте современных реалий может стать ключом к построению гармоничного общества.

Список литературы

Антюшев И. И. Социальный организм в учениях представителей органицизма XIX века и современных цивилизационных концепциях // Космизм и органицизм: эволюция и актуальность: материалы IV Международной научной конференции. 18-19 ноября 2016 г. / Под ред. О. Д. Маслобоевой, И. А. Сафронова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 27-35. EDN: YUOXPRX.

Зайцева Е. Д., Махотин В. С. Идентичность современной молодежи в онлайн-сообществе: реальность или обман? // Цифровизация. 2021. Т. 2, № 1. С. 15-26. DOI: 10.37993/2712-8733-2021-2-1-15-26. EDN: XAKKQU.

Кузьмина Г. П. П. Ф. Лилиенфельд о предметном поле социальной науки // Космизм и органицизм: эволюция и актуальность: материалы IV Международной научной конференции. 18-19 ноября 2016 г. / Под ред. О. Д. Маслобоевой, И. А. Сафронова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 35-43. EDN: YUOXQH.

Левицкая Т. Е., Тренькаева Н. А., Козлова Н. В., Богомаз С. А., Цехмейструк Е. А. Безопасность в структуре ценностей

молодежи, проживающей в городской среде // Психология и право. 2018. Т. 8, № 4. С. 20-33. DOI: 10.17759/psylaw.2018080403.

EDN: VPROIJ.

Маленков В. В., Печеркина И. Ф. Патриотическая самоидентификация в системе гражданских ориентаций молодежи // Социология. 2019. № 6. С. 249-262. EDN: ROQPMN.

Матвеева Е. В. Сетевое пространство досуга и проблема самоидентификации молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 60. С. 207-216. DOI: 10.31773/2078-1768-2022-60-207-216.

EDN: YAZJBH.

Махмутова Е. В., Волхонская З. И. Политическая самоидентификация молодежи. понятие, компоненты, оценка // Власть. 2022. Т. 30, № 4. С. 111-116. DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9135. EDN: ZYRSKG.

Осинина Д. Д. Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 97-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-97-103.

EDN: BPGVBE.

Федотова В. А. Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 126-136. DOI: 10.31857/S0869049922020095.

EDN: EWBFWM.

Brandtzaeg P. B., Chaparro-Domínguez M.-Á. From youthful experimentation to professional identity: Understanding identity transitions in social media // Young. 2020. Vol. 28, № 2. Pp. 157-174. DOI: 10.1177/1103308819834386.

Brinthaup T. M., & Scheier L. M. Self, identity, and negative youth adaptation: Introduction to the special issue // Self and Identity. 2021. Vol. 21, № 1. Pp. 1-14. DOI: 10.1080/15298868.2021.1979640.

Bushman B. J., Huesmann L. R. Self-Identity as a cognitive model of the self: commentary on Granic, Morita, & Scholten // Psychological Inquiry. 2020. Vol. 31, № 3. Pp. 247-249. DOI: 10.1080/1047840X.2020.1820223.

Deci E. L., Ryan R. M. The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the

Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, № 4. Pp. 227-268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.

Hardy S. A., Nelson J. M., Frandsen S. B., Cazzell A. R. & Goodman M. A. Adolescent Religious Motivation: A Self-Determination Theory Approach // The International Journal for the Psychology of Religion. 2020. Vol. 32, № 1. Pp. 16-30. DOI: 10.1080/10508619.2020.1844968.

Maiya S., Carlo G., Landor A. M., Memmott Elison M.K. Ethnic-racial and religious identity as mediators of relations between ethnic racial socialization and prosocial behaviors among black young adults // Journal of Black Psychology. 2021. Vol. 47, № 1. Pp. 31-50. DOI: 10.1177/0095798420971388.

References

Antyushev, I. I. (2016), "The Social Organism in the Teachings of the 19th-Century Organismists and Modern Civilization Concepts", *Kosmizm i organitsizm: evolyutsiya i aktualnost: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 18-19 noyabrya 2016 g.* [Cosmism and Organism: Evolution and Relevance: Proceedings of the 4th International Scientific Conference. November 18-19, 2016], ed. by O. D. Masloboyeva and I. A. Safronov, SPbGEU Publishing House, St. Petersburg, Russia, 27-35, EDN: YOUXPX. (In Russian)

Zaitseva, E. D., Makhotin, V. S. (2021), "The identity of modern youth in the online community: reality or deception?", *Tsifrovizatsiya*, 2(1), 15-26, DOI: 10.37993/2712-8733-2021-2-1-15-26, EDN: XAKKQU. (In Russian)

Kuzmina, G. P. (2017), "P.F. Lilienfeld on the subject field of social science", *Kosmizm i organitsizm: evolyutsiya i aktualnost: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 18-19 noyabrya 2016 g.* [Cosmism and Organism: Evolution and Relevance: Proceedings of the 4th International Scientific Conference. November 18-19, 2016], ed. by O. D. Masloboyeva and I. A. Safronov, SPbGEU Publishing House, St. Petersburg, Russia, 35-43, EDN: YOUXQH. (In Russian)

Levitskaya, T. E., Trenkaeva, N. A., Kozlova, N. V., Bogomaz, S. A., Tsekhmeistruk, E. A. (2018), "Safety in the structure of values of young people living in an urban environment", *Psikhologiya i pravo*, 8(4), 20-33, DOI: 10.17759/psylaw.2018080403,

EDN: VPROIJ. (In Russian)

Malenkov, V. V., Pecherkina, I. F. (2019), "Patriotic self-identification in the system of civic orientations of youth", *Sotsiologiya*, (6), 249-262, EDN: ROQPMN. (In Russian)

Matveeva, E. V. (2022), "The leisure network space and the problem of youth self-identification", *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, (60), 207-216, DOI: 10.31773/2078-1768-2022-60-207-216, EDN: YAZJBH. (In Russian)

Makhmutova, E. V., Volkonskaya, Z. I. (2022), "Political self-identification of youth. concept, components, evaluation", *Vlast'*, 30 (4), 111-116, DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9135, EDN: ZYRSKG. (In Russian)

Osinina, D. D. (2022), "Basic social ontology and value orientations of modern Russian youth: the problem of political self-identification", *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 12 (4), 97-103, DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-97-103, EDN: BPGVBE. (In Russian)

Fedotova, V. A. (2022), "Trust in government and political activity of Russian youth: the role of ethnic self-identification", *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, (2), 126-136, DOI: 10.31857/S0869049922020095, EDN: EWBFWM. (In Russian)

Brandtzaeg, P. B., Chaparro-Domínguez, M.-Á. (2020), "From youthful experimentation to professional identity: Understanding identity transitions in social media", *Young*, 28 (2), 157-174, DOI: 10.1177/1103308819834386.

Brinthaup, T. M., & Scheier, L. M. (2021), "Self, identity, and negative youth adaptation: Introduction to the special issue", *Self and Identity*, 21 (1), 1-14, DOI: 10.1080/15298868.2021.1979640.

Bushman, B. J., & Huesmann, L. R. (2020), "Self-Identity as a Cognitive Model of the Self: Commentary on Granic, Morita, & Scholten", *Psychological Inquiry*, 31 (3), 247-249, DOI: 10.1080/1047840X.2020.1820223.

Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2000), "The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior", *Psychological Inquiry*, 11 (4), 227-26, DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.

Hardy, S. A., Nelson, J. M., Frandsen, S. B., Cazzell, A. R., & Goodman, M. A. (2020), "Adolescent Religious Motivation:

A Self-Determination Theory Approach", *The International Journal for the Psychology of Religion*, 32 (1), 16-30, DOI: 10.1080/10508619.2020.1844968.

Maiya, S., Carlo, G., Landor, A. M., Memmott Elison, M. K. (2021), "Ethnic-racial and religious identity as mediators of relations between ethnic racial socialization and prosocial behaviors among black young adults", *Journal of Black Psychology*, 47 (1), 31-50, DOI: 10.1177/0095798420971388.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2025 г. Поступила после доработки 22 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г. Received 13 March 2025. Revised 22 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Соловьева Наталья Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Natalia E. Solovjeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Шмигирилова Лариса Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, зам. директора по международной деятельности института экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Larisa N. Shmigirilova, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Deputy Director for International Activities at the Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-8

Оригинальная статья

Чуев С. В.
Титов В. В.

Ценностные основания формирования национально-государственной идентичности молодежи в современной России

Государственный университет управления,
Рязанский проспект, дом 99, Москва, 109542, Россия
sv_chuev@guu.ru

Государственный университет управления
Рязанский проспект, дом 99, Москва, 109542, Россия
titov-msu@mail.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью дальнейшего всестороннего изучения ценностных оснований, влияющих на формирование устойчивой, консолидационной модели национально-государственной идентичности в политическом сознании российской молодежи. Значимость подобной идентификационной модели возрастает сегодня, в условиях острого ментального и политического противоборства России со странами Запада. *Научная проблема* состоит в следующем: масштабные социально-политические изменения и геополитические вызовы 2010-х – первой половины 2020-х гг. способствовали серьёзной трансформации массового сознания в современной России и оказали существенное влияние на содержание и особенности кристаллизации основных смысловых компонентов, конституирующих национально-государственную идентичность российской молодежи. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения специфики и выявления ценностных оснований формирования национально-государственной идентичности российской молодежи в условиях роста внешнеполитической конфликтности и внутренней социальной неопределенности. *Теоретико-методологические основания* исследования концептуализированы на основе сочетания идентитарного подхода и теорий политических ценностей. *Эмпирическую базу* исследования составляет совокупность данных массовых социологических опросов по проблематике ценностей российской молодежи (проведенных ведущими российскими социологическими центрами) и результатов исследовательского проекта «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений», реализованного сотрудниками Государственного университета управления в 2024 году. *Результаты.* В ходе исследования установлено, что важным, но не доминирующим компонентом ценностно-смысловой трансформации национально-государственной идентичности российской молодежи в 2014-2024 гг. явилась актуализация негативных геополитических сюжетов – поэтапная кристаллизация образа врага в лице «коллективного Запада». Следствием этой тенденции стал заметный акцент «политического мы» российской молодежи на негативную модель национально-государственной самоидентификации. Было выявлено, что базовые ценностные ориентации российской молодежи, сохраняя свою

безусловную значимость, характеризуются когнитивной дефицитарностью, содержательной абберацией и, как следствие, аморфностью смысловых границ. *Выводы.* Выявленные тенденции абберации и частичного дефицита смыслов, заключенных в ключевых политических ценностях российской молодежи, сегодня является серьезным сдерживающим фактором, препятствующим формированию полномасштабной, насыщенной в когнитивном плане модели национально-государственной идентичности в политическом сознании молодых россиян.

Ключевые слова: молодежь; национально-государственная идентичность; политические ценности; абберация смыслов; государство; патриотизм; политическое сознание

Благодарности: Исследование проведено авторским коллективом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет управления» в рамках исполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на выполнение проекта по теме: «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (FZNW-2024-0029), регистрационный номер НИОКТР 124092700024-1.

Информация для цитирования: Чуев С. В., Титов В. В. Ценностные основания формирования национально-государственной идентичности молодежи в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 118-137. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-8.

Original article

Sergey V. Chuev
Viktor V. Titov

**The value basis of the formation of national-state identity
of youth in contemporary Russia**

State University of Management,
99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia
sv_chuev@guu.ru

State University of Management,
99 Ryazansky Ave., Moscow, 109542, Russia
titov-msu@mail.ru

Abstract. The *relevance* of the research is due to the need for comprehensive study of the value bases influencing the formation of a stable, consolidating model of national-state identity in the political consciousness of Russian youth. In the context of Russia's acute mental and political confrontation with Western countries, the importance of such an identification model is increasing today. *Scientific problem:* The socio-political changes and geopolitical challenges of the 2010s and early 2020s have contributed to a significant transformation of mass consciousness in modern Russia. They have also had a significant impact on the content and characteristics of the main semantic components that constitute the national-state identity of Russian youth. This highlights the need for further research on the specific features and value foundations of the formation of the national-state identity of Russian youth in the

context of increasing foreign policy conflicts and internal social uncertainty. The *theoretical and methodological foundations* of the research are conceptualized on the combination of an identity study and theories of political values. The *empirical basis* of the study is found on a set of data from mass sociological surveys on the issues of values of Russian youth (conducted by leading Russian sociological centers) and the results of the research project «Value orientations of Russian youth in the context of global change», implemented by researchers of the State University of Management in 2024. *Research Results*. The study found that the actualisation of negative geopolitical narratives, and the formation of an image of an enemy in the form of the 'collective West', were important but not dominant components of the value-semantic transformation of the national-state identity of Russian youth between 2014 and 2024. This trend has led to a noticeable emphasis among Russian youth on a negative model of national-state self-identification. While the basic value orientations of Russian youth remain important, they are characterised by a partial cognitive deficit, significant distortion and, consequently, amorphous semantic frames. *Conclusions*. The revealed trends of aberration and partial deficit of meanings contained in the key political values of Russian youth are today a serious deterrent preventing the formation of a full-scale, cognitively saturated model of national and state identity in the political consciousness of young Russians.

Keywords: youth; national-state identity; political values; aberration of meanings; state; patriotism; political consciousness

Acknowledgments: The study was conducted by a team of authors from the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “State University of Management” as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Project “Value Orientations of Russian Youth in the Context of Global Changes” (FZNW-2024-0029), registration number NIOKTR 124092700024-1.

Information for citation: Chuev, S. V., Titov, V. V. (2025), “The value basis of the formation of national-state identity of youth in contemporary Russia”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 118-137. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-8.

Введение (Introduction). Проблема формирования национально-государственной идентичности в современной России является одной из, несомненно, важных научных ниш, неизменно находящихся в фокусе внимания отечественных исследователей в первой четверти XXI века. Широкий пласт исследований, посвященных проблематике российской идентичности, ее ценностно-символическим основаниям, факторам ее кристаллизации и основным тенденциям эволюции, отличается заметным многообразием и достаточно глубокой теоретической проработанностью (Евгеньева, Титов, 2010; Комаровский, 2015; Малинова, 2010; Попова, 2020). Не

менее важно и то, что указанная проблема имеет осязаемое научно-практическое измерение: задача конструирования конвенциональной, устойчивой и позитивной в мотивационном плане модели общероссийской идентичности является очевидным приоритетом государственной политики, по крайней мере, с начала 2010-х годов. Острота и критическая значимость указанной задачи возрастает сегодня, в 2020-е годы, в условиях резкой эскалации геополитического и ценностно-смыслового конфликта России со странами Запада.

При этом очевидно, что, говоря о становлении прочной модели

общероссийской национально-государственной идентичности, особое внимание следует уделять российской молодежи – тому социальному слою, который, с одной стороны, олицетворяет будущее российской государственности, а с другой, еще находится в ситуации не завершенного поиска собственного политического «мы». Подчеркивая важность ценностного самоопределения молодых россиян, Президент России В. В. Путин отметил: «залог будущего страны, преемственности ее развития в том, чтобы у молодежи были надежные жизненные ориентиры, чтобы она считала подлинно своими наши традиционные ценности, училась на лучших образцах отечественной и мировой культуры, литературы, достижениях науки и образования и, безусловно, знала историю своей страны, имена настоящих героев и созидателей»¹.

Можно констатировать, все указанные выше обстоятельства и моменты свидетельствуют об очевидной актуальности рассматриваемой проблематики. Таким образом, рассматриваемая *научная проблема* заключается в следующем: в современной социогуманитарной науке не сформировалось развёрнутого понимания содержания и основных векторов трансформации ценностно-смысловых компонентов, конституирующих конфигурацию национально-государственной идентичности российской молодежи в условиях социально-политических изменений 2010-х – начала 2020-х гг. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения специфики и детализации ценностных оснований формирования национально-государственной идентичности российской молодежи.

Методология и методы (Methodology and methods). Одним из важных аспектов проводимого исследования является поиск его приемлемых *теоретико-методологических оснований*. Очевидно, что концептуализация указанных оснований предполагает симбиотический взгляд на рассматриваемую проблему – сочетание идентитарных подходов и теорий политических ценностей. Поэтому в рамках данного исследования представляется необходимым выделить три основополагающих теоретико-методологических компонента. Первый и центральный компонент – это современные теории макрополитической идентичности, развернуто представленные в трудах зарубежных и отечественных ученых. В данном контексте особый интерес представляют исследования Г. Ариэли (Ariely, 2012), Д. Белла (Bell, 2003), Х. Беста (Best, 2011), О. Ю. Малиновой (Малинова, 2010), О. В. Поповой (Попова, 2020), В. С. Комаровского (Комаровский, 2015), С. В. Расторгуева (Расторгуев, Титов, 2024). Согласно их видению, национально-государственная идентичность может рассматриваться как разновидность макрополитической идентичности, сложный и многогранный конструкт, впитывающий в себя историко-психологическую и социокультурную специфику национального политического сообщества.

Второй теоретико-методологический компонент исследования – это политико-психологический подход, основные положения которого представлены в работах Т. В. Евгеньевой (Евгеньева, Титов, 2010), Е. Б. Шестопаля (Шестопаля, 2019), Н. В. Смутькиной (Смутькина, Усманова, 2023) и других ученых. Согласно данному подходу, национально-государственная идентичность мыслится как сложный, многомерный политический и культурно-психологический конструкт, вбирающий в себя широкий комплекс

¹ Путин: надежные жизненные ориентиры у молодежи – залог будущего России. ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20087409> (дата обращения: 15.11.2024).

элементов массового политического сознания – установок, ценностей, образов и символов.

Третий теоретико-методологический компонент, на который опирается проводимое исследование, – это современные теории и концептуальные исследовательские модели социально-политических ценностей и политических поколений. В данном ракурсе особого внимания заслуживают исследования, посвященные проблематике ценностной трансформации российской молодежи, – труды Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова (Зубок, Чупров, Любутов, Сорокин, 2021; Зубок, 2022; Зубок, Березутский, 2020), Т. Н. Самсоновой (Самсонова, Зиненко, 2021), А. В. Селезневой (Селезнева, 2020), А. Н. Котляревича (Котляревич, 2023) и ряда других авторов.

Акцент на триангуляцию указанных методологических оснований позволяет определить национально-государственную идентичность как сложный, многомерный политико-психологический и социокультурный конструкт, симбиотический по своему генетическому содержанию. Такой конструкт представляется относительно резистентным к вызовам внешней социально-политической среды, но, тем не менее, не является безусловной политико-культурной константой, а подвержен внутренним ценностно-смысловым трансформациям, в том числе, межпоколенческого характера.

Необходимо также отметить, что существенную методологическую значимость для выстраивания полномасштабного фундамента исследования имеют труды, в которых рассматривается проблематика и механизмы реализации государственной политики, ориентированной на поэтапное формирование политической идентичности российской молодежи. Прежде всего, речь идёт о молодежной политике, ее различных функциональных

подсистемах и стратегических направлениях. В указанном контексте серьезный интерес представляют работы С. В. Чуева, М. Б. Полякова (Чуев, Поляков, 2017), Т. В. Коростелевой (Коростелева, 2020) и других исследователей.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты, полученные в ходе реализации научных проектов «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (2024 год) и «Ценностные ориентации российской молодежи» (2017 год) под руководством С. В. Чуева (Ценностные ориентации, 2017). Методом исследования являлся дистантный опрос в форме анкетирования на цифровой платформе Центра социологических исследований «14-35» Государственного университета управления. В ходе исследования было собрано и обработано 1432 анкеты респондентов (675 мужчин, 757 женщин) в возрасте 14-35 лет, представляющих 31 субъект Российской Федерации. Существенным компонентом эмпирической базы исследования выступают данные общероссийских опросов ведущих социологических центров России – Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). В ходе исследования в целях верификации и оценки представляемых данных и тенденций были также использованы материалы более ранних научно-исследовательских проектов, реализуемых Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, Финансовым университетом при Правительстве РФ, Государственным университетом управления.

Немаловажный аспект проводимого исследования связан с темпоральной операционализацией понятия «молодежь». На сегодняшний день под молодежью в

отечественной научной литературе, как правило, понимается широкая и внутренне разнородная социально-демографическая общность россиян в возрасте 14-35 лет. Таким образом, российская молодежь предстает перед нами как сложный в ценностном плане социальный конгломерат, совокупность двух поколений: она интегрирует в свой состав как «зумеров», так и «старшую молодежь» в возрасте 28-35 лет, относящуюся к поколению «миллениалов» (Зверева, 2018). Однако, руководствуясь возможностями использования репрезентативных данных общероссийских опросов (проводимых ВЦИОМ и ФОМ), представляется логичным несколько сузить возрастные рамки исследуемого социального массива до 18-35 лет, исключив, таким образом, из поля проводимого анализа «школьную» молодёжь 14-18 лет.

Представляется, что отдельного пояснения также заслуживают *хронологические рамки исследования* – 2014-2024 гг. Выбор 2014 года в качестве отправной точки проводимого анализа связан с тем, что именно в этот период произошли существенные качественные изменения в динамике социальных настроений и в содержании массового политического сознания российских граждан. Отражением этих глубоких и форсированных социально-политических изменений, имевших место в 2014-2015 гг., стал «крымский консенсус», генезис и факторы которого достаточно подробно описаны российскими учеными.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Ключевым теоретическим вопросом

проводимого исследования является формулирование приемлемого определения понятия «национально-государственная идентичность», позволяющего отобразить структурное многообразие данного феномена. В рамках проводимого исследования и с учетом необходимости анализа политических ценностей, представляется возможным охарактеризовать национально-государственную идентичность как «сложный, эволюционирующий конструкт, сложившийся и видоизменяющийся в массовом политическом сознании российских граждан. Он включает себя как устойчивые, медленно трансформирующиеся историко-культурные составляющие (язык, традиции и т. д.), так и более подвижные элементы – образы наиболее значимых социально-политических субъектов» (Расторгуев, Титов, 2024: 281). То есть, перед нами предстает не «одномерная» атрибутивная самоидентификация (представляемая в виде редуцированного «самоописания»), а многомерное социально-политическое представление-конструкт, выполняющее интегративную функцию по отношению к другим фрагментам массового сознания и способный оказывать существенное влияние на паттерны политического поведения. Исходя из подобного понимания, справедливо предложить следующую трехуровневую («ценностно-образно-символическую») композицию национально-государственной идентичности (Рисунок 1).

Рисунок 1. Трехуровневая структура национально-государственной идентичности
Figure 1. Three-level structure of national-state identity

На наш взгляд, представленная трехуровневая модель органично вытекает из схем структурной операционализации понятия «национально-государственная идентичность», осуществленной в более ранних теоретических исследованиях (Евгеньева, Титов, 2010). Она позволяет говорить о трех взаимосвязанных блоках (уровнях) структуризации идентичности как ядра политического сознания и способна релевантно описать и национально-государственную идентичность в целом, и ее значимые компоненты (в частности, ценностный профиль).

Первый – «верхний» – уровень конструкта национально-государственной идентичности – *мотивационно-поведенческий*. Он, опираясь на соответствующие ценностные ориентации и идентификационные образы, обеспечивает опосредованную (но тем, не менее, наблюдаемую учеными) взаимосвязь идентификационного конструкта с соответствующими моделями и паттернами политического поведения.

Будучи отражением мотивационно-динамической стороны сознания, он представляет собой в генетическом плане комплекс мотивов и стимулов, активирующих соответствующие реакции на импульсы социально-политической среды и алгоритмы массового политического поведения.

Второй уровень – *образно-символический* – конституирует связь мотивационно-поведенческого блока с условными «глубинными» слоями национально-государственного самосознания, ценностями и установками. Важно подчеркнуть, что именно указанный уровень в структуре национально-государственной идентичности наиболее детально изучен отечественными и зарубежными исследователями (Бест, 2011; Шестопал, 2019; Смутькина, Усманова, 2023). Как правило, они выделяют в его поле такие базовые идентификационные конструкты, как коллективный образ прошлого, образ будущего, образ пространства, образ «нас» как целостной историко-политической

общности, образ значимых других и связанное с ними символическое пространство («символический пантеон» самоидентификации). Справедливо полагать, что идентичность как политико-психологическая целостность (а не «бесконечное множество» когний и психоэмоциональных фрагментов) структурируется и обретает смысловую завершенность именно на этом, образно-символическом уровне (Комаровский, 2015; Попова, 2020).

Третий уровень структуры национально-государственной идентичности – ценностно-установочный – представляет собой конституирующее основание и смысловой фундамент кристаллизации всей идентификационной структуры массового политического сознания. Его содержание определяется конфигурацией базовых, массово разделяемых общественных ценностей, доминирующих перцептивных и поведенческих установок, определяющих границы восприятия политической реальности и основополагающие модели политического поведения, характерные для конкретного общества на определенном этапе его исторического развития. При этом, рассматривая ценностно-смысловой уровень идентичности, представляется важным не ограничиваться атрибутивным пониманием политических ценностей, их трактовкой исключительно сквозь призму субъективной и ситуативной значимости. Более уместным представляется развернутое понимание политических ценностей, заложенное научной традицией когнитивизма и оформленное в рамках современного политико-психологического подхода. В этом случае политические ценности определяются как «устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы

социальных отношений» (Селезнева, 2019: 178).

Исходя из приведенного выше определения, ценности выступают своеобразной «смысловой экстракцией» национально-государственной идентичности и одновременно – основанием ее поэтапного формирования и дальнейшей трансформации. Подобная функциональная двойственность ценностей подчеркивает их, безусловно, важное место и системообразующую роль в структурной композиции национально-государственной идентичности.

Этап 2014-2019 гг., безусловно, характеризовался не только знаковыми изменениями геополитической ситуации в мире, но и серьезными трансформациями политического сознания российских граждан. Как указывает А. В. Селезнева, «социокультурные особенности политических ценностей молодежи определяются влиянием на них национальной политической культуры и глобальных тенденций. Российская молодежь находится под своеобразным перекрестным воздействием, что отражается в сложной комбинации присущих им ценностей выживания и самовыражения, в парадоксальной значимости для них ценностей свободы и прав человека с ожиданиями их реализации со стороны государства» (Селезнева, 2020: 28). Тем не менее, одной из наиболее заметных тенденций этого периода стала четкая кристаллизация «образа врага» в лице «коллективного Запада». Справедливо полагать, что именно во второй половине 2010-х гг. массовое отношение к Западу и основным западным странам (в особенности, к США) в полной мере трансформировалось от умеренно негативного к резко негативному. Подобная тенденция, в смягченном варианте, прослеживалась и в сознании российской молодежи. Показательно, что указанная динамика соседствовала с преобладающей негативизацией представлений об

отношении к России в мире. Так, в ходе исследования ФОМ в мае 2018 года, 46 % россиян в возрасте 18-30 лет высказали мнение, что отношение к России в мире в последние годы ухудшается, и только 20% молодых респондентов отметили, что оно улучшается².

Безусловно, такие результаты свидетельствуют как о частичной негативизации политических ожиданий молодежи, так и формировании весьма прочных ценностно-установочных оснований «негативной» геополитической идентичности России. То есть, положение и перспективы нашей страны в мире уже во второй половине 2010-х гг. отчетливо осознавались большинством молодых российских граждан не с точки зрения потенциальных возможностей, а через негативно окрашенную перцептивную установку – сквозь призму опасности, угроз и социально-политических вызовов, генерируемых Западом и адресованных нашей стране.

Представляется, что рассмотренную выше тенденцию, всё же, не следует абсолютизировать: образ «врага» в лице «коллективного Запада» не стал безусловной ценностно-смысловой доминантой политического сознания российской молодежи. Обращаясь к современным теориям «образа врага» (К. Шмитт, И. Нойманн), можно заметить, что данный образ всегда опирается на соответствующие исторические основания, предполагает проекцию конфликтности из прошлого в настоящее и будущее. Однако функциональное значение указанного образа, в первую очередь, связано с заключенным в нем культурно-символическом потенциале негативной (на основе противостояния с представляемым «врагом») консолидации конкретного общества (Нойманн, 2004; Шмитт, 2016). Безусловно, российская молодежь в

основной своей массе не была ориентирована на редуцированный образ России как «осажденной крепости». В существенной мере обращение к подобному «врагу» – не результат глубокой социальной рефлексии, а приемлемый для молодежи способ реструктуризации собственной социальной реальности, переформатирования «мы – они» отношений в условиях неопределенности и роста социальных рисков (Зубок, 2022). Более того, негативное отношение к Западу прочно соседствует в сознании молодых россиян с прагматическим запросом на деэскалацию геополитической напряженности и возврат к привычным материально-символическим атрибутам, связанным с западной макроцивилизацией. Поэтому речь, скорее, идет о том, что для значительной части российской молодежи «образ врага» выполняет именно ситуационную функцию мощной психоэмоциональной консолидации, форматирует модель «негативной идентичности» и таким образом восполняет некоторый дефицит позитивных консолидирующих смыслов и ценностей.

В равной мере исследования второй половины 2010-х гг. (проведенные еще в «допандемийный» период) не позволяют говорить и о какой-либо заметной «катастрофизации» социально-политических представлений молодых россиян. Тем не менее, дальнейший анализ ценностных оснований национально-государственной идентичности российской молодежи представляется возможным, в том числе, и с учетом активации негативного идентификационного компонента – весьма заметного переформатирования геополитических представлений о «значимом другом» в лице западного мира. То есть, речь идёт о выстраивании своеобразной оптики восприятия «нас в мире» – ограничительной ментальной рамке, в которой «глобальный мир» мыслится российской молодежью не как

² Россия: друзья, враги, отношение в мире. ФОМ. URL: <https://fom.ru/Mir/14025> (дата обращения: 21.11.2024).

«пространство возможностей» или даже естественная конкурентная среда, а, прежде всего, как источник опасности и конфликтности.

Важно отметить: национально-государственная идентичность российской молодежи в целом не может быть сегодня однозначно охарактеризована в ценностном плане как исключительно «негативный» конструкт, генерируемый вокруг «образа врага» в лице стран Запада. Вместе с тем она явно тяготеет к накоплению внутреннего конфликтного потенциала, всё более ориентирована на резкую, аффективную поляризацию «своих» и «чужих»: и в пространствах повседневности, и в культурно-историческом измерении, и в геополитическом ракурсе.

Анализируя динамику ценностей российской молодежи в 2014-2024 гг., можно достаточно четко зафиксировать тот факт, что в ценностных иерархиях молодых россиян *никогда не доминировали ценности политико-консолидационного характера*, направленные на актуализацию собственного политического «мы». Так, весьма показательны, что в 2017 году ведущими ценностными ориентациями российской молодежи (согласно данным ВЦИОМ) ведущее положение занимали доход (15%), порядок и стабильность (11%) и самореализация (8%). При этом эксперты, характеризуя сложившуюся на тот момент ситуацию, отмечали: «на рациональном уровне политика властей пользуется поддержкой (стабильность, внешнеполитические успехи), но на уровне ценностей – ситуация внутри страны воспринимается как не отвечающая основным ценностям (справедливость, честность, уважение)»³.

Аналогичное исследование ценностных ориентаций российской

молодежи 14-35 лет, проведенное ВЦИОМ в декабре 2022 года, выявил что ключевыми ценностно-смысловыми императивами для молодых россиян являются высокий уровень благополучия (58%). Показательно, что 54% респондентов при этом весьма осознанно выбирают тактику дистанцирования от макросоциальной и политической действительности, предпочитая «жить спокойно, работая и заботясь о семье» О возможности «приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни», упомянули лишь 26% молодых россиян. Таким образом, сегодня в целом среди молодых россиян сохраняется тенденция отчетливого превалирования семейных (свыше 90%) и индивидуально-материальных (70-80%) ценностей над ценностями социально-политического плана⁴. Микросоциальные и материальные ориентации молодежи были весьма убедительно подтверждены и данными более поздних социологических исследований 2023-2024 гг. Тем не менее, возможно говорить и о том, что у некоторых сегментов российской молодежи наметился и весьма невыразительный, идеалистический по своей сути «неолиберальный тренд» – запрос на ценности индивидуальной социальной свободы и самореализации (Котляревич, 2023).

На этом фоне крайне симптоматично, что 2022 год стал, несомненно, кризисным с точки зрения гражданско-политической самоидентификации российской молодежи. Если в 2021 году о себе как «гражданах РФ» упомянули 90% молодых россиян, то в декабре 2022 года – только 83%⁵. Справедливо полагать, что такая

³ Молодежь и политика: актуальные вызовы. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-05-22_cennosti.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

⁴ Ценности молодежи. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 22.11.2024).

⁵ Ценности молодежи. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>

тенденция во многом обусловлена частичной (но далеко не тотальной) негативизацией социально-психологического самочувствия российской молодежи в условиях начала Специальной военной операции и последующего объявления мобилизации в сентябре 2022 года. В этом смысле СВО, безусловно, явилось вызовом и в целом для политического сознания российской молодежи, и для национально-государственной самоидентификации молодых россиян, в частности. Среди ценностных приоритетов молодых россиян на первое место вышел запрос на безопасность и ощущение стабильности⁶.

В силу этого российская молодежь стала несколько более конформистской (ориентированной на мнение собственного близкого окружения) и тревожной. Преобладание «обеспокоенной» молодежи, ориентированной на ценности безопасности и предсказуемости, весьма четко фиксируют и соответствующие результаты социологических исследований, что отражено на Рисунке 2.

Можно констатировать, что политические события 2022 года спровоцировали и пересмотр нейтрально-лоялистского отношения основной массы молодых россиян к действующей власти, и некоторые колебания установок гражданской идентичности. Вместе с тем, общероссийские исследования весьма убедительно показывают, что усиление критицизма в молодежной среде по отношению к «своей стране» и собственному национально-государственному «я» не привело к всеобъемлющему «пересмотру» или, тем более, отмене установок российской

национально-государственной идентичности среди молодых российских граждан⁷.

Тем не менее, весьма очевидно, что в ценностной структуре молодежи индивидуализированные, «я – центричные» ценностные ориентации материального и «постматериального» характера. На первый план в сознании российских «миллениалов» и «зумеров» выходят те ценности, идентификационный потенциал которых достаточно четко ограничен социальными «пространствами повседневности» и не выходит за «типичные» социально-бытовые рамки (семья, друзья, коллеги, узкое «сообщество интересов»).

В ракурсе проводимого исследования весьма интересным видится место таких ценностей, как государство и патриотизм в пространстве национально-государственной самоидентификации молодых россиян.

Рассматривая многогранную категорию «государство» как сложносоставную политическую ценность, можно заметить, что, с одной стороны, констатация важности государственного компонента в массовом сознании всех социально-демографических сегментов российского общества (включая, разумеется, молодежь) является несомненной. Значимая роль государственного (патерналистского, «державного») компонента в мозаичной системе политических представлений молодых россиян отражена в большинстве исследований, посвященных социально-политическим ценностям и проблематике российской идентичности. Общеизвестно, что «великодержавная» установка (в различных ее вариациях – «имперской», интеграционистской «неосоветской» и

obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 22.11.2024).

⁶ Социально-психологическое самочувствие молодежи на фоне СВО и частичной мобилизации. ВЦИОМ. URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/file/presentation/Soc._sam_molodej_2022-12-19__2_.pdf (дата обращения: 22.11. 2024).

⁷ Социально-психологическое самочувствие молодежи на фоне СВО и частичной мобилизации. ВЦИОМ. URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/file/presentation/Soc._sam_molodej_2022-12-19__2_.pdf (дата обращения: 22.11. 2024).

т.д.), подпитываемая ретроспективными сюжетами коллективного образа прошлого, была органически вписана в политико-психологический ландшафт российского общества и ранее (Шестопад, 2019). Поэтому вполне справедливо утверждать, что она унаследована (с известными модификациями несколько иными смысловыми акцентами) современной российской молодежью в процессе политической социализации от более ранних политических поколений. Более того, сопоставление данных политико-психологических исследований прошлых лет указывает на то, что психологический запрос на геополитический статус великой державы в молодежной среде даже несколько возрос (по сравнению с началом – серединой 2010-х гг.). Можно полагать, что подобная ориентация на государство может отчасти рассматриваться как маркер

социальной пассивности и «размывания» идентичности (Зубок, Чупров, Любутов, Сорокин, 2021). То есть, речь идет о своеобразной метаморфозе – превращении национально-государственной идентичности части молодых россиян в патерналистскую государственно-национальную. В такой «перевернутой» конфигурации идентичности именно государство, транслируемые им политические конструкты, играют определяющую роль и превалирует над всеми другими проявлениями политической самоидентификации. Однако согласно данным отечественных социологов, явная жизненная пассивность в целом (и социальная пассивность в частности) характерны для относительно малого числа (не более 15%) молодых россиян (Зубок, Чупров, Любутов, Сорокин, 2021).

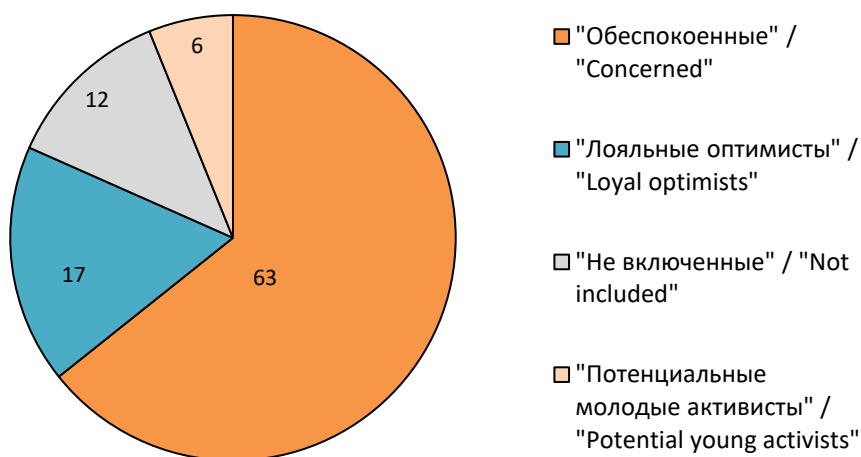

Рисунок 2. Ценностные сегменты молодежи в современном российском обществе, %⁸

Figure 2. Value segments of young people in modern Russian society, %

⁸ Социально-психологическое самочувствие молодежи на фоне СВО и частичной мобилизации. ВЦИОМ. URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/file/presentation/Soc._sam_molodej_2022-12-19__2_.pdf (дата обращения: 22.11.2024).

С другой стороны, исследования конца 2010-х – начала 2020-х гг. весьма убедительно показывают, что государство мыслится российской молодежью не как безусловный, экзистенциальный смысловой императив, терминальная социально-политическая ценность, а преимущественно как «пространство возможностей»⁹. В этой логике задача государства – обеспечивать весь необходимый комплекс условий для социальной самореализации личности. То есть, необходимо признать: государство для современной российской молодежи, большей ее части, – есть либо *формально-атрибутивная*, либо *сугубо инструментальная ценность*. В первом случае государство и российская государственность рассматриваются молодыми россиянами в поверхностно-рефлексивном и аффективном ракурсах, как унаследованная ими производная исторической реальности, часть непрерывной традиции и, в ряде случаев, «то, чем можно гордиться».

Во втором случае преобладает *функционально-сервисный взгляд на государство*: они лишь инструмент (хотя, и безусловно важный) обеспечения социального комфорта, жизненного благополучия и самореализации молодых россиян. В этом смысле справедливо говорить о том, что в молодежной среде весьма четко заметен симбиотический по своей природе *прагматично-патерналистский ракурс* отношения к государству и «стране России» в целом («оно нам должно, а мы ему нет»). Объяснением такого феномена сервисного и утилитаристского взгляда на государство, его деятельность, во многом может служить габитус пассивной жизненной позиции, который предполагает, в том числе, ориентацию на собственное благополучие и выраженный

индивидуализм (Зубок, Чупров, Любутов, Сорокин, 2021). Молодые россияне, исповедующие такой взгляд на жизнь, не стремятся интегрироваться в общественную и политическую активность, но тем не менее, активно демонстрируют образцы «я-центричного» восприятия действительности, в котором государство «должно» обеспечить им высокий уровень социального комфорта, материального и символического потребления.

Естественно, такие ценностные ориентации не способствуют актуализации национально-государственной идентичности в политическом сознании российской молодежи. Сохраняясь как имманентная, глубоко укоренённая установка политического сознания и подпитываясь условно «традиционными» социально-политическими ценностями (безопасность, порядок, социальная справедливость), она может весьма легко принимать формы и атрибуции декларативного и пассивного «политического лоялизма» в молодежной среде, тем не менее, не ретранслируется в мобилизационные позитивно-активистские модели политического поведения¹⁰.

Во многом аналогичные смысловые aberrации и слабость взаимосвязи между декларируемыми ценностными ориентациями и паттернами политического поведения можно наблюдать и в отношении такой политической ценности, как *патриотизм* (Титов, 2023). Следует отметить, что патриотизм, вне всякого сомнения, относится к числу ведущих политических ценностей российского общества, изначально обладающих высоким потенциалом макрополитической консолидации. Как показывают исследования Центра «14-35» Государственного университета управления, проведенные в июне-сентябре

⁹ Результаты исследования «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (FZNW-2024-0029).

¹⁰ Результаты исследования «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (FZNW-2024-0029).

2024 года, молодые россияне, придерживающиеся позиций социального активизма, мыслят «патриотизм» в широком разнообразии смысловых и психоэмоциональных вариаций. Так, они отмечают, что патриотизм – это: «любовь к стране и месту, где ты родился», «любовь к Родине», «обязанность защищать Родину», «единство и преемственность поколений», «уважение к старшим». При этом весьма показательно, что, согласно полученным исследовательским данным, выявленные ценностные установки дополняются в сознании российской молодежи позитивными микросоциальными императивами – жизненными ориентациями на такие базовые ценности, как семья, служение Отечеству, взаимопомощь и взаимоуважение¹¹.

Важно отметить, что упомянутые выше результаты в целом коррелируют с «позитивной полифонией» патриотизма в сознании молодежи, которая была выявлена ранее в ходе исследования ценностных ориентаций молодых россиян, проведенного под руководством С. В. Чуева в 2017 году (Ценностные ориентации, 2017). Отмечается, что «с одной стороны, молодые люди выбирают альтернативы, свидетельствующие о так называемом пассивном патриотизме: любить Родину (79,1%), испытывать гордость за великие достижения страны (72,7%), знать культуру страны и гордиться ею (57,3%), верить в великое будущее страны (47,4%), испытывать ностальгию вдали от Родины (24,8%). С другой стороны, респондентам свойственен и активный патриотизм: 62,1% респондентов готов действовать во благо своей страны; защищать свою страну с оружием в руках (57,5%); исполнять обязанности гражданина,

соблюдать законы государства (56,7%), вести активную борьбу с угрозами, которые разрушают страну изнутри (35%)» (Ценностные ориентации, 2017: 34-35).

С одной стороны, результаты научного проекта «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений», реализованного учеными Государственного университета управления в 2024 году, убедительно подтверждают выявленную ранее тенденцию – рост значимости патриотизма и патриотических ориентаций для социального и политического самоопределения современной российской молодежи. Патриотические установки в той или иной мере разделяет 89% молодых респондентов, и для 73% данные установки являются значимым императивом, непосредственно способным воздействовать на паттерны и модели их социального и политического поведения¹². Более того, выявленные тенденции дифференциации смыслового пространства и роста вариативности патриотизма позволяют говорить и о патриотической идентичности как некотором ценностно-смысловом знаменателе, сближающем (и гипотетически способном консолидировать в идейно-политическом плане) различные группы и слои российской молодежи.

С другой стороны современные исследователи говорят о различных версиях патриотизма в политическом сознании россиян. Например, И. А. Халий дифференцирует «безоговорочный и «преобразовательный» патриотизм (Халий, 2017). Г. С. Степанова считает, что необходимо разделять патриотизм по отношению к Государству и Отечеству / Родине (Степанова, 2020). Согласно ее мнению, в современной России имеет место отчуждение и социальное недоверие по отношению к Государству (Степанова, 2020).

¹¹ Духовно-нравственные ценности: оптика восприятия, смыслового содержания и понимания участниками форумной кампании (июль – сентябрь 2024 г.): отчет. Государственный университет управления. URL: <https://guu.ru/university/csr/> (дата обращения: 30.11.2024).

¹² Результаты исследования «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (FZNW-2024-0029).

В этом смысле промежуточные результаты исследования «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (2024 год) также убедительно показывают, что патриотизм может и должен рассматриваться преимущественно как условный «рамочный» психологический знаменатель-установка, но не как монолитная всепоглощающая доминанта в системе социально-политических ценностей молодежи, вбирающая в себя

иные ценностно-смысловые конструкты¹³. Доказательством вариативности и внутренней противоречивости патриотизма как интегративного ценностно-смыслового конструкта служит ранее выявленная предельно мозаичная ценностно-психологическая палитра, существующая в сознании именно тех молодых россиян, которые идентифицируют себя в качестве патриотов (Таблица 1)¹⁴.

Таблица 1

Социально-политические ценности, наиболее значимые
для молодых российских патриотов, %

Table 1

Social and political values most important to young Russian patriots, %

Социально-политические ценности / Socio-political values	Довольно значимо / Quite significant	Очень значимо / Very significant	Всего / Total
Мир / Peace	18,4	74,8	93,2
Порядок / Order	26,6	65,6	92,2
Свобода / Freedom	22,6	68,3	90,9
Безопасность / Safety	20,8	72,3	93,1
Справедливость / Justice	21,2	69,7	90,9
Права человека / Human rights	18,2	74,3	92,5

Представленная выше эклектичная ценностная панорама показывает, что сегодня в полной мере справедливо говорить о различных прочтениях и когнитивных «расшифровках» патриотизма, его содержания, в сознании молодых россиян. По-существу, речь идёт о многообразии трактовок и атрибуций патриотизма. Результатом подобного многообразия становится сосуществование в молодежной среде различных «патриотизмов» – лоялистского, неоимперского, этнокультурного, критического, либерального.¹

Следовательно, анализ патриотизма как макрополитической ценности также позволяет заметить, что (как и в ситуации

с «государством») имеет место существенная абберация смыслов. Только, если в случае с «государством» речь идёт о смысловом «сдвиге» от экзистенциального и терминального восприятия к прагматизму и инструментальному его пониманию, то в случае «патриотизма» происходит несколько иная смысловая абберация – а именно, неоправданное его смысловое расширение, приводящее к размыванию содержательных границ данного понятия.

Закономерным следствием аморфности и гипертрофированной пластичности патриотизма и «патриотической идентичности» является частичная утрата ими консолидационного ресурса и, тем более, мобилизационного макрополитического импульса. В сознании молодых россиян патриотизм все более предстает именно как ценность-атрибут, вторичная характеристика «образа я» в его

¹³ Результаты исследования «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (FZNW-2024-0029).

¹⁴ Составлена авторами по материалам (Селезнева, 2020).

социальной проекции («я в глазах других»). В этой ситуации патриотизм не выступает как актуальная, консолидирующая ценностная ориентация, насыщенная в своем когнитивном и эмоциональном ракурсах и способная существенно влиять на массовое поведение российской молодежи.

Заключение (Conclusions).

Полученные результаты исследования позволяют сделать ряд следующих выводов.

Во-первых, несомненной является конституирующая роль ценностно-установочного фундамента массового сознания, аккумулированных в нем политических ценностей, в формировании и эволюции национально-государственной идентичности российской молодежи. Можно с уверенностью констатировать, что именно содержание базовых политических ценностей во многом определяет траектории эволюции образно-символического и мотивационно-поведенческого профилей национально-государственной идентичности молодых россиян¹.

Во-вторых, современные социологические и политико-психологические исследования убедительно доказывают тот факт, что в ценностно-мотивационных иерархиях современной российской молодежи, всех значимых ее сегментов и возрастных групп, явно превалируют индивидуалистские прагматические (достаток, карьера, самореализация) и микросоциальные (семья, друзья) ценности, обладающие весьма ограниченным консолидационным потенциалом с точки зрения конструирования макрополитических общественных идентификационных «матриц», к которым относится

национально-государственная идентичность.

В-третьих, существенным, хотя и не доминирующим фактором ценностно-смыслового форматирования национально-государственной идентичности российской молодежи в 2014-2024 гг. явилась актуализация негативных геополитических сюжетов массового сознания, формирование образа врага в лице «коллективного Запада» и, как следствие, заметный акцент на негативную модель самоидентификации – осознание собственного национально-государственного «мы» сквозь призму образа «значимого другого». Безусловно, такая тенденция, имеющая во многом политико-контекстуальный характер и связанная с международно-политической динамикой 2010-х – первой половине 2020-х гг., не может интерпретироваться исключительно в деструктивном ракурсе, но, тем не менее, накладывает определенные политико-психологические ограничения на формирование развернутого позитивного ценностно-смыслового пространства российской идентичности в политическом сознании молодых россиян.

В-четвертых, очевидной проблемой является аберрация смыслов, заключённых в таких, несомненно, важных идентификационных ценностях российской молодежи, как «государство» и «патриотизм». Так, в случае «государства» имеет место смещение от терминальных смысловых интерпретаций к инструментальным и прагматическим ценностным ориентациям. Российская молодежь всё более воспринимает «государство» не в экзистенциальном ракурсе, а в сугубо утилитарном, *функционально-сервисном* его понимании. Политическая ценность «патриотизм» будучи интегративной и многоплановой по своей природе, тяготеет к неоправданному расширению – множественности субъективных «прочтений» и также во многом утрачивает свой

¹ Результаты исследования «Ценностные ориентации российской молодежи в условиях глобальных изменений» (FZNW-2024-0029).

консолидационный идентификационный потенциал.

Можно полагать, что перспективы дальнейшего изучения ценностных оснований национально-государственной идентичности российской молодежи связаны с более активным применением качественных психологических методик, позволяющих диагностировать глубинные факторы и нюансы восприятия, влияющие на массовое сознание молодых россиян. В частности, в центре внимания может оказаться проблема многообразия интерпретаций молодыми россиянами номинально (с точки зрения используемых семантических единиц) одних и тех же ключевых социально-политических ценностей, обусловивших серьезные различия формирующихся на их основе вариантов национально-государственной самоидентификации.

Представляется, что полученные результаты исследования могут быть также использованы в практическом ключе, при формулировании основных приоритетов и разработке стратегий государственной молодежной политики в Российской Федерации, при реализации государственной политики РФ в сферах образования, исторического просвещения и культуры. Полученные результаты могут представлять интерес с точки зрения задач дальнейшей институционализации и выработки ценностно-смысловых оснований государственной политики идентичности в России. Выводы исследования могут быть также востребованы в деятельности некоммерческих организаций, специализирующихся в сфере патриотического и гражданского воспитания молодежи.

Таким образом, сегодня можно констатировать, что ценностные основания общероссийской национально-государственной идентичности молодежи характеризуются существенной аморфностью и очевидной дефицитарностью. Эти тенденции,

безусловно, сдерживают формирование устойчивой и развернутой в когнитивном плане модели национально-государственной идентичности российской молодежи.

Список литературы

- Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122-134. EDN: MNJSHF.
- Зверева Е. А. Особенности медиапотребления «поколения Y» и «поколения Z» // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 205-216. EDN: XZIPRR.
- Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89-105. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105. EDN: UOMSPG.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С., Сорокин О. В. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Том 12, № 3. С. 79-98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738.
- Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.
- Комаровский В. С. Формирование национально-государственной идентичности в России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3. С. 20-27. EDN: TNRRET.
- Коростелева Т. В. Личностные ресурсы в управлении качеством жизни молодежи: стратегии, инструменты, измерения. СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. 148 с. ISBN: 978-5-6044793-1-5. EDN: QEZJLM.
- Котляревич А. Н. Ценности современной российской молодежи: неолиберальный тренд // Культура и безопасность. 2023. № 1. С. 5-15. DOI:10.25257/KB.2023.1.5-15.
- Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза:

ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5-28. EDN: MVGSDT.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / перевод с английского В. Литвинова, И. Пильщикова. Москва: Новое издательство, 2004. 335 с.

Попова О. В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86-110. DOI: 10.31249/poln/2020.04.05.

Расторгуев С. В., Титов В. В. Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX – начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. № 2. С. 277-291. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291. EDN: NJDGXY.

Самсонова Т. Н., Зиненко В. Е. Формирование политической субъектности молодежи в современной России: критерии, условия, проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 3. С. 17-24. DOI: 10.24158/per.2021.3.2. EDN: SSLJPD.

Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177-192. DOI: 10.17223/1998863X/49/18. EDN: GOSNKF.

Селезнева А. В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. № 3. С. 20-32. DOI: 10.18721/JHSS.11302.

Смутькина Н. В., Усманова З. Р. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. 2023. № 2. С. 254-272. DOI: 10.31249/poln/2023.02.11. EDN: HEYMLZ.

Степанова Г. С. Содержание социальных представлений о государстве и Отечестве у современной молодежи как проявление патриотизма // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4-2 (94). С. 107-110. DOI: 10.23670/IRJ.2020.94.4.046.

Титов В. В. Патриотизм в структуре национально-государственной идентичности

русской молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11 (124). С. 50-55. DOI: 10.24158/per.2023.11.5. EDN: QQCQNQJ.

Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 67-74. EDN: YGAMSJ.

Ценностные ориентации русской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / Государственный университет управления; под общей редакцией С. В. Чуева. Москва: Издательский дом ГГУ, 2017. 131 с.

Чуев С. В., Поляков М. Б. Основные проблемы развития сферы государственной молодежной политики // PolitBook. 2017. № 3. С. 45-63. EDN: ZSVRMV.

Шестопал Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993-2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9-20. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02.

Шмитт К. Понятие политического / перевод с немецкого под редакцией А. Ф. Филиппова. СПб: Наука, 2016. 568 с.

Ariely G. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across Sixty three countries // Nations and nationalism. 2012. № 18 (3). Pp. 461-482. DOI: 10.1111/J.1469-8129.2011.00532.X.

Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity// British Journal of Sociology. 2003. № 1. Pp. 63-81. DOI: 10.1080/0007131032000045905.

Best H. The Elite-Population Gap in the Formation of Political Identities // A Cross-Cultural Investigation. Europe and Asia Studies. 2011. № 6. P. 995-1009. DOI: 10.1080/09668136.2011.585751.

References

Evgenieva, T. V., Titov, V. V. (2010), "Formation of national-state identity of Russian youth", *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 122-134, EDN: MNJSHF. (In Russian)

Zvereva, E. A. (2018), "Features of media consumption of "generation Y" and "generation Z"", *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, (8), 205-216, EDN: XZIPRR. (In Russian)

Zubok, Ju. A., Berezutsky, Ju. V. (2020), "Social activity of youth: ideological foundations of self-regulation", *Vlast i upravlenie na Vostoke*

Rossii, (2), 89-105, DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105, EDN: UOMSPG. (In Russian)

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Lyubutov, A. S., Sorokin, O. V. (2021), "Life positions of young people: semantic bases of formation", *Vestnik Instituta sociologii*, (3), 79-98, DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738. (In Russian)

Zubok, Yu. A. (2022), "Changing social reality: reflection of theoretical and empirical aspects of sociological research of youth", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 10-30, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2. (In Russian)

Komarovsky, V.S. (2015), "Formation of national-state identity in Russia: challenges and risks", *Vlast*, (3), 20-27, EDN: TNRET. (In Russian)

Korosteleva, T. V. (2020). *Lichnostnye resursy v upravlenii kachestvom zhizni molodezhi: strategii, instrumenty, izmereniya* [Personal resources in managing the quality of life of young people: strategies, tools, measurements], Naukoemkie tehnologii, Sankt-Peterburg, Russia, ISBN: 978-5-6044793-1-5, EDN: QEJLM. (In Russian)

Kotlyarevich, A. N. (2023), "The values of modern Russian youth: a neoliberal trend", *Kultura i bezopasnost*, (1), 5-15, DOI: 10.25257/KB.2023.1.5-15. (In Russian)

Malinova, O. Ju. (2010), "The construction of a Macropolitical identity in post-Soviet Russia: symbolic politics in the transforming public sphere", *Politicheskaya ekspertiza: POLITJeKS*, (1), 5-28, EDN: MVGSDT (In Russian)

Neumann, I. (2004), *Ispolzovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostey* [Using the "Other". Images of the East in Recent European Identities], translated from English by V. Litvinov, I. Pilshchikov, New Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Popova, O. V. (2020), "On unsolved problems of the Theory of State Identity Policy in Russian Political Science", *Politicheskaya nauka*, (4), 86-110, DOI: 10.31249/poln/2020.04.05 (In Russian)

Rastorguev, S. V., Titov, V. V. (2024), "The crisis of the Russian national-state identity at the end of the XX – beginning of the XXI century: factors, specifics, representations", *RUDN Journal of Political Science*, (2), 277-291, DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291, EDN: NJDGXY. (In Russian)

Samsonova, T. N., Zinenko, V. E. (2021), "Formation of the political subjectivity of youth in modern Russia: criteria, conditions, problems", *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (3), 17-24, DOI: 10.24158/pep.2021.3.2, EDN: SSLJPD. (In Russian)

Selezneva, A. V. (2019), "Conceptual and methodological foundations of the political and psychological analysis of political values", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (49), 177-192, DOI: 10.17223/1998863X/49/18, EDN: GOSNKF. (In Russian)

Selezneva, A. V. (2020), "Political values of Russian youth: socio-cultural characteristics and identification potential", *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie*, (3), 20-32, DOI: 10.18721/JHSS.11302. (In Russian)

Smulkina, N. V., Usmanova, Z. R. (2023), "Actualization of images of the past in citizens' ideas about the future of Russia", *Politicheskaya nauka*, (2), 254-272, DOI: 10.31249/poln/2023.02.11, EDN: HEYMLZ. (In Russian)

Stepanova, G. S. (2020), "The content of social ideas about the state and the Fatherland among modern youth as a manifestation of patriotism", *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, (4-2), 107-110, DOI: 10.23670/IRJ.2020.94.4.046. (In Russian)

Titov, V. V. (2023), "Patriotism in the structure of national-state identity of Russian youth", *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, (11), 50-55, DOI: 10.24158/pep.2023.11.5, EDN: QQCQNJ. (In Russian)

Haly, I. A. (2017), "Patriotism in Russia: the experience of typologization", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2 (394), 67-74, EDN: YGAMSJ. (In Russian)

Tsenostnye orientatsii rossiyskoy molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki: rezultaty issledovaniya [Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results] (2017), Izdatelskiy dom GUU, Moscow, Russia. (In Russian)

Chuev, S. V., Polyakov, M. B. (2017), "The main problems of the development of the sphere of state youth policy", *PolitBook*, (3), 45-63, EDN: ZSVRMV. (In Russian)

Shestopal, E. B. (2019), "The project is a quarter of a century long. A study of images of

power and leaders in post-Soviet Russia (1993-2018)", *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 9-20, DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02. (In Russian)

Schmitt, K. (2016), *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political], translated from German by A. F. Filippov, Nauka, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Ariely, G. (2012), "Globalisation and the decline of national identity? An exploration across Sixty three countries", *Nations and nationalism*, 3(18), 461-482, DOI: 10.1111/J.1469-8129.2011.00532.X.

Bell, D. (2003), "Mythscape: Memory, Mythology, and National Identity", *British Journal of Sociology*, (1), 63-81, DOI: 10.1080/0007131032000045905.

Best, H. (2011), "The Elite-Population Gap in the Formation of Political Identities", *A Cross-Cultural Investigation. Europe and Asia Studies*, (6), 995-1009, DOI: 10.1080/09668136.2011.585751.

Статья поступила в редакцию 06 декабря 2024 г. Поступила после доработки 12 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 06 December 2024. Revised 12 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Чуев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий Кафедрой государственного и муниципального управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, Москва, Россия.

Sergey V. Chuev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Management, Institute of State Management and Law, State University of Management, Moscow, Russia.

Титов Виктор Валериевич, доктор политических наук, профессор Кафедры государственного и муниципального управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, Москва, Россия.

Viktor V. Titov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Management, Institute of State Management and Law, State University of Management, Moscow, Russia.

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-9

Исследовательская статья

Шаповалова И. С.

Традиционные ценности и молодежь:
проблема интериоризации

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Традиционные ценности являются основой национальной идеи и фундаментом социализации современной молодежи. Существующее противоречие между системной декларацией и трансляцией традиционных ценностей и успешностью их интериоризации молодежью определяет важность поиска методологических и методических подходов к исследованию процессов их принятия. В статье рассмотрены результаты мониторинга «Социальные стратегии региональной молодежи» 2024 года (n=5847, Белгородская область), где на примере оценки социальной среды, ценностей, видимых в региональном пространстве для молодежи, и ценностей, принимаемых ею в качестве интегрированных ценностных смыслов, показаны разрывы, обусловленные проблемами социализации, неэффективностью предлагаемых подходов и методов сопровождения процессов интериоризации ценностей в сознание молодежи. Разделение ценностей на группы по уровню единства в интериоризации позволило установить, что наиболее успешно усваиваются молодежью человекомерные ценности, а наибольшее единство достигнуто в отношении ценности Жизни, Права, Достоинства, Свободы, Нравственности и Взаимоуважения. Ценности гражданского общества, как правило, находятся на втором уровне принятия, показывая проблемы с интериоризацией таких важных для нашего общества ценностей как Патриотизм и Служение Отечеству. По итогам экспертного исследования определена возможность использовать вовлечение молодежи в общественные мероприятия в качестве способа повышения успешности процессов ценностной интериоризации и построена матрица воспроизводства ценностей посредством общественных мероприятий и практик. На основе экспертного опроса определены группы ценностно-емких мероприятий, которые в первую очередь могут быть рекомендованы для воспитательных и образовательных программ в образовательных учреждениях. К таким мероприятиям отнесены организация и проведение культурных мероприятий, помощь пожилым и престарелым людям, работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей, общественное волонтерство, помощь военным, лицам, принимающим участие в СВО и их семьям, помощь в госпиталях и больницах, помощь беженцам.

Ключевые слова: молодежь; традиционные ценности; ценности служения; интериоризация ценностей

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии

молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Информация для цитирования: Шаповалова И. С. Традиционные ценности и молодежь: проблема интериоризации // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 138-160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-9.

Research article

Inna S. Shapovalova

Traditional values and youth: the problem of internalization

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. Traditional values are the basis of the national idea and the foundation of socialization of modern youth. The existing contradiction between the systemic declaration and transmission of traditional values and the success of their internalization by young people determines the importance of searching for methodological and methodical approaches to studying the processes of their adoption. The article considers the results of the 2024 monitoring project, 'Social Strategies of Regional Youth' (n = 5847, Belgorod region), which used the assessment of the social environment and the values visible in the regional space to demonstrate the gaps caused by socialisation problems and the ineffectiveness of the proposed approaches and methods for supporting the internalisation of values among young people. The division of values into groups according to the level of unity in interiorization made it possible to establish that human-measured values are most successfully assimilated by young people, and the greatest unity is achieved in relation to the value of Life, Rights, Dignity, Freedom, Morality and Mutual Respect. The values of civil society are usually at the second level of acceptance, showing problems with the internalization of such important values for our society as Patriotism and Service to the Fatherland. Based on the results of the expert study, the possibility of using the involvement of young people in public events as a way to increase the success of the processes of value internalization was determined, and a matrix of reproduction of values through public events and practices was built. Based on the expert survey, groups of value-intensive events were identified that can primarily be recommended for educational and upbringing programs in educational institutions. Such events include the organization and holding of cultural events, assistance to the elderly and elderly people, work with orphans and children from disadvantaged families, public volunteering, assistance to the military, persons participating in the Special Military Operation and their families, assistance in hospitals and clinics, assistance to refugees.

Keywords: youth; traditional values; service values; internalization of values

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».

Information for citation: Shapovalova, I. S. (2025), "Traditional values and youth: the problem of internalization", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 138-160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-9.

Введение (Introduction).

Традиционные ценности, ставшие смысловым аттрактором социальных политики в современной России, являются, безусловно, важным компонентом индивидуального и общественного сознания, формирующего основы социального поведения и многих социальных процессов. Тесная связь между индивидуальным принятием важных ценностных смыслов, общественной консолидацией и солидарностью актуализирует проблему изучения процесса интериоризации этих ценностей. В разрезе социальных групп данная проблема представляется особенно важной относительно современной молодежи. Находясь на этапе первичной и вторичной социализации и интеграции в социальное пространство, молодежь познает и интериоризирует с той или иной долей успешности ценностные смыслы, определяющие ее дальнейшие жизненные стратегии.

Трудности исследования обозначенной проблемы носят как методологический, так и методический характер. Проблемы теоретико-методологического обоснования связаны, прежде всего, с концептуализацией выбора ценностей, формирующих смысловую рамку идеологии современного воспитания и образования. Безусловно, ценности, обозначенные как традиционные, могут и должны быть в ориентирах современного молодого человека. Но есть ряд вопросов, связанных с ценностным дефицитом и приоритетом – ограниченный набор, с одной стороны, определяет рамки мировоззрения, с другой – остается неясным приоритет каждого ценностного смысла – должны ли все ценности быть приняты молодежью равномерно, или какие-то группы ценностей должны быть в приоритете (например, патриотические ценности). И вопросы эти касаются не только методологии исследования, но и концепции воспитательного дальнейшего воздействия.

Отдельным концептуальным вопросом является проблема интериоризации ценностных смыслов молодежью – что может пониматься под данным процессом и его результатом? Какие социальные институты участвуют в данном процессе? Каков механизм такой интериоризации?

Данные методологические вопросы обусловлены понимаем разрыва между признанием и принятием ценностных смыслов молодежью.

Методические проблемы изучения традиционных ценностей и их интериоризации связаны, прежде всего, с проблемой операционализации ценностных смыслов. Их «высокий» контент затрудняет перевод их в понятные для молодежи решения. Отсутствие операционализации сводит на нет возможность объективной оценки их действительного принятия молодыми людьми. Второй частью проблемы становится отсутствия единства в измерении – исследовательские сообщества, создавая собственные, часто уникальные инструменты, исключают возможность сравнения полученных исследовательских результатов. Потенциал сравнительного анализа остается только в случае использования прямого вопроса (например, «Какие ценности Вы считаете важными для себя?»), без применения ситуативной, проективной и иной операционализации понятий. Но, как уже было подчеркнуто выше, в связи с абстрактным смыслом ценностных дефиниций есть высокий риск получить от респондентов имитационный выбор.

Следующей методической проблемой исследования традиционных ценностей становится вопрос анализа результатов. Анализ полученных данных в виде рангов и ценностных приоритетов приводит нас к пониманию, какие ценности более разделяемы молодежью, какие менее. Безусловно, ценностный приоритет формирует и поведенческие акценты, влияет на процесс принятия решений,

определяет и жизненные стратегии, может служить свидетельством об интеграции молодежи в общественное пространство. Но, выделенные традиционные ценности не имеют принятого веса и являются равнозначно важными в национальной политике. Остается вопрос – как расставить акценты в аналитике? Имеет ли смысл группировать ценности и показывать их вес в выборе молодежи?

Важной проблемой методики исследования является также вопрос получения обоснований для практических рекомендаций, которые могли бы стать основой для создания образовательных и воспитательных событий, способствующих процессу интериоризации ценностей.

Таким образом, целью статьи становится поиск методического решения исследования проблемы интериоризации традиционных ценностей молодежью и обоснование социальных технологий влияния на процесс их принятия посредством образовательной и воспитательной среды. Исследовательский вопрос статьи звучит следующим образом: насколько успешно интериоризируются традиционные ценности молодежью и какие новые способы их интериоризации могут быть предложены?

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Понятие ценностей имеет большую историю и начинается с их интерпретации И. Кантом и Г. Спенсером. Но для темы нашей статьи важными можно считать структурно-функциональный подход, предлагаемый в работах Т. Парсонса (который вводит и важное для нас понятие ценностных ориентаций), где функции ценностей определяются как основание выбора из альтернативных действий. Ученый определяет ценности как «различные предписания и правила (передаваемые от человека к человеку и от одного поколения к другому), которые помогают актору делать свой выбор либо посредством ограничения набора приемлемых

альтернатив, либо помогая ему предвидеть долговременные последствия различных альтернатив» (Парсонс, 202: 488).

«Ценности проявляются в ценностных ориентациях, содержание последних сопоставимо содержанию интересов и потребностей личности, общества. Соответствие содержания ценностных ориентаций содержанию потребностей обусловлено общественно-экономической формацией, диктующей идеологию, содержание социальной, трудовой деятельности общества. Ценностные ориентации определяют вектор мировоззрения личности, направленность личности в сторону тех или иных ценностей формируется обществом» (Легостаева, 2015).

Для реализации цели статьи мы бы хотели определиться и с понятием традиционных ценностей. «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

На данный момент в концепцию организации образовательного и воспитательного процесса молодежи плотно вошло понятие и «ценностей служения». Идея воспитания молодого поколения в идеологии служения связана с его гуманистическим пониманием – «не просто конкретный вид деятельности, а характер любой деятельности, подчиненной гуманистическим ценностям... Служение широко развито во всем мире и рассматривается как глобальный процесс объединения людей, стремящихся внести посильный вклад в процветание и прогресс своей страны и мирового сообщества» (Обучение служением, 2020). «Современное понятие социального служения включает в себя различные основания, побуждающие человека к бескорыстной деятельности на благо общества: религиозные или общие нравственные основания, побуждающие человека к добровольному, жертвенному служению; социальная ответственность, обусловленная общественным положением, профессиональным долгом, наличием ресурсов и возможностей, талантов и способностей; гражданские обязанности, вытекающие из гражданских прав и свобод, представляющие собой одну из основ осуществления жизни гражданского общества» (Решетников, 2008). К ценностям служения относят: коллективизм, ответственность, лидерство, солидарность, профессионализм, командную работу, гражданскую идентичность. На наш взгляд, они гармонично дополняют традиционные ценности, формируя группу деятельных смысловых конструкций, которые, возможно, могут быть рассмотрены как средства на пути интериоризации традиционных смыслов.

Несмотря на то, что вопрос изучения ценностей молодежи широко представлен в научном дискурсе, в аспекте сужения его до рассмотрения именно традиционных ценностей (отраженных в Указе Президента РФ) есть определенные дефициты. Так, например, в статьях Т. С. Оленича, А. А. Мекушкина

и К. Ю. Щенниковой устанавливается связь традиционных ценностей с духовной безопасностью, но при этом нет информации о принятии данных ценностей населением и молодежью (Оленич, Мекушкин, 2019; Щенникова, 2017). Так же, в статье Л. И. Кемаловой перечислены известные социальные институты, формирующие традиционные ценности, но отсутствуют данные об отношении молодежи к ценностям и акторам их трансляции (Кемалова, 2025). Есть исследования, которые указывают на трансформацию ценностных ориентиров молодежи, на переход от традиционных к постиндустриальным ценностям (Никонова, 2022), исследования, показывающие сопровождающие молодежь ценностные смыслы в традиционной идеологии (Маслодудова, 2022), но при этом нет возможно увидеть непосредственную информацию о вышеперечисленных ценностях в рефлексии молодежи. Несмотря на поиск методологического обоснования концепции определения традиционных ценностей в работах ученых (Шажожева, 2017; Якушев, 2017), вопрос их верификации остается пока открытым.

Относительно исследований, посвященных ценностям служения и обучению служению, есть ряд работ, связанных, как правило, с поиском педагогического подхода к их формированию, что позволяет определить данный этап научного дискурса как социально-технологический (или методический) (Михайлова, 2023; Обучение служением, 2020).

Проблема интериоризации ценностей тоже не так однозначно представлена в научной полемике. В этой связи становится важным определиться с собственно понятием интериоризации ценностей. По нашему мнению, очень точно его специфика определена О. Ю. Голубевой: «Интериоризация ценностей культуры не происходит механически в виде отражения знаков культуры на психику человека. Личностные ценности рождаются в результате непосредственного взаимодействия человека и культуры, через

совершение определенного внутреннего действия, поскольку, согласно М. К. Мамардашвили, в любом предмете или явлении культурной жизни невозможно увидеть моральное, эстетическое или какое-либо другое качество без созревания в душе эквивалента этого качества» (Голубева, 2020:36). Деятельностный аспект, подчеркнутый автором, приводит нас к пониманию необходимости создания системы мер и мероприятий, позволяющих молодежи «прикоснуться к ценностям», поучаствовать в их создании. Дополнительную важность процесса интериоризации ценностей определена О. Ю. Голубевой через разделение его на этапы. «В процессе интериоризации общекультурных ценностей и формировании на этой основе ценностей личности можно выделить три этапа. На первом этапе происходит присвоение ценностей общества личностью. Этот процесс способствует созданию ценностного образа мира, что, в свою очередь, способствует формированию ценностного отношения к явлениям окружающей действительности. В следствии этого происходит становление и развитие ценностей личности во всех сферах ее жизнедеятельности. На втором этапе осуществляется преобразование самой личности на основе присвоения ценностей... На этой стадии процесса развития ценностного отношения к миру активно подключается самосознание, и процесс формирования ценностей личности приобретает качественно новые характеристики и направленность: происходит переоценка ценностей, их большая дифференциация и стабилизация. На третьем этапе развития личностных ценностей через интериоризацию ценностей культуры происходит согласование, систематизация, выстраивание иерархии собственной системы ценностей...» (Голубева, 2020: 37).

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского

государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. Мониторинг проводится методом онлайн-опроса через рекрутеров (используется техника «горячий рекрутинг», предполагающая работу рекрутеров в наборе выборки по методу снежного кому, с адресной рассылкой информации о проводимом исследовании и индивидуальным консультированием респондентов по вопросам исследования). Такой метод позволяет обеспечить максимальный доступ к различным группам респондентов (с учетом условий приграничного региона удалось опросить жителей близких к фронту районов и поселений), снижает сопротивляемость респондентов, уменьшает риск предоставления недостоверной информации, обеспечивает участие в исследовании меньшинств (национальных и конфессиональных групп, социально-уязвимых групп, представителей субкультур).

В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре-декабре 2024 года, респондентами онлайн-опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5 847 человека, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области) (с результатами предыдущих волн мониторинга можно ознакомиться в публикациях автора (Шаповалова, 2025; Шаповалова, Заводян, 2024; Кисиленко, Шаповалова, 2023; Шаповалова, 2023)). Возрастные границы респондентов были определены в периоде от 14 до 35 лет согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации»¹. Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе. URL: <https://base.garant.ru/400156192/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения 21.07.2025).

группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (Таблица 1). Выборка соответствует распределению молодежи региона по поселениям, гендерному составу, а также сохраняет соотношение между учащейся, студенческой и работающей молодежью. К участию в исследовании были привлечены 247 рекрутеров, проживающих на территории

Белгородской области. В качестве поселенческого признака были обозначены: крупный город (население от 250 тыс. до 1 млн человек); небольшой город (население до 50 тыс. человек) – в эту же категорию отнесены ПГТ (поселки городского типа); сельские территории – поселки и сельские поселения (села, деревни, хутора).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Table 1

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / absolute value	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
14-15	434	7,4
16-17	1547	26,5
18-21	2614	44,7
22-25	635	10,9
26-30	223	3,8
31-35	394	6,7
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	2427	41,5
женский / female	3420	58,5
Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Крупный город – областной центр / A large city is a regional center	2363	40,4
Небольшой город – районный центр / Small town – regional center	1628	27,8
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1856	31,7
Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Учащаяся молодежь / Schoolchildren	2400	41,0
Студенческая молодежь / Students	2400	41,0
Работающая молодежь / Working youth	1047	17,9
Итого ответивших / Total respondents	5847	100,0

Одним из блоков исследования стали духовно-нравственные стратегии молодежи, где респондентам, в том числе, были заданы вопросы о ценностях среды и их собственных ценностях. В список ценностей были включены традиционные ценности и ценности служения, что дало

возможность сформировать реестр из 25 ценностей. Для избежания рисков имитационных выборов была проведена операционализация ценностей через характеристики или проективные ситуации (для определения представленности ценностей в среде), и через характерные

черты личности и жизненные решения, которые могли выбрать молодые респонденты, как типичные или не типичные для них (для оценки интериоризации ценностей): так, например, ценность «Жизнь» операционализирована в среде через описание «*Ценится жизнь человека, все делается для ее сохранения*», а для оценки интериоризации применяется характеристика «*Для меня самое главное – это жизнь человека и ее сохранение*». Конкретизация вопросов анкеты дана в подписях к Рисункам 1 и 2.

Для поиска путей включения в процесс интериоризации ценностей молодежью был проведен экспертный опрос. Экспертам было предложено соотнести традиционные ценности и ценности служения с группами мероприятий, как правило волонтерской направленности, в которые могла бы включаться молодежь региона. В экспертном опросе участвовали 22 эксперта, среди которых большинство представляли группу специалистов по организации работы с молодежью, волонтерские организации и ресурсные волонтерские центры, также были включены руководители НКО и специалисты по организации воспитательной работы в образовательных учреждениях.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Социальное пространство является средой ретрансляции традиционных ценностей и демонстрации ценностного единства в деятельностном проявлении населения. Молодежь, в силу специфики своих

возрастных особенностей и критичности мышления, как одной из важных его характеристик (Шаповалова, Валиева, 2024), не может и не должна верить декларации идеологических основ без подкрепления их в моделях типичного регионального поведения, в примерах действий населения. Безусловно, первым и наиболее важным примером здесь становятся действия ближнего круга – институт семьи, как важнейший социализационный актор, остается наиболее значимым проводником ценностных смыслов. При благоприятной социальной ситуации в ближнем круге коммуникации молодежи проблема интериоризации ценностей не стоит так остро – референтное окружение демонстрирует свой деятельностный выбор на основе тех ценностей, которые уже включены в их «микрообщественное» сознание. И, если эти ценности включают те акценты, которые стали национальной идеей, молодой человек с самого раннего возраста впитывает их, в том числе и через образцы поведения. Подкрепление правильности такого ценностного «приобщения» он находит в поддержке своих ценностных принципов и в других коммуникативных кругах социального пространства.

Безусловно, при проведении исследования мы не могли исключать риск рефлексии молодежью ценностных дефицитов в региональной среде, но данный риск оказался минимален. Более 90% молодых людей фиксируют деятельностные проявления на основе всех традиционных ценностей в региональной среде (Рисунок 1).

Традиционные ценности в социальной среде и их интериоризация
молодежью / Traditional values in the social environment and their
internalization by young people

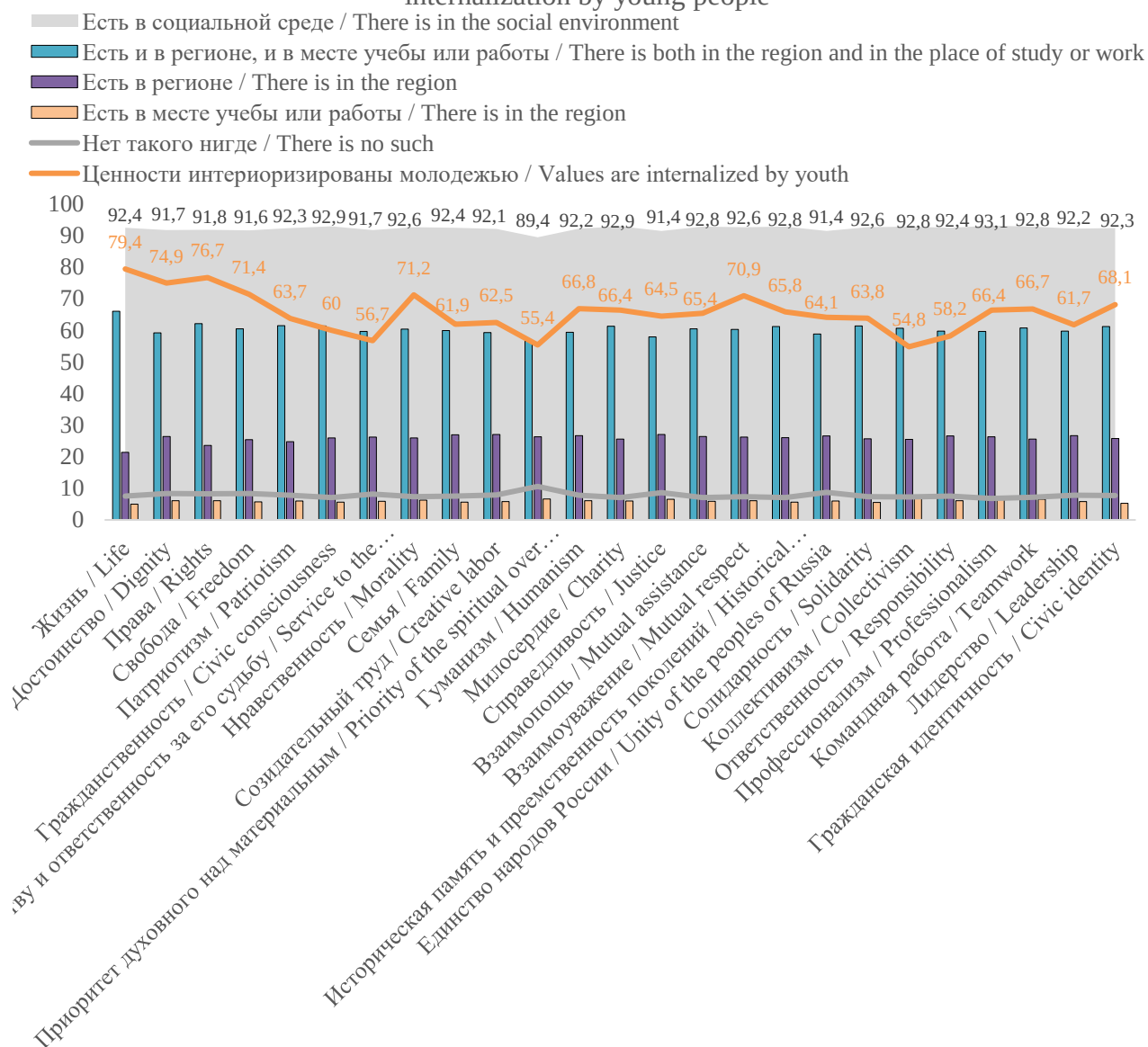

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопросы: «Можно ли сказать, что в месте своего проживания, обучения или работы вы фиксируете от людей следующие отношения, идеи, что они реализуются в их действиях и поступках?», «С какими из следующих утверждений Вы полностью согласны, что из этого является вашим внутренним убеждением?»

Figure 1. Respondents' answers to the questions: "Can we say that in the place where you live, study or work, you observe the following attitudes and ideas from people, that they are realized in their actions and deeds?", "Which of the following statements do you fully agree with, which of these is your inner conviction?"

Самой представленной ценностью становится Профессионализм (ценность-служение, представлена для 93,1% молодых людей, фиксируется через характеристику среды *«Большинство показывают профессионализм и интерес к своей деятельности»*), менее всего представлена ценность *«Преобладания духовного над материальным»* (операционализируемая через характеристику среды *«Большинство считает, что деньги не главное, важна духовность человека, развитие, человеческие отношения»*) – ее единственную фиксируют в социальном пространстве менее 90% (89,4%).

Дизайн исследования позволил выделить в региональной среде структуру, обозначив единство среды через пространство региона, место учебы и работы. Таким образом решалась задача выявления ценностных дефицитов – если респондент не мог указать, что фиксирует проявление ценности везде, он мог выбрать либо пространство своего проживания, либо место учебы или работы (локация «работа» определена для респондентов в статусе «работающая молодежь»). И, действительно, при системной оценке представленности ценностей в региональной среде, оценки выглядят более оптимистичными. Основным дефицит обозначен для образовательных и профессиональных организаций, где молодежь проходит свою первичную и вторичную социализацию и профессионализацию. Более 20% молодежи указали на то, что фиксируют ценностные проявления только в регионе, не отмечая их в образовательных и профессиональных учреждениях. Более 26% выделили место проживания в качестве основного пространства трансляции для ценностей Справедливости (27,0%), Созидательного труда (27,0%), Нравственности (26,9%), Гуманизма (26,7%), Лидерства (26,7%), Единства

народов России (26,6%), Ответственности (26,6%), Достоинства (26,4%), Взаимопомощи (26,4%), Приоритета духовного над материальным (26,3%), Профессионализма (26,3%), Взаимоуважения (26,2%), Служения Отечеству и ответственности за его судьбу (26,2%) и ценности Исторической памяти и преемственности поколений (26,0%).

Практически обо всех ценностях можно сказать – четверть региональной молодежи не видит их проявления в образовательных и профессиональных организациях – и это становится тревожным сигналом для этих социальных институтов, несущих основную ответственность за социализацию и формирование сознания молодежи.

Безусловно, есть небольшой дефицит, который обозначен в ценностном ряду, проявляемом и в этих учреждениях, но не отраженных в месте проживания – но данный дефицит ничтожен по сравнению с вышеобозначенным (не более 7% в своем максимальном варианте для ценности Профессионализм).

Конечно, оптимистичность оценок региональной среды, как проводника ценностных смыслов, не означает гарантию их успешной интериоризации в молодежное сознание. И в этом смысле наша гипотеза подтвердилась – действительно, разница между фиксацией проявления ценностей в среде и их интериоризацией молодежью весьма значительна. Наибольший разрыв, который свидетельствует о проблемах интериоризации и составляет почти или более 30%, существует для таких ценностей как Патриотизм, Гражданственность, Служение Отечеству и ответственность за его судьбу, Семья, Созидательный труд, Приоритет духовного над материальным, Солидарность, Коллективизм, Ответственность, Лидерство. Наименьший разрыв можно отметить в отношении

таких ценностей, как Жизнь, Достоинство, Права.

Рассогласование представленности ценностей в среде и их принятия молодежью свидетельствует об отсутствии гарантий самостоятельного «впитывания» ценностных смыслов и актуализируют потребность в создании механизмов «помощи» (организации) для процессов их интериоризации.

Важным результатом исследования стоит считать подтверждение методической проблемы – отсутствие операционализации при диагностике идеологических, декларируемых показателей может привести к имитационному выбору. Так, например, в вопросе о патриотизме, 91,2% молодежи определяет себя патриотами России, но данная ценность (Патриотизм) отмечается как интериоризированная только у 63,7% молодых людей, ценность Служения Отечеству – только 56,7%.

Интериоризация традиционных ценностей и ценностей служения не превышает 80%, но в минимальном своем значении не опускается ниже 54%. Это позволяет сделать вывод о том, что несмотря на трудности в организации социализационных воздействий, традиционные ценности комплементарны внутренним смыслам более чем для половины молодежи – посредством саморегуляции происходит их принятие, включение в сознание и мировоззрение. Все ценности могут в этом отношении разделены на группы, которые условно могут быть обозначены как «Ценности единства» (обеспечивающие как внутреннюю интеграцию молодежи (в пределах социальной группы), так и внешнюю (интеграцию молодежи с другими социальными группами в социальном пространстве)), интериоризированы более чем 70% молодежи; «Разделяемые ценности», также формирующие общественное сознание и комплементарные молодежным

идеологическим смыслам (интериоризированы 60-70% молодежи); «Принимаемые ценности», которые принимают 50-60% молодых людей³, что создает фон их дополнительной трансляции в молодежной среде. К ценностям единства можно отнести ценности Жизни, Права, Достоинства, Свободы, Нравственности, Взаимоуважения – группа традиционных ценностей (Рисунок 2). Менее 60% однозначно разделяют ценности Ответственности, Коллективизма, Приоритета духовного над материальным, Служение Отечеству и ответственность за его судьбу.

Дополнительные маркеры для анализа можно получить, если разделить предложенный спектр ценностей на смысловые группы, среди которых можно обозначить «Человекомерные ценности» (ценности, ориентированные на человека, его качество и полноту жизни), «Ценности гражданской культуры» (определяющие отношение к обществу, государству), «Ценности трудовой культуры» (выделяющие акценты в сфере труда и профессиональной деятельности) (см. Таблица 2).

Рассмотрение данных смысловых ценностных групп относительно позиций интериоризации, показывает, что ценности интеграции сформированы только за счет человекомерных ценностей, что показывает априорный фундамент, обусловленный «вечными» ценностями, подкрепленный, в том числе, и религиозными учениями. Группа ценностей гражданской культуры составляет основу разделяемых ценностей, а вот среди принимаемых чаще встречаются ценности трудовой культуры.

³ Такие процентные доли определены на основе деления полученной линейки интериоризации: Она ограничена процентным коридором от 50 до 80%. Разбиение ее на группы по 10% показывает нам некоторую градацию в степени ценностного единства молодежи, формируя как ценностное ядро (ценностный центр единства), так и его периферию.

Ранги интериоризованных молодежью ценностей / Ranks of
values internalized by young people

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос: «С какими из следующих утверждений Вы полностью согласны, что из этого является вашим внутренним убеждением?»

(синим цветом выделены ценности Служения)

Figure 2. Respondents' answers to the question: "Which of the following statements do you completely agree with, and which of these is your inner conviction?"

(Service values are highlighted in blue)

Таблица 2

Группы ценностей

Table 2

Value groups

Человекомерны е ценности / Human- dimensional values	Группы принятия / Adoption groups	Ценности гражданской культуры / Ценности гражданской культуры	Группы принятия / Adoption groups	Ценности трудовой культуры / Values of work culture	Группы принятия / Adoption groups
Жизнь / Life	1	Гражданская идентичность / Civic identity	2	Командная работа / Teamwork	2
Права / Rights	1			Профессионализм / Professionalism	2
Достоинство / Dignity	1	Справедливость / Justice	2	Созидательный труд / Creative labor	2
Свобода / Freedom	1	Единство народов России / Unity of the peoples of Russia	2	Лидерство / Leadership	2
Нравственность / Morality	1	Солидарность / Solidarity	2	Ответственность / Responsibility	3
Взаимоуважение / Mutual respect	1	Патриотизм / Patriotism	2	Коллективизм / Collectivism	3
Гуманизм / Humanism	2	Гражданственность / Civic consciousness	2		
Милосердие / Charity	2	Служение Отечеству и ответственность за его судьбу / Service to the Fatherland and responsibility for its fate	3		
Приоритет духовного над материальным / Priority of the spiritual over the material	3				
Семья / Family	2	Историческая память и преемственность поколений / Historical memory and continuity of generations	2		
Взаимопомощь / Mutual assistance	2				

Заключение (Conclusions).

Проведенное исследование позволило установить серьезные разрывы, существующие между фиксируемой трансляцией традиционных ценностей в региональной среде и фиксацией их во внутренних смыслах сознания и

мировоззрения региональной молодежи. Такая ситуация определяет ряд рисков, связанных как с ближайшими, так и отдаленными перспективами.

Во-первых, существенные различия в ценностном профиле молодежи и региональной среды могут формировать

коммуникативные конфликты, влиять на региональную идентичность, увеличивая отток молодежи, повышая ее миграционную активность. Комфортность среды определяется, в том числе, возможностью интеграции молодежи в ее идеологию, солидарностью населения, «едином» языке, отраженном в поведенческих конструкциях, жизненных приоритетах и выборах. В этом смысле для группы молодежи с наиболее сильными ценностными разрывами может возникнуть социальный эффект, который можно метафорически обозначить как «свой среди чужих, чужой среди своих», выступающий мотивом для поиска своей идентичности с солидарным сообществом.

Во-вторых, отсутствие миграционных решений такого конфликта при сохранении ценностных разрывов вынуждает молодежь становиться на позиции конформизма, при сохранении внутреннего несогласия и непринятии, что формирует, по-нашему мнению, еще более пессимистичный результат, связанный с внутренним конфликтом. Такой конфликт также влияет на региональную идентичность молодежи, но более воздействует на удовлетворенность собственной жизнью, приводя к состояниям дезориентации, дезадаптации и, как следствие, маргинализации.

Полученные результаты показали существующую проблему, связанную с недостаточно сформированной воспитательной системой, которая могла бы помочь интериоризировать традиционные ценности в молодежное сознание. По-нашему мнению, простой декларации важности ценностных приоритетов нашего государства будет недостаточно. Важно организовать процесс такой интериоризации, связанный с деятельностным включением в общественные (волонтерские), социально-воспитательные мероприятия и образовательные события (организованные образовательным организациями), формирующие такие ценности.

Для эмпирической поддержки предлагаемой идеи посредством экспертного опроса была определена ценностная нагрузка направлений общественной активности, которые могли бы быть предложены молодежи в образовательных учреждениях.

В Приложении к статье отражена связь направлений возможных волонтерских мероприятий с традиционными ценностями и ценностями служения. Выделены ценности, где такие связи обозначены более чем 50-ю% экспертов. Таким образом, становятся очевидны группы волонтерских направлений, которые могут быть обозначены как «ценностно-емкие» (затрагивающие большое количество ценностей) «ценностно-дефицитные», требующие значительных ресурсов, но проводящие в сознание молодежи небольшое количество ценностей. К ценностно-емким мероприятиям можно отнести те, индекс емкости которых превышает 0,5⁴, среди них: организация и проведение культурных мероприятий, помощь пожилым и престарелым людям, работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей, общественное волонтерство, помощь военным, лицам принимающим участие в СВО и их семьям, помощь в госпиталях и больницах, помощь беженцам (работа в ПВР). Ценностно-дефицитными можно назвать те мероприятия, индекс емкости которых не превышает 0,2, к ним относятся организация и проведение спортивных мероприятий, профилактика девиантного поведения, пропаганда здорового образа жизни, благоустройство среды проживания, профилактика терроризма и экстремизма, экологическое волонтерство.

Одновременно с этим можно увидеть ценности легко воспроизводимые

⁴ Индекс рассчитывается как отношение количества ценностей, на которые ориентировано мероприятие, к общему количеству ценностей в списке.

(«прикосновение» к которым может быть обеспечено через большое количество направлений общественных практик) и ценности, которые могут быть воспроизводимы через небольшое количество мероприятий. Так, среди легко-воспроизводимых ценностей, чей индекс воспроизводимости превышает 0,5¹, стоит отметить Жизнь, Достоинство, Нравственность, Гуманизм, Милосердие и Ответственность. Трудновоспроизводимые ценности, имеющие значение индекса ниже 0,2, это – Единство народов России, солидарность и профессионализм – требуют дополнительных усилий для создания спектра специализированных мероприятий, образовательных и воспитательных событий для своей интериоризации.

Данный анализ позволяет обозначить направления, которые могут и должны быть предложены со стороны образовательных организаций (те, которые либо воспроизводят большое количество ценностей, либо воспроизводят ценности, которые трудно фиксируются через деятельностные аспекты); проанализировать необходимость ресурсных затрат на те направления, которые воспроизводят мало ценностей, но при этом требуют дополнительного внимания и организации. Матрица деятельностного воспроизводства ценностей построена для облегчения процессов их интериоризации у молодежи и может стать основой социально-воспитательной работы в образовательных организациях.

Список литературы

Голубева О. Ю. Интериоризация ценностей культуры как процесс формирования ценностей личности // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: материалы Международной

электронной научно-практической конференции. Казань: Казанский государственный университет культуры и искусств, 2020. С. 34-38. EDN HJSUNK.

Кемалова Л. И. Традиционные ценности как нравственные ориентиры современной студенческой молодежи // В сборнике: Материалы пула научно-практических конференций. Материалы VI Международной научно-практической конференции, IX Международной научно-практической конференции и VI Международной научно-практической конференции. Керчь, 2025. С. 930-933.

Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83-94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO.

Легостаева И. В. Социокультурное содержание дефиниции «ценности» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23901> (дата обращения: 08.09.2025).

Маслодудова Н. В. Отношение современной молодежи к традиционным ценностям (на примере студентов г. Красноярск) // Научный компонент. 2022. №1 (13). DOI: 10.51980/2686-939X_2022_1_73. EDN: BOCNTC.

Михайлова А. Г. Модель обучения служением (на примере патриотической конференции) // Образовательные ресурсы и технологии. 2023. № 3 (44). С. 58-65. DOI: 10.21777/2500-2112-2023-3-58-65. EDN: POEROM.

Никонова Э. И. Российская молодежь в условиях кризиса: трансформация традиционных ценностей // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 130-133.

Обучение служением / Под редакцией О. В. Решетникова, С. В. Тетерского. Москва: АБЦ, 2020. 216 с.

Оленич Т. С., Мекушкин А. А. Молодежь и традиционные ценности в контексте анализа проблемы духовной безопасности // В сборнике: путь России: экономические, социальные, культурные векторы и международный контекст. Сборник

¹ Индекс рассчитывается как отношение количества мероприятий, интериоризирующих ценность, к общему количеству мероприятий в списке.

материалов XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 321-326.

Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. Москва: Академический Проект, 2002. 880 с.

Решетников О. В. Концепция социального служения в современном обществе / Под ред. В. И. Жукова. Москва: «Союз». РГСУ, 2008. 32 с.

Шаожева Н. А. Традиционные ценности: к проблеме определения понятия с точки зрения синергетического подхода // Известия Кабардино-Балканского научного центра РАН. 2017. № 3.

Шаповалова И. С. КРП деятельности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 117-136. EDN: JOFNFR.

Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150-163. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.9. EDN: KVLEGG.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Политическое мышление и политические стратегии молодежи // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 4 (117). С. 589-605. DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605. EDN: FAQJCM.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768-792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.

Щенникова К. Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. 2017. №1.

Якушев П. А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных ценностей // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2.

References

Golubeva, O. Yu. (2020), "Interiorization of cultural values as a process of formation of personal values". *Sotsialno-kulturnaya deyatel'nost': vektory issledovatel'skikh i prakticheskikh perspektiv: materialy Mezhdunarodnoy elektronnoy nauchno-*

prakticheskoy konferentsii. Kazan State University of Culture and Arts, Kazan, 34-38, EDN: HJSUHK. (In Russian)

Kemalova, L. I. (2025), "Traditional values as moral guidelines for modern student youth", *V sbornike: Materialy pula nauchno-prakticheskikh konferentsiy. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Kerch, 930-933. (In Russian)

Kisilenko, A. V., Shapovalova, I. S. (2023), "Designing a life path or how young people see their future?", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 83-94, DOI: 10.31857/S013216250024385-6, EDN: ODCAGO. (In Russian)

Legostaeva, I. V. (2015), "Sociocultural content of the definition of "value"", *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (2-3), available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23901> (Accessed 09 August 2025). (In Russian)

Maslodudova, N. V. (2022), "Attitude of modern youth to traditional values (on the example of students from Krasnoyarsk)", *Nauchnyy komponent*, (1), DOI: 10.51980/2686-939X_2022_1_73, EDN: BOCNTC. (In Russian)

Mikhailova, A. G. (2023), "Service-learning model (using a patriotic conference as an example)", *Obrazovatelnye resursy i tekhnologii*, (3), 58-65, DOI: 10.21777/2500-2112-2023-3-58-65, EDN: POEROM. (In Russian)

Nikonova, E. I. (2022), "Russian youth in times of crisis: transformation of traditional values", *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (2), 130-133. (In Russian)

Service-learning (2020), Ed. by Reshetnikov, O. V., Tetersky, S. V., AVC, Moscow. (In Russian)

Olenich, T. S., Mekushkin, A. A. (2019), "Youth and traditional values in the context of the analysis of the problem of spiritual security", *V sbornike: put Rossii: ekonomicheskie, sotsialnye, kulturnye vektory i mezhdunarodnyy kontekst. Sbornik materialov XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 321-326. (In Russian)

Parsons, T. (2002), On the structure of social action, *Academicheskyy Proekt*, Moscow, 880. (In Russian)

Reshetnikov, O. V. (2008), The concept of social service in modern society, "Soyuz" RSSU, Moscow. (In Russian)

Shaozheva, N. A. (2017), "Traditional values: on the problem of defining the concept from the point of view of the synergetic approach", *Izvestiya Kabardino-Balkanskogo nauchnogo tsentra RAN*, (3). (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2025), "KPI of the activities of regional youth policy governing bodies in social strategies of youth", *Voprosy upravleniya*, 19 (2), 117-136, EDN: JOFNFR. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2023), "Self-assessment of financial situation and social strategies of youth", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 29 (3), 150-163, DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.9, EDN: KVLEGK. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Valieva, I. N. (2024), "Political thinking and political strategies of youth", *Integratsiya obrazovaniya*, 28 (4), 589-605, DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605, EDN: FAQCJM. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S. (2024), "Youth social selfie: social strategies of regional youth", *Regionologiya*, 32 (4), 768-792, DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792, EDN: ZBBIWU. (In Russian)

Shchennikova, K. Yu. (2017), "Traditional values as a factor in the preservation and unity of modern Russia", *Vlast'*, (1). (In Russian)

Yakushev, P. A. (2017), "Concept, essence, characteristics and regulatory properties of traditional values", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, (2). (In Russian)

Статья поступила в редакцию 25 августа 2025 г. Поступила после доработки 08 сентября 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 25 August 2025. Revised 08 September 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Приложение

Матрица деятельностного воспроизводства ценностей (результаты экспертного опроса)

Ценности	Ценности																												
	Ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	Помощь вещами/продуктами	Профессиональное консультирование	Организация и проведение спортивных мероприятий	Организация и проведение культурных мероприятий	Организация и проведение патриотических мероприятий	Охрана общественного порядка	Помощь бездомным животным	Работа с инвалидами и лицами с ОВЗ	Помощь пожилым и престарелым людям	Работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей	Охрана, восстановление и уборка у исторических памятников, захоронений	Донорство	Профилактика девиантного поведения	Пропаганда здорового образа жизни	Благоустройство среды проживания	Работа в студенческом активе	Сбор пожертвований	Работа с больными людьми, детьми	Помощь лицам без определенного места жительства	Профилактика терроризма и экстремизма	Научное волонтерство	Общественное волонтерство	Участие в мероприятиях волонтеров Победы	Экологическое волонтерство	Помощь военным, лицам принимающим участие в СВО и их семьям	Помощь в госпиталях и больницах	Помощь беженцам, людям из приграничных районов (работа в ПВР)	Воспроизводимость ценностей
Ценностная емкость мероприятий	0,4	0,24	0,44	0,16	0,68	0,24	0,28	0,2	0,36	0,56	0,6	0,28	0,32	0,08	0,04	0,08	0,28	0,2	0,48	0,28	0,16	0,2	0,8	0,36	0,12	0,84	0,72	0,76	
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ																													
Жизнь	81,8	27,3	31,8	4,5	68,2	36,4	54,5	27,3	77,3	77,3	77,3	22,7	81,8	45,5	68,2	9,1	27,3	54,5	81,8	36,4	27,3	31,8	63,6	54,5	18,2	95,5	68,2	72,7	0,53
Достоинство	36,4	31,8	54,5	36,4	59,1	31,8	54,5	54,5	68,2	54,5	59,1	50,0	68,2	27,3	31,8	59,1	45,5	31,8	68,2	45,5	36,4	50,0	68,2	63,6	31,8	77,3	68,2	63,6	0,6
Права	18,2	13,6	50,0	9,1	40,9	45,5	63,6	18,2	50,0	59,1	59,1	18,2	36,4	36,4	22,7	13,6	27,3	27,3	40,9	31,8	59,1	22,7	59,1	22,7	31,8	54,5	45,5	50,0	0,32

Ценности	Ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций																													
	Помощь вещами/продуктами										Профессиональное консультирование										Организация и проведение спортивных мероприятий									
Ценности	Организация и проведение культурных мероприятий																													
	Организация и проведение патриотических мероприятий										Охрана общественного порядка										Помощь бездомным животным									
Ценности	Работа с инвалидами и лицами с ОВЗ																													
	Помощь пожилым и престарелым людям										Работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей										Охрана, восстановление и уборка у исторических памятников, захоронений									
Ценности	Донорство																													
	Профилактика девиантного поведения										Пропаганда здорового образа жизни										Благоустройство среды проживания									
Ценности	Работа в студенческом активе																													
	Сбор пожертвований										Работа с больными людьми, детьми										Помощь лицам без определенного места жительства									
Ценности	Профилактика терроризма и экстремизма																													
	Научное волонтерство										Общественное волонтерство										Участие в мероприятиях волонтеров Победы									
Ценности	Экологическое волонтерство																													
	Помощь военным, лицам принимающим участие в СВО и их семьям										Помощь в госпиталях и больницах										Помощь беженцам, людям из приграничных районов (работа в ПВР)									
Ценности	Воспроизводимость ценностей																													
Свобода	13,6	9,1	59,1	22,7	59,1	36,4	50,0	31,8	36,4	40,9	50,0	22,7	40,9	31,8	27,3	22,7	50,0	22,7	36,4	36,4	31,8	36,4	54,5	31,8	31,8	59,1	45,5	40,9	0,25	
Патриотизм	54,5	31,8	31,8	18,2	40,9	59,1	50,0	13,6	13,6	40,9	31,8	54,5	27,3	31,8	27,3	36,4	36,4	9,1	22,7	9,1	45,5	27,3	50,0	68,2	13,6	81,8	59,1	50,0	0,28	
Гражданствен- ность	59,1	59,1	27,3	13,6	45,5	68,2	40,9	18,2	18,2	45,5	40,9	54,5	45,5	40,9	45,5	40,9	27,3	59,1	31,8	59,1	40,9	54,5	77,3	36,4	68,2	77,3	54,5	0,39		
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	45,5	36,4	31,8	13,6	59,1	54,5	45,5	18,2	22,7	40,9	40,9	45,5	68,2	22,7	22,7	40,9	27,3	27,3	50,0	27,3	59,1	40,9	54,5	59,1	27,3	81,8	72,7	50,0	0,35	
Нравственность	50,0	59,1	36,4	9,1	72,7	45,5	36,4	68,2	68,2	81,8	72,7	27,3	68,2	59,1	31,8	40,9	31,8	50,0	77,3	54,5	40,9	31,8	72,7	40,9	31,8	77,3	81,8	63,6	0,57	

Ценности	Ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	Помощь вещами/продуктами	Профессиональное консультирование	Организация и проведение спортивных мероприятий	Организация и проведение культурных мероприятий	Организация и проведение патриотических мероприятий	Охрана общественного порядка	Помощь бездомным животным	Работа с инвалидами и лицами с ОВЗ	Помощь пожилым и престарелым людям	Работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей	Охрана, восстановление и уборка у исторических памятников, захоронений	Донорство	Профилактика девиантного поведения	Пропаганда здорового образа жизни	Благоустройство среды проживания	Работа в студенческом активе	Сбор пожертвований	Работа с больными людьми, детьми	Помощь лицам без определенного места жительства	Профилактика терроризма и экстремизма	Научное волонтерство	Общественное волонтерство	Участие в мероприятиях волонтеров Победы	Экологическое волонтерство	Помощь военным, лицам принимающим участие в СВО и их семьям	Помощь в госпиталях и больницах	Помощь беженцам, людям из приграничных районов (работа в ПВР)	Воспроизводимость ценностей
Семья	9,1	18,2	31,8	13,6	68,2	31,8	22,7	27,3	36,4	59,1	68,2	9,1	18,2	31,8	36,4	22,7	22,7	13,6	50,0	18,2	13,6	13,6	54,5	13,6	36,4	59,1	36,4	50,0	0,25
Созидательный труд	36,4	27,3	68,2	31,8	63,6	40,9	40,9	31,8	40,9	59,1	50,0	40,9	36,4	31,8	31,8	36,4	40,9	22,7	54,5	40,9	31,8	45,5	59,1	45,5	40,9	59,1	72,7	59,1	0,28
Приоритет духовного над материальным	50,0	54,5	59,1	22,7	90,9	36,4	27,3	31,8	63,6	59,1	68,2	31,8	54,5	31,8	31,8	36,4	45,5	40,9	54,5	50,0	18,2	45,5	59,1	45,5	40,9	72,7	72,7	81,8	0,46
Гуманизм	50,0	54,5	54,5	4,5	77,3	40,9	31,8	63,6	63,6	68,2	86,4	9,1	72,7	36,4	31,8	31,8	27,3	54,5	81,8	59,1	22,7	18,2	68,2	45,5	27,3	68,2	81,8	77,3	0,53
Милосердие	59,1	63,6	31,8	13,6	59,1	40,9	22,7	54,5	50,0	72,7	68,2	9,1	81,8	40,9	22,7	36,4	31,8	54,5	63,6	63,6	18,2	27,3	63,6	36,4	22,7	68,2	81,8	68,2	0,53

Ценности	Ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	Помощь вещами/продуктами	Профессиональное консультирование	Организация и проведение спортивных мероприятий	Организация и проведение культурных мероприятий	Организация и проведение патриотических мероприятий	Охрана общественного порядка	Помощь бездомным животным	Работа с инвалидами и лицами с ОВЗ	Помощь пожилым и престарелым людям	Работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей	Охрана, восстановление и уборка у исторических памятников, захоронений	Донорство	Профилактика девиантного поведения	Пропаганда здорового образа жизни	Благоустройство среды проживания	Работа в студенческом активе	Сбор пожертвований	Работа с больными людьми, детьми	Помощь лицам без определенного места жительства	Профилактика терроризма и экстремизма	Научное волонтерство	Общественное волонтерство	Участие в мероприятиях волонтеров Победы	Экологическое волонтерство	Помощь военным, лицам принимающим участие в СВО и их семьям	Помощь в госпиталях и больницах	Помощь беженцам, людям из приграничных районов (работа в ПВР)	Воспроизводимость ценностей
Справедливость	40,9	36,4	22,7	27,3	50,0	40,9	45,5	45,5	45,5	54,5	50,0	22,7	31,8	27,3	22,7	13,6	50,0	27,3	45,5	22,7	31,8	18,2	72,7	40,9	13,6	63,6	63,6	50,0	0,28
Взаимопомощь	54,5	68,2	27,3	40,9	63,6	40,9	31,8	36,4	63,6	63,6	81,8	13,6	68,2	40,9	27,3	36,4	50,0	50,0	77,3	59,1	22,7	40,9	68,2	40,9	27,3	72,7	72,7	77,3	0,53
Взаимоуважение	45,5	31,8	50,0	18,2	45,5	45,5	31,8	18,2	50,0	68,2	63,6	13,6	31,8	40,9	27,3	18,2	31,8	36,4	59,1	50,0	31,8	22,7	63,6	36,4	31,8	68,2	72,7	63,6	0,35
Историческая память и преемственность поколений	31,8	22,7	18,2	0,0	77,3	50,0	18,2	18,2	13,6	22,7	18,2	63,6	18,2	13,6	22,7	54,5	22,7	9,1	22,7	13,6	31,8	31,8	36,4	54,5	22,7	63,6	27,3	22,7	0,21
Единство народов России	18,2	22,7	40,9	31,8	45,5	36,4	22,7	13,6	31,8	31,8	36,4	18,2	31,8	22,7	27,3	18,2	36,4	4,5	40,9	31,8	40,9	27,3	45,5	45,5	31,8	54,5	40,9	40,9	0,03

Ценности	ЦЕННОСТИ СЛУЖЕНИЯ																												
	Ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	Помощь вещами/продуктами	Профессиональное консультирование	Организация и проведение спортивных мероприятий	Организация и проведение культурных мероприятий	Организация и проведение патриотических мероприятий	Охрана общественного порядка	Помощь бездомным животным	Работа с инвалидами и лицами с ОВЗ	Помощь пожилым и престарелым людям	Работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей	Охрана, восстановление и уборка у исторических памятников, захоронений	Донорство	Профилактика девиантного поведения	Пропаганда здорового образа жизни	Благоустройство среды проживания	Работа в студенческом активе	Сбор пожертвований	Работа с больными людьми, детьми	Помощь лицам без определенного места жительства	Профилактика терроризма и экстремизма	Научное волонтерство	Общественное волонтерство	Участие в мероприятиях волонтеров Победы	Экологическое волонтерство	Помощь военным, лицам принимающим участие в СВО и их семьям	Помощь в госпиталях и больницах	Помощь беженцам, людям из приграничных районов (работа в ПВР)	Воспроизводимость ценностей
Солидарность	40,9	36,4	45,5	31,8	63,6	45,5	27,3	22,7	40,9	54,5	54,5	18,2	22,7	45,5	27,3	36,4	63,6	22,7	36,4	40,9	18,2	40,9	59,1	40,9	22,7	45,5	54,5	40,9	0,17
Коллективизм	45,5	27,3	40,9	72,7	68,2	31,8	40,9	27,3	27,3	36,4	40,9	40,9	18,2	45,5	31,8	45,5	59,1	18,2	36,4	22,7	27,3	50,0	54,5	50,0	50,0	54,5	45,5	54,5	0,32
Ответственность	63,6	40,9	59,1	63,6	63,6	50,0	63,6	54,5	45,5	54,5	81,8	50,0	45,5	50,0	45,5	45,5	63,6	36,4	63,6	54,5	40,9	72,7	77,3	59,1	50,0	72,7	68,2	63,6	0,75
Профес- сионализм	22,7	9,1	90,9	40,9	59,1	31,8	36,4	31,8	36,4	22,7	31,8	31,8	27,3	22,7	31,8	22,7	54,5	4,5	40,9	36,4	31,8	59,1	31,8	18,2	36,4	54,5	54,5	36,4	0,17
Командная работа	68,2	31,8	40,9	77,3	50,0	36,4	45,5	27,3	36,4	22,7	27,3	59,1	22,7	18,2	36,4	36,4	72,7	18,2	31,8	27,3	22,7	59,1	68,2	36,4	31,8	63,6	59,1	59,1	0,35
Лидерство	31,8	13,6	59,1	68,2	50,0	22,7	36,4	31,8	27,3	13,6	27,3	31,8	22,7	22,7	31,8	18,2	72,7	13,6	31,8	27,3	18,2	45,5	50,0	31,8	50,0	31,8	50,0	36,4	0,21

Ценности	Ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	Помощь вещами/продуктами	Профессиональное консультирование	Организация и проведение спортивных мероприятий	Организация и проведение культурных мероприятий	Организация и проведение патриотических мероприятий	Охрана общественного порядка	Помощь бездомным животным	Работа с инвалидами и лицами с ОВЗ	Помощь пожилым и престарелым людям	Работа с детьми-сиротами и детьми из неблагополучных семей	Охрана, восстановление и уборка у исторических памятников, захоронений	Донорство	Профилактика девиантного поведения	Пропаганда здорового образа жизни	Благоустройство среды проживания	Работа в студенческом активе	Сбор пожертвований	Работа с больными людьми, детьми	Помощь лицам без определенного места жительства	Профилактика терроризма и экстремизма	Научное волонтерство	Общественное волонтерство	Участие в мероприятиях волонтеров Победы	Экологическое волонтерство	Помощь военным, лицам принимающим участие в СВО и их семьям	Помощь в госпиталях и больницах	Помощь беженцам, людям из приграничных районов (работа в ПВР)	Воспроизводимость ценностей
Гражданская идентичность	45,5	31,8	50,0	18,2	50,0	68,2	54,5	22,7	22,7	45,5	31,8	63,6	36,4	22,7	36,4	40,9	40,9	18,2	27,3	22,7	50,0	40,9	54,5	68,2	22,7	68,2	68,2	63,6	0,35

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.4 (051.6)

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-0

Исследовательская статья

Алексеенок А. А.
Исаев А. В.
Каира Ю. В.

**Трансформация жизненных стратегий студенческой
молодежи в условиях цифровизации повседневности**

Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
улица Октябрьская, дом 12, Орёл, 302028, Россия
aleksenenok-aa@ranepa.ru

Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
улица Октябрьская, дом 12, Орёл, 302028, Россия
isaev-av@ranepa.ru

Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
улица Октябрьская, дом 12, Орёл, 302028, Россия
kaira-yv@ranepa.ru

Аннотация. В современном информационном обществе процесс цифровизации стал ключевым фактором, определяющим динамику социальных изменений, оказывая глубокое воздействие на образ жизни, систему ценностей и поведенческие стратегии различных социальных групп. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления характера и направленности изменений в социальных практиках студенческой молодежи, обусловленных процессом цифровизации. Эмпирическая база исследования включает обширный массив данных, полученных в результате комплексного социологического опроса, проведенного среди студентов города Орла в 2023 году. Использовались количественные методы анкетирования, позволяющие объективно отразить многообразие взглядов, установок и поведенческих реакций молодежи на цифровизацию окружающей действительности. Целью настоящей работы является комплексное изучение трансформации социальных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности, выявление ключевых тенденций и закономерностей данного процесса, а также определение возможных направлений дальнейшего развития социальных отношений в цифровизированном обществе. В ходе исследования ставились задачи анализа отношения молодежи к цифровым технологиям, определения уровня цифровой грамотности, изучения поведенческих практик в цифровой среде, а также выявления существующих проблем и противоречий,

возникающих в связи с цифровизацией. Научная значимость исследования состоит в углубленном понимании природы социальных изменений, происходящих под влиянием цифровизации, что позволяет расширить теоретические основы социологии молодежи и информатизации общества. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов для разработки эффективных образовательных программ, направленных на повышение цифровой грамотности молодежи, а также для формирования государственной политики в области цифровизации образования и социальной сферы.

Ключевые слова: жизненные стратегии; студенческая молодежь; цифровизация; социологическое исследование

Информация для цитирования: Алексеенко А. А., Исаев А. В., Каира Ю. В. Трансформация жизненных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 161-184. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-0

Research article

Anna A. Alekseenok
Aleksey V. Isaev
Yurij V. Kaira

**Transformation of the life strategies of student youth
in the context of digitalization of everyday life**

Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa,
12 Oktyabrskaya St., Oryol, 302028, Russia
alekseenok-aa@ranepa.ru

Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa,
12 Oktyabrskaya St., Oryol, 302028, Russia
isaev-av@ranepa.ru

Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa,
12 Oktyabrskaya St., Oryol, 302028, Russia
kaira-yv@ranepa.ru

Abstract. In the modern information society, the process of digitalization has become a key factor determining the dynamics of social changes, having a profound impact on the lifestyle, value system, and behavioral strategies of various social groups. The relevance of this study is due to the need to identify the nature and direction of changes in the social practices of student youth caused by the digitalization process. The empirical basis of the study includes a vast array of data obtained from a comprehensive sociological survey conducted among students in the city of Oryol in 2023. Quantitative methods of questioning were used to objectively reflect the diversity of views, attitudes, and behavioral reactions of young people to the digitalization of their environment. The purpose of this work is to comprehensively study the transformation of social strategies among students in the context of digitalization of everyday life, identify key trends and patterns of this process, and determine possible directions for further development of social relations in a digitalized society. The study aimed to analyze the attitudes of young people towards digital technologies, determine their level of digital literacy, examine their

behavioral practices in the digital environment, and identify existing problems and contradictions associated with digitalization. The scientific significance of the study lies in an in-depth understanding of the nature of social changes that occur under the influence of digitalization, which allows us to expand the theoretical foundations of youth sociology and the informatization of society.

The practical significance is determined by the possibility of using the obtained results to develop effective educational programs aimed at improving the digital literacy of young people, as well as to formulate state policy in the field of digitalization of education and the social sphere.

Keywords: life strategies; student youth; digitalization; sociological research

Information for citation: Alekseenok, A. A., Isaev, A. V., Kaira, Yu. V. "Transformation of the life strategies of student youth in the context of digitalization of everyday life", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 161-184. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-0.

Введение (Introduction).

Современное общество переживает масштабную трансформацию, обусловленную активным развитием и внедрением цифровых технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности. Процесс цифровизации стал ключевым фактором, определяющим динамику социальных изменений, оказывая глубокое воздействие на образ жизни, систему ценностей и поведенческие стратегии различных социальных групп. Особую актуальность приобретает изучение воздействия цифровизации на молодое поколение, которое изначально формируется в условиях стремительно развивающегося информационно-коммуникационного пространства.

Студенческая молодежь, являясь мобильной и адаптивной социальной группой, первой сталкивается с последствиями цифровизации и вырабатывает соответствующие механизмы приспособления к новым реалиям. Трансформация социальных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности представляет собой сложный и многоуровневый феномен, требующий глубокого социологического осмысления. Изменяются традиционные формы коммуникации, появляются новые способы получения и обработки информации, формируются

альтернативные каналы социализации и профессиональной самореализации.

Социологический анализ поведенческих практик современной студенческой молодежи позволит выявить, как процесс перманентной цифровизации отразится на изменении структуры социальных связей, способов взаимодействия, самосознания, а также в трансформации способов и форм саморазвития и получения профессионального образования.

Методология и методы (Methodology and methods). В методологическом плане работа носит полипарадигмальный характер и затрагивает такие аспекты как жизненные стратегии современной студенческой молодежи, цифровизация (информационное и постинформационное общество) и повседневность.

Современные исследования трансформации социальных стратегий, ценностных ориентаций современной молодежи проводят Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, которые в своей работе «рассматривают структуру и социорегуляционный потенциал ценностей, определяющих смысловое содержание жизни современной российской молодежи» (Зубок, Чупров, 2018: 3-13).

Интерес представляет работа коллектива российских исследователей

молодежи под руководством М. К. Горшкова «Молодежь и Россия будущего», в которой они анализируют разнообразные аспекты положения молодежи в современном российском обществе. Особое внимание уделяется «анализу социально-экономического положения, ценностных ориентаций и жизненных стратегий российской молодежи» (Горшков, Тихонова и др., 2023).

О социальных стратегиях NEET-молодежи пишет М. Б. Буланова (Буланова, 2022: 143-148), которая также акцентирует свои научные интересы на положении данной молодежной подгруппы в цифровом обществе (Буланова, 2020: 494-495).

Таким образом, под жизненными стратегиями современной студенческой молодежи авторы понимают основанные на ценностях и убеждениях осознанно выбранные определяющие направления и ориентиры, с помощью которых они выстраивают как вектор своей жизненной организации для достижения долгосрочных целей, так и повседневные поведенческие практики.

В теоретическо-методологическую основу данной работы заложены теории классиков исследования информационного и постинформационного общества, таких как А. Турен (Турен, 1998: 85-95), А. Белл (Белл, 2004), А. Тофлер (Тоффлер, 2010), В.И. Вернадский (Вернадский, 1988).

Исследовательский интерес представляет подход М. Кастельса (Castells, 2000), который акцентирует внимание на формировании глобальной информационной экономики, где знание и информация становятся основными факторами производства. Кастельс утверждает, что социальные взаимодействия и коммуникации все больше опосредованы цифровыми сетями, при этом существуют риски, связанные с информационной асимметрией, цифровым разрывом и манипулированием информацией в цифровой среде. Это

оказывает влияние на все сферы общественной жизни, от экономики и политики до культуры и личных отношений.

Интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь россиян обуславливает трансформацию коммуникационных паттернов, образовательных стратегий и моделей потребительского поведения.

Социальные интернет-практики, как отмечает А. Л. Радкевич, включают в себя не только использование социальных сетей для поддержания социальных связей, но и участие в онлайн-сообществах, электронное правительство и онлайн-образование (Радкевич, 2009).

Д. А. Клинова рассматривает трансформацию коммуникационных процессов под влиянием алгоритмизации цифрового пространства. Автор подчеркивает, что алгоритмизация коммуникаций не только модифицирует способы получения информации, но и оказывает влияние на структуру языка и способы выражения мыслей. Использование хэштегов, эмодзи и других элементов цифровой коммуникации становится неотъемлемой частью современного дискурса, что, в свою очередь, может приводить к упрощению и фрагментации передаваемых сообщений (Клинова, 2022: 35-40).

Определенный научный интерес вызывают работы В. К. Левашова, который анализирует трансформацию сознания молодежи, их ценностный ориентаций и поведенческих практик в условиях цифровизации современного информационного общества (Левашов, 2023: 115-120; Левашов, 2021: 104-120).

Трансформацию социальных практик и поведения молодежи под влиянием интернет-коммуникаций рассматривает в своих работах И. С. Шаповалова (Шаповалова, 2015: 148-151; Елисеева, Шаповалова, 2019: 120-124).

Виртуальную среду как новую форму социальной реальности современной

студенческой молодежи рассматривают в своей работе А. А. Алексеенок, Ю. В. Каира, Н. Н. Хатнюк (Алексеенок, Каира, Хатнюк, 2022: 104-112).

Третий аспект, связанный с социологией повседневности, раскрывается в работах Э. Гуссерль, А. Шюц, И. Гофман, Г. Гарфинкель. Феноменологическая социология, развитая Гуссерлем и продолженная Шюцем, акцентирует внимание на субъективном опыте и intersubъективном конструировании социальной реальности. Шюц, в частности, разработал концепцию «жизненного мира» как системы значений и предположений, разделяемых членами общества и определяющих их повседневные действия (Schutz, 1967: 3-12).

Эрвин Гофман, в рамках своего драматургического подхода, рассматривал повседневное взаимодействие как театральное представление, где индивиды стремятся контролировать впечатления, производимые на других (Goffman, 1959: 17-76). Его анализ «управления впечатлениями» подчеркивает стратегический характер повседневных действий и важность соблюдения социальных норм.

Гарольд Гарфинкель, основатель этнометодологии, исследует методы, с помощью которых люди осмысливают и упорядочивают свою повседневную жизнь. Он акцентирует внимание на «индексальности» и «рефлексивности» социальных действий, то есть на их зависимости от контекста и способности формировать этот контекст (Garfinkel, 1967: 11-34).

Французский социолог Бруно Латур предлагает радикальный пересмотр традиционных социологических подходов, акцентируя внимание на агентности не только человеческих, но и нечеловеческих акторов (актантов). В этой перспективе гаджеты перестают быть пассивными инструментами, а становятся активными участниками социальных процессов, оказывающими влияние на поведение и

идентичность пользователей (Latour, 2005).

Теория социального действия и взаимодействия Хартмута Эссера представляет собой многоуровневую и комплексную модель, направленную на объяснение социального поведения индивидов и макросоциальных феноменов. Эссер также уделяет внимание влиянию социальных норм и ценностей на индивидуальное поведение. Он утверждает, что индивиды принимают решения не только на основе прагматических соображений, но и в соответствии с социальными ожиданиями и моральными принципами (Esser, 1996: 159-166).

Особого внимания в рамках заявленной проблематики заслуживает концепция прагматической социологии Люка Болтански и Лорано Тевено. В ней рассматриваются различные формы вовлечения в социальную реальность, что в итоге формирует уникальную повседневность (Boltanski, Thévenot, 1999: 359-377). В контексте цифровизации именно данный подход представляется одним из наиболее релевантных в рамках социологии повседневности.

Эмпирическая база исследования включает обширный массив данных, полученных в результате комплексного социологического опроса, проведенного по заявленной проблематике среди студентов города Орла в 2023 году (209 человек). Использовались количественные методы анкетирования, позволяющие объективно отразить многообразие взглядов, установок и поведенческих реакций молодежи на цифровизацию окружающей действительности (Меркулов, Алексеенок, Проказина; 2025).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Результаты опроса демонстрируют сложную картину восприятия студенческой молодежью цифровизации повседневности. Первый вопрос затрагивал общее отношение к последствиям неотъемлемой цифровизации социума (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Ожидаемые последствия цифровизации общества
(в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Table 1

Expected consequences of the digitalization of society
(% of the number of surveyed student youth, Orel 2023)

Варианты ответа / Answer options	Уже можно наблюдать в настоящее время / It can already be observed at present	В самом скором времени / Very soon	В достаточно отдалённом будущем / In a fairly distant future	Нет, это не произойдёт в цифровом обществе / No, this will not happen in a digital society.	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	Итого / Total
Рост тотального контроля над человеком при помощи цифровых технологий / The growth of total control over a person using digital technologies	23,4	16,7	34,4	13,4	12,0	100,0
Таргетирование рекламы на основе персонализированных данных и цифровых следов / Targeting ads based on personalized data and digital footprints	41,6	26,3	17,2	3,8	11,0	100,0
Увеличение социального неравенства между людьми, владеющими и не владеющими цифровыми технологиями / Increasing social inequality between digital natives and non-digital natives	33,0	23,9	22,0	9,6	11,5	100,0
Рост безработицы из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта / Rising unemployment due to the introduction of robots and artificial intelligence systems into production	29,7	23,4	26,8	12,0	8,1	100,0
Допуск граждан к социальным благам на основе социального рейтинга / Access of citizens to social benefits based on social rating	14,4	26,8	30,1	17,2	11,5	100,0
Замещение действий человека в реальности действиями цифрового аватара (двойника) в виртуальности / Substitution of human actions in reality with the actions of a digital avatar (double) in virtuality	15,8	24,9	34,4	11,5	13,4	100,0

В таблице продемонстрировано, что две трети респондентов считают, что

таргетирование рекламы на основе персонализированных данных и цифровых

следов уже широко распространено (41,6%), или произойдет в самом ближайшем будущем (26,3%). Рост тотального контроля над человеком при помощи цифровых технологий и замещение действий человека аватаром респонденты воспринимают неоднозначно. Так каждый третий (по 34,4%) считает, что это произойдет в далеком будущем, но чуть меньше половины допускают это в самое ближайшее время (40,1% и 40,7% соответственно). Увеличение социального неравенства и рост безработицы из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта многие видят, как текущую реальность (33,0% и 29,7% соответственно), либо ожидают в скором времени (23,9% и 23,4%). Допуск к социальным благам на основе социального рейтинга, по мнению опрошенных, скорее произойдет в будущем (30,1% – в отдаленном, 26,8% – в скором). Неоднозначность ответов, выраженная в большом проценте затруднившихся (от 8,1% до 13,4%), указывает на то, что общественное мнение о цифровизации еще не сформировалось окончательно. Возможно, это связано с недостатком информации, сложностью

прогнозирования долгосрочных последствий или просто с адаптацией к быстро меняющимся технологиям. Наименьшее число опрошенных отрицают возможность таргетирования рекламы (3,8%), в то время как в отношении социального рейтинга и тотального контроля этот показатель выше (17,2% и 13,4% соответственно).

Необходимо отметить, что респонденты меньше всего сомневаются в реальности таргетированной рекламы, что может быть связано с ее повседневным проявлением в онлайн-среде. В то же время, более критичное отношение к идее социального рейтинга и тотального контроля, выраженное в большем проценте отрицающих, может говорить о подсознательном неприятии этих концепций, связанных с нарушением приватности и свободы.

О трансформации социальных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности можно делать выводы по ответам на вопрос, связанный с их представлениями о функционировании основных цифровых технологий (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Представления о функционировании основных цифровых технологий
(в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Table 2

Perceptions of the functioning of the main digital technologies
(% of the number of surveyed students, Orel 2023)

Варианты ответа/ Answer options	Разбираюсь и могу объяснить / I understand and can explain	Достаточно осведомлен(а)/ Sufficiently informed	Имею лишь общее представление/ I only have a general idea	Не имею никакого представления/ I have no idea	Затрудняюсь ответить/ I find it difficult to answer	Итого/ Total
Большие данные/ Big data	24,4	25,4	41,1	6,7	2,4	100,0
Искусственный интеллект/ Artificial intelligence	23,4	30,6	40,7	2,4	2,9	100,0
Интернет вещей/ Internet of things	34,9	30,6	25,4	5,3	3,8	100,0

3D-печать/3D printing	20,6	29,2	43,5	5,3	1,4	100,0
Робототехника/ Robotics	15,3	22,0	50,7	10,0	1,9	100,0
Дополненная/ виртуальная реальность/ Augmented/virtual reality	19,6	35,9	36,4	5,7	2,4	100,0
Цифровая платформа/ Digital platform	19,1	37,8	32,5	6,7	3,8	100,0
Умный дом/ Smart home	34,4	33,0	27,3	3,8	1,4	100,0
Умный город/ Smart city	17,2	23,0	46,4	10,0	3,3	100,0
Цифровая экосистема/ Digital Ecosystem	22,0	28,2	35,9	9,6	4,3	100,0
Социальная сеть/ Social network	59,3	27,8	9,1	1,4	2,4	100,0
Чат-бот и виртуальный помощник/ Chatbot and virtual assistant	52,2	29,7	13,9	1,4	2,9	100,0

Наибольшую осведомленность респонденты демонстрируют в отношении социальных сетей и чат-ботов/виртуальных помощников, где суммарный процент тех, кто разбирается и хорошо знает, составляет 87,1% и 81,9% соответственно. Это объясняется их широким распространением и повседневным использованием в поведенческих практиках современной студенческой молодежи.

В то же время, такие технологии, как робототехника, умный город и цифровая экосистема, вызывают больше затруднений. Значительная доля респондентов (35-50%) имеет лишь общее представление о принципах их работы. Это может быть связано с их более сложной природой, меньшей распространенностью в повседневной жизни современной студенческой молодежи и недостаточной информационной осведомленностью.

При этом технологии, потенциально имеющие широкое применение в промышленности и бизнесе (большие данные, искусственный интеллект, 3D-

печать), также не отличаются высоким уровнем понимания среди современной студенческой молодежи. Почти половина респондентов (немного более 40%) отметили, что имеют о них лишь общее представление. Это указывает на необходимость дальнейшей просветительской работы со студентами в этой области.

В целом, данные свидетельствуют о неравномерном распределении знаний о цифровых технологиях среди современной студенческой молодежи. Необходимо учитывать эти различия при разработке образовательных программ и стратегий по внедрению новых технологий, чтобы обеспечить их успешное освоение и использование.

О трансформации социальных стратегий и поведенческих практики современной студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности можно сделать вывод из того, насколько регулярно они используют в своей повседневности нижеперечисленные типы цифровых сервисов (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Регулярность использования нижеперечисленных типов цифровых сервисов
(в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Table 3

Frequency of use of the following types of digital services
(% of the number of surveyed students, Orel 2023)

Варианты ответа/ Answer options	Да, пользуюсь регулярно/ Yes, I use it regularly	Да, пользовался по необходимости/ Yes, I used it when necessary.	Не пользовался, но слышал о них/ I haven't used them, but I've heard about them	Не пользовался и не слышал/ I haven't used it or heard of it	Затрудняюсь ответить/ I find it difficult to answer	Итого/ Total
Государственные (Госуслуги, Налоговая служба онлайн и т.д.)/ Government (Government Services, Tax Service Online, etc.)	40,7	55,0	2,4	0,5	1,4	100,0
Автотранспортные (Яндекс-такси, каршеринг, BlaBlaCar)/ Motor transport (Yandex-taxi, car sharing, BlaBlaCar)	62,2	32,5	3,8	0,5	1,0	100,0
Билетно-транспортные (РЖД, Tutu.ru, Авиасейлс и т.д.)/ Ticket and transport (Russian Railways, Tutu.ru, Aviasales, etc.)	38,8	45,5	12,4	2,4	1,0	100,0
Торговые (AliExpress, Юла, Авито и т.д.)/ Trading (AliExpress, Yula, Avito, etc.)	67,5	25,8	5,3	0,5	1,0	100,0
Обучающие (Teach.ru, Yaklass Openedu.ru, TED и т.п.)/ Educational (Teach.ru, Yaklass Openedu.ru, TED, etc.)	20,6	42,1	27,3	7,7	2,4	100,0
Социальные (ВКонтакте, Одноклассники, Телеграмм и т.п.)/ Social (VKontakte, Odnoklassniki, Telegram, etc.)	87,6	8,1	1,9	1,4	1,0	100,0
Развлекательные (YouTube, Okko, More.tv и т.д.)/ Entertainment (YouTube, Okko, More.tv, etc.)	85,6	12,0	0,5	1,0	1,0	100,0
Коммуникативные (Zoom, MS Teams, Skype, Google Meet, Discord, Webinar)/ Communication (Zoom, MS Teams, Skype, Google Meet, Discord, Webinar)	50,2	41,6	5,3	1,4	1,4	100,0
Общественные («Активный гражданин», Российская общественная инициатива, Change.org и т.д.)/ Public (Active Citizen, Russian Public Initiative, Change.org, etc.)	13,9	26,3	34,4	19,6	5,7	100,0
Волонтерские (Добро.ру)/ Volunteers (Dobro.ru)	18,7	27,8	36,8	12,4	4,3	100,0
Риелторские (ДомКлик, Циан и т.д.)/ Real estate agents (DomClick, Cian, etc.)	18,2	29,7	41,1	5,7	5,3	100,0

Финансовые (Сбер, ВТБ и т.д.)/ Financial (Sber, VTB, etc.)	82,8	12,9	2,4	1,0	1,0	100,0
Рекрутинговые (HH.ru, SuperJob и т.д.)/ Recruiting (HH.ru, SuperJob, etc.)	27,8	29,7	25,4	11,5	5,7	100,0

Ответы на вопрос: «Насколько регулярно Вы пользуетесь нижеперечисленными типами цифровых сервисов?» показали различную степень вовлеченности студенческой молодежи в использовании цифровых сервисов. Самыми популярными оказались социальные (87,6%), развлекательные (85,6%) и финансовые (82,8%) сервисы. Автотранспортные и торговые сервисы также востребованы, с регулярным использованием на уровне 62,2% и 67,5% соответственно.

Коммуникативные сервисы используют регулярно 50,2% студентов, государственные – 40,7%, а билетно-транспортные – 38,8%. Более чем четвертая часть респондентов (27,8%) регулярно используют рекрутинговые сервисы. Это говорит о том, что среди студенческой молодежи каждый четвертый пытается совместить работу и учебу. Особенно популярны среди студентов профессиональные стратегии, связанные с работой в удаленном режиме, которые открывает перед молодежью цифровизация многих профессиональных сфер деятельности. Достаточно странно выглядит тот факт, что лишь каждый пятый студент (20,6%) использует обучающие цифровые сервисы. Менее популярны волонтерские (18,7%), риелторские (18,2%) и общественные сервисы (13,9%).

Значительная доля респондентов пользовалась многими сервисами «по

необходимости», особенно государственными (55,0%), билетно-транспортными (45,5%) и обучающими (42,1%). Высокий процент тех, кто «не пользовался, но слышал» о волонтерских (36,8%), общественных (34,4%) и риелторских (41,1%) сервисах. Доля тех, кто «не пользовался и не слышал» о сервисах, наиболее высока для общественных (19,6%), волонтерских (12,4%) и рекрутинговых (11,5%) сервисов.

Полученные результаты позволяют увидеть четкую дифференциацию в предпочтениях студенческой молодежи. Социальные сети, развлечения и финансы прочно вошли в повседневную практику. Транспортные и торговые приложения упрощают передвижение и процесс совершения покупок. С другой стороны, волонтерские и общественные ресурсы остаются менее востребованными в молодежной среде.

О том, что цифровизация оказала значительное влияние на трансформацию социальных стратегий современной студенческой молодежи, свидетельствуют ответы на вопрос о повышении возможностей для вертикальной социальной мобильности, которые открывают цифровые компетенции (Таблица 4).

Таблица 4

Согласие с утверждением о возможности социальной мобильности, которые открывают цифровые компетенции (в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Table 4

Agreement with the statement about the possibility of social mobility that digital competencies open up (% of the number of surveyed student youth, Orel 2023)

Варианты ответа	Да/ Yes	Скорее да, чем нет/ More yes than no	Скорее нет, чем да/ More no than yes	Нет/No	Затрудняюсь ответить/ I find it difficult to answer	Итого/ Total
Пользоваться офисными программами (текстовый редактор, электронные таблицы и т.д.)/ Use office programs (word processor, spreadsheets, etc.)	76,1	18,2	3,3	0,5	1,9	100,0
Пользоваться офисным оборудованием (принтер, скан и т.д.)/ Use office equipment (printer, scanner, etc.)	74,6	18,7	4,8	0,0	1,9	100,0
Осуществлять поиск нужной информации (поисковики)/ Search for the required information (search engines)	82,8	12,0	2,4	0,5	2,4	100,0
Работать с сервисными приложениями (облачные хранилища, установка и настройка приложений)/ Work with service applications (cloud storage, installation and configuration of applications)	70,8	22,5	4,3	0,5	1,9	100,0
Осуществлять критический анализ информации, полученной с помощью аналитических приложений/ Conduct a critical analysis of information obtained through analytical applications	62,7	23,9	9,1	1,4	2,9	100,0
Использовать информационно-коммуникационные инструменты (мессенджеры, электронная почта и социальные сети)/ Use information and communication tools (messengers, email and social networks)	73,2	17,2	6,7	0,0	2,9	100,0
Поддерживать безопасные условия жизнедеятельности в информационно-коммуникационной среде(антивирусы, cookie, менеджеры паролей)/ Maintain safe conditions for life in the information and communications environment (antiviruses, cookies, password managers)	72,7	17,2	7,2	0,5	2,4	100,0
Совершать финансовые операции в цифровой среде (банк-онлайн, онлайн-магазин)/ Conduct financial transactions in a digital environment (online banking, online shopping)	68,9	21,1	4,3	2,9	2,9	100,0
Работать с изображениями и видео (цифровая фотосъемка, обработка изображений, цифровая видеосъемка, монтаж видео)/ Working with images and videos (digital photography, image processing, digital video shooting, video editing)	62,7	24,4	7,7	2,9	2,4	100,0

Вести аккаунт (канал) в социально-сетевом пространстве Интернет/ Maintain an account (channel) on the Internet social networking space	52,6	23,4	15,3	4,3	4,3	100,0
Пользоваться чат-бот с искусственным интеллектом (ChatGPT, Bing AI)/ Use a chatbot with artificial intelligence (ChatGPT, Bing AI)	52,6	23,4	12,4	5,3	6,2	100,0

Отметим, что для конкуренции в современном обществе большинство респондентов выделили базовые навыки работы в цифровой среде. Это – умение поиска информации в интернете (82,8% ответили «да»), использование офисных программ (76,1%) и оборудования (74,6%), а также работа с сервисными приложениями (70,8%).

Более 70% студентов также отметили важность поддержания безопасности в сети Интернет и использования информационно-коммуникационных инструментов. Совершение финансовых операций в цифровой среде посчитали необходимым около 69%.

Такие цифровые компетенции, как критический анализ сведений, полученных из специализированных приложений, равно как и обработка изображений и видео, по мнению почти двух третей опрошенной молодёжи, однозначно увеличивают возможности для социальной мобильности. Ещё почти по четверти опрошенных склонны так считать, высказываясь менее уверенно. Суммарно каждый из этих цифровых навыков и знаний предоставляет для подавляющего большинства опрошенных какие-либо возможности социальной мобильности. При этом менее половины опрошенных считают важным ведение аккаунта в социальных сетях (52,6%) и использование чат-ботов с искусственным интеллектом (52,6%). По этим двум цифровым навыкам наблюдается наибольшая доля затруднившихся ответить.

Из представленных ответов можно сделать вывод, что в целом, наблюдается осознанность молодёжью необходимости обладания цифровыми навыками для

успешной конкуренции, при этом базовые навыки оцениваются как наиболее важные.

Подобная расстановка приоритетов отражает насущные потребности современного рынка труда, где умение эффективно находить, обрабатывать и представлять информацию, а также поддерживать коммуникацию, являются ключевыми компетенциями для большинства профессий. Важность обеспечения кибербезопасности и совершения финансовых операций онлайн подчёркивает растущую зависимость от цифровых технологий во всех сферах жизни, а также необходимость защиты личных данных и финансовых активов в цифровом пространстве.

Несколько меньшая значимость, придаваемая критическому анализу информации и работе с визуальным контентом, может свидетельствовать о том, что эти навыки пока воспринимаются как более специализированные или необходимые для определенных профессиональных областей. Тем не менее, в эпоху дезинформации и визуального доминирования в коммуникации умение критически оценивать информацию и создавать качественный визуальный контент становится все более важным для всех граждан.

Неоднозначное отношение к ведению аккаунтов в социальных сетях и использованию чат-ботов, вероятно, связано с противоречивой репутацией этих технологий. С одной стороны, социальные сети и чат-боты могут быть полезными инструментами для общения, маркетинга и автоматизации рутинных задач, а с другой – они также могут быть источником

зависимости, дезинформации и нарушения приватности.

Для оценки социальных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности был задан

вопрос: «Какие информационные возможности сети Интернет и с какой регулярностью Вы используете?» (см. Рисунок 1).

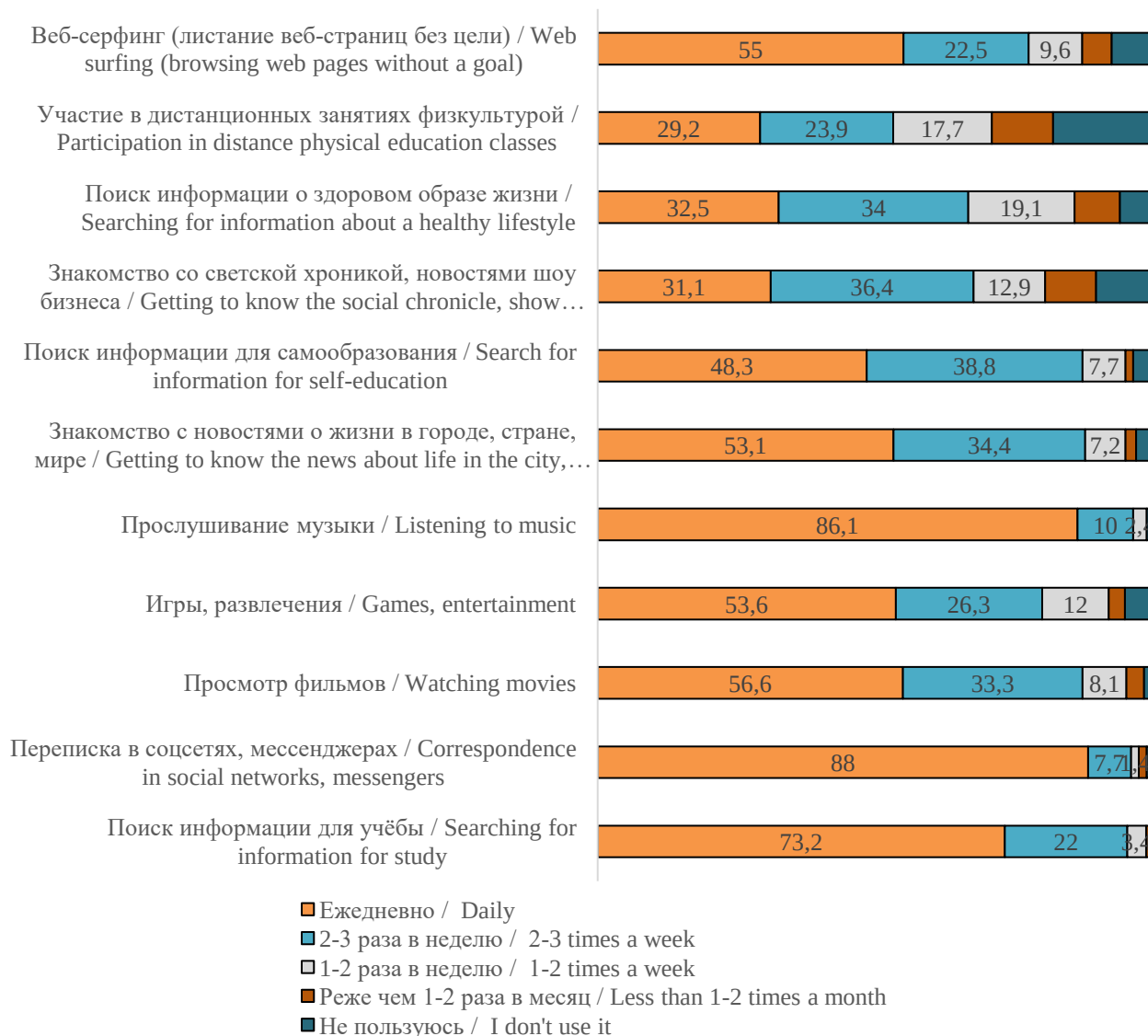

Рисунок 1. Поведенческие практики студенческой молодежи в сети Интернет
(в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)
Figure 1. Behavioral practices of student youth on the Internet
(% of the number of surveyed student youth, Orel 2023)

Так, ежедневно востребованными социальными практиками для большинства молодежи стали переписка в соцсетях и мессенджерах прослушивание музыки (86,1%) и поиск информации для учебы (73,2%). Коммуникативные социальные практики современной студенческой молодежи также претерпели

значительную трансформацию так как живое общение заменили контакты в социальных сетях и мессенджерах (88%). Поведенческие практики современной студенческой молодежи нельзя представить без сети Интернет, который ежедневно использует для просмотра фильмов (56,6%), веб-серфинга (55%),

знакомства с новостями (53,1%) и игр/развлечений (53,6%). Поиск информации для самообразования (48,3% ежедневно, 38,8% 2-3 раза в неделю) и здорового образа жизни (32,5% ежедневно, 34% 2-3 раза в неделю) используется реже, но достаточно регулярно. Менее популярным является знакомство со светской хроникой (31,1% ежедневно, 36,4% 2-3 раза в неделю), и наименьший интерес вызывает участие в дистанционных занятиях физкультурой (29,2% ежедневно, 18,2% не пользуются)

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что интернет стал неотъемлемой частью повседневной жизни

большинства студентов. Он используется при общении, в развлекательных и образовательных социальных практиках. Однако, наблюдается определенный дисбаланс в использовании его возможностей для саморазвития и поддержания здоровья.

Так как цифровизация прочно вошла в социальные практики не только студенческой молодежи, но и всех возрастных категорий населения следующий вопрос касался возраста, с которого человек может самостоятельно пользоваться различными устройствами и сервисами (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Возраст, с которого человек может самостоятельно пользоваться следующими составляющими цифровой повседневности
(допускалось не более 3-х вариантов ответа; в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Table 5

Age at which a person can independently use the following components of digital everyday life (no more than 3 answer options were allowed; % of the number of surveyed student youth, Orel 2023)

Варианты ответа/ Answer options	До 3 лет/ Up to 3 years	4-6 лет/4-6 years	7-10 лет/ 7-10 years	11-13 лет/ 11-13 years	14-15 лет/14-15 years	16-17 лет/ 16-17 years	18-20 лет/ 18-20 years	Старше 21 года/ Over 21 years old	Итого/ Total
Стационарный компьютер/ Desktop computer	5,7	8,1	42,1	26,8	10,5	3,8	1,4	1,4	100,0
Ноутбук/ Noutbuk	6,2	8,1	39,2	24,9	14,8	5,3	1,0	0,5	100,0
Планшет/ Tablet	10,5	23,4	38,3	16,3	8,1	2,4	0,5	0,5	100,0
Смартфон/ Smartphone	8,1	21,5	40,7	18,2	8,6	1,9	0,5	0,5	100,0
Айфон/ iPhone	8,1	16,7	30,1	17,2	13,9	8,1	1,9	3,8	100,0
Кнопочный телефон/ Push-button telephone	14,4	35,9	36,4	6,7	3,8	1,0	1,0	1,0	100,0
Ридер для электронных книг/ E-book reader	5,7	15,8	45,5	18,2	7,7	5,3	0,5	1,4	100,0
Сетью Интернет/ The Internet	5,3	12,4	41,6	22,5	12,0	3,3	1,9	1,0	100,0
Цифровыми сервисами/ Digital services	4,8	7,2	35,4	20,6	20,1	7,2	3,3	1,4	100,0

Рассуждая об оценке возраста, с которого человек может самостоятельно пользоваться различными устройствами и сервисами, около половины обучающихся считают, что стационарным компьютером, ноутбуком, смартфоном, ридером для электронных книг и сетью Интернет дети могут самостоятельно пользоваться в возрасте 7-10 лет (42,1%, 39,2%, 40,7%, 45,5% и 41,6% соответственно). Планшетом и кнопочным телефоном, по их мнению, можно начинать пользоваться раньше, в возрасте 4-6 лет (23,4% и 35,9% соответственно). Мнения относительно возраста начала самостоятельного использования iPhone несколько отличаются: пик приходится на возраст 7-10 лет (30,1%), но значительная доля студентов считает, что это возможно в 11-13 лет (17,2%) или даже в 14-15 лет (13,9%). Использование цифровых сервисов начинается в более позднем возрасте, чем подобных устройств, с равномерным распределением ответов между 7 и 15 годами, но с пиком в категории 7-10 лет (35,4%). Доля ответов, указывающих на возможность самостоятельного использования всех перечисленных устройств и сервисов до 3 лет, варьируется от 4,8% до 14,4%.

В целом, полученные данные свидетельствуют об осознании студенческой молодежью определенной зрелости для безопасного и эффективного взаимодействия с современными технологиями. Однако, на практике реальный возраст начала использования устройств и сервисов может значительно варьироваться в зависимости от социально-экономических факторов, уровня образования родителей, культурных особенностей и индивидуальных особенностей ребенка.

В условиях цифровизации повседневности конфликты с родителями и старшими родственниками из-за

использования гаджетов, сервисов и сетей возникали у части молодежи. 8,6% опрошенных сталкивались с такими конфликтами часто, а 25,8% – иногда. Почти у трети (27,3%) участников опроса конфликты были редкими, единичными. При этом 36,8% респондентов заявили об отсутствии каких-либо конфликтов с родственниками по данному вопросу. Небольшая доля студентов (1,4%) затруднилась с ответом. Таким образом, можно сделать вывод, что более трети опрошенных сталкивались с конфликтами, связанными с использованием гаджетов, сервисов и сетей, различной степени интенсивности.

Социальные стратегии студенческой молодежи также связаны с безвозмездными практиками в сети Интернет. Так, согласно полученным результатам опроса, почти половина респондентов (45,9%) не занималась какой-либо безвозмездной деятельностью в интернете. Самым популярным видом деятельности стало создание или модерация тематических групп в социальных сетях (23,4%) (см. Рисунок 3).

Значительная доля студентов участвовала в создании контента: 18,2% публиковали статьи/заметки в Википедии или аналогичных ресурсах, а 17,2% – на форумах, в блогах или новостных порталах. Создание и ведение веб-сайтов для ассоциаций или некоммерческих организаций отметили 17,7% опрошенных. Более редкими формами безвозмездной деятельности оказались публикация практических видео-руководств (13,4%), участие в системах обмена имуществом/услугами (7,2%), предоставление онлайн-консультаций или экспертных оценок (3,8%), а также сотрудничество в проектах открытого доступа (2,4%). Наименьший процент респондентов (0,5%) указали иные виды деятельности.

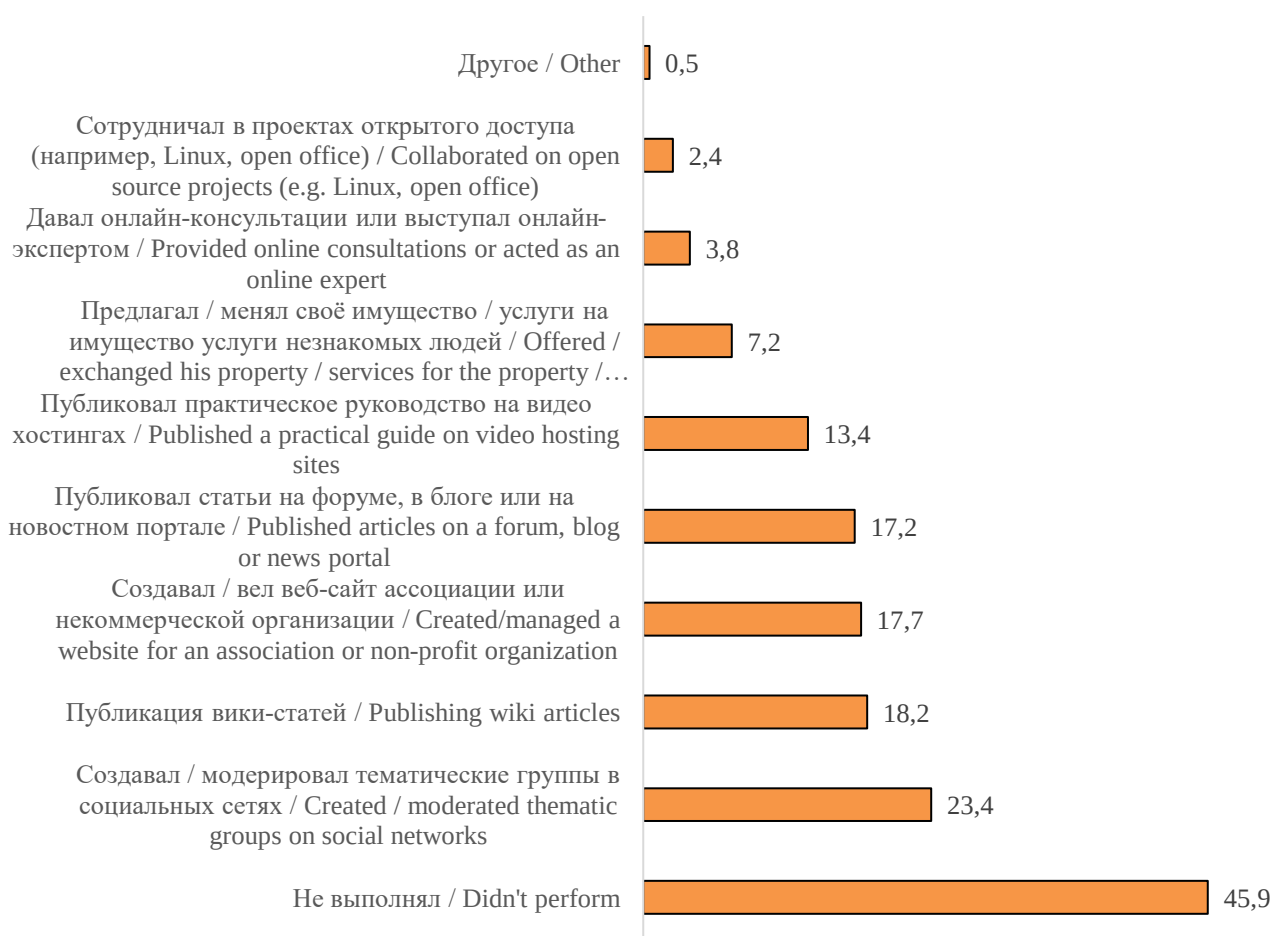

Рисунок 2. Безвозмездные практики студенческой молодежи в сети Интернет (допускалось несколько вариантов ответа; в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Figure 2. Unpaid internships of student youth on the Internet (multiple answers were allowed; % of the number of student youth surveyed, Orel 2023)

Таким образом, наиболее распространённой формой участия в безвозмездной деятельности в сети Интернет является создание и модерация контента, особенно в социальных сетях и на вики-ресурсах.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о неоднородности вовлеченности молодых пользователей в различные виды безвозмездной деятельности в сети. В то время как создание и модерация контента привлекает значительную часть аудитории, участие в более специализированных или требующих экспертных знаний формах деятельности (предоставление онлайн-консультаций или сотрудничество в

проектах открытого доступа), остается на низком уровне. Это может быть связано как с недостаточной информированностью о таких возможностях, так и с необходимостью обладать определенными навыками и компетенциями.

В целом, безвозмездная деятельность в сети Интернет является важной составляющей онлайн-активности молодых пользователей, способствующей развитию гражданского общества, обмену знаниями и опытом, а также поддержке социально значимых инициатив. Однако для более широкого и равномерного вовлечения пользователей в различные формы такой деятельности необходимо дальнейшее изучение мотивов и

потребностей аудитории, а также разработка эффективных механизмов для стимулирования и поддержки их участия.

Отношение студенческой молодежи к внедрению цифровых сервисов в повседневную жизнь показывает, что большинство (54,5%) респондентов предпочитают начинать пользоваться цифровыми сервисами только после того, как они уже были опробованы значительной частью их окружения. Довольно большая доля опрошенных (33,0%) активно интересуется новинками и

осваивает их в числе первых. Небольшая часть респондентов (10,5%) внедряет цифровые сервисы в свою жизнь в последнюю очередь, часто под давлением обстоятельств. Готовы знакомиться с цифровыми новшествами при возникновении личной необходимости 1,4% опрошенных. И совсем незначительная доля студентов (0,6%) является принципиальными противниками использования цифровых сервисов (см. Рисунок 3).

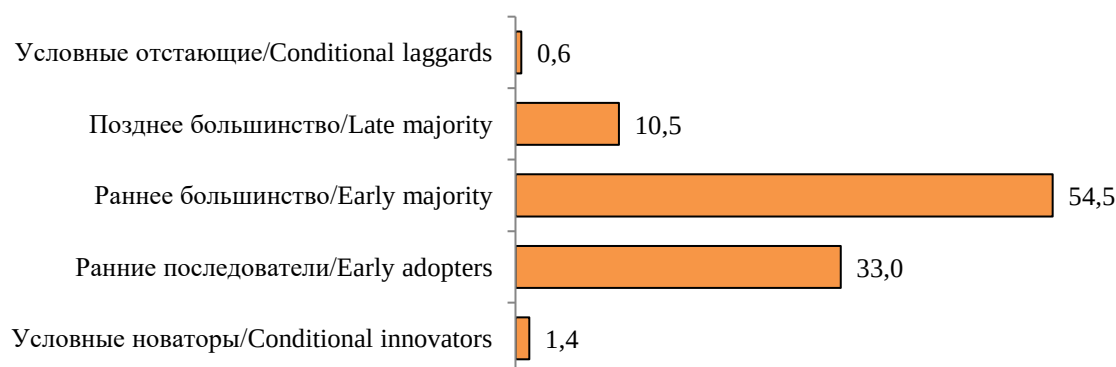

Рисунок 3. Дифференциация отношения студенческой молодежи к внедрению цифровых сервисов в повседневную жизнь по модели диффузии инноваций (в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Figure 3. Differentiation of student youth attitudes towards the introduction of digital services into everyday life according to the innovation diffusion model (% of the number of surveyed student youth, Orel 2023)

Полученные по результатам опроса данные вполне соотносятся с классической моделью диффузии инноваций Э. Роджерса, согласно которой опрошенных можно разделить на следующие пять категорий:

1) новаторы, которых мы назвали условными, поскольку только лишь допускаем их постоянную готовность рискнуть первыми использовать любые цифровые нововведения;

2) ранние последователи, доля которых в нашем опросе измерена в достаточном методическом соответствии с классической моделью;

3) раннее большинство, доля которого также довольно точно выявлена без каких-либо условностей;

4) позднее большинство, долю которого при опросе молодёжи лишь условно можно назвать большинством, но по сути относится именно к этой группе в модели диффузии инноваций;

5) отстающие, которых мы назвали условными, поскольку лишь допускаем их неминуемую, хотя и крайне запоздалую, вовлечённость в цифровые сервисы, ставшие для остальных обыденной повседневностью.

Классическая модель диффузии инноваций на эмпирическом уровне воспроизводит нормальный закон статистического распределения с симметрией долей групп и описывает всё население всех возрастных когорт. Смещение распределения по результатам

нашего опроса в пользу сторонников инноваций объясняется молодым возрастом респондентов, открытых ко всему новому. Выявленное соотношение долей групп, дифференцированных по отношению к применению цифровых инноваций в своей повседневной жизни, свидетельствует о высокой степени готовности студенческой молодежи к принятию цифровых технологий, несмотря на ограничения их безопасности и доступности.

Оценивая возможности, которые открывает владение цифровыми компетенциями, обучающиеся в большинстве своем согласны с тем, что овладение цифровыми компетенциями будет способствовать различным аспектам их профессиональной жизни. Наибольшее согласие выражено в отношении адаптации к современным условиям: 62,2% полностью согласны и 31,1% скорее согласны, чем не согласны. Значительная

часть опрошенных также уверена, что цифровые компетенции положительно скажутся на продвижении по работе (52,6% полностью согласны, 39,7% скорее согласны) и повышении общей компетенции (52,6% полностью согласны, 36,8% скорее согласны).

Менее выражена, но все еще преобладает уверенность в том, что цифровые компетенции увеличат уровень дохода (49,3% полностью согласны, 38,8% скорее согласны) и повысят авторитет (36,4% полностью согласны, 37,3% скорее согласны). Стоит отметить, что доля студентов, выразивших несогласие, крайне мала по всем пунктам, а доля затруднившихся с ответом незначительна. В целом, результаты демонстрируют позитивное восприятие влияния цифровых компетенций на различные аспекты профессиональной деятельности (см. Таблицу 6).

Таблица 6

Возможности, которые открывает владение цифровыми компетенциями
(в % от числа опрошенной студенческой молодежи, Орёл 2023)

Table 6

Opportunities that digital competencies open up
(% of the number of surveyed students, Orel 2023)

Answer options	Полностью согласен/ I completely agree	Скорее согласен, чем не согласен/ I rather agree than disagree	Скорее не согласен, чем согласен/ Rather disagree than agree	Полностью не согласен/ I completely disagree	Затрудняюсь ответить/ I find it difficult to answer	Итого/ Total
Повышению авторитета/ To increase authority	36,4	37,3	18,7	3,3	4,3	100,0
Продвижению по работе (карьере)/ Advancement at work (career)	52,6	39,7	4,8	1,0	1,9	100,0
Увеличению уровня дохода/ Increasing the income level	49,3	38,8	7,7	2,4	1,9	100,0
Повышению общей компетенции/ Improving overall competence	52,6	36,8	6,7	1,4	2,4	100,0
Адаптации к современным условиям/ Adaptations to modern conditions	62,2	31,1	3,8	1,0	1,9	100,0

Наиболее перспективной сферой для карьерного роста людей с развитыми цифровыми компетенциями, по мнению молодых студентов, является связь и информационные технологии (57,9%), финансовый сектор (финансы, кредит, страхование – 36,4%) и образование (31,6%). Наука также рассматривается как перспективная область (25,8%). Государственное управление (19,6%) и социальное обеспечение также рассматриваются как значимые направления и (15,8%). Туризм и торговля с общественным питанием имеют примерно одинаковый уровень привлекательности (13,9% и 13,4% соответственно). Культура и искусство, промышленность и энергетика получили относительно низкие оценки (11,5%, 8,6% и 7,7% соответственно). Наименее перспективными, по мнению участвующих в опросе, являются здравоохранение, правоохранительная сфера, строительство, ЖКХ, транспорт, экология, вооруженные силы и сельское/лесное хозяйство. Небольшая часть студентов (1,4%) затруднилась с ответом. В целом, результаты демонстрируют признание важности цифровых навыков практически во всех отраслях, но с явным доминированием ИТ и финансов.

Большинство обучающихся, отвечая на вопрос о времени, проводимом перед монитором компьютера или ноутбука в будние дни, указали, что тратят на это от 2 до 4 часов в день (16,3% и 15,5% соответственно). Значительная доля опрошенных проводит за экраном от 4 до 6 часов (11% и 10% соответственно). Меньше всего времени за компьютером проводят 2,9% респондентов (менее часа) и 5,8% (от 1 до 2 часов). Небольшие группы тратят от 6 до 12 часов: от 6,7% (6-7 часов) до 4,3% (11-12 часов). Крайне малое количество опрошенных проводит за компьютером очень много времени: от 1,9% (12-14 часов) до единичных случаев в 0,5% (18 и 24 часа). 4,3% респондентов не смогли дать определенный ответ. Таким

образом, основная масса студентов проводит за компьютером от 2 до 6 часов в день.

Полученные данные демонстрируют, что большинство молодых людей проводят значительное количество времени перед экранами компьютеров и ноутбуков в рабочие дни. Это может быть связано с работой, учебной или общением в сети.

В выходные дни наибольшая доля студенчества (19,2%) проводит за экраном от 1 до 2 часов. Значительная часть опрошенных (11,4%) уделяет этому занятию от 4 до 5 часов. Примерно одинаковые доли респондентов тратят от 3 до 4 часов и от 5 до 6 часов (по 10,6%). Несколько меньше людей проводят перед экраном менее часа (7,7%), от 6 до 7 часов (7,2%) и от 10 до 11 часов (7,2%). Доля молодых ребят, проводящих за компьютером от 7 до 8 часов, составляет 5,2%, а тех, кто проводит 12 часов в день – 4,8%. Совсем небольшая часть опрошенных тратит на это занятие от 8 до 9 часов (3,8%), от 2 до 3 часов (2,9%), от 9 до 10 часов (1,0%), 16 часов в день (1,0%), 20 часов в день (1,4%), от 11 до 12 часов (0,5%), 18 часов в день (0,5%), 19 часов в день (0,5%) и 24 часа в сутки (0,5%). При этом 4,3% студентов затруднились ответить на вопрос.

Заключение (Conclusions).

Исследование трансформации социальных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации повседневности позволило выявить ряд ключевых особенностей.

Повседневная жизнь студенческой молодежи отличается широкой интеграцией цифровых технологий, прежде всего во взаимодействии с другими людьми и в гибридизации общения с ближайшим социальным окружением. Подавляющее большинство студентов активно пользуется цифровыми сервисами, особенно социальными сетями, развлекательным контентом и финансовыми приложениями. Эти

практики стали неотъемлемой частью их жизнедеятельности.

Вместе с тем, орловская студенческая молодёжь не спешит «бросаться в цифровой омут с головой», а предпочитает осваивать новые цифровые сервисы только после их апробации ближайшим окружением, демонстрируя осторожное отношение к нововведениям.

Наибольшую активность студенческая молодёжь проявляет в таких цифровых практиках, как создание и модерация контента в социальных сетях и мессенджерах. При этом участие в добровольческих, волонтёрских, альтруистических инициативах в сети представляется перспективным потенциалом развития гражданской активности и повышения уровня мотивации к сотрудничеству ради общего блага путём повышения уровня вовлечённости в безвозмездные практики.

Уровень информированности студентов о цифровых технологиях дифференцирован по типу технологий. В наибольшей степени респонденты осведомлены о цифровых инструментах, используемых в повседневной жизни (социальные сети, мессенджеры, потребительские финансовые сервисы). Сложные и специализированные цифровые технологии (робототехника, умные города, цифровые экосистемы), напротив, вызывают значительные затруднения в понимании и явно требуют дополнительных разъяснений.

Большинство студентов высоко оценивает значимость цифровых навыков для будущей карьеры, профессионального продвижения и личностного развития. Базовые компетенции (поиск информации, работа с офисными программами, защита данных) признаются ими как ключевые. При этом наиболее перспективными областями для трудоустройства студенты считают сферу ИТ и финансовую отрасль, что обусловлено высоким спросом на цифровые компетенции в этих направлениях.

В целом, связь результатов эмпирического исследования с теориями цифровизации и социологии повседневности позволяет интерпретировать полученные данные в более широком теоретическом контексте. Классические работы феноменологов (Э. Гуссерль, А. Шюц) акцентируют внимание на конструировании реальности через повседневный опыт и интеракции. В контексте цифровизации это означает, что использование гаджетов и цифровых платформ формирует специфические паттерны восприятия и понимания мира. Теория социального взаимодействия И. Гофмана подчеркивает роль ритуалов и презентации себя в повседневной жизни, что особенно актуально при анализе онлайн-коммуникаций и создания цифровых идентичностей.

Подход Г. Гарфинкеля к изучению обыденных методов позволяет анализировать, как пользователи интернета конструируют и поддерживают социальный порядок в цифровой среде. Теория Бруно Латура акцентирует внимание на роли вещей (в данном случае гаджетов) в формировании социальных отношений и практик. Гаджеты становятся не просто техническими устройствами, а активными участниками социального взаимодействия, влияющими на поведение и коммуникацию.

Теория социального действия Хартмута Эссера позволяет анализировать рациональные основания выбора и использования цифровых технологий, учитывая индивидуальные мотивации и контекстуальные факторы. «Прагматическая социология» Лорано Тевено и Люка Болтански предоставляет инструменты для анализа различных режимов оправдания и легитимации действий в цифровой среде, что позволяет понять, как пользователи оценивают и оправдывают свои онлайн-практики с точки зрения различных ценностей и норм.

На основе проведенного анализа, выделен ряд особенностей видоизменения

социальных практик студенческой молодежи под воздействием перманентной цифровизации действительности, заключающихся в изменении структуры социальных связей, способов взаимодействия, самосознания, а также в трансформации способов и форм саморазвития и получения профессионального образования. Высокие темпы цифровизации, которые сопровождают трансформацию всех сфер современного информационного общества будут способствовать тому что жизненные стратегии современной студенческой молодежи будут претерпевать и дальнейшее изменение, что актуализирует проведение эмпирических социологических исследований по заявленной проблематике.

Список литературы

Алексеенок А. А. Виртуальная среда как новая форма социальной реальности современной молодежи // Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: сб. ст. XII Всероссийской науч.-практ. конф., Орел, 03 декабря 2021 г. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. С. 104-112. EDN: KOFXKV.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia, 2004. 956 с. ISBN: 5-87444-203-0. EDN: QOCVVP.

Буланова М. Б. NEET-молодежь в цифровом обществе // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской науч. конф., Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2020 года / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2020. С. 494-495. EDN: IWWUAF.

Буланова М. Б. Типология и стратегии российской NEET-молодежи // Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Федеральный науч.-исслед. социологический центр РАН. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. С. 143-148. EDN: OEQCCQ.

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с. ISBN: 5-02-003325-1. EDN: HDSDRA.

Молодежь и Россия будущего / Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Андреев А. Л. [и др.]. Москва: ООО «Издательство “Весь Мир”», 2023. 394 с. ISBN: 978-5-7777-0910-3. EDN: OAGDSK.

Елисеева Е. С. Влияние интернета на социализацию молодежи как феномен современности // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: проблемы детей и молодежи в контексте социально-гуманитарных исследований: сб. науч. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. С. 120-124. EDN: GIGIRY.

Зубок Ю. А. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 3-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1. EDN: YLIANZ.

Клинкова Д. А. Цифровая реальность: коммуникации на языке алгоритмов // Научное мнение. 2022. № 12. С. 35-40. DOI: 10.25807/22224378_2022_12_35. EDN: VPJRNN.

Левашов В. К. Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 104-120. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-104-120. EDN: SETQMU.

Левашов В. К. Россияне о вызовах искусственного интеллекта, нейронных сетей и социального оптимизма // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 115-120. DOI: 10.31857/S013216250028537-3. EDN: KJRUCP.

Радкевич А. Л. Социальные интернет-практики как объект социологического анализа // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3.

Тоффлер Э. Третья волна. пер. с англ. К. Ю. Бурмирова [и др.]. Москва: АСТ, 2010. 795 с.

Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. Москва: Научный мир, 1998. С. 85-95.

Шаповалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и

интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 148-151. EDN: TRRQPZ.

Цифровое общество в субъективных оценках студенческой молодежи. Результаты социологического исследования 2023 г.: информационный бюллетень социологической лаборатории / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенко, Н. В. Проказина [и др.]. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2025. 76 с. EDN: ZBUSOK.

Boltanski L. and Thévenot L. The sociology of critical capacity // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2, № 3. Pp. 359-377. DOI: 10.1177/136843199002003010. EDN: JRXHP.

Castells M. The Rise of the Network Society: Economy, Society and Culture. Vol. 1. Oxford, UK; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2000.

Esser H. What is Wrong with ‘Variable Sociology’? // European Sociological Review. 1996. Vol. 12, № 2. Pp. 159-166. DOI: 10.1093/oxfordjournals.esr.a018183. EDN: IOGCXB.

Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967.

Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York, NY: Anchor Books, 1959.

Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. New York, NY: Oxford University Press, 2005. DOI: 10.1093/oso/9780199256044.001.0001.

Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1967.

References

Alekseenok, A. A. (2022), “Virtual environment as a new form of social reality of modern youth”, *Informatsionnoe razvitie Rossii: sostoyanie, tendentsii i perspektivy: sb. st. XII Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf., Orel, 03 dekabrya 2021 g.* [Information development of Russia: status, trends, and prospects: collection of articles from the XII All-Russian scientific and practical conference, Oryol, December 3, 2021], RANEPa (Srednerusskiy institut upravleniya), Orel, Russia, 104-112, EDN: KOFXKV. (In Russian)

Bell, D. (2004), *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo*

prognozirovaniya [The Coming Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting], Academia, Moscow, Russia, ISBN: 5-87444-203-0, EDN: QOCVVP. (In Russian)

Bulanova, M. B. (2020), “NEET youth in the digital society”, *Tsifrovoye obshchestvo – novy format sotsialnoy realnosti* [Digital society – a new format of social reality], in Skvortsov, N.G. and Asochakov, Yu.V. (eds.), Skifiya-print, St. Petersburg, Russia, 494-495, EDN: IWWUAF. (In Russian)

Bulanova, M. B. (2022), “Typology and strategies of Russian NEET youth”, *Samoregulyatsiya v molodezhnoy srede: tipologizatsiya i modelirovanie* [Self-regulation in the youth environment: typologization and modeling], FNISC RAN; Epitsentr, Belgorod, Russia, 143-148, EDN: OEQCCQ. (In Russian)

Vernadsky, V.I. (1988), *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist], Nauka, Moscow, Russia, ISBN: 5-02-003325-1, EDN: HDSRA. (In Russian)

Gorshkov, M. K., Tikhonova, N. E., Andreev, A. L. et al. (2023), *Molodezh i Rossiya budushchego* [Youth and the Future of Russia], Izd. “Ves Mir”, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-7777-0910-3, EDN: OAGDSK. (In Russian)

Eliseeva, E. S. (2019), “The influence of the Internet on the socialization of youth as a phenomenon of modernity”, *Sotsialnaya rabota v sovremennom mire: vzaimodeystvie nauki, obrazovaniya i praktiki: problemy detey i mladezhi v kontekste sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy* [Social Work in the Modern World: Interaction of Science, Education, and Practice: Issues of Children and Youth in the Context of Social and Humanitarian Research], Epitsentr, Belgorod, Russia, 120-124, EDN: GIGIRY. (In Russian)

Zubok, Yu. A. (2018), “Meaning-of-life values in the cultural space of Russian youth”, *Research Result. Sociology and Management*, 4 (3), 3-13, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1, EDN: YLIAHZ. (In Russian)

Klinkova, D. A. (2022), “Digital reality: communications in the language of algorithms”, *Nauchnoe mnenie*, (12), 35-40, DOI: 10.25807/22224378_2022_12_35, EDN: VPJRNN. (In Russian)

Levashov, V. K. (2021), “Images of the Future in the Minds of Russian Youth: Value Orientations, Digital Innovations, and Socio-Political Expectations”, *Vestnik Yuzhno-*

Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki, 14 (2), 104-120, DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-104-120, EDN: CETQMU. (In Russian)

Levashov, V. K. (2023), "Russians on the challenges of AI, neural networks and social optimism", *Sociological Studies*, (11), 115-120, DOI: 10.31857/S013216250028537-3, EDN: KJRUCP. (In Russian)

Radkevich, A. L. (2009), "Social Internet practices as an object of sociological analysis", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3). (In Russian)

Toffler, A. (2010), *Tretya volna* [The Third Wave], transl. by Burmistrov, K.Yu. et al., AST, Moscow, Russia. (In Russian)

Touraine, A. (1998), *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego: Ocherk sotsiologii* [The Return of the Acting Man: Essay in Sociology], Nauchnyi mir, Moscow, Russia, 85-95. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2015), "Impact of Internet communications on youth behavior and intellectual development", *Sociological Studies*, (4 (372)), 148-151, EDN: TRRQPZ. (In Russian)

Merkulov, P. A., Alekseenok, A. A., Prokazina, N. V. et al. (2025), *Tsifrovoe obshchestvo v subektivnykh otsenkakh studencheskoy molodezhi* [Digital society in the subjective assessments of student youth], RANEPa, Orel, Russia, EDN: ZBUSOK. (In Russian)

Boltanski, L. and Thévenot, L. (1999), "The sociology of critical capacity", *European Journal of Social Theory*, 2 (3), 359-377, DOI: 10.1177/136843199002003010, EDN: JRHXHP.

Castells, M. (2000), *The Rise of the Network Society: Economy, Society and Culture. Vol. 1*, Wiley-Blackwell, Oxford, UK and Malden, MA, USA.

Esser, H. (1996), "What is Wrong with 'Variable Sociology'?", *European Sociological Review*, 12 (2), 159-166, DOI: 10.1093/oxfordjournals.esr.a018183, EDN: IOGCXB.

Garfinkel, H. (1967), *Studies in Ethnomethodology*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, NJ, USA.

Goffman, E. (1959), *The Presentation of Self in Everyday Life*, Anchor Books, New York, NY, USA.

Latour, B. (2005), *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oxford University Press, New York, NY, USA, DOI: 10.1093/oso/9780199256044.001.0001.

Schutz, A. (1967), *The Phenomenology of the Social World*, Northwestern University Press, Evanston, IL, USA.

Статья поступила в редакцию 01 августа 2025 г. Поступила после доработки 01 сентября 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 01 August 2025. Revised 01 September 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Алексеенок Анна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орёл, Россия.

Anna A. Alekseenok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, Orel, Russia.

Исаев Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орёл, Россия.

Aleksey V. Isaev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPa, Orel, Russia.

Каира Юрий Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации», Орёл, Россия.

Yurij V. Kaira, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPA, Orel, Russia.

УДК 314.06 314.6 314.172

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1

Оригинальная статья

Иванова А. Е.
Вангородская С. А.

**Влияние уровня образования детей и их родителей
на отдельные аспекты самосохранительного поведения
с учетом возрастной динамики**

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
ivanova-home@yandex.ru

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия;
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»),
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия
Vangorodskaya@yandex.ru

Аннотация. Изучение образования как одного из факторов, оказывающих влияние на различные аспекты самосохранительного поведения, обусловлено его ролью в увеличении/сокращении неравенств в отношении физического, социального и психического здоровья. Особенно актуальным представляется изучение взаимосвязи между характеристиками здоровья и образовательным уровнем членов семьи в возрастной динамике, что расширяет представления о детерминантах самосохранительного поведения и имеет важное значение в контексте реализации семейно-демографической политики, направленной на укрепление ценностей семьи и активного долголетия. На основе анализа данных комплексного социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 10 регионах России в 2019-2020, были получены результаты, демонстрирующие нелинейную взаимосвязь между такими переменными, как возраст и уровень образования детей и их родителей, с одной стороны и показателями установок на индивидуальные сроки жизни, помехами в их достижении, оценкой условий жизни и семьи и самооценкой здоровья – с другой. Устойчивую корреляцию с уровнем образования обнаружили показатели субъективной оценки помех в достижении желаемой продолжительности жизни (которые более образованные оценили выше, чем их менее образованные сверстники), а также существующих в семьях респондентов проблем (получивших, наоборот, более низкие оценки респондентов с более высоким уровнем образования). Что касается установок на сроки желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, оценки условий жизни, а также самооценки здоровья, то здесь были получены противоречивые результаты, характеризующиеся возрастной и/или образовательной дифференциацией и диктующие необходимость дополнительных – количественных и качественных – исследований, призванных расширить

представления о влиянии уровня образования на отдельные аспекты самосохранительного поведения с учетом возрастной динамики

Ключевые слова: здоровье; самосохранительное поведение; социальные детерминанты; образование; неравенства в отношении здоровья; условия жизни; уровень образования; установки на долголетие; желаемая продолжительность жизни; ожидаемая продолжительность жизни самооценка здоровья

Информация для цитирования: Иванова А. Е., Вангородская С. А. Влияние уровня образования детей и их родителей на отдельные аспекты самосохранительного поведения с учетом возрастной динамики // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 185-202. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1.

Original article

Alla E. Ivanova

Svetlana A. Vangorodskaya

The influence of the level of education of children and their parents on individual aspects of self-preservation behavior, taking into account age dynamics

Institute for Demographic Research, Federal Research
Sociological Center, Russian Academy of Sciences,
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
ivanova-home@yandex.ru

Institute for Demographic Research, Federal Research
Sociological Center, Russian Academy of Sciences,
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia;
Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»),
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Vangorodskaya@bsuedu.ru

Abstract. The study of education as a factor influencing various aspects of self-preservation behaviour is due to its role in exacerbating or alleviating inequalities in physical, social, and mental health. Particularly relevant is the study of the relationship between health characteristics and the educational level of family members in age dynamics, which expands the understanding of the determinants of self-preservation behavior and is important in the context of the implementation of family and demographic policy aimed at strengthening the values of family and active longevity. The results obtained from the analysis of data from the comprehensive sociological study 'Demographic Well-Being of Russia', which was conducted in ten regions of Russia between 2019 and 2020, demonstrate a non-linear relationship between the age and education level of children and their parents, and indicators of attitudes towards individual life expectancies, the obstacles to achieving them, the assessment of living conditions, family life and health. A stable correlation was found between the level of education and indicators of the subjective assessment of obstacles to achieving the desired life expectancy (which were rated higher by more educated people than by their less educated peers), as well as existing problems in respondents' families (which were, on the contrary, given lower ratings by

respondents with a higher level of education). Contradictory results were obtained with regard to attitudes towards desired and expected life expectancy, assessment of living conditions and self-assessment of health. These results were characterised by age and/or educational differentiation, indicating the need for additional quantitative and qualitative research aimed at expanding understanding of the influence of educational level on individual aspects of self-preservation behaviour, taking into account age dynamics.

Keywords: health; self-preservation behavior; social determinants; education; health inequalities; living conditions; educational level; longevity attitudes; desired life expectancy; life expectancy; self-rated health

Information for citation: Ivanova, A. E., Vangorodskaya, S. A. (2025), "The influence of the level of education of children and their parents on individual aspects of self-preservation behavior, taking into account age dynamics", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 185-202. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-1.

Введение (Introduction). Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) относит *образование* к числу социальных детерминант, которые наряду с доходами, занятостью, социальной интеграцией, доступом к медицинским услугам и пр. могут повлиять на увеличение/сокращение неравенства в отношении здоровья, т.е. тех несправедливых и предотвратимых различий, которые наблюдаются внутри стран и между ними¹.

Как фактор, воздействующий на характеристики физического, социального и психического здоровья и предопределяющий выбор стратегий самосохранительного поведения, образование постоянно находится в центре исследовательского внимания (Иванова и др., 2014; Иванова, 2014; Канева, 2016; Кислицына, 2017; Кислицына, 2018; Пол, Валтонен и Ковтун, 2018; Пьянкова и Фаттахов, 2017; Хабибуллина, Александрова и Аистов, 2021; Черкасов, Сопова и Полозков, 2021; Cutler и Lleras-Muney, 2010; Monden, 2010).

Наиболее разработанными в области изучения образования как одной из социальных детерминант, обуславливающих неравенства в отношении здоровья, можно считать

исследования влияния уровня образования на показатели смертности населения (Андреев и Добровольская, 1993, Иванова и др., 2014; Пьянкова и Фаттахов, 2017; Харькова, Никитина и Андреев, 2017; Mackenbach, 2012; Valkonen, 1993), поскольку необходимые данные для анализа доступны по многим странам и «характеризуются большей международной сопоставимостью по сравнению с другими социально-экономическими показателями» (Valkonen, 1993).

Исследования российских ученых, основанные на данных государственной статистики (индивидуальных неперсонифицированных данных Росстата об умерших, материалов Всероссийских переписей населения и пр.), подтвердили гипотезу о росте смертности от предотвратимых причин в России в 1990-2000-е годы за счет малообразованных групп населения (Иванова и др., 2014: 7), а также констатировали, что «рост ожидаемой продолжительности жизни населения в России за последние 25 лет в основном отражает изменение образовательной структуры населения, а точнее рост доли лиц, имеющих высшее образование» (Харькова, Никитина и Андреев, 2017: 68).

Несмотря на актуальность и очевидную на первый взгляд зависимость характеристик здоровья и

¹ Social determinants of health // Всемирная организация здравоохранения: офиц. сайт. URL: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (дата обращения: 14.11.2024).

продолжительности жизни от уровня образования, позволяющего индивиду делать более высокие инвестиции в сохранение и восстановление здоровья, быть более избирательным в выборе потребительских благ с учетом их воздействия на здоровье (Grossman, 1972; Grossman, 1998), в критическом осмыслении информации о здоровье (Кислицына, 2017: 7) и выборе врачей (Черкасов и др., 2023: 74), в вовлеченности в сети социальных взаимодействий (Русинова, Сафронов, 2016), иметь лучшие показатели психологического здоровья, а также более высокие шансы на получение достойно оплачиваемой работы и связанных с этим выгод для здоровья (Моисеева и Троицкая, 2019), проблема образовательных неравенств в здоровье пока еще не получила достаточного освещения в отечественной и зарубежной литературе.

Дефицит исследований в значительной степени обусловлен тем, что характеристики здоровья складываются под влиянием совокупности факторов макро-, мезо-и микроуровня, и оценить вклад образования родителей (относящегося к факторам мезоуровня и играющего хотя и значимую, но не ключевую роль) достаточно сложно, поскольку оно может обнаруживать опосредованную взаимосвязь с теми условиями, которые окружают индивида на протяжении всей его жизни и характеризуют его экономическое положение, жилищные условия, социально-психологический климат в семье, миграционную историю, наличие других детей в семье и пр.

Тем не менее, несмотря на большое число переменных, требующих учета в рамках разработки инструментария и способных показать нелинейные зависимости и противоречивые результаты, изучение взаимосвязи между характеристиками здоровья и образовательным уровнем членов семьи в возрастной динамике представляется нам

актуальным. Это позволит расширить представления о детерминантах самосохранительного поведения и имеет важное значение в контексте реализации семейно-демографической политики, направленной на укрепление ценностей семьи и активного долголетия.

Исходя из этого цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи между уровнем образования детей и их родителей и ценностно-диспозиционными аспектами самосохранительного поведения с учетом возрастной динамики.

Методология и методы (Methodology and Methods). Образование как фактор, влияющий на продолжительность жизни, здоровье и самосохранительное поведение, изучается преимущественно в рамках неравенства в отношении здоровья, под которым понимается определенный тип «потенциально предотвратимых различий в состоянии здоровья ли существенно влияющих на здоровье, которые могут определяться государственной политикой» (Ковальжина, 2019). Основные теории, объясняющие неравенства в отношении здоровья, можно условно объединить в три группы.

Первая группа связывает неравенства в здоровье с воздействием факторов макроуровня, а именно ««политико-экономических процессов, которые, генерируя неравенство в доходах и соответственно экономических ресурсах индивидов, а также оказывая воздействие на ресурсы сообщества (такие, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение и условия труда), приводят к неравной подверженности различных групп населения материальному неблагополучию» (Русинова, 2019: 8) и доступу к ресурсам, необходимым для поддержания и восстановления здоровья (Lynch и др., 2000; Mackenbach, 2012; Кислицына, 2017; Пол, Валтонен и Ковтун, 2019, Русинова, 2019).

Вторая группа объясняет неравенства в здоровье с нахождением на

различных ступенях социальной лестницы, с одной стороны, влияющих на состояние здоровья, а с другой – предопределяющих (с учетом характеристик здоровья) возможность или невозможность перемещения на более высокую ступень (Adler, 2007; Mackenbach, 2012).

Третья группа акцентирует внимание на ценностных и диспозиционно-мотивационных аспектах самосохранительного поведения, определяющих социальные различия в здоровье (Антонов, 2005; Пьянкова и Фаттахов, 2017; Кислицына, 2023)

Эмпирической основой исследования стали результаты комплексного социологического исследования «Демографическое самочувствие России»¹, проведенного в 10 регионах РФ (2019-2020, N=5616, ошибка выборки – 5%). Исходя из поставленной цели, были отобраны три группы респондентов – 20-29 лет, 30-39 лет, 40 лет и старше, условно разделенные по уровню образования на высокообразованных (наличие неполного высшего, высшего профессионального или послевузовского профессионального образования у респондентов и их родителей) и малообразованных (начальное общее, начальное профессиональное, основное общее образование у респондентов и их родителей). Включение в число переменных уровня образования родителей обосновано тем, что согласно выводам ряда исследований, в том числе, полученным в ходе анализа данных РМЭПЗН за 1994-2013 гг., «здоровье населения характеризуется накопленным эффектом предыдущих поколений» (Пол, Валтонен и Ковтун, 2019: 69), а «последствия, связанные с низким образованием <...> являются весьма существенными факторами,

определяющими неравенство в отношении здоровья в будущем» (Пол, Валтонен и Ковтун, 2019: 62).

Предваряя полученные в рамках исследования «Демографическое самочувствие России» результаты, необходимо подчеркнуть следующее. Во-первых, изучая влияние образовательного уровня родителей на ценностно-диспозиционные аспекты самосохранительного поведения детей, мы исходили из допущения, что речь идет или о полной семье, или (в случае развода или раздельного проживания) о контактах ребенка с обоими родителями, уровень образования которых был известен на момент проведения опроса.

Во-вторых, выделение трех групп (20-29 лет, 30-39 лет, 40 лет и старше) связано с необходимостью отследить влияние уровня образования респондентов и их родителей через призму возрастной составляющей. В данном случае мы ставили целью определить, сокращаются или увеличиваются различия между образованными и необразованным по мере взросления, и в каких возрастных группах эти различия максимальны, а в каких – незначительны или отсутствуют вовсе.

В-третьих, сужение объекта исследования до двух групп – «образованные родители и дети» и «малообразованные родители и дети» – было продиктовано намерением отследить крайние значения показателей, детерминированных переменными «уровень образования» и «возраст». Это позволит сделать выводы о подтверждении или опровержении *основной гипотезы исследования* – предположения о существовании положительной корреляции между уровнем образования детей и их родителей с одной стороны и такими переменными, как установки на сроки желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, самооценка здоровья, оценка условий жизни семьи, проблем и помех в реализации стратегий здоровьесбережения – с другой.

¹ В число регионов – участников исследования – вошли г. Москва, Ивановская, Московская, Вологодская, Волгоградская, Нижегородская и Свердловская области, Ставропольский край, Республики Башкортостан и Татарстан.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Начало изучения установок на индивидуальные сроки жизни (идеальные, желаемые и ожидаемые) было положено в отечественной науке А. И. Антоновым в рамках изучения самосохранительного поведения как «системы действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на установку продления срока жизни в пределах этого цикла» (Антонов, 2005: 320).

Изучение работ отечественных и зарубежных исследователей по проблеме

образовательных различий в смертности и продолжительности жизни позволило сделать вывод, свидетельствующий в пользу нашего предположения о *наличии положительной корреляции между уровнем образования и показателями желаемой и ожидаемой продолжительности жизни.*

Результаты анализа установок на сроки желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, полученные в ходе исследования «Демографическое самочувствие России», представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Установки на сроки желаемой и ожидаемой продолжительности жизни в зависимости от возраста, пола и уровня образования респондентов и их родителей, лет

Table 1

Preferences for desired and expected life expectancy depending on the age, gender and level of education of respondents and their parents, years

Уровень образования респондента и родителей / The level of education of the respondent and parents	Женщины / Women			Мужчины / Men		
	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older
Желаемая продолжительность жизни / Desired life expectancy						
Высокий / High	90	92	94	93	92	90
Низкий / Low	93	92	93	97	79	86
Ожидаемая продолжительность жизни / Life expectancy						
Высокий / High	74	79	82	75	77	76
Низкий / Low	63	77	84	82	72	76

Согласно представленным выше данным, желаемая продолжительность жизни образованных респондентов практически не зависит от пола и сохраняет относительную устойчивость с возрастом, незначительно увеличиваясь у женщин (с 90 лет среди 20-29-летних до 94 лет среди лиц старше 40 лет) и, напротив, столь же незначительно сокращаясь у мужчин (с 93 до 90 лет соответственно).

Среди респондентов с низким образованием устойчивость показателя характерна только для женщин, тогда как мужчин характеризуют значительные колебания установок с высоких значений у 20-29-летних, заметно превышающих уровни высоко образованных сверстников, до минимальных показателей в 30-39 лет и некоторого роста для мужчин старше 40 лет. Если рассматривать установки на долголетие исключая возрастной вектор, то у женщин желаемая продолжительность жизни не зависит от образовательного статуса респондентки и ее родителей (92 и 93 года соответственно у высоко- и малообразованных), а у мужчин разница существенная – 10 лет (92 и 82 года соответственно).

Анализ установок на *ожидаемую продолжительность жизни* показал наиболее устойчивые результаты в отношении группы высокообразованных мужчин. Независимо от возраста, значения показателей составили 75-77 лет.

В группе мужчин с низким образованием наблюдаются те же закономерности, что и в отношении желаемой продолжительности жизни, а именно – значительные колебания установок с возраста 82 лет у 20-29-летних (что на 7 лет больше показателя у их высокообразованных сверстников), до 72 лет в 30-39 лет и роста показателя до 76 лет для мужчин 40 лет и старше.

Что касается женщин, то для них, независимо от уровня образования, характерен рост показателя ожидаемой продолжительности жизни с возрастом. Среди высокообразованных – от 74 лет в группе 20-29-летних до 82 лет в группе женщин 40 лет и старше. Среди необразованных – от 63 до 84 лет (то есть, разница в значениях показателя у 20-29-летних и 40-летних составила более 20 лет в пользу последних).

Сравнительный анализ установок на желаемую и ожидаемую продолжительность жизни показал, что во всех группах независимо от пола и возраста респонденты ожидают прожить гораздо меньшее число лет, чем желали бы, демонстрируя разницу между показателями от 7 до 30 лет. При этом самая маленькая разница между показателями отмечена в группе малообразованных мужчин 30-39 лет (которые указали в качестве желаемой продолжительности жизни 79 лет, а в качестве ожидаемой – 72 года), а самая большая – в группе малообразованных женщин 20-29 лет (93 и 63 года соответственно).

Полученные результаты актуализировали проблему изучения *помех в реализации установок на желаемую продолжительность жизни*, субъективная оценка которых в зависимости от пола и уровня образования респондентов и их родителей представлена в Таблице 2.

Таблица 2

Оценка помех в достижении желаемой продолжительности жизни в зависимости от пола и уровня образования респондентов и их родителей, (считают значимыми, %)

Table 2

Assessment of obstacles to achieving desired life expectancy depending on the gender and level of education of respondents and their parents (considered significant, %)

Помехи в реализации установок на желаемую продолжительность жизни / Obstacles to the implementation of desired life expectancy settings	Высокий уровень образования респондента и родителей / High level of education of the respondent and parents		Низкий уровень образования респондента и родителей / Low level of education of the respondent and parents	
	женщины / women	мужчины / men	женщины / women	мужчины / men
Материальные и жилищные трудности / Material and housing difficulties	57,5	63,6	25,8	52,1
Желание жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая / The desire to live for your own pleasure, without denying yourself anything	40,1	40,3	21,7	36,6
Неуверенность в завтрашнем дне / Uncertainty about the future	72,7	67,3	27,1	78,5
Опасение одиночества в старости / Fear of loneliness in old age	61,9	57,2	29,1	60,2

Опасение бедности в старости / Fear of poverty in old age	78,1	76,1	42,1	63,9
Неудовлетворительная медицинская помощь / Poor medical care	85,5	82,4	45,2	70,1
Недостаточная социальная поддержка в старости / Insufficient social support in old age	73,8	77,2	45,5	70,0
Недостаточно возможностей для занятий физкультурой, оздоровительными видами спорта / Insufficient opportunities for physical education and recreational sports	50,6	58,8	49,4	62,7
Большая занятость, отсутствие времени для заботы о здоровье / Very busy, no time to take care of your health	72,1	69,2	35,5	51,9

В числе помех, в наибольшей степени препятствующих достижению желаемой продолжительности жизни, респонденты с высоким уровнем образования отметили: 1) *неудовлетворительную медицинскую помощь* (85,5% – женщины и 82,4% – мужчины); 2) *опасение бедности в старости* (78,1 и 76,1% соответственно) и 3) *недостаточную социальную поддержку в старости* (73,8 и 77,2% соответственно).

В группе малообразованных респондентов были получены аналогичные результаты с той лишь разницей, что для мужчин более значимым, чем опасение бедности в старости, стала *неуверенность в завтрашнем дне* (78,5 против 63,9%).

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что оценка помех мужчинами практически не зависит от уровня образования, демонстрируя в большинстве случаев незначительное снижение значимости от образованных к малообразованным. Что касается женщин, то при сохранении общей тенденции, разница в субъективной оценке помех между высокообразованными и малообразованными довольно существенна. При этом, женщины с высоким уровнем образования придают

помехам в разы большую значимость, чем малообразованные.

Оценка значимости помех образованными мужчинами также высока и практически совпадает с оценкой женщин из этой же группы, что может быть в том числе следствием лучшей информированности респондентов с высоким уровнем образования по данному вопросу. Это утверждение коррелирует с результатами ряда исследований, доказавших наличие навыков у более образованного человека к более полному и избирательному потреблению информации о здоровье и здоровом образе жизни, способность к ее критическому осмыслению и выбору правильных стратегий самосохранительного поведения (Моисеев и Троицкая, 2019: 48-49). В то же время, в группе малообразованных разница в оценке помех мужчинами и женщинами довольно существенная, причем мужчины с низким уровнем образования придают им существенно более высокую значимость, чем женщины.

Наряду с помехами в реализации установок на желаемые сроки жизни участники исследования «Демографическое самочувствие России» оценивали *условия жизни семьи*, а именно

финансовое положение, питание, свободное время членами семьи, а
обеспеченность предметами длительного пользования, одеждой и обувью, также психологическая атмосфера в семье
жилищные условия, проведение (Таблица 3).

свободного времени членами семьи, а также психологическая атмосфера в семье (Таблица 3).

Таблица 3

Оценка условий жизни семьи в зависимости от возраста, пола и уровня образования респондентов и их родителей (по 10-балльной шкале)

Table 3

Assessment of family living conditions depending on the age, gender and level of education of respondents and their parents (on a 10-point scale)

Уровень образования респондента и родителей / Education level of the respondent and parents	Женщины / Women			Мужчины / Men		
	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older
Финансовое положение / Financial position						
Высокий / High	6,8	6,1	5,9	6,8	6,0	6,5
Низкий / Short	5,5	6,1	6,3	5,7	6,1	5,9
Питание / Nutrition						
Высокий / High	9,0	6,8	6,4	9,0	6,2	7,1
Низкий / Short	4,6	6,6	7,4	6,7	5,7	6,4
Обеспеченность одеждой и обувью / Provision of clothing and footwear						
Высокий / High	7,0	6,7	6,5	7,1	6,1	7,0
Низкий / Short	5,0	7,0	7,3	7,3	6,3	6,4
Обеспеченность предметами длительного пользования / Provision of durable goods						
Высокий / High	7,5	6,7	6,4	7,3	6,3	7,0
Низкий / Short	6,3	7,0	6,8	7,0	6,8	6,5
Жилищные условия / Housing conditions						
Высокий / High	7,1	6,3	6,5	7,0	6,2	7,3
Низкий / Short	5,8	7,3	7,5	7,0	6,5	6,4
Уровень организации отдыха, проведения свободного времени членами семьи / Level of organization of recreation, spending free time by family members						
Высокий / High	6,7	6,2	6,2	6,5	6,0	6,5
Низкий / Short	6,3	6,8	6,5	7,3	6,3	5,7
Психологическая атмосфера семьи / Psychological atmosphere of the family						
Высокий / High	7,1	7,2	6,6	7,4	6,7	7,0
Низкий / Short	6,8	7,3	6,5	7,3	6,5	5,8

На этапе обработки результатов в качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о более низкой оценке условий жизни малообразованными респондентами, что перекликается с результатами, полученными в ходе аналогичных отечественных и зарубежных исследований. Одно из них, основанное на

данных Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), проведенного Росстатом с 2018 году, позволило О. А. Кислицыной сделать вывод о том, что негативное влияние низкого уровня образования на здоровье в значительной степени обусловлено плохим материальным положением, с большей вероятностью характерным для

соответствующей группы респондентов (Кислицына, 2023: 14).

Аналогичный вывод представлен в работе Н. Русиновой, утверждающей, что «проблемы со здоровьем у людей с невысоким образованием ... обусловлены в немалой мере неблагоприятными условиями жизни: низким качеством жилья, среды в месте жительства и на работе, отсутствием доступа к качественной медицине, нехваткой денег на оплату основных услуг, отсутствием товаров, считающихся необходимыми для нормальной жизни» (Русинова, 2019: 11).

Между тем, исследование демографического самочувствия россиян выявило более сложную картину. Так, при характеристике *финансового положения* своей семьи заметны различия в оценках, имеющие четкую возрастную специфику. В молодых возрастах различия в оценках максимальны в пользу образованных, что, скорее всего, связано с использованием родительских ресурсов на начальных этапах самостоятельной жизни. В среднем возрасте отсутствуют различия в оценке финансового положения между высоко – и малообразованными мужчинами и женщинами что, вероятно, связано с формированием семьи и рождением детей уже на основе собственных ресурсов семьи. В возрастах старше 40 лет оценки вновь различаются, но не существенно, при этом у мужчин – в пользу образованных, у женщин – наоборот, в пользу необразованных. Это связано с тем, что с возрастом оценки у образованных женщин снижаются, а у необразованных – растут. У мужчин, вне зависимости от образовательного уровня, оценки снижаются от молодых к средним возрастам, и вновь возрастают к более старшим.

По всем аспектам условий жизни, связанным с оценкой финансового положения (питание, обеспеченность одеждой и обувью, предметами длительного обихода, жилищные условия, уровень организации отдыха) характерны

аналогичные закономерности в молодых 20-29 лет и более старших возрастах (40 и старше). Образованная молодежь заметно выше оценивает отдельные параметры условий жизни в сравнении с необразованной, что особенно проявляется в отношении питания (9 баллов против 4,6-6,7 соответственно). У респондентов старше 40 лет оценка отдельных параметров условий жизни выше у образованных мужчин и необразованных женщин. И если для первых эта оценка сравнивается с той, что дают молодые образованные мужчины, то для вторых – заметно превышают ту, что дают молодые необразованные женщины. Что касается средней группы, то в ней различия оценок отдельных параметров условий жизни в зависимости от уровня образования или вовсе отсутствуют, или значительно меньше, чем в более молодых или старших возрастах. Однако, важно, что по большинству параметров (кроме финансового положения и питания) они выше у малообразованных, как мужчин, так и женщин. И хотя разница в оценках невелика, тот факт, что данные, полученные в отношении 30-39-летних респондентов отличаются от результатов по другим группам, дает основание для постановки гипотез. В качестве одной из них может выступать предположение о том, что более высокая (в сравнении с более образованными сверстниками) субъективная оценка большинства параметров условий жизни может быть обусловлена причинами, оставшимися за рамками исследования. Это может быть проживание с более образованным и/или более обеспеченным партнером, невысокий уровень притязаний и пр.

Безусловно, при анализе данных результатов необходимо учитывать разницу между реальным уровнем материального благосостояния и его субъективной оценкой. Одновременно с этим, необходимо принимать во внимание наличие не прямой, а опосредованной связи между образованием и уровнем

материального благосостояния, при которой связанные с ним преимущества сказываются на показателях здоровья и продолжительности жизни гораздо сильнее, чем «объективно определенное социально-экономическое положение населения» (Пол, Валтонен и Ковтун, 2019: 70). Результаты этого и ряда других исследований (Currie, 2006; Русинова, 2019; Карпова, Судова и Ширшикова, 2023) являются наглядным примером *посреднического анализа*, получившего широкое распространение в отечественной и зарубежной науке и связывающего «показатели социально-экономического положения со здоровьем населения через лишения» (Русинова, 2019: 10).

Что касается *психологической атмосферы в семье* – одного из важнейших факторов, влияющих на состояние здоровья и продолжительность жизни (Черкасов и

Киртадзе, 2018: 116-118), то ее оценка обнаружила положительную корреляцию как с возрастом, так и с уровнем образования респондентов и их родителей.

Так, респонденты 20-29 лет с высоким уровнем образования оценили психологическую атмосферу в семье на 7,3 балла (по 10-балльной шкале), 30-39 лет – 6,9 балла, 40 лет и старше – 6,8 балла.

Во всех возрастных группах малообразованных респондентов были зафиксированы соответственно и более низкие субъективные оценки психологической атмосферы в семье (20-29 лет – 7,0, 30-39 лет – 6,7, 40 лет и старше – 6,0).

Наличие стойкой положительной корреляции с уровнем образования наиболее ярко проявилось также и при оценке *существующих в семьях россиян проблем* (таблица 4).

Таблица 4

Оценка значимости существующих в семье проблем в зависимости от возраста, пола и уровня образования респондентов и их родителей (по 5-балльной шкале)

Table 4

Assessment of the significance of existing family problems depending on the age, gender and level of education of respondents and their parents (on a 5-point scale)

Уровень образования респондента и родителей / Education level of the respondent and parents	Женщины / Women			Мужчины / Men		
	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older
Нехватка денег, постоянные материальные проблемы / Lack of money, constant financial problems						
Высокий / High	2,2	2,5	2,5	2,3	2,8	2,7
Низкий / Short	4,3	3,1	3,5	2,3	2,4	3,3
Безысходность, отсутствие перспектив в жизни / Hopelessness, lack of prospects in life						
Высокий / High	2,2	2,4	2,2	2,5	2,5	2,2
Низкий / Short	3,3	3,2	3,0	2,7	2,8	3,1
Конфликтные отношения с родителями / Conflictual relationships with parents						
Высокий / High	1,6	2,0	1,6	2,2	2,2	1,6
Низкий / Short	1,8	2,5	2,8	2,0	2,7	2,2
Недостаток свободного времени / Lack of free time						
Высокий / High	2,6	2,8	2,8	2,8	3,1	2,5
Низкий / Short	3,3	1,9	2,9	4,0	2,7	3,2

Представленные выше данные наглядно демонстрируют более низкую значимость для высокообразованных респондентов (прежде всего, женщин)

таких проблем, как нехватка денег, отсутствие перспектив в жизни, конфликтные отношения с родителями и недостаток свободного времени. Исключением стали мужчины 30-39 лет, отметившие более высокую значимость проблем нехватки денег и свободного времени в сравнении со своими менее образованными сверстниками, что может быть связано с периодом активного карьерного роста или более высоких притязаний, характерных для мужчин данной возрастной группы.

Одним из интегральных и наиболее информативных показателей, характеризующих не только физическое самочувствие индивида, но и его социальное и психологическое благополучие, а также коррелирующий с установками на сроки ожидаемой продолжительности жизни, является *самооценка здоровья* (Журавлева, 2006: 57; Козырева и Смирнов, 2020).

На сегодняшний день в научной литературе представлено немало доказательств зависимости самооценки здоровья от уровня образования. К их числу можно отнести основанные на результатах эмпирических исследований выводы С.Н. Черкасова и И.Л. Соповой о высоких показателях самооценки здоровья и распространенности здоровьесберегающих форм поведения (в том числе, увеличении с возрастом уровня физической активности

и частоты следования принципам ЗОЖ на постоянной основе) у женщин с более высоким уровнем образования на протяжении всего репродуктивного периода (Черкасов и Сопова, 2020; Черкасов, Сопова и Полозков, 2021), а также выводы о лучшей самооценке здоровья и показателях здоровья, и более низкой смертности у людей с более высоким уровнем образования, полученные в ходе анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за период с 1994 по 2018 г., и изложенные в работах А. Р. Хабибуллиной, Е. А. Александровой и А. В. Аистова (Хабибуллина, Александрова и Аистов, 2021: 127), П. Пола, Х. Валтонена и Н. В. Ковтуна (Пол, Валтонен и Ковтун, 2019), а также М. А. Каневой (Канева, 2016). В частности, согласно представленным М. А. Каневой результатам, «шансы оценить свое здоровье как плохое для респондентов с неоконченным средним и начальным и средним профессиональным образованием были в 1,815 и 1,399 раз выше, чем аналогичные шансы у респондентов с высшим образованием» (Канева, 2016: 163).

Аналогичные результаты были получены и в рамках проведения исследования «Демографическое самочувствие России» (Таблица 5).

Таблица 5

Самооценка состояния здоровья в зависимости от возраста и уровня образования респондентов и их родителей, %

Table 5

Self-assessment of health status depending on the age and level of education of respondents and their parents, %

Самооценка состояния здоровья / Self-assessment of health status	Высокий уровень образования респондента и родителей / High level of education of the respondent and parents			Низкий уровень образования респондента и родителей / Low level of education of the respondent and parents		
	Женщины / Women			Мужчины / Men		
	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older
Хорошее / Good	62,1	51,5	40,7	44,4	34,8	25,0
Удовлетворительное /	32,6	44,7	54,6	33,3	43,5	62,5

Satisfactory						
Плохое / Bad	5,3	3,8	4,7	22,2	21,7	12,5

Представленные в таблице 5 данные (с учетом возраста и уровня образования, но без разбивки по полу) показывают общую тенденцию снижения с возрастом самооценки здоровья как «хорошего» при одновременном увеличении доли оценок его как «удовлетворительного». Из статистически значимых результатов можно отметить существенно большую долю тех, кто оценил состояние здоровья

как «плохое» среди малообразованных респондентов в сравнении с их более образованными сверстниками, а также сокращение этой разницы с возрастом (от 4,1 раза в группе 20-29 летних до 2,6 в группе 40-летних и старше).

Добавление в анализ параметра пола позволило сделать ряд дополнительных выводов (Таблица 6).

Таблица 6

Самооценка состояния здоровья в зависимости от возраста, пола и уровня образования респондентов и их родителей, %

Table 6

Self-assessment of health status depending on the age, gender and level of education of respondents and their parents, %

Уровень образования респондента и родителей / Education level of the respondent and parents	Женщины / Women			Мужчины / Men		
	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older	20-29	30-39	40 и старше / 40 and older
Самооценка здоровья как хорошего / Self-assessment of health as good						
Высокий / High	64,8	51,9	29,3	59,6	51,2	52,5
Низкий / Short	33,3	36,4	42,9	66,7	33,3	17,6
Самооценка здоровья как удовлетворительного / Self-assessment of health as satisfactory						
Высокий / High	28,6	46,4	64,2	36,2	43,4	44,1
Низкий / Short	66,7	47,3	42,9	33,3	58,3	70,6
Самооценка здоровья как плохого / Self-assessment of health as poor						
Высокий / High	6,5	1,7	6,5	4,1	5,4	3,4
Низкий / Short	-	16,4	14,3	-	8,3	11,8

Помимо вполне объяснимого для группы 20-29 летних респондентов отсутствия самооценки своего здоровья как «плохого», обращает на себя внимание увеличение с возрастом оценки здоровья как «хорошего» среди женщин с низким уровнем образования (с 33,3% в группе 20-29-летних до 42,9% в группе 40-летних и старше) и одновременно снижение его оценки как удовлетворительного.

Закключение (Conclusions).

Объединение в рамках изучения демографического самочувствия россиян

двух факторов – уровня образования и возраста позволило выявить закономерности, не проявившие себя ранее вне учета возрастной динамики.

Во-первых, несмотря на неоднократно описанную в научной литературе положительную корреляцию между уровнем образования и установками на индивидуальные сроки жизни, полученные нами результаты не дают оснований для столь однозначных выводов. В частности, в отношении желаемой продолжительности жизни не

зафиксировано значимой разницы в показателях у женщин (вне зависимости от возраста и уровня образования), а мужчины демонстрируют не только образовательную, но и возрастную дифференциацию.

Во-вторых, аналогичные результаты в отношении женщин были получены при субъективной оценке помех в реализации установок на желаемую продолжительность жизни. В отличие от мужчин (у которых эта оценка практически не зависит от уровня образования), женщины с высоким уровнем образования склонны оценивать помехи как гораздо более значимые, чем малообразованные. Эти результаты контрастируют с устоявшимися представлениями о положительной корреляции между уровнем образования и материальным благосостоянием и могут рассматриваться в качестве доказательства, как минимум, более высокой информированности образованных женщин об этих помехах, что и придает им, соответственно, большую субъективную значимость.

В-третьих, обнаружена более низкая в сравнение с более молодыми и старшими возрастными группами оценка мужчинами 30-39 лет условий жизни семьи (а именно – финансового положения, питания, обеспеченности предметами длительного пользования, одеждой и обувью, жилищных условий, психологической атмосферы в семье), независимо от уровня образования. Это может быть связано с созданием и расширением собственной семьи и увеличивающейся на этом фоне ответственностью за ее содержание, не совпадающей подчас с реальными возможностями мужчин, профессиональная карьера которых в этом возрасте еще только развивается.

В-четвертых, можно говорить о частичном подтверждении сформулированной во вводной части статьи гипотезы, поскольку некоторые из полученных результатов представляются

достаточно нелинейными или противоречивыми. Речь идет о таких выявленных в ходе анализа закономерностях, как более высокая субъективная оценка психологической атмосферы в семье (женщинами в сравнении с мужчинами и необразованными женщинами в сравнении с образованными) на фоне более низких оценок респондентами тех же групп условий жизни семьи (финансового обеспечения, жилищных условий, обеспеченности и т.д.); повышение с возрастом оценки здоровья как хорошего у женщин с низким уровнем образования, и пр. Это требует дополнительного изучения с привлечением не только количественных, но и качественных методов, призванных подтвердить или опровергнуть, а также объяснить полученные результаты.

Список литературы

- Андреев Е. М., Добровольская В. М. Социальная дифференциация смертности в России // *Здравоохранение Российской Федерации*. 1993. № 9. С. 18-21.
- Антонов А. И. Микросоциология семьи. Москва: ИНФРА-М, 2005. 368 с.
- Журавлева И. В. Отношение к здоровью индивида и общества. Москва: Наука, 2006. ISBN: 5-02-035368-X. EDN: QOGCON.
- Иванова А. Е., Землянова Е. В., Михайлов А. Ю., Головенкин С. Е. Различия смертности взрослого населения России по уровню образования // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2014. Т. 58, № 2. С. 4-8. EDN: SCLJQD.
- Иванова Е. И. Структурные и социальные факторы здоровья населения России // *Вестник РГГУ. Серия «Социологические науки»*. 2014. № 4. С. 138-155. EDN: SGMAXZ.
- Канева М. А. Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. Т. 12. Вып. 6. С. 158-171. EDN: TVSCHL.
- Карпова Г. В., Судова Т. Л., Ширшикова М. С. Капитал здоровья и его измерение //

Проблемы современной экономики. 2023. № 2(86). С. 36-41. EDN: MYLOLU.

Кислицына О. А. Социально-экономическое неравенство в состоянии здоровья: тенденции и гипотезы // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 2 (54). С. 1. EDN: YRNKJR.

Кислицына О. А. Восприятие россиянами несправедливости неравенства в доступе к услугам здравоохранения и детерминирующие его факторы // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 3 (61). С. 4. EDN: UUSABK.

Кислицына О. А. Социальные различия в состоянии здоровья россиян: роль материальных, психосоциальных и поведенческих факторов // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69, № 3. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-3-7. EDN: OZQMBI.

Ковальжина Л. С. Неравенство в отношении здоровья: социологический дискурс // Социодинамика. 2019. № 6. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29868 (дата обращения: 12.05.2024). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29868.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70-81. DOI: 10.31857/S013216250009116-0. EDN: MLJZHL.

Моисеева Д. Ю., Троицкая И. А. Социально-экономические детерминанты здоровья // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 42-59. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59. EDN: ZTLPIW.

Пол П., Валтонен Х., Ковтун Н. В. Социально-экономическое неравенство населения в области здоровья в постсоветской России // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 61-78. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00005. EDN: CQAUQD.

Пьянкова А. И., Фаттахов Т. А. Смертность по уровню образования в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21, № 4. С. 623-647. EDN: YLBIXB.

Русинова Н. Л. Социальные неравенства в здоровье: посредническая роль

материальных лишений и психологических ресурсов // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 3. С. 6-30. EDN: JTCQCC.

Русинова, Н. Л., Сафронов В. В. Социальные риски депрессии в Европе и России: значение демографии, образования и социального капитала // Социологический журнал. 2016. Т. 22, № 3. С. 82-106. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4586. EDN: WXDJWP.

Хабибуллина А. Р., Александрова Е. А., Аистов А. В. Оценки неравенства в здоровье россиян // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 117-138. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-117-138. EDN: TGEWCC.

Харькова Т. Л., Никитина С. Ю., Андреев Е. М. Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // Вопросы статистики. 2017. № 8. С. 61-69. EDN: ZGQIDL.

Черкасов, С. Н., Киртадзе И. Д. Влияние семейного окружения как социальной детерминанты здоровья на состояние здоровья в различных возрастно-половых группах // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 3-2(37). С. 116-118. EDN: YVSWGW.

Черкасов С. Н., Мартиросов А. В., Камаев Ю. О., Федяева А. В. Источники информации, используемые пациентами с разным уровнем образования при выборе врача // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № S6. С. 74. EDN: NMQOQN.

Черкасов С. Н., Сопова И. Л. Влияние уровня образования на самооценку здоровья женщин репродуктивного возраста // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. 2020. № 4 (21). С. 67-71. DOI: 10.25587/SVFU.2020.21.4.009. EDN: KGESJD.

Черкасов С. Н., Сопова И. Л., Полозков О. И. Влияние уровня образования как социальной детерминанты здоровья на распространенность здоровьесберегающих форм поведения // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2021. № 2. С. 100-107. DOI: 10.25742/NRIPH.2021.02.012. EDN: ABDUCS.

Adler N. E. Reaching for a healthier life: Facts on socioeconomic status and health in the

US. MacArthur Foundation Research Network on Socioeconomic Status and Health, 2007.

Currie J. Child health and human capital, NBER Reporter Online, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, Iss. Spring 2006. P. 11-14. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/61891/1/687943523.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).

Cutler D. M., Lleras-Muney A. Understanding differences in health behaviors by education // *Journal of Health Economics*. 2010. Vol. 29 (1). Pp. 1-28.

Grossman M. On the Concept of Health Capital and the Demand for Health // *Journal of Political Economy*. 1972. Vol. 80, № 2. Pp. 223-255.

Grossman M. On optimal length of life // *Journal of Health Economics*. 1998. Vol. 17. Pp. 499-509.

Lynch J. W., Smith G. D., Kaplan G. A., House J. S. Income inequality and mortality: importance to health of individual income, psychosocial environment, or material conditions // *British Medical Journal*. 2000. Vol. 320, № 7243. Pp. 1200-1204. DOI: 10.1136/bmj.320.7243.1200.

Mackenbach J. P. The Persistence of Health Inequalities in Modern Welfare States: The Explanation of a Paradox // *Social Science and Medicine*. 2012. Vol. 75, № 4. Pp. 761-769.

Monden C. W. S. Do measured and unmeasured family factors bias association between education and self-assessed health? // *Social Indicators Research*. 2010. Vol. 98, № 2. Pp. 321-336.

Valkonen T. Problems in the Measurement and International Comparisons of Socio-economic Differences in Mortality // *Social Science and Medicine*. 1993. Vol. 36, № 4. Pp. 409-418.

References

Andreev, E. M., Dobrovolskaya V. M. (1993), "Social differentiation of mortality in Russia", *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii*, (9), 18-21. (In Russian)

Antonov, A. I. (2005), *Mikrosotsiologiya semi* [Microsociology of the family], INFRA-M, Moscow, Russia.

Zhuravleva, I. V. (2006), *Otnoshenie k zdorovyu individa i obshchestva* [Attitude to health of the individual and society], Nauka, Moscow, Russia, ISBN: 5-02-035368-X, EDN: QOGCOH.

Ivanova, A. E., Zemlyanova, E. V., Mixajlov, A. Yu., Golovenkin, S. E. (2014), "Differences in adult mortality in Russia by level of education", *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii*, 58 (2), 4-8, EDN: SCLJQD. (In Russian)

Ivanova, E. I. (2014), "Structural and social factors of health of the population of Russia", *Vestnik RGGU. Seriya «Sotsiologicheskie nauki»*, (4), 138-155, EDN: SGMAXZ. (In Russian)

Kaneva, M. A. (2016), "Socioeconomic, behavioral and psychological determinants of self-assessment of health of Russians", *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost*, 12(6), 158-171, EDN: TVSCHL. (In Russian)

Karpova, G. V., Sudova, T. L., Shirshikova, M. S. (2023) "Health capital and its measurement", *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2 (86), 36-41, EDN: MYLOLU. (In Russian)

Kislitsyna, O. A. (2017), "Socioeconomic inequalities in health: trends and hypotheses", *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya*, 2 (54), 1, EDN: YRHKJR. (In Russian)

Kislitsyna, O. A. (2018), "Russians' perception of injustice and inequality in access to health services and the factors that determine it", *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya*, 3(61), 4, EDN: UUSABK. (In Russian)

Kislitsyna, O. A. (2023), "Social differences in the health status of Russians: the role of material, psychosocial and behavioral factors", *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya*, 69(3), № 3, EDN: OZQMBI. (In Russian)

Kovalzhina, L. S. diskurs (2019), "Health Inequality: A Sociological Discourse", *Sotsiodinamika*, 6, Online, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29868 (Accessed 12 May 2024). (In Russian)

Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2020), "Dynamics of Russians' self-assessments of health: current trends of the post-Soviet period", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (4), 70-81, DOI: 10.31857/S013216250009116-0, EDN: MLJZHL. (In Russian)

Moiseeva, D. Yu., Troiczka, I. A. (2019), "Socioeconomic determinants of health", *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 5 (3), 42-59, DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-42-59, EDN: ZTLPIW. (In Russian)

- Статья поступила в редакцию 04 февраля 2025 г. Поступила после доработки 03 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.*
Received 04 February 2025. Revised 03 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом здоровья и самосохранительного поведения института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Alla E. Ivanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behavior, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Вангородская Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, доцент,

главный научный сотрудник отдела здоровья и самосохранительного поведения института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Svetlana A. Vangorodskaya, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Department of Health and Self-Preservation Behavior, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Professor, Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316:354:351/354

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-2

Исследовательская статья

Скороход О. А.
Литаш-Сорокина Е. А.
Научный руководитель:
Василенко Л. А.

**Инновационный потенциал и риски
человекоцентрированного взаимодействия
молодых сотрудников с ИИ-ассистентами**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
проспект Вернадского, дом 82, строение 1, 119571, Москва, Россия
smorodinka_@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
проспект Вернадского, дом 82, строение 1, 119571, Москва, Россия
elena@lita.sh

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
проспект Вернадского, дом 82, строение 1, 119571, Москва, Россия
vasilenkola@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются возможности и перспективы применения искусственного интеллекта в профессиональной деятельности через парадигму человекоцентрированности. ИИ-ассистенты, построенные в подходе ориентации на человека могут выступить инновационным потенциалом молодых сотрудников в условиях цифровой трансформации. Проблема исследования состоит в том, что во взаимодействии «Человек-ИИ-ассистент» наблюдаются: недостаточная эмоциональная вовлеченность пользователей, риски цифровой зависимости у молодых сотрудников, недоверие к ИИ-решениям. Все это порождает необходимость адаптации к новым формам взаимодействия сотрудников с ИИ-ассистентами на основе коллаборации и коллегиального отношения. Целью статьи является изучение инновационного потенциала и рисков взаимодействия молодых сотрудников с ИИ-ассистентами на основе ценностей человекоцентрированности. В результате исследования авторы выявили достаточно высокое соответствие современных ИИ-ассистентов критериям человекоцентрированности (персонализации, безопасности, удобству интерфейса и др.), но при этом обнаружили ограничения в области реализации эмоционального интеллекта, а также риск возникновения профессиональной деформации у молодых специалистов. Авторы приходят к выводу: успешное взаимодействие с ИИ-ассистентами возможно при условии развития у них эмоциональных и коммуникативных возможностей, повышения прозрачности подготовки результатов, внедрении программ адаптации молодых специалистов

к работе с ИИ, соблюдения синергийного баланса между технологией и человекоцентрированными ценностями.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ; ИИ-ассистент; человекоцентрированное управление; молодые сотрудники; цифровая трансформация

Информация для цитирования: Скороход О. А., Литаш-Сорокина Е. А. Инновационный потенциал и риски человекоцентрированного взаимодействия молодых сотрудников с ИИ-ассистентами // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 203-217. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-2.

Research article

Olga A. Skorokhod

Elena A. Litash-Sorokina

Academic Supervisor

Liudmila A. Vasilenko

Innovative potential and risks of human-centered interaction between young employees and AI Assistants

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia
smorodinka_@mail.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia
elena@lita.sh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia
vasilenkola@mail.ru

Abstract. This article explores the possibilities and prospects of applying artificial intelligence in professional activities through the paradigm of human-centeredness. AI assistants, built on the principles of human-centricity and efficiency, can serve as an innovative potential for young employees in the context of digital transformation. The research problem lies in the fact that the “Human-AI Assistant” interaction exhibits the following issues: insufficient emotional engagement of users, risks of digital dependency among young employees, and distrust in algorithmic AI solutions. All this creates the need to adapt to new forms of interaction between young employees and AI assistants based on collaboration and collegial relationships. The purpose of the article is to examine the innovative potential and risks of young employees' interaction with AI assistants, grounded in human-centered values. The study's findings indicate that modern AI assistants demonstrate a relatively high alignment with human-centered criteria (personalization, security, interface usability, etc.). However, limitations were identified in the development of emotional intelligence, as well as risks of professional deformation among young specialists. The authors conclude that successful interaction with AI assistants is possible under the following conditions: enhancing their emotional and communicative capabilities, increasing the transparency of AI algorithms, implementing adaptation programs for young professionals to work with AI, and maintaining a synergistic balance between technology and human-centered values.

Keywords: artificial intelligence; AI; AI assistants; human-centric management; digital workplace transformation; young professionals; organizational adaptation

Information for citation: Skorokhod, O. A., Litash-Sorokina, E. A. (2025), "Innovative potential and risks of human-centered interaction between young employees and AI Assistants", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 203-217. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-2.

Введение (Introduction). Все чаще в современном мире люди передоверяют решение рутинных вопросов технологиям, разработанным на базе искусственного интеллекта (далее – ИИ). Проникновение ИИ-ассистентов началось с 2010 года, когда ведущие компании представили общественности виртуальных помощников, таких как: Siri (Apple, 2010), Alexa (Amazon, 2014), Cortana (Microsoft, 2014), Алиса (Яндекс, 2017), Салют (Сбер, 2020) и др. Так, к началу 2018 в мире года насчитывалось более десятка тысяч чат-ботов специализированного характера. Стимулом популярности виртуальных ассистентов можно считать момент презентации основателем Apple Стивом Джобсом Siri в iPhone.

По данным на январь 2025 года, более 987 млн человек в мире взаимодействует с ИИ-ассистентами и чат-ботами, которые стали незаменимыми помощниками в повседневных задачах, прежде всего, в коммерческом секторе (торговля – 41%, клиентский сервис – 37%).

Согласно мировым прогнозам, к 2029 году ожидается, что рынок ИИ-ассистентов и чат-ботов займет значительное количество пользовательских ниш, увеличившись, по сравнению с 2024 годом, в три раза¹.

Ключевыми характеристиками ИИ-ассистентов выступают:

- персонификация (учет профиля клиента, адаптации стиля общения под его предпочтения, учет контекста);
- возможность решения сложных, нетиповых задач и запросов, анализ

обращений и предложение решений на основе накопленных знаний;

- возможность дообучения под новые задачи, а не только готовность к работе по заданным изначально алгоритмам;

- возможность запоминать ход разговора и продолжать диалог на его основе;

- возможность интеграции в любые приложения, в том числе, в CRM, ERP системы и корпоративные порталы.

Сегодня широко используются как ИИ-ассистенты, так и чат-боты. Термин «чат-бот» ввели Шауар и Этвел для обозначения программы, которая имитировала человеческую беседу (Caldarini и др., 2022).

Стремительное развитие ИИ-технологий стимулирует эволюцию виртуальных помощников, в результате чего, более сложные и «умные» ИИ-ассистенты все больше сменяют распространенные ранее чат-боты, однако, на сегодня, лишь частично устраняя их несовершенства. Слабо проработанные мультимодальные смешанные интерфейсы взаимодействия с пользователем, игнорирование возможности определения и учета смыслового контекста в процессе взаимодействия и решения задач и др., в условиях широкого охвата и распространения использования ИИ-ассистентов, стимулированное массовыми ожиданиями прогресса возможностей ИИ, ставят перед научным сообществом задачу исследовать виртуальных помощников человека (ИИ-ассистентов, чат-ботов и т.п.) не только с утилитарной точки зрения потребления и разработки, но и в контексте оказываемого влияния их инновационной природы на человека и общество,

¹ Kumar N. 65 Chatbot Statistics for 2025 – New Data Released. URL: <https://www.demandsage.com/chatbot-statistics/> (Accessed 1 May 2025).

привлекая внимание к ориентации на человека в сферах государственного и корпоративного управления, отмечаемый аналитиками как один из главных трендов 2024-2025 годов (10 главных российских HR-трендов, 2025). Выполнять эту задачу предстоит молодым кадрам, что потребует изменения подходов формирования инновационного потенциала и способности выстраивать человекоцентрированные системы взаимодействия сотрудников с ИИ-ассистентами (виртуальными помощниками).

В связи с вышесказанным, целью статьи определено выявление возможностей и проблем ИИ-ассистентов в человекоцентрированном взаимодействии молодых сотрудников и ИИ-ассистентов. Под человекоцентрированностью авторы понимают подход, при котором центром системы и главным приоритетом выступает человек, его потребности, чувства, ценности, мотивы, приоритеты, интересы и права. ИИ-ассистент рассматривается как технология, которая уже сегодня частично способна заменить функции, ранее закрепленные за человеком. Анализируя поведение пользователей, он становится все более способен к решению сложных задач, встречаемых им впервые, благодаря работе с большими данными.

Методология и методы (Methodology and Methods). В исследовании теоретический анализ реализован через систематизацию научных концепций, посвященных человекоцентрированности, ИИ-зрелости, доверию к технологиям, дополненных критическим обзором международного и российского опыта по внедрению ИИ-ассистентов.

ИИ-зрелость организации в синергичном взаимодействии человека и виртуального помощника. Ключевым фактором успешности внедрения ИИ-технологий выступает ИИ-зрелость организации. Она предполагает создание среды, где сотрудники могут работать автономно, минимизируя запросы другим подразделениям, сохраняя эффективность в

решении совместных задач, получая информацию своевременную и из проверенных источников, а также экономя рабочее время путем оптимизации рабочих процессов.

Синергичность достигается за счет эмерджентного эффекта, когда совместная работа человека и ИИ-ассистента превосходит простую сумму возможностей, которую предоставлял бы каждый из участников в отдельности. Она достигается через взаимодополняемость компетенций (когда сотрудником обеспечивается устойчивость и принятие решений в том числе с точки зрения этики, контекстность понимания нюансов и эмоциональный интеллект, а ИИ-ассистентом привносится скорость обработки данных, подготовка рекомендации, автоматизация операций).

Коэволюция технологии и пользователей обеспечивается через адаптивность ИИ-ассистента к обучению с параллельным процессом развития цифровых навыков молодых сотрудников. Сбалансированность распределения ролей реализуется через способность ИИ к обработке значительного количества типовых запросов, которая способствует высвобождению рабочего времени сотрудников для решения сложных задач. ИИ-зрелость организации в синергичном взаимодействии между человеком и виртуальным помощником предлагается оценивать через изучение возможностей, потенциала и рисков.

Изучение возможностей включает анализ потенциала и эффективности новых функций ИИ-ассистентов: расширения сервиса ИИ (число новых функций, скорость обработки запросов и точности решений), оптимизации процессов (исследование снижения нагрузки на персонал и экономии рабочего времени за счет имплементации ИИ-ассистентов, а также автоматизации рутинных, аналитических и, частично, творческих задач).

Потенциал оценивается через систему показателей ИИ-зрелости организации,

включая: организационную готовность (уровень цифровизированных процессов, разработку ИИ-стратегии и инвестиций в ИИ-инфраструктуру), кадровый потенциал (готовность молодых сотрудников к работе с ИИ-ассистентами, уровень доверия к ним), технологическую базу (интеграция с корпоративными системами, например, с CRM; скорость внедрения инноваций).

Риски могут быть изучены путем рассмотрения частоты возникновения технологических сбоев, в том числе «галлюцинаций» ИИ на сложных запросах, степени прозрачности алгоритмов, зависимости работы от поставщиков решений, организационных проблем (сопротивление изменениям в среде сотрудников, в том числе молодых, недостаток компетенций для работы с ИИ и проблемы интеграции проектов, социально-этических рисков (формирования цифровой зависимости, конфиденциальность данных и юридические риски).

Таким образом, достижение уровня ИИ-зрелости становится возможным путем синергичности технологических возможностей в сбалансированности развития трех компонентов: реализации новых возможностей путем расширения функционала, накопление потенциала за счет роста ИИ-зрелости организации и минимизации всего спектра рисков через обучение, прозрачность и правовое регулирование.

Человекоцентрированность и доверие как факторы синергичности взаимодействия человека и виртуального помощника. Методология исследования базируется на комплексном и системном подходе (анализ ИИ-ассистентов как особых элементов в человекоцентрированной системе управления), теории диффузии инноваций Э. Роджерса (Rogers, 1971) и Г.Орра (Orr, 2003) для целей анализа этапов распространения технологий, концепции доверия П. Штомпки (Штомпка, 2012) применительно к процессам взаимодействия между человеком и ИИ, а

также принципах Agile и человекоцентрированности.

К. Роджерсом человекоцентрированность понималась как такая система взглядов, которая основывается на доверии к человеку (Rogers, 1961). По модели Э. Роджерса, развитие инноваций – процесс поэтапный: от новаторов (их не более 2,5%), которые готовы мириться с несовершенством новшеств, к ранним последователям (их 13,5%), которые оценивают практическую пользу. Преодолевая «пропасть Мура», технология становится востребованной ранним большинством (34%), а затем уходит в массовое использование. Распространение инновации происходит через доверие пользователей на основе удовлетворения ожиданий, соответствующих типу аудитории. Человеку «доверяющему» необходимы точки опоры, поэтому он ориентируется на личный опыт, нормы культуры и информацию о надежности объекта: чем больше у человека знаний об объекте доверия, тем легче ему принять решение (Штомпка, 2012: 167). Высокий уровень технологического доверия к продуктам генеративного ИИ в решении различного рода задач, созданных OpenAI¹, удивили даже самых опытных исследователей ИИ (Merz, 2025). Применение ИИ-ассистентов формирует качественно новые возможности человекоцентрированного взаимодействия. Так, в корпоративной культуре, ориентированной на сотрудника, приоритетными выступают их потребности, а благополучие прямо влияет на результативность работы компании (Штроо, 2016: 92). В государственном управлении такой подход реализуется через политику, направляемую на нужды и качество жизни граждан (Тихонов, 2021); (Ваславский, 2023: 74).

¹ OpenAI – исследовательская организация Илона Маска и Сэма Альтмана, занимающаяся разработкой и продвижением дружественного искусственного интеллекта. Прим. Авт.

Одной из методологий социологического измерения человекоцентрированности выступает Индекс человекоцентричности, разработанный Корпоративной Академией Росатома совместно с Высшей школой экономики (Субиндекс «Сотрудники» оценивает практику компании по отношению к персоналу, гарантии его безопасности, условия для развития. Субиндекс «Сообщество» измеряет качество социальной политики на территориях ее присутствия. Согласно результатам исследования 2022 года человекоцентрированности компаний РФ, стран СНГ, БРИКС (N=120, 2022 и N=320, 2023), средний индекс человекоцентрированности компаний составил 52 балла, а среднее значение субиндекса «Сотрудники» выше среднего значения субиндекса «Сообщество» (57 и 46 баллов, соответственно). Данные свидетельствуют об ориентированности исследуемых организаций в большей степени на внутренний контур, чем на внешний². К 2023 году субиндекс «Сообщество» заметно подрос – с 46 до 55 баллов, в то время как субиндекс «Сотрудники» незначительно снизился – с 57 до 55 баллов, ориентация на внешний и внутренний контур пришла в равновесие (10 главных российских HR-трендов, 2025).

На основе подходов К. Роджерса и Индекса человекоцентрированности авторами приняты следующие ключевые показатели ориентированного на человека взаимодействия сотрудника и ИИ-ассистента: 1) «эмпатия» (безусловность принятия и эмпатии); 2) «сопереживание» (поддержка через сопереживание процессов развития); 3) «самовыражение» (открытость самовыражения в общении); 4) «интерфейс» (интуитивно понятный интерфейс); 5) «персонализация» (взаимодействие на

основе персонализации и этики); 6) Безопасность (защита данных, сохранение конфиденциальности и 7) Прозрачность (прозрачность алгоритмов). В исследовании применены следующие показатели ИИ-ассистентов: 1) безусловное принятие и эмпатия; 2) поддержка развития пользователя; 4-3) самовыражение ассистента; 5-4) интуитивность интерфейса; 3-5) персонализированное взаимодействие; 6) этичность и безопасность и 7) прозрачность алгоритмов.

Авторы отмечают также необходимость учета следующих рисков: 1) цифровая зависимость пользователя, способная усилить пассивное потребление (переложить гражданские и социальные задачи на ИИ) (Зотов, Василенко, 2023); 2) непрозрачность в работе ИИ и так называемые «галлюцинации», недостоверность результатов и необходимость в постоянной верификации; 3) юридические риски (выражаются в возможных судебных последствиях из-за совершенных ошибок по результатам запросов к ИИ).

Комплексный анализ процессов встраивания ИИ в модель человекоцентрированных деловых процессов. В ходе исследования сбор информации о структуре аудитории, с выделением сегмента молодежной аудитории, и особенностях поведения, восприятия ее представителей сервисов виртуального ассистента, произведен в сочетании с анализом профилей сотрудников с помощью методов дизайн-мышления и Customer Development.

Методика дизайн-мышления основана на наблюдении с эмпатией за тем, как специалисты взаимодействуют с окружением. Используется итеративный и практический подход к созданию инновационных решений, рассматривается как один из наиболее эффективных способов решения сложных проблем, которые не имеют логического обоснования внедрения инновации в

² Козлов И. Глава HR «Росатома» – о новой концепции человекоцентричности. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/655751229a7947ba0efe5608> (дата обращения: 04.05.2025).

продукты и услуги. Из наиболее распространенных результатов дизайн-мышления выделяется построение клиентского опыта, благодаря расстановке приоритетов среди потребностей пользователей³. Customer Development, метод проверки гипотез о партнерах, потребителях и продукте, применялся с целью построения портрета рассматриваемой целевой аудитории и анализе ее поведения. Для сбора данных качественных методов использованы глубинные интервью (2020 г. – N=29; 2022 г. – N=30). Онлайн-опрос (анкетирование) (2023 г. – N= 395) был проведен с использованием сервиса Oprossio.

Оценка удовлетворенности сотрудников в целом и сервисов ИИ-ассистента в отдельности, как формы обратной связи, проведена с использованием индекса CSI (Customer Satisfaction Index – «индекс удовлетворённости клиентов») – количественный показатель, который измеряет уровень удовлетворённости людей и включает выявление мнений и потребностей, оценку эффективности рабочих процессов, выявления зон оптимизации⁴. Были определены значимые для молодых сотрудников параметры ИИ-ассистента и его сервисов, проведена оценка их весов важности (от 1 до 10). Сбор данных для расчета значения коэффициента был проведен путем онлайн-опроса (анкетирование) с использованием сервиса Oprossio (2023 г. – N= 461).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Согласно обнародованному проекту «Методических рекомендаций по оценке готовности использования искусственного

интеллекта органами местного самоуправления» АНО «Цифровая экономика» в 2024 году, ИИ-ассистенты в сфере государственного управления призваны обеспечить повышение уровня автоматической обработки входящих запросов до 60%, а повышение числа автоматически обрабатываемых обращений – до 90%. Безусловно, речь идет не только о количестве, но и о качестве персонализированной работы с населением, что подчеркивает важность человекоцентрированного вектора государственного управления.

Робот Макс усовершенствован по итогам апробации чат-бота 2019 года и представлен пользователям в 2024 году. В ходе проведенного исследования нами выявлен следующий состав функций, осуществляемых этим виртуальным помощником, которые отвечает требованиям показателей «персонализация», «интерфейс» и «безопасность», то есть:

- мультимедийная и мультирегиональная интеграция с платформами и сервисами государственных услуг, государственными информационными системами, способность действовать как единый информационный центр по принципу «одного окна»;
- функция персонализации, обеспечивающая персонализированные уведомления, рекомендации, напоминания и ответы на запросы;
- удобный доступ граждан к услугам со всех устройств, ввод понятных по содержанию вопросов и вывод ответов, включая голосовой формат;
- функции планирования и персонализированного напоминания о приеме граждан в государственных учреждениях;
- функции подготовки отчетности, оперативной обработки данных и многоаспектной аналитики, выявления закономерностей и тенденций потенциальных потребностей граждан,

³ Tuttle G. (2025) What is design thinking and why is it important? URL: <https://www.wework.com/ideas/professional-development/creativity-culture/what-is-design-thinking> (Accessed 3 May 2025).

⁴ Показатель CSI: что означает и как правильно рассчитать. URL: <https://yandex.ru/adv/edu/materials/csi> (дата обращения: 03.05.2025).

эффективного распределения государственных ресурсов.

Однако, пока нельзя говорить о реализованных у Робота Макса возможностях дообучения в процессе взаимодействия, также как о динамическом получении и использовании данных о контексте и ситуации пользователя. Более того, Робот Макс работает только с официальной базой «Госуслуг» и не имеет прямого доступа к тому, что называется персональными данными пользователя⁵. Это полностью отвечает принципам конфиденциальности (показатель «безопасность»). Отметим, что в основе ИИ-помощника находятся две отечественные генеративные нейросети, которые позволяют формулировать и выдавать точные и выверенные ответы. В результате, ассистентом оказывается персонализированная помощь, он умеет анализировать запрос в его контексте в единстве с ситуацией пользователя, чтобы предложить пошаговую инструкцию под конкретные нужды. Однако, при этом он ограничивается лишь рекомендациями в решении вопросов, но не решает стоящую перед человеком задачу. Вместе с тем, Робот Макс строго следует принципам выдачи только достоверной информации, никогда не придумывает ответы, отвечает уважительно, опирается только на проверенные данные (показатели «эмпатия», «персонализация», «безопасность»).

Разработчики создали для технологии облик, который способствуют формированию доверия пользователей – это стало возможным после проведения масштабного исследования, где текущий облик был выбран из 50 возможных вариантов (Кряжев, 2024). Такой подход к дизайну и персонализированность общения помогают чувствовать пользователям, что

их ценят и понимают (показатели «эмпатия» и «развитие»).

В целом, исследование ИИ-ассистентов на примере флагамена цифровой технологии в российском государственном управлении – Робота Макса, привело к выводам, что, хотя он частично и соответствует предложенным выше критериям человекоцентрированности, однако, все еще требует существенных доработок, чтобы стать полноценным ИИ-ассистентом гражданина. Не удалось также выявить соответствие по показателю «самовыражение», что свидетельствует о недостаточной проработке функции самовыражения и самоидентификации, которые отражались бы в ходе диалога с пользователем и делали его более интересными и личностно-ориентированным.

В рамках второго исследования, проведенного под руководством Е. А. Литаш-Сорокиной в 2020-2024 гг. (Литаш-Сорокина, 2023) на периметре зрелой цифровой организации (прошла путь крупнейшей цифровой трансформации, реализует проекты цифровой трансформации как бизнес-организаций, так и стратегических государственных задач; одним из приоритетов выступает встраивание ИИ в человекоцентрированную модель деловых процессов⁶), была изучена структура аудитории, особенности ее поведения и восприятия, с целью планирования и приоритизации создания сервисов виртуального ассистента для поддержки сотрудников, для гармоничной, отвечающей потребностям имплементации сервисов в рабочую среду сотрудника.

В исследовании были использованы эмпирические методы, такие как: дизайн-мышление и customer-development, направленные на изучение профилей сегментов аудитории и исследования ее потребностей. Изучение профилей сотрудника (2021 г.) выявило следующие

⁵ Кряжев А. «Госуслуги» запустили обновленного «Робота Макса» с генеративным ИИ. URL: <https://ria.ru/20241211/gosuslugi-1988701474.html> (дата обращения: 03.05.2025).

⁶ СбепПро. URL: <https://sber.pro/digital/>.

сегменты: общение с клиентами;
сопровождение деятельности других;
разработка продуктов в различных

подразделениях; линейные,
функциональные лидеры подразделений
(Таблица).

Таблица

Описание характеристик Персон (профилей сотрудников) в сегментах

Table

Description of Person (employee profile) characteristics in segments

Линейные, функциональные лидеры подразделений (лидер) Ср. возраст: 35+ / Line, functional divisional leaders (leader) Average age: 35+	Разработка продуктов в различных подразделениях (бэк) Ср. возраст: 30 / Product development in various departments (back) Average age: 30
Сопровождение деятельности других (сервис) Ср. возраст: 32 / Support for other activities (service) Average age: 32	Общение с клиентами (фронт) Ср. возраст: 27 / Customer communication (front) Average age: 27

Наряду с общими ожиданиями автоматизации процессов, персонализации, снижении информационного шума, удобства оптимизации работы, решения проблем, взаимодействия с коллегами, быстрым доступом данным – первые результаты исследований (2021г.) показывали общее недовольство качеством работы, смешение недовольства с историческим опытом взаимодействия с другими чат-ботами и ассистентами. Сотрудниками отмечались такие недостатки как: частые ошибки в трактовке вопросов, неточность в ответах, ограничения по полезности (эффективная работа только на простых задачах, например, прокладывании маршрутов, установки напоминания и др.), а также недостаточности в интеграции с корпоративными системами. Ключевой была названа проблема отсутствия доверия к виртуальным помощникам. Сотрудники зачастую обращались к ИИ-ассистенту из любопытства, либо же крайней необходимости, нежели в целях получения полезного результата. Этот негативный аспект опыта подчеркивал необходимость наряду с модификацией технологии сформировать у пользователей доверие к ИИ-ассистентам (Merz, 2025).

Одновременно с этим, проводимые исследования выявили привычные простые и полезные для эффективной работы паттерны поведения сотрудников. Например, сотрудники по несколько раз в течение дня обращались к различным сервисам с целью: создания позитивной атмосферы в команде, переключения внимания для восстановления ресурса в ходе интенсивного дня, др.

Согласно выявленным приоритетам, вместе с реализацией функциональных сервисов, с 2021 года разрабатывались и внедрялись «поддерживающие» сервисы для сотрудников, с потенциалом частотного использования и/или вирусного распространения между сотрудниками цифровой организации для роста вовлечения в использование виртуального помощника. В результате чего, в ходе проводимой ежеквартальной оценки CSI на горизонте первого года работы развития ИИ-ассистента, была обнаружена положительная динамика (значения подтверждались вплоть до 2024 года, далее исследование не проводилось) уровня удовлетворенности пользователей сервисами – 98.5%, CSI ассистента в целом до 97% (рост от S 80%) (рисунок 1), с одновременным ростом его активной

аудитории – MAU (MonthlyActiveUsers) — количества уникальных пользователей ИИ-ассистента за месяц без учета

повторных сессий, в два раза в течение года.

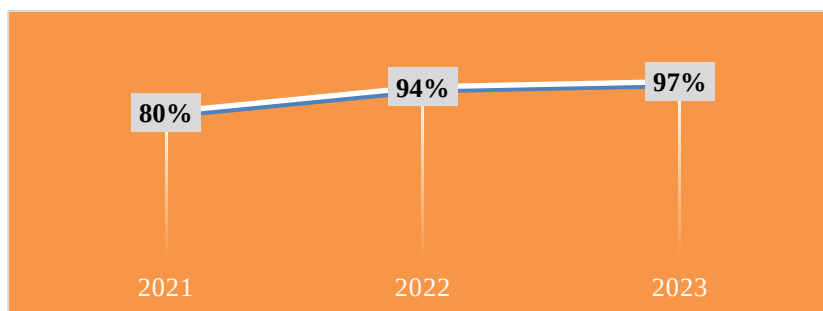

Рисунок 1. Динамика роста показателя удовлетворенности (CSI) сотрудников виртуальным ассистентом

Figure 1. Dynamics of the growth of the employee satisfaction index (CSI) of the virtual assistant

Наряду с топ-запросами из набора возможностей ассистента фиксировались запросы об обучении, «поздравление с праздниками» (отправка поздравительных

открыток) и «минута отдыха», предоставляющая различные возможности для снятия стресса и переключения внимания (рисунок 2).

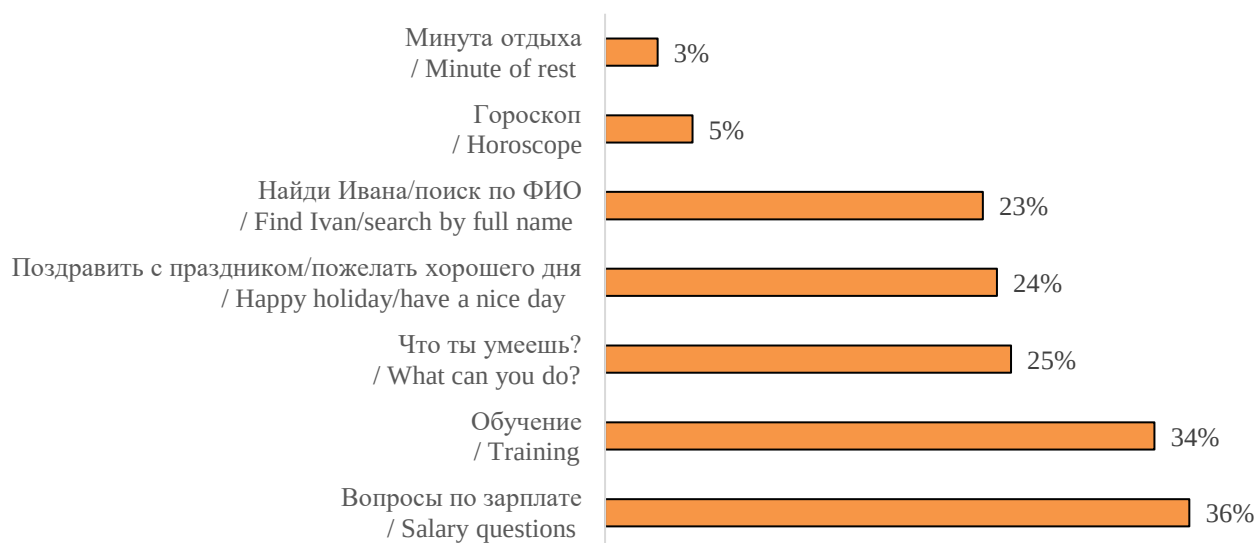

Рисунок 2. Пример распределения ответов на вопрос «Какие навыки⁷ виртуального ассистента вы использовали?» по результатам опроса в 1Q 2023

Figure 2. Example of the distribution of answers to the question “What virtual assistant skills did you use?” based on the results of the survey in 1Q 2023

⁷ Навык виртуального ассистента – функциональный модуль или «умение» ИИ-помощника, который позволяет ему выполнять определенные задачи (например, управлять календарем, искать фильмы, осуществлять финансовые операции) в ответ на запрос пользователя. Эти навыки основаны на технологиях искусственного интеллекта, включая обработку естественного языка и распознавание намерений пользователя (интенгов), чтобы предоставлять релевантные и полезные ответы или действия.

Эти результаты позднее нашли отражение в результатах опроса сотрудников Agile-периметра (N=395), проведенного в конце 2023 года. У них выявлена направленность на решение рабочих задач и саморазвитие – свободное

время расходовалось на обучение или умственную деятельность, направленную на саморазвитие (Рисунок 3), а перерывы на короткий отдых – для восстановления продуктивности (Рисунок 4).

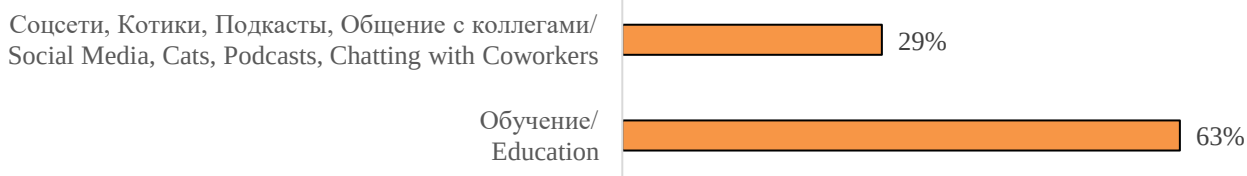

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Что вы делаете, когда появляется свободное время?»

Figure 3. Distribution of answers to the question “What do you do when you have free time?”

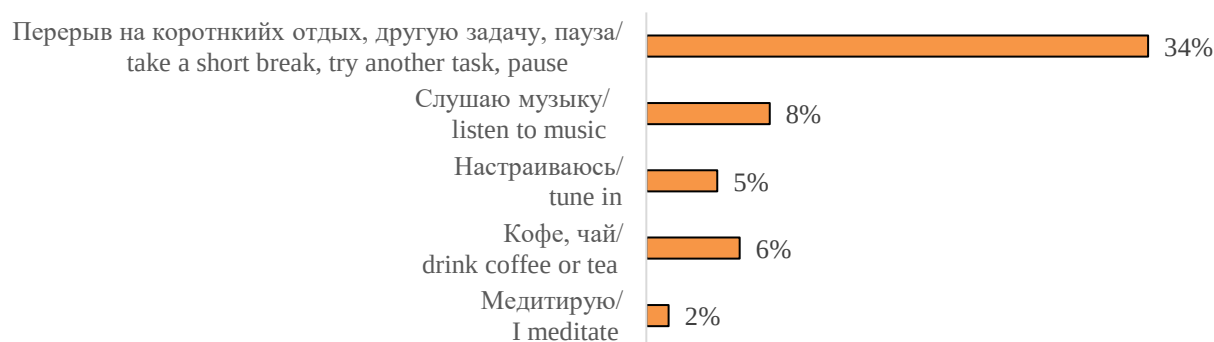

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Что вы делаете, когда не можете сосредоточиться?»

Figure 4. Distribution of answers to the question “What do you do when you can't concentrate?”

Как показывают исследования авторов, ключевым аспектом развития человекоцентрированности ИИ-ассистента (ориентации работы на решении задач сотрудника) является не только количественный рост автоматизации, но и качество персонализированного взаимодействия с пользователями.

Робот Макс частично соответствует предложенным критериям человекоцентрированности, однако, у него существуют зоны роста в полноценном решении стоящих перед пользователем задач, понимании контекста пользователя, а также в проработке способности к самовыражению и организации личностно-ориентированного диалога. В отсутствии реализации все перечисленное в отдельности и совместно может

ограничивать эмоциональную вовлеченность пользователей и конечную полезность, несмотря на общую техническую эффективность ассистента.

Изучение виртуальных ассистентов зрелой цифровой организации в начале разработки ИИ-ассистента (2020 году) обнаружило две ключевые проблемы: (1) низкий уровень доверия пользователей в виду ошибок интерпретации запросов и (2) ограниченная полезность ассистентов в решении сложных задач. Было отмечено также, что благодаря направленному развитию ассистента, с опорой на исследование аудитории и ее потребностей, уже через 3 года, фиксировался устойчивый рост использования и доверия (удовлетворенности).

Полученные данные показывают дихотомию в развитии ИИ-ассистентов: с одной стороны, в государственном секторе акцент делается на безопасность и точность, что в свою очередь ограничивает полезность в следствие реализации необходимых для этого ограничений по работе с данными, а также недостаточном внимании к возможностям эмоционального взаимодействия; с другой – в корпоративной среде зрелой цифровой организации персонализация сервисов подтверждается как ключевой фактор успеха, который, вместе с тем, все еще сочетается с недоверием сотрудников к технологии в следствие сформировавшихся стереотипов предыдущего опыта использования виртуальных помощников.

Таким образом, критическим фактором становится стремление к балансу между человекоцентрированностью и функциональностью: персонификации, эмоциональной составляющей, доверия и полезности. Как показали результаты, даже при наличии высокой технологической оснащенности, отсутствие доверия и эмоциональной вовлеченности может снижать эффективность внедрения ИИ-технологий.

Настоящее исследование подтверждает важную роль ИИ-ассистентов в повышении производительности и удовлетворении молодых сотрудников. Они становятся важными инструментами, помогающими справиться с растущим объемом задач и требований современной рабочей среды. Однако успех взаимодействия зависит от соблюдения принципов человекоцентрированности, что подразумевает учёт индивидуальных особенностей и потребностей каждого работника. Обобщим итоги проведенного исследования по трем ключевым показателям: возможности, потенциал и риски.

Возможности. Исследование показало, что применение ИИ-ассистентов сотрудниками зрелой цифровой

организации, демонстрируют высокий уровень результатов: растет уровень обработки запросов, доля решенных автоматически обращений, проводится оперативная аналитика запросов, растет индекс автоматизации рутинных операций. Способствует этому стремление молодых сотрудников (<45 лет, ВОЗ) к изучению нового и саморазвитию, поскольку фундаментом зрелой организационной культуры зрелой цифровой организации является постоянная готовность к изменениям.

Потенциал. Показатели сотрудников зрелой цифровой организации по потенциалу иллюстрируют быстроту освоения функций, активность в использовании расширенных возможностей и высокую частоту взаимодействий с ИИ-ассистентами. По показателю потенциала отмечается рост MAU (почти в два раза), рост удовлетворенности ИИ-ассистентами и динамика в CSI с 80 % до 97 %, быстрое формирование паттерна использования ИИ. Изучение потенциала ИИ на примере Робота Макса показало соответствие четырех из семи критериев человекоцентрированности, реализуется персонализация на основе не менее 12 параметров пользователей и осуществляется интеграция с государственными сервисами (показатели «персонализация», «интерфейс» и «безопасность»). При этом ограничения потенциала выступают в недостаточности проработки эмоционального интеллекта ИИ (показатель «эмпатия», «сопереживания»), прозрачности подготовки результатов («прозрачность», одновременно с сохранением скепсиса к практической полезности ИИ-ассистентов (до 35%); присутствует также дефицит критического восприятия рекомендаций ИИ.

Риски. Сложности отмечаются в том, что, благодаря «эффекту новизны», многие сотрудники первоначально относятся к ИИ как к развлечению, вместе с тем, могут испытывать завышенные ожидания от его возможностей, поверхностно

взаимодействовать с ИИ, без погружения в глубину освоения его функций. «В совместном эволюционном развитии начинает оформляться тенденция вытеснения самого человека этими искусственными саморазвивающимися системами, в которых всё более проявляются человеческие качества. Человек при этом не всегда готов нести ответственность за последствия и качество воссозданного искусственного образа себя. (Василенко, Мещерякова, 2023). Критические ограничения по показателю рисков ИИ-ассистента выступают: технологические (частота ошибок в сложных запросах составила 3-5 %, ограниченность в полезности в нестандартных запросах и проблемы интеграции с другими системами), организационные (дефицит доверия персонала к ИИ, сопротивление изменениям и нехватка цифровых ИИ-компетенций), эмоциональные (недостаток самовыражения у ИИ-ассистентов).

В целом, синергичность возможна тогда, когда ИИ-ассистент из инструмента переходит качественно в статус «коллеги», усиливая, но не заменяя, человеческие способности. Ключевыми условиями здесь выступают ИИ-зрелость организации и готовность сотрудников к коллаборации с технологиями.

Заключение (Conclusions).

Исследование продемонстрировало значительный потенциал ИИ-ассистентов в содействии профессиональному росту и повышению производительности молодых сотрудников. Оно подтвердило, что внедрение технологий на основе искусственного интеллекта должно учитывать принципы человекоцентрированности, обеспечивая персонализацию, безопасность и удобное взаимодействие. Одним из ключевых выводов исследования является необходимость достижения синергетического эффекта между технологией и человеком. Чтобы добиться устойчивого положительного результата,

важно сочетать достоинства ИИ с уникальными качествами человеческих кадров, такими как креативность, интуиция и морально-нравственные ценности.

Выявлены ограничения текущих моделей ИИ-ассистентов, касающиеся эмоционального интеллекта и потенциальной угрозы цифровой зависимости.

Поверхностность взаимодействия с ИИ, снижение уровня критичности мышления, когнитивных функций, эмоциональная отстраненность. Наиболее перспективным видится подход, основанный на синергичности взаимодействия, при котором за ИИ останутся рутинные операции и работа с базовыми запросами, а сотрудникам останется решение нестандартных творческих и стратегических задач. Подобный подход не только повысит эффективность взаимодействия технологий и человека, но и поддержит молодых сотрудников в профессиональном росте. При этом, без решения проблем прозрачности алгоритмов, эмоциональной вовлеченности и доверия потенциал ИИ-технологий также остается не до конца раскрытым.

Будущие исследования должны сосредоточиться на углубленном изучении синергетического эффекта взаимодействия человека и ИИ, оценивая степень влияния технологий на профессиональные компетенции и личное благополучие сотрудников. Важнейшими направлениями являются оптимизация процесса внедрения ИИ в организацию, минимизация негативных последствий и укрепление доверия к интеллектуальным ассистентам. Важным направлением будущих исследований станет детальное изучение долгосрочных эффектов использования ИИ-ассистентов на профессиональное развитие сотрудников и их личные качества. Требуются дополнительные усилия для оценки воздействия технологий на карьерный рост, самооценку и мотивацию сотрудников, что позволит

выработать эффективные стратегии их внедрения и сопровождения.

Организациям рекомендовано развивать компетентностный подход, включающий обучение сотрудников эффективному использованию ИИ-ассистентов. Необходимо создать атмосферу психологической безопасности, в которой сотрудники могли бы открыто обсуждать трудности, связанные с новыми технологиями. Важно регулярно мониторить влияние ИИ на рабочие процессы и своевременно вносить необходимые коррективы для поддержания оптимального баланса между технологическими преимуществами и человечностью рабочей среды.

Список литературы

10 главных российских HR-трендов-2025: сборник информационно-аналитических статей / М. В. Иванющенко, В. С. Катькало, Ю. Е. Петрова-Вербицкая, С. Р. Филонович, Ю. В. Фуколова, Е. В. Чернозатонская / под ред. В. С. Катькало, М. В. Иванющенко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 104 с.

Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 1. С. 48-65. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65. EDN: USPLIV.

Ваславский Я. И. Трансформация роли государства: от капитала – к человекоцентризму // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4 (182). С. 73-77. DOI: 10.24158/tipor.2023.4.9. EDN: BHSJBC.

Зотов В. В., Василенко Л. А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 26-47. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47. EDN: EFDDTJ.

Литаш-Сорокина Е. А. Факторы, определяющие качество жизни в цифровую эпоху // Государственное управление и развитие России: глобальные тренды

и национальные перспективы: Сборник статей международной конференц-сессии. Т. 3. Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2023. С. 511-516.

Тихонов А. В. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / Тихонов А. В., Богданов В. С., Гречаная А. А., Гусейнова К. Э., Мерзляков А. А., Почестнев А. А., Проснянук Д. В., Савельев И. А., Смирнова А. С., Щербина В. В. Отв.ред. А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков. Москва, 2021. 455 с. EDN: YNARHI.

Штомпка П. Доверие – основа общества. Москва: Логос, 2012. 445 с.

Штроо В. А. Человекоцентрированный подход и практика управления персоналом в российских организациях // Организационная психология. 2016. Т. 6, № 3. С. 91-104.

Caldarini G., Yaf S. and McGarry K. A. Literature Survey of Recent Advances in Chatbots // Information. 2022. № 13. P. 41. DOI: 10.3390/info13010041.

Orr G. Diffusion of innovations, by Everett Rogers // Retrieved Yauary. 2003. № 21. P. 2005.

Rogers C. On becoming a person. Boston: Houghton Mifflin Company, 1961. 420 p.

Rogers Everett M. Diffusion of innovations. Library of Congress Cataloging in Publication Data, Rev. ed. of: Communication of innovations. 2nd ed. 1971.

References

10 glavnykh rossiyskikh HR-trendov-2025 [10 Main Russian HR Trends-2025] (2024), Collection of Information and Analytical Articles, by M. V. Ivanyushchenkova, V. S. Katkalo, Yu. E. Petrova-Verbitskaya, S. R. Filonovich, Yu. V. Fukolova, E. V. Chernozatonskaya; edited by V. S. Katkalo, M. V. Ivanyushchenkova; National Research University Higher School of Economics, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia. (In Russian)

Vasilenko, L. A., Meshcheryakova, N. N. (2023), “Digital hybridity: innovative reality or utopia?”, *Filosofiya nauki i tehniki*, 28 (1), 48-65, DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65, EDN: USPLIV. (In Russian).

Vaslavskiy, Ya. I. (2023), “Transformation of the state's role: from capital to human-

centricity”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (4), 73-77, DOI: 10.24158/tipor.2023.4.9, EDN: BHSJBC. (In Russian).

Zotov, V. V. and Vasilenko, L. A. (2023), “Digital transformation of public administration: unity of service-digital and social-network aspects”, *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*, (3), 26-47, DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47, EDN: EFDDTJ. (In Russian).

Litash-Sorokina, E. A. (2023), “Factors determining quality of life in digital era”, *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: globalnye trendy i natsionalnye perspektivy: Sbornik statey mezhdunarodnoy konferents-sessii* [Public Administration and Development of Russia: Global Trends and National Perspectives: Conference Proceedings], Izdatelskiy dom “Nauchnaya biblioteka”, Moscow, Russia, 3, 511-516. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2021), *Reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v usloviyah realizatsii natsionalnykh projektov i aktivizatsii protsessov spontannogo gruppobrazovaniya* [Reforming the vertical of power and management in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous group formation processes], by Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Grechanaya, A. A., Guseynova, K. E., Merzlyakov, A. A., Pochestnev, A. A., Prosyannuk, D. V., Savelyev, I. A., Smirnova, A. S., Shcherbina, V. V., ed. By Tikhonov, A. V., Merzlyakov, A. A., Moscow, Russia, 455, EDN: YNARHI. (In Russian).

Sztompka, P. (2012), *Doverie – osnova obshchestva* [Trust – The Foundation of Society], Logos, Moscow, Russia, 445. (In Russian).

Shtroo, V. A. (2016), “Human-centric approach and HR management practice in Russian organizations”, *Organizatsionnaya psikhologiya*, (3), 91-104. (In Russian).

Caldarini, G., Yaf, S. and McGarry, K. A. (2022), “A Literature Survey of Recent Advances in Chatbots”, *Information*, 13 (1), 41, DOI: 10.3390/info13010041.

Orr, G. (2003), *Diffusion of innovations*, by Everett Rogers, Retrieved January, 21, 2005.

Rogers C. (1961), *On becoming a person*, Houghton Mifflin Company, Boston, 420.

Rogers Everett, M. (1971), *Diffusion of*

innovations, Library of Congress Cataloging in Publication Data, Rev, ed. of: Communication of innovation.

Статья поступила в редакцию 18 мая 2025 г. Поступила после доработки 25 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г. Received 18 May 2025. Revised 25 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Скороход Ольга Александровна, аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия.

Olga A. Skorokhod, Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Литаш-Сорокина Елена Александровна, аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия.

Elena A. Litash-Sorokina, Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Василенко Людмила Александровна, доктор социологических наук, профессор, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия.

Liudmila A. Vasilenko, Doctor of Sociology, Professor, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-3

Исследовательская статья

Чевтаева Н. Г. ,
Боброва О. В. ,
Маковкина С. А. ,
Трофимова О. М.

Проектное обучение как ресурс формирования академической честности студента в эпоху ИИ

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
улица 8 Марта, дом 66, Екатеринбург, 620144, Россия
chevtaeva-ng@ranepa.ru
bobrova-ov@ranepa.ru
makovkina-sa@ranepa.ru
omt@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется потенциал проектного обучения, связанный с реализацией такой важной воспитательной функции вуза, как формирование академической честности студента. В эпоху вторжения в образовательный процесс искусственного интеллекта (ИИ) расширяются возможности его использования в образовании. Результаты количественного исследования подтверждают готовность студенческого сообщества соответствовать этому тренду. С целью диагностики возможностей и ограничений инструментов ИИ при выполнении проектных заданий авторы анализируют кейс Уральского института управления – филиала РАНХиГС. В этом кейсе дается оценка результатов опроса «участников» проектного обучения – студентов, преподавателей и самого ИИ (ChatGPT). Представлено использование метода эксперимента, позволившего оценить качество решения кейса по проектному управлению среди студентов, которые в рамках проектного обучения решали задачу самостоятельно и теми, кто целенаправленно использовал для этого искусственный интеллект. Анализ результатов качественных исследований позволил авторам привлечь внимание академического сообщества к проблеме легализации и этичного использования инструментов ИИ при подготовке и защите проектов. Выделено рассогласование ценностного восприятия норм академической честности среди участников проектного обучения. Студенты не воспринимают ситуацию недобросовестного заимствования, когда ответы ChatGPT выдаются за свои, как проблемную; напротив, она для них предстаёт как некое поле для соревнования в изобретательности. Преподаватели полагаются на свой профессионализм, выделяя маркеры, позволяющие им диагностировать контент, созданный ИИ при подготовке проекта, даже если студенты не заявляют об этом. Главный «виновник» трансформации образования – ИИ (ChatGPT) настаивает на введении стандартов прозрачности при использовании инструментов искусственного интеллекта в образовании, руководствуясь рекомендациями ЕНА (Европейской сети академической честности). Авторы полагают, что полученные результаты могут побудить руководство университетов принять управленческие решения по легализации использования инструментов ИИ в рамках проектного обучения:

когда все источники и инструменты, которые повлияли на идеи или создали контент, должны быть должным образом упомянуты.

Ключевые слова: этические стандарты; искусственный интеллект в образовании; проектное обучение

Информация для цитирования: Чевтаева Н. Г., Боброва О. В., Маковкина С. А., Трофимова О. М. Проектное обучение как ресурс формирования академической честности студента в эпоху ИИ // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 218-242. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-3.

Research article

Natalia G. Chevtaeva ,
Olga V. Bobrova ,
Svetlana A. Makovkina ,
Olga M. Trofimova

Project learning as a resource for building student academic integrity in the AI age

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
66 8 Marta St., Yekaterinburg, 620144, Russia
chevtaeva-ng@ranepa.ru
bobrova-ov@ranepa.ru
makovkina-sa@ranepa.ru
omt@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the potential of project training associated with the implementation of such an important educational function of the university as the formation of the student's academic integrity. In the era when artificial intelligence (AI) is invading the educational process, the possibilities for its use in education are expanding. The results of the quantitative study confirm the willingness of the student community to keep up with this trend. In order to diagnose the capabilities and limitations of AI tools when performing project tasks, the authors conduct a qualitative analysis: a survey of “participants” in project training of the Ural Institute of Management – a Branch of RANEPa – students, teachers and AI itself (ChatGPT). An experiment method is also used, which allows the teacher to assess the quality of the project management case solution in two groups of students: one of which solved it independently, the second – using artificial intelligence. The analysis of qualitative research results enabled the authors to highlight the issue of the legalisation and ethical use of AI tools in project preparation and protection to the academic community. The mismatch of the value perception of the norms of academic honesty among the participants in the project training was highlighted. Students do not perceive a situation of unfair borrowing when ChatGPT responses are passed off as problematic; on the contrary, it appears to them as a kind of field for competition in ingenuity. Educators rely on their professionalism to highlight markers that allow them to diagnose content created by AI in preparation of a project, even if students do not declare it. The main “culprit” of the transformation of education – Ai (ChatGPT) insists on the introduction of transparency standards when using artificial intelligence tools in education, guided by the recommendations of ENA (European Network of Academic Integrity). The authors believe that the findings may encourage university management to legalise the use of AI

tools in project learning, provided that all sources and tools influencing ideas or creating content are properly referenced.

Key words: ethical standards; artificial intelligence in education; project management

Information for citation: Chevtayeva, N. G., Bobrova, O. V., Makovkina, S. A., Trofimova, O. M. (2025), "Project learning as a resource for building student academic integrity in the Ai Age", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 218-242. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-3.

Введение (Introduction). В поисках оптимизации подготовки специалистов в соответствии с современными требованиями рынка труда проектному обучению в вузе отводится особая роль. Проектное обучение имеет универсальный надпрофессиональный характер как методология и сумма подходов, оно является технологией, понятной и легко имплементируемой в различные предметные сферы. Помимо этого, проектное обучение может рассматриваться и как самостоятельная траектория образовательного процесса, формируя профессиональную рамку компетенций. В проектном обучении используются проблемный, поисковый и интегративный методы, а также технологии визуализации и научные методики наблюдения и моделирования. Интерактивные технологии проектного обучения доказывают свою эффективность при реализации практико-ориентированного подхода в образовании, формируя у студентов столь необходимые навыки самостоятельного критического мышления. Наша статья продолжает исследовательскую линию анализа потенциала проектного обучения, расширяя его границы. Авторы обращают внимание на возможности проектного обучения, связанные с формированием академической честности студента. Под академической честностью в данном контексте понимается добросовестное заявление о всех заимствованиях результатов чьей-либо интеллектуальной деятельности, включая данные, полученные с помощью ИИ. Актуальность подобного поворота исследовательского интереса вызвана неизбежным процессом

проникновения технологий искусственного интеллекта в образование и целым комплексом этических проблем, которые при этом возникают. В рамках данной статьи авторы поднимают проблему легализации использования инструментов ИИ и задаются вопросом: способны ли практико-ориентированные инновационные технологии проектного обучения минимизировать риски проявления такого порока как академическая нечестность студента, по сути мошеннических действий, когда результаты искусственного интеллекта выдаются студентом за свои. Если подобная практика становится нормой вузовского сообщества, велики риски того, что мы выпускаем в жизнь специалистов с деформированными ценностями приемлемости нарушений этических норм, которые, безусловно, будут трансформироваться в практику деловой коммуникации будущей профессиональной деятельности выпускника.

Методология и методы (Methodology and Methods). Для раскрытия темы нашей статьи важное теоретико-методологическое значение имеют как минимум три блока исследований, связанные с анализом: а) потенциала проектного обучения; б) ресурсов повышения академической честности студента; в) этической составляющей использования инструментов искусственного интеллекта (далее ИИ) в обучении.

Потенциал проектного обучения рассматривается исследователями в самых разных аспектах. Ни у теоретиков, ни у практиков вузовского международного и

профессионального сообщества не вызывает сомнения, что проектное обучение становится важной составляющей практико-ориентированного образования. Проектная деятельность, подчеркивает Р. И. Вяселев, позволяет студентам глубже погрузиться в профессиональную среду, научиться применять теоретические знания на практике (Вяселев, 2024: 224). Процесс внедрения управления проектами в организациях, также, по наблюдениям В.Ж. Мадассу, сопряжен с обучением персонала (Madauss, 2025).

Накопленный опыт реализации проектного обучения позволяет исследователям детально рассмотреть управленческие аспекты организации данного процесса. Авторы В. А. Кокшаров, Н. А. Хлебников, Д. Г. Сандлер анализируя различные организационные модели проектного обучения в вузах России формулируют ряд рекомендаций. на первых курсах доминирующими должны стать учебные проекты, тогда как студенты старших курсов создают реальные проекты по задачам внешних участников образовательного процесса (Кокшаров, Хлебников, Сандлер, 2024). О. Ю. Глухова с соавторами обращают внимание на методику организации и сопровождения проектного обучения, способствующую формированию универсальных и профессиональных компетенций обучающихся (Глухова, Гудов, Сирик, 2024). А. А. Симонова, Н. Н. Давыдова анализируют готовность самого педагогического сообщества использовать инновационные формы обучения (Симонова, Давыдова, 2024). Авторский коллектив исследователей под руководством М. В. Певной, подводя итоги круглого стола, посвященного проектному обучению, подчеркивает значимость «партнёрства российских университетов с внешними заказчиками проектов и формирования культуры взаимодействия в реализации проектного обучения» (Певная, Боронина,

Кульминская, 2024: 142). А. В. Назаров ранжирует группы стейкхолдеров образовательной организации в зависимости от понимания ими ценностей проектного обучения, которое обеспечивает конкурентное преимущество организации (Назаров, 2024). Проектное обучение, отмечают исследователи, становится важным инструментом личностного и профессионального роста студентов, формирования «soft skills» выпускника (Чевтаева, Никитина, Вишневская, 2020). Л. Н. Боронина с соавторами на основе проведенного эмпирического исследования убедительно доказывает, что «проектное обучение стимулирует самостоятельное, проактивное поведение, способствует проявлению лидерских качеств, развитию инновационного потенциала студентов» (Боронина, Кульминская, Маркина, Репринцева, 2024: 200). Анализируя современные технологии проектного обучения, авторы отмечают устойчивый тренд на использование инструментов искусственного интеллекта (ИИ) для сохранения конкурентоспособности образования (Mostafizur Rahman Masum, 2024).

Проникновение технологий ИИ в проектном обучении создает как огромные возможности, так и потенциальные риски, связанные с нарушением стандартов академической честности. «Академическая честность» трактуется как соблюдение этических норм и культуры коммуникации в процессе получения образования (Чевтаева, Боброва, Колл, 2024).

К каким вызовам академической честности необходимо быть готовым образовательному сообществу при проникновении ИИ в инновационные практико-ориентированные технологии проектного обучения? Академическая нечестность в вузах – явление не новое, «однако новыми являются ее масштабы и сложность, а также давление со стороны различных заинтересованных сторон с

целью смягчения или, наоборот, полного игнорирования этой проблемы» (Denisova-Schmidt, 2023: 159). Особую остроту проблема академической честности приобретает в условиях все возрастающего проникновения в образовательный процесс инструментов искусственного интеллекта (ИИ). Революционные и меняющие мир технологии искусственного интеллекта, подчеркивают исследователи, открывают массу возможностей для системы образования (Давыдов, Матвеева, Адемукова, Вичканова, 2024), но в то же время обостряют множество этических проблем (Groumpos, 2023). Цифровизированные процессы преподавания и обучения сделали Интернет основным источником информации в университетах. Легкость доступа к информации может сопровождаться мошенническими действиями, такими как плагиат (Di Paulo, 2022). Проблема плагиата при обучении студентов волнует исследователей и преподавательское сообщество разных стран: L. Adam и др. Исследуют эти негативные практики в новозеландских университетах (Adam, Anderson, Spronken-Smith, 2017); F. Amiri, & S. Razmjoo, о восприятии плагиата иранскими студентами (Amiri, Razmjoo, 2016); Cebrián-Robles, и др. – в Испании (Cebrián-Robles, Raposo-Rivas, Sarmiento-Campos, 2016); Е. Д. Шмелева, Т. В. Семенова. В студенческом сообществе российских вузов (Шмелева, Семенова, 2019). Российские и зарубежные исследователи фиксируют общую проблему лояльного отношения студентов к нарушению норм академической честности, когда плагиат воспринимаются молодёжью как норма». В эпоху искусственного интеллекта, отмечают G. J. Curtis, L. Vardanega, студенты демонстрируют все возрастающую изобретательность в нарушении норм академической честности и умении выдать результаты, полученные с помощью ИИ, за свои (Curtis, Vardanega, 2016).

Исследование значимости инструментов ИИ в образовании становится центром научного дискурса (Хуснутдинов, 2024). Популярным инструментом искусственного интеллекта является ChatGPT, разработанный OpenAI, эвристические возможности и ограничения которого находятся на пике исследовательского интереса. Авторы констатируют, что «вторжение ChatGPT в очередной раз шокировало образовательные учреждения по всему миру...; с помощью таких технологий, как искусственный интеллект, преподаватели и студенты могут расширить свои полномочия и возможности, как они это делали с математическими калькуляторами в прошлом» (Javaid, Haleem, Pratap Singh, Khan, Haleem Khan, 2013). S. Shahriar и K. Hayawi на конкретных примерах подтверждают потенциальную полезность ChatGPT во множестве областей, включая образование и исследования (Shahriar, Hayawi, 2023). P. A. Rospigliosi детально поясняет алгоритм взаимодействия с ChatGPT (Rospigliosi, 2023); J. Kocoń с соавторами делится опытом того, как этот инструмент ИИ может помочь в обучении (Kocoń, Cichecki, Kaszyca, Kochanek, Szydło, Baran, Kazienko, 2023); S. AlZu'bi, и др., анализируя сегодняшние возможности и ограничения ChatGPT, обсуждают его альтернативы, будущие направления больших языковых моделей и их влияние на общество и технологии (AlZu'bi, Mughaid, Quiam, Hendawi, 2023). В академическом сообществе все яснее осознается потребность в исследовании этической стороны использования инструментов ИИ в образовательной деятельности (Сысоев, 2023), обсуждают риски ChatGPT для академической честности студентов, поскольку согласованного и ответственного способа признания использования ChatGPT в образовательной деятельности еще не создано; инструмент для выявления недобросовестного использования ИИ

пока недоступен академическому сообществу (Damian Okaibedi, 2023).

Хотелось бы обратить внимание вузовского сообщества на специальный журнал по проблемам честности в сфере образования «International Journal for Educational Integrity», публикующие целые серии статей по этой актуальной проблеме, включая и рекомендации ENA (Европейской сети академической честности) по этичному использованию искусственного интеллекта в образовании (Foltynek, Vjelobaba, Glendinning, 2023). Необходим инструмент для выявления недобросовестного использования ИИ, который бы выполнял роль стандарта академической честности в образовательной деятельности.

Наша статья поддерживает обозначенный исследовательский интерес, ставя задачи на основе эмпирических данных, проанализировать:

- готовность студентов в рамках проектного обучения применять инструменты ИИ, их мотивацию к использованию инструментов ИИ и оценка практики их применения в проектном обучении;

- сформированность в студенческом сообществе норм академической честности при использовании инструментов ИИ (готовность избегать мошеннических действий, когда продукт ИИ при разработке проекта выдается как авторский контент).

Проведенный анализ призван предложить этические стандарты прозрачности в проектном обучении при использовании студентами инструментов ИИ.

Эмпирическая часть исследования включала три метода:

1. *Количественное исследование* – анкетный опрос среди студентов вузов Екатеринбурга (n=680), где гомогенная генеральная совокупность составила 6900 обучающихся по укрупненной группе специальностей «Экономики и управления», в образовательную программу которых входит проектное обучение, с

целью анализа готовности студентов использовать инструменты ИИ в образовательном процессе. Опрос был проведен в октябре 2024 года среди студентов Уральского института управления – филиала российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (30 %); Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (50%), Уральского государственного университета путей сообщения (20%). Выборка для студентов квотная, распределение респондентов по полу составило: юноши 35%, девушки 75% от числа всех опрошенных. Студенты бакалавриата первого курса составили 35 % от опрошенных, второго курса – 20%, третьего курса 20%, четвертого курса – 20%. Магистранты первого курса представлены 3,5% и второго курса – 1,5% от числа всех опрошенных.

2. *Качественный анализ*: метод экспертного интервью на основе качественной выборки типичных случаев. Кейс Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Цель интервью: оценка практики применения ИИ в проектном обучении и сформированность в студенческом сообществе норм академической честности при использовании инструментов ИИ (готовность избегать мошеннических действий, когда продукт ИИ выдается за авторский контент). В качестве экспертов выступили преподаватели проектного обучения (4 эксперта), студенты проектного обучения, знакомые с практикой применения ИИ в процессе выполнения заданий (12 человек). Мы сочли интересным предложить и главному драйверу современного обучения – искусственному интеллекту (ChatGPT) ответить на те же вопросы. Таким образом, в статье представлен сравнительный анализ оценок трех групп экспертов – «участников» проектного обучения:

студентов, преподавателей и ИИ (ChatGPT – <https://chatgpt.com/>).

3. Метод эксперимента.

Преподаватели проектного обучения, двое из которых являются авторами статьи, провели эксперимент. Суть эксперимента: двум группам студентов во время занятий по проектному управлению под контролем преподавателя было предложено решить кейс. Первая группа решала его самостоятельно, вторая – с использованием искусственного интеллекта. В статье представлен сравнительный анализ качества выполненных заданий и оценка возможности преподавателя увидеть вклад ИИ в результаты работы.

Проведенный теоретико-методологический и эмпирический анализ позволил авторам сформулировать рекомендации вузовскому сообществу по этичному использованию искусственного интеллекта в проектном обучении.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Начнем с общего социокультурного контекста, демонстрирующего готовность студенческого сообщества к использованию инструментов ИИ в образовательной деятельности. Проведенный авторами анкетный опрос позволил выделить ряд ключевых моментов.

С целью диагностики общего фона – отношения студентов, изучавших проектное управление, к использованию ИИ в учебном процессе, мы задали вопрос: «Как вы относитесь к тому, что некоторые студенты используют ChatGPT или другие инструменты ИИ при подготовке учебных заданий?» В целом зафиксировано *позитивное отношение студентов* к практике пользования инструментами ИИ (в частности, наиболее популярного ChatGPT) в учебной деятельности: около половины (46,1%) считают, что «использование ИИ нормально и говорит об умении студента работать с информацией». Добавим сюда группу нейтрально относящихся к этому процессу

(чуть более четверти – 28,1%), которые видят в нем общую тенденцию цифровой трансформации общества: «это неизбежный процесс замены деятельности человека информационными технологиями».

Аргументы *критически настроенных респондентов* (их порядка четверти – 25,8 %) сводятся к тому, что «использование ИИ – это процесс, наносящий вред интеллектуальному развитию человека (19,1%), а также жульничество, потому что студент выдаёт ответы ChatGPT за свои (6,7% респондентов).

Как студенты оценивают в целом вклад использования ИИ для получения качественного образования? В процессе анкетного опроса студентов спросили, как они оценивают полезность использования ИИ для получения качественного образования. Нельзя пока однозначно утверждать, что в студенческом сообществе сформировано признание полезности использования искусственного интеллекта в учебной деятельности: чуть более половины респондентов (56,8%) позитивно оценили применение ИИ в процессе образовательной деятельности; при этом треть респондентов (32%) не видят взаимосвязи между навыками овладения инструментами ИИ и качеством образования, считая, что ИИ способен принести скорее вред; остальные (11,2%) затруднились с ответом.

С целью уточнения позиций респондентам было предложено ответить на открытый вопрос: «Какими мотивами, на ваш взгляд, руководствуются студенты, прибегающие к ИИ при выполнении учебных заданий?»

Ответы респондентов можно условно разделить на три группы.

Первая группа ответов респондентов, назовем их «прагматиками» самая многочисленная (их примерно половина) отмечает рациональные мотивы использования ИИ в учебном процессе: «искусственный интеллект привлекателен для студентов

возможностью экономить время»; «ИИ значительно ускоряет работу и выполнение задач. Также было с книгами (пускай они до сих пор существуют, и никто их не отменяет), но что быстрее? Найти в интернете информацию или пройти по страницам энциклопедии какой-нибудь и читать её?»; «объем письменных работ по разным дисциплинам велик, просто некогда все выполнять самому»; «хочу оставить время на личную жизнь, поэтому цель в данном случае оправдывает средства».

Группа критически настроенных респондентов – «скептики» (таких ответов около трети) выделяют различные негативные моменты, побуждающие с их точки зрения использовать ИИ: «использование ИИ – это соблазн, который ухудшает качество получаемого образования» «хотят облегчить жизнь, а в результате в памяти ничего не остается»; «для «галочки» выполняют задания, но после его выполнения ИИ в своей голове ничего не остается»; «цель людей, использующих искусственный интеллект, не знания, а просто получение диплома»; «корочки диплома, полученная с помощью ИИ не научит думать».

Группа нейтрально настроенных студентов придерживается позиции «почему бы нет»: «почему бы не попробовать использовать ИИ»; «просто

любопытно»; «интересно попробовать что-то новое».

Подводя итог ответов респондентов на данную группу вопросов, мы можем констатировать, что в студенческой среде формируется устойчивая группа сторонников использования ИИ в учебном процессе, которая, однако составляет лишь половину исследуемой группы. Число скептиков пока превышает число нейтрально относящихся к процессу проникновения ИИ в сферу образования. Поскольку процессы цифровизации идут ускоренными темпами, необходим мониторинг настроений студенческого сообщества в отношении влияния ИИ на образовательный процесс.

Анализ практики использования инструментов ИИ в учебном процессе. Студентов попросили отразить степень владения инструментами ИИ. Результаты, представленные на Рисунке 1, демонстрируют пеструю картину: примерно равное число тех, кто счел себя «хорошо разбирающимся» в инструментах ИИ (45,5%) и тех, кто имеет о них «лишь общее представление» (48,3%). Не удивительно, что в условиях цифровой трансформации общества и образования доля тех, кто «не имеет ни малейшего представления об ИИ» ничтожно мала (3,41%).

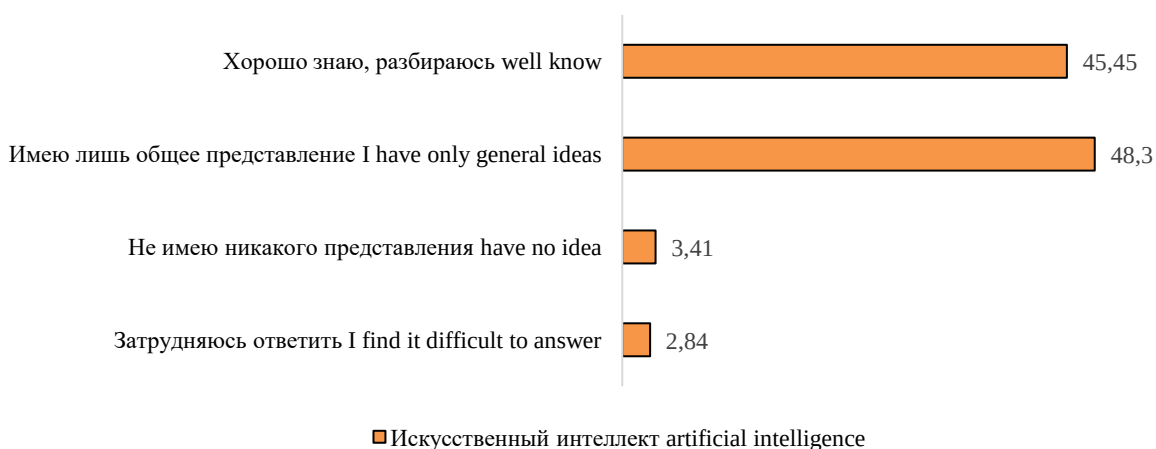

Рисунок 1. Оценка студентами своих навыков использования ИИ (% к числу опрошенных)
Figure 1. Students assess their AI use skills (% of respondents)

Несмотря на то, что многие респонденты не чувствуют себя уверенными пользователями ИИ, понимание его перспектив и потребность в освоении инструментария ИИ высока. Отвечая на вопрос: «В современном обществе необходимы ли вам навыки использования чат-ботов с искусственным интеллектом (ChatGPT, Bing AI)?» подавляющее большинство (72,45%) дали положительный ответ. Доля скептиков среди студенческого сообщества сохраняется, но она значительно меньше (22,3%) не считают необходимым для себя владеть навыками ИИ).

Следующая группа вопросов касалась практики использования инструментов ИИ в повседневной

образовательной деятельности студентов. «Как часто вы используете ИИ при выполнении учебных заданий», спросили мы респондентов. Как видно из данных, представленных на Рисунке 2, половина студентов (52,2%) с разной степенью частоты прибегают к помощи ИИ: четверть (24,2%) не часто – по 1 или 2 дисциплинам в семестр; 14% по 3-м или 4-м дисциплинам и столько же (14%) – по всем дисциплинам. Пестрая картина владения навыками пользования ИИ сохраняется и здесь, поскольку значительная часть респондентов просто не смогла дать содержательный ответ на вопрос (затруднились с ответом 42,1%), а малая доля респондентов (5,6 %) никогда не прибегают к помощи ИИ.

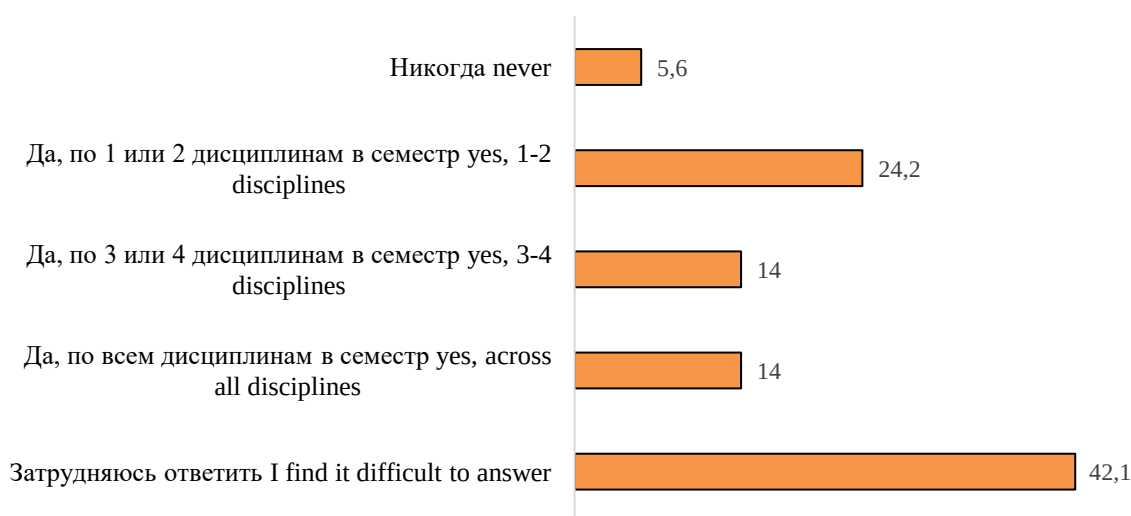

Рисунок 2. Частота выполнения студентами учебных заданий с помощью ИИ (% к числу опрошенных)

Figure 2. Frequency of students completing learning tasks using AI (% of respondents)

Группе студентов, использующих инструменты ИИ (их оказалось, как видно из предыдущего ответа, чуть более половины), было предложено ответить на

уточняющих вопрос: «Если вы используете ИИ при выполнении заданий, удовлетворены ли вы его результатами?» (Рисунок 3).

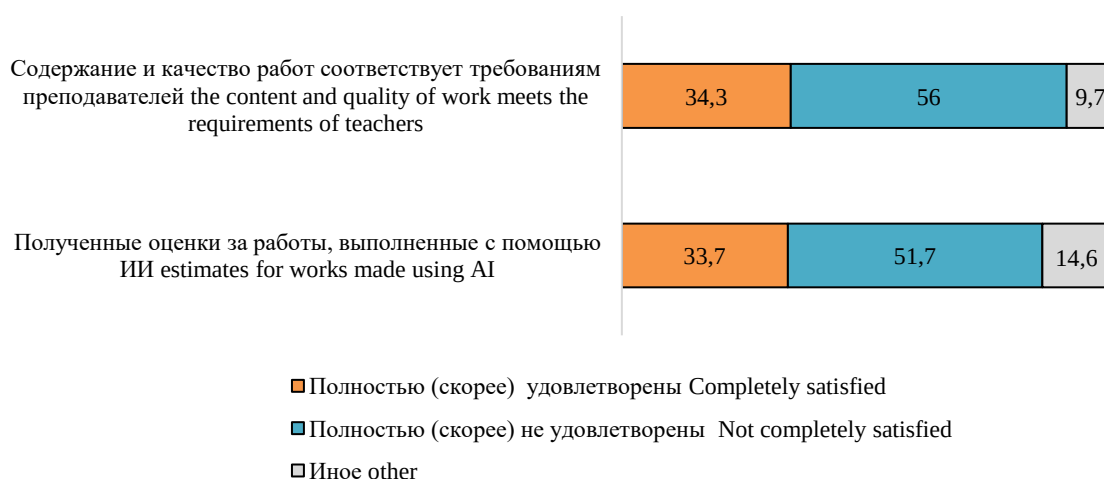

Рисунок 3. Удовлетворенность студентов результатами работ, выполненных с помощью инструментов ИИ. (% к числу опрошенных)

Figure 3. Student satisfaction with the results of work performed using AI tools. (% of respondents)

Только треть из числа студентов, использующих инструменты ИИ, удовлетворены как «содержанием и качеством работ, выполненных с помощью инструментов ИИ, в соответствии с требованиями преподавателей» (34,3%); так и «полученными оценками за эти работы» (33,7%). Однако, более половины студентов не испытывают удовлетворенности ни качеством работ под авторством ИИ, ни полученными за них оценками преподавателя (56% и 51,7% соответственно). Нуждаются в дальнейшем исследовании причины такой неудовлетворенности. Либо это связано с недостаточностью навыков общения ИИ студентов, их неумением задавать чат боту корректные вопросы либо со сложностью предлагаемых преподавателями заданий.

В комментариях на открытый вопрос «иное»: мы получили достаточно типичные ответы, суть которых может быть сведена к следующему: «при выполнении простых и несложных заданий просто задаю правильный вопрос ИИ, получаю развернутый ответ и отправляю преподавателю. Еще ни разу «не спалился» (лексика респондентов сохранена). «В рамках курсов по проектному управлению, реже получаешь адекватный ответ у ИИ, там подумать самому приходится».

Таким образом, проектное обучение было выделено студентами в качестве той области знания, которые требует самостоятельного мышления, легко не заменяемого ИИ.

Полученные результаты подвигнули авторов статьи более подробно остановиться на особенностях использования студентами ИИ в рамках проектного обучения. В качестве кейса был выбрана практика проектного обучения в Уральском институте управления – филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации РАНХиГС (УИУ-филиала РАНХиГС). В институте реализуется модель подготовки проектных менеджеров в рамках двух образовательных ступеней: бакалавриата (направления «Экономика», «Экономическая безопасность») и магистратуры (направление «Государственное и муниципальное управление»). Программы имеют преемственность, на бакалавриате студенты учатся вопросам управления отдельными проектами, базовой методологии, в рамках магистерской программы студенты знакомятся со спецификой управления сложными, в том

числе инвестиционными проектами, а также программами проектов и портфелями проектов.

Анализ экспертного опроса «участников» проектного обучения: студентов, преподавателей УИУ – филиала и самого «Искусственного интеллекта». Мы решили провести экспертный опрос среди всех участников процесса проектного обучения: студентов и преподавателей. А потом возникла идея: «а почему бы не задать те же вопросы главному «виновнику» трансформации образования – самому ИИ. Авторам самим стало интересно сопоставить мнения трех полноценных «участников» проектного обучения в условиях цифровой трансформации образования. С авторами статьи могут поспорить: насколько корректно рассматривать ИИ в качестве участника проектного обучения? Дабы не вступать в дискуссию с потенциальными критиками такой позиции, мы решили заключить в кавычки слово «участники», что дало нам моральное право рассматривать ИИ в качестве «респондента» нашего опроса. Авторы задавали вопросы ИИ с помощью инструмента ChatGPT (<https://chatgpt.com/>).

Первый вопрос, заданный всем участникам проектного обучения, гласил: *«Возможно ли задание преподавателя по проектному управлению качественно выполнить студентам с помощью ИИ, каковы границы его использования?»*

Студенты с готовностью откликнулись обсудить данную проблематику. По мнению студентов, выполнить задание с помощью ИИ не составит особых сложностей. *«ИИ использует огромную базу данных и применяет ее при выполнении задания. Так же есть возможность не только задавать отдельные вопросы (и потом компилировать в полноценный ответ на задание), но и сделать целиком задание с нужным оформлением в любом виде».*

Градация и область применения ИИ различна, по мнению студентов:

Важно четко определить границы использования продукта ИИ: *«ИИ возможно использовать для решения различных задач: проведения swot анализа, перефразирования текста проекта; для поиска информации, которая выдается в гораздо более коротком и емком виде. ИИ – это прекрасно зарекомендовавший себя инструмент, которым можно очень сильно сэкономить время».*

«С помощью ИИ можно просмотреть динамику развития рынка для проекта, выявить информацию про конкурентов, попробовать описать проект и попросить, чтобы ИИ выявил потенциальные плюсы и минусы проекта, возможно провести SWOT и другие анализы, сформулировать показатели эффективности реализации проекта»

Ограничения ИИ по мнению студентов при выполнении проектных заданий заключаются в следующем: *«к информации, полученной от ИИ следует относиться с долей скептицизма и обязательно ее перепроверять, хотя бы поверхностно».* У ИИ бывают проблемы с актуальной информацией. *«Например, ИИ может оперировать устаревшими законами, которые уже либо потеряли действие».*

Представим мнение профессионального преподавательского сообщества, которое в целом поддерживает использование студентами ИИ в проектном обучении, четко обозначая границы его применения.

Какие задания в рамках проектного обучения, по мнению преподавателей, полезно выполнять с помощью ИИ? *«Задания, предусматривающие создание фактуры проекта, т.е. разработку планов проекта, декомпозицию проекта»;* *«ИИ помогает в части решения рутинизированных, наиболее трудоемких задач, существенно упрощая выполнение содержательных задач. Поэтому стоит использовать данный инструмент в целях*

экономии времени для постановки и экспертизы более творческих задач»; «обучение в форме кросс-обсуждения результатов, предложенных ИИ решений, позволит существенно обогатить и отразить опыт разработки проектов».

Потребность в обращении к ИИ во многом зависит от используемой методологии управления проектами: «Если речь идет о процессной методологии (водопадной), то в ходе разработки проекта автору проекта (студенту) необходимо осуществить последовательную декомпозицию работ проекта, структурировано описать действия, продукты и используемые ресурсы. Эта деятельность сама по себе носит рутинизированный характер и построена на применении формальной логики с использованием методов декомпозиции по продукту, по жизненному циклу или по функциональному признаку. ИИ прекрасно справится с данной задачей, снимая проблему монотонности данной деятельности».

«Опыт преподавания данной дисциплины показывает, что в силу отсутствия насмотренности и опыта работы с реальными проектами, недостаточной междисциплинарности и комплексности мышления молодых людей (поколенческие особенности миллениалов), ИИ существенно обогащает результаты такой декомпозиции, учитывая больше деталей и параметров при построении структурной и продуктовой декомпозиций проекта».

Ограничения ИИ связаны с тем, что он дает линейный, хоть и полный, ответ на поставленный вопрос, но часто им не учитываются «управленческие нюансы» проектов, а также иные параметры. «Например, особенности содержания сложных организационных проектов зависят от содержания избранной ресурсной модели, что ИИ уже не может учесть». «Искусство проектного

менеджера зависит от комплексности взгляда и учета множества параметров многоугольника проекта (областей управления проекта), вот эти перекрещиваемые аспекты размышления находятся вне зоны компетентности ИИ. Если речь идет про управление в гибкой философии проектов, то в данном случае применение ИИ просто невозможно, в силу отсутствия как таковой документации по проектам».

Сам ИИ (ChatGPT – <https://chatgpt.com/>), как бы подводя итог дискуссии преподавателей и студентов, четко обозначает границы своего использования в проектном обучении: «Да, некоторые части проектного задания можно выполнить с помощью ИИ, например, анализ данных, создание отчетов или даже генерация идей. Однако важные аспекты, такие как принятие решений на основе сложных ситуаций или работа в команде, лучше выполнять вручную, поскольку ИИ не может полностью заменить креативность и личное участие».

Проанализируем ответы респондентов на второй вопрос: «Чем привлекательны занятия в рамках проектного обучения?»

Студенты отмечают, что проектное обучение предоставляет возможность интересного общения, вовлеченности: «нам нравится генерировать идеи и вырабатывать цели проектов». Студенты обращают внимание на личностный фактор преподавателя проектного практикума и особую атмосферу командной работы: «Нравятся ли дисциплины проектного практикума зависят от того, кто их ведет. Проектный практикум должен, исходя из названия, быть сузубо практичным. Чем больше выполняется работы в команде на каких-нибудь семинарах – тем интереснее». «Выполнять работу в команде может быть весело только тогда, когда вы реально команда, так как никогда в жизни не будет создаваться

проект, если мы будем разрабатывать стартап с людьми, которые тебе не нравятся. К сожалению, количество ребят в группе не всегда позволяет выполнять проект в такой дружеской обстановке». Студентов привлекает игровая форма выполнения практико-ориентированных заданий. «Применение знаний закрепляется в голове гораздо быстрее, чем освоение только теории».

Преподаватели отмечают эвристический потенциал проектного обучения: оно формирует в студентах навыки, которые позволяют ему быть конкурентоспособным в ситуации риска замены человека искусственным интеллектом. Обучение в группе развивает «навыки самостоятельного критического мышления, способность анализировать, дифференцировать полученную информацию». «Такие технологии проектного обучения как погружение и симуляции развивают способность самостоятельно идентифицировать условия управленческой сложности проекта, соединять понимание результативности разных инструментов управления проектами (коммуникационный план, план по закупкам, план по управлению рисками и т.д.) для выбора стратегии и тактики реализации проекта».

Таким образом, сам формат проектного обучения минимизирует риски ситуаций, когда можно просто правильно задать вопрос ChatGPT, получить готовый ответ и представить его преподавателю как свой. Формирование самостоятельного критического мышления – базовое основание формирования академической честности.

Еще один значимый потенциал проектного обучения для формирования академической честности связан с аксиологическим, ценностным аспектом коммуникации. Замечено, что при выполнении групповых заданий студенты более чувствительны к нарушению этических стандартов добросовестного

взаимодействия, чем при выполнении индивидуальных заданий. «ИИ не научит человека ценностям». Для квалифицированной работы с проектом студентам необходимо иметь навыки эмоционального интеллекта и работы с различными профилями команд проектов. «Это поможет решать вопросы эффективного планирования управления проектом, в том числе разработка специальных планов проектов, таких как план управления качеством, план обеспечения закупок, план управления изменениями и т.д. Большинство данных планов носит инструментально менее обеспеченный характер, при этом сам по себе эти планы строятся на ценностях управления людьми и ценностях контекста проекта».

ИИ (ChatGPT – <https://chatgpt.com/>) формулирует свой ответ о преимуществах проектного обучения: «оно даёт базовые знания в разных областях, учит критическому мышлению, работе с теорией и практическим навыкам. Оно помогает развивать дисциплину, ответственность, навыки общения и работы в группе, что важно в реальной жизни и на рабочем месте. Студентам нравится, когда они могут работать в команде, разрабатывать реальные проекты и видеть практическую пользу от своей работы. Однако им часто сложно воспринимать проектное обучение, когда задачи слишком сложные или неопределенные, не хватает четких инструкций, и когда нет возможности быстро получить обратную связь».

Заключительный вопрос, на который предстояло ответить нашим экспертам: «Каков потенциал продвижения проектного обучения в вузе?». Студенты полагают, что нужно внедрить проектное обучение в любую образовательную программу, делать проектные чемпионаты и т.д. Среди положительных сторон они выделяют развитие практических навыков студентов, понимание обучающимися сути своей профессии. Говоря о недостатках,

респонденты определили отсутствие систематизированной основы, каждый проект – это абстрактное представление самого преподавателя. У студентов нет понимания, как выполнять, для чего выполнять этот проект и как это применимо, в итоге, на практике.

Преподаватели, с одной стороны, считают, что за проектным обучением стоит будущее образования, но в настоящее время, с другой стороны, отмечают, что у многих преподавателей нет понимания, как это вообще можно оценивать, принимать и проставлять за это оценки. Часто проекты начинают делать студенты без необходимой теоретической базы, что влечёт за собой непонимание сути проекта. Зачастую руководителями проектов являются все преподаватели одной кафедры, но у некоторых нет понимания, на каком этапе освоения образовательной программы находятся студенты, что и влечёт за собой либо очень простые проекты, либо непосильно сложные.

Проектное обучение имеет универсальный надпрофессиональный характер как методология и сумма подходов. Проектное обучение является технологией, понятной и легко имплементируемой в различные предметные сферы, помимо того, что данная методология имеет

самостоятельную ценность и профессиональную рамку компетенций.

ИИ (ChatGPT – <https://chatgpt.com/>) также внёс свою лепту в обсуждение проблемы продвижения проектного обучения: «Проектное обучение можно продвигать через внедрение новых курсов и дисциплин, которые будут ориентированы на практическую работу. Преимущества – развитие навыков решения реальных задач, креативности, командной работы. Слабые стороны – сложность организации такого обучения, необходимость в постоянной поддержке со стороны преподавателей и ресурсов для реализации проектов».

В ходе эксперимента мы смоделировали ситуацию соблюдения и нарушения норм академической честности со стороны студента. Мы представили ситуацию, когда преподаватель получает 2 варианта ответов на задания в рамках проектного обучения: первый, выполненный студентами самостоятельно, второй – выполненный ИИ, который студенты могут выдать за свой. Важно было диагностировать способность преподавателя оценить самостоятельность выполненного студентами задания в случае, если бы учащиеся в нарушении норм академической этики не заявили об использовании ИИ?

Эксперимент 1.

Тема «Гибкие технологии проектного управления»

Кейс: В корпорацию развития N-ской области обратился директор компании ООО «Что-то там». Компания была владельцем участка на некоем озере. Участок 4 Га. Выход к воде. На участке находится панельное трехэтажное здание, в аварийном состоянии, десять небольших беседок, неблагоустроенный пляж. Владелец участка надеется привлечь инвестора, который даст финансирование на проект (договоренности практически достигнуты) и федеральные деньги на обустройство территории. На данном этапе директор ООО «Что-то там» заказал эскизы будущей территории. Для продолжения работ необходим бизнес-план и финансовая модель, для разработки которых генеральный директор ООО «Чего-то там» привлек Корпорацию развития N-ской области.

В проекте на разных стадиях могут быть задействованы:

Директор компании ООО «Что-то там» как главный заказчик проекта

Заместитель генерального директора Корпорации развития N-ской области по финансам – руководитель проекта от Корпорации, взял на себя коммуникацию, контроль за всеми участниками команды, контроль финального результата.

Юрист Корпорации – юридические вопросы по земле и взаимодействие с органами власти.

Экономист Корпорации – расчет финансовой модели.

Менеджер проектов по развитию территорий – общая аналитика, подготовка текста, сбор материалов, маркетинговый анализ

Главный инженер ООО «Чего-то там» - согласование технических вопросов.

Главный специалист Департамента развития туризма N-ской области.

Задание:

1. Определите состав команды и роли в команде в соответствии с методикой Scrum
2. Составьте укрупненный план действия, ориентируясь на этапы фреймворка.

Таблица 1

Сравнительный анализ решения кейса № 1 по проектному обучению,
выполненные студентами самостоятельно и с помощью ИИ

Table 1

Comparative analysis of the solution of case No. 1 for project training, made
by students independently and using AI

Анализ ответов на задание 1: «Определите состав команды и роли в команде в соответствии с методикой Scrum» / Analysis of responses to task 1: “Determine the composition of the team and roles in the team in accordance with the Scrum methodology”	
Выполненное студентами / Completed by students	Выполненное с использованием ИИ (ChatGPT) / Performed using AI (ChatGPT)
Студенты правильно распределили роли в команде, они были заранее даны в лекции и нужно было просто сопоставить роли и реальных персонажей. Во время решения кейса они рассуждали, задавали вопросы, если какой-то информации им было недостаточно, тем самым расширяя свои представления о реальном бизнесе и взаимоотношениях в коллективах.	Те студенты, которые делали задание с <u>помощью ИИ</u> справились с задачей гораздо быстрее. Они не задавали вопросы, все решил искусственный интеллект. Однако ответ на первый вопрос выглядел исключительно как перечисление ролей в типовом проекте, только в начале ответа ИИ приписал, что определен состав команды и роли в команде в соответствии с методикой Scrum, а в конце добавил оговорку, что это предположение и реальный состав команды будет определен в соответствии со спецификой проекта. Таким образом, ИИ предупреждает, ответ не полный, чтобы человек не расслаблялся.
Анализ ответов на задание 2: «Составьте укрупненный план действия, ориентируясь на этапы фреймворка» / Analysis of answers to task 2: “Draw up an enlarged action plan, focusing on the stages of the framework”	
Выполненное студентами / Completed by students	Выполненное с использованием ИИ (ChatGPT) / Performed using AI (ChatGPT)
Команда прописала последовательность действия, не только сопоставляя их с реальным проектом разработки бизнес-плана, но и подключив особенности Scrum метода, проанализировав время на каждую работу и наложив на нее двухнедельные спринты. Часть работ по	ИИ просто перечислил группы работ и их последовательность, необходимые для разработки бизнес-плана и финансовой модели. Последовательность работ и их описание выполнены качественно, но не связаны с реальным проектом.

предложению студентов могла делаться параллельно, так чтобы в один спринт можно было обсуждать две работы.	
Вывод: <i>Оценка качества выполненной работы:</i> использование ИИ позволяет ускорить выполнение задания, ответ, получаемый в результате правильный, но не связан с особенностями кейса. ИИ не анализирует глубоко, что очень важно в кейсах, связанных с проектным управлением. <i>Возможность преподавателя увидеть, что работа выполнена ИИ:</i> если преподавателю важен объем, и он не очень внимательно вчитывается в сданную работу, то скорее всего высоко оценит ту, которая выполнена с использованием ИИ, так как качество изложения достаточно высоко, в тексте присутствует логика, ответ дается достаточно развернутый, но поверхностный.	

Эксперимент 2

Тема: «Урбанистика и управление развитием территорий»

Кейс: Студентам был предложен объект, расположенный в городе Екатеринбурге, по адресу: Набережная Рабочей молодежи, д. 23. Здание является объектом культурного наследия. Студенты получили описание объекта, план здания и историческую справку. Задание состояло в разработке проекта варианта использования здания, который был бы интересен инвестору.

Таблица 2

Сравнительный анализ решения кейса № 2 по проектному обучению, выполненные студентами самостоятельно и с помощью ИИ

Table 2

Comparative analysis of the solution of case No. 2 for project training, made by students independently and using AI

Анализ задания: «Разработка проекта варианта использования здания, являющегося объектом культурного наследия, который был бы интересен инвестору» / Analysis of the assignment: "Development of a draft option for the use of a building that is a cultural heritage object that would be of interest to the investor"	
Выполненное студентами / Completed by students	Выполненное с использованием ИИ / Performed using AI
Студенты проанализировали рынок и локацию, предложили идею открыть в здании литературно-исторический лофт как оригинальный объект общепита, отличающийся от всех, расположенных в окрестностях. В рамках концепции предложено использовать оригинальные элементы здания, представляющие историческую ценность и являющиеся предметом охраны: деревянную резьбу фасадов, кирпичную кладку, мезонин как VIP-зону. В интерьере предлагается использовать винтажную мебель, произведенную уральскими	В здании может быть размещен культурный центр или музей, так как в здании жил известный писатель Т. Гайдар. ИИ предложил создать музей, посвященный его жизни и творчеству, или культурный центр, который будет проводить выставки, лекции и мастер-классы. Данное предложение нельзя рассматривать как оригинальное, так как рядом расположен Ельцин Центр, который сам по себе является известной точкой притяжения, сад Казанцева и еще несколько культурных объектов. ИИ предложил создать кафе или ресторан с исторической тематикой, в меню которого включены блюда XIX века или блюда, связанные с литературой, однако вокруг

мастерами, книги Гайдара в открытых стеллажах, репродукции архивных фото из жизни писателя и соответствующего исторического периода. При этом в интерьере на обойтись без современных элементов: LED-подсветка, проекции цитат из произведений писателя на стены.	находится минимум 7 ресторанов различной тематики. В бывшем Доме Гайдара можно открыть галерею искусств, коворкинг или творческую студию, магазин антиквариата или книг, туристическое агентство. ИИ заметил, что «при выборе бизнеса важно учитывать не только архитектурные и исторические особенности здания, но и потребности местного населения, а также туристический потенциал района», но, надо отметить, сам ИИ это не учел.
Анализ задания: «сформулировать цель и задачи проекта» / Task analysis: “formulate the goal and objectives of the project”	
Выполненное студентами / Completed by students	Выполненное с использованием ИИ / Performed using AI
Группа грамотно сформулировала цель проекта как открытие заведения общественного питания в формате литературно-исторического пространства сохраняющего исторический облик и предметы охраны объекта культурного наследия в сочетании с передовыми технологиями, количество одномоментных посетителей не более 20 человек, открыть не позднее марта 2027 года. Даная цель сформулирована в соответствии с базовыми принципами проектного управления (соответствует принципу SMART). Она конкретна, амбициозна, оригинальна, имеет ограничение по времени, требует больших инвестиций, но в целом, достижима.	Цель, сформулированная ИИ звучит следующим образом: «Создание коворкинга и творческой студии, которые обеспечат комфортное и вдохновляющее пространство для фрилансеров, творческих профессионалов и художников, способствуя обмену идеями, развитию креативных проектов и укреплению культурного сообщества Екатеринбурга. Проект направлен на сохранение исторического наследия здания и его интеграцию в современную культурную жизнь города, а также на привлечение местных жителей и туристов через организацию мероприятий, мастер-классов и выставок». С точки зрения проектного управления цель не соответствует принципу SMART, она не конкретна, содержит много лишних, не относящихся к сути проекта слов.
Вывод: <i>Оценка качества выполненной работы:</i> ИИ позволяет студентам выполнять задания быстрее, получать основу и добрать объем информации, если это не обходимо, но он не способен предложить оригинальное и свежее решение. <i>Возможность преподавателя увидеть, что работа выполнена ИИ:</i> Для преподавателя сразу понятно, что студент либо не сам сделал задание, либо критически не понимает, в чем особенность проектного управления. В качестве задач проекта ИИ просто перечислил этапы реставрационного и строительного процесса для инвестиционного проекта.	

Результаты эксперимента
показывают способность преподавателя
диагностировать факты нарушения норм

академической честности со стороны
студента, ориентируясь на свой
профессиональный опыт: «обнаружить

эти действия не сложно, достаточно вчитаться в текст. Как было доказано в результате эксперимента ИИ использует поверхностные решения, общие слова, очень правильные выражения. В обычной жизни студенты так не разговаривают и не пишут».

Подводя итоги эксперимента, преподаватели задали студентам вопрос: «расценивают ли они факт использования ChatGPT плагиатом и считают ли необходимым заявлять об обращении к ресурсам ИИ при выполнении проекта». Единодушное мнения студентов однозначно: «ИИ – это не плагиат, а современный инструмент решения задач; главное, чтобы был достигнут результат, путь – не имеет принципиального значения».

Заметим, что в ходе дискуссии по обсуждению результатов эксперимента преподавателям удалось заложить семена сомнения в сознание некоторых студентов, признавших в том, что они «никогда не задумывались о том, что следует заявлять об использовании ИИ и что практика выдавать его результаты за свои может быть расценена как нечестное поведение». Подобное пусть робкое смещение позиций дает надежду на изменение лояльного отношения студентов к академической нечестности в работе с ИИ, позволяет заострить проблему недобросовестного заимствования и соблюдения этических стандартов в работе с инструментами ИИ.

Все участники образовательного процесса признают потенциал использования инструментов ИИ, однако четко обозначается проблема зоны его использования. Необходимо заложить понимание в сознание студентов, что ИИ – это инструмент, а не «заменитель мозга», как подчеркивают педагоги. Важно использовать его как инструмент, а не как замену собственным усилиям и творческому подходу.

Результаты эмпирического исследования подтверждают

неустойчивость норм академической честности студенческого сообщества при использовании инструментов ИИ. Преподаватели и студенты осознают, что ChatGPT и другой генеративный ИИ, открывают огромные возможности для проектного обучения. Использование ChatGPT может стать эффективным и экономящим время способом проведения академической деятельности. ИИ невозможно запретить, отвергнуть или отклонить. На фоне понимания вузовским сообществом инновационного характера вторжения ИИ в образовательный процесс, наблюдается размытость норм его этического использования и лояльное отношение студентов к ситуации, когда продукт, созданный с помощью ИИ студенты выдают за результаты собственной интеллектуальной деятельности.

Наши выводы коррелируются с результатами исследований, которые, фиксируя распространенность практики несанкционированного заимствования в академической среде материалов генеративного ИИ, справедливо отмечают «отсутствие у обучающихся системного понимания, что именно будет считаться ИИ-плагиатом, и как они могут «легально» использовать материалы генеративного ИИ» (Сысоев, 2024).

Для решения проблемы академической честности при выполнении заданий в рамках проектного управления на наш взгляд необходима легализация использования инструментами ИИ. Прежде всего, преподавателю необходимо мотивировать студентов использовать инструменты ИИ. А рамках проведенного исследования преподаватель выражают поддержку данной мере: «Считаю, что ничего плохого в использовании ИИ нет. Для того, чтобы получить хороший результат студент должен уметь грамотно поставить задачу, а это тоже хороший навык. ИИ не способен создать новый, креативный продукт, то, чего не было ранее, но он быстро анализирует,

сопоставляет и группирует информацию. Соответственно, если студент придумал идею проекта, то ИИ поможет ее структурировать и поможет собрать под нее подтверждающие данные».

Преподавателю следует организовать систему контроля за использованием ИИ: «студенты обязаны упомянуть, для решения каких задач ими были использованы инструменты ИИ, указать каким именно инструментом ИИ воспользовались».

Впрочем, возможности преподавателя контролировать процесс использования ИИ оказываются дискуссионными: «...я не уверена, что мы сможем как-то контролировать процесс использования ИИ в студенческих работах. Если текст написан грамотно, решены поставленные задачи, студент ориентируется в тексте и может ответить на вопросы, то использовал он ИИ или выполнил работу самостоятельно остается на его совести».

Проблема ответственного использования результатов ИИ все яснее осознается не только вузовским, но и в целом академическим сообществом. «Проверенный, утвержденный и принятый инструмент для выявления недобросовестного использования текстовых генераторов ИИ в академической среде пока не создан», отмечают исследователи. Подобная ситуация чревата потенциальными злоупотреблениями, которые представляют собой угрозы к академической честности (Cebrián-Robles, Raposo-Rivas, Cebrián-de-la-Serna, Sarmiento-Campos, 2018). Об остроте поднятой проблемы академической честности свидетельствуют также и анализ рисков проявления сформированных паттернов неэтичного поведения на студенческой скамье и последующего недобросовестного поведения на рабочем месте (Sims Randi, 1993). Требуют дальнейшего исследования анализ готовности вузовского сообщества к

внедрению стандартов академической честности в работе с ИИ; разработка системы мотивации для студентов добросовестно заявлять об использовании инструментов ИИ, а также инструментов контроля со стороны педагогического сообщества над внедрением практики открытого заявления об использовании студентами инструментов ИИ для решения задач проектного обучения.

Заключение (Conclusions).

Проведенный анализ позволяет ответить на обозначенные исследовательские вопросы. В чем авторы статьи видят потенциал проектного обучения для формирования академической честности студента? Сама методика проектного обучения минимизирует риски проявления академической нечестности, поскольку в отличие от других заданий (эссе, тестирование и прочее) выполнить полностью проект с помощью ИИ и выдать его преподавателю как результат собственного труда маловероятно.

При командном формате выполнения проектов студенты более чувствительны к нарушению этических стандартов добросовестного взаимодействия, чем при выполнении индивидуальных заданий, что также минимизирует риски проявления академической нечестности. Ценностный аспект взаимодействия – прерогатива человека, а не ИИ.

В «серой» зоне формирования академической честности при проектном обучении оказываются вопросы определения границ, области применения ИИ при выполнении заданий. Практика проектного обучения показывает, что ИИ может легко заменить человека при анализе данных, создании отчетов, разработке вариантов и даже генерации идей. Однако, принятие решений на основе сложных ситуаций, синергетический эффект от командной работы, когда активное участие в разработке проектов развивает личностные способности студента,

остаются за классическим проектным обучением.

В «красной» проблемной зоне формирования академической честности остаются вопросы легализации использования инструментами ИИ. Все возрастающая готовность студентов в рамках проектного обучения эффективно применять инструменты ИИ, сопровождается полным непониманием студентами необходимости соблюдения этических стандартов взаимодействия с ИИ, *«а зачем вообще заявлять, какими инструментами я пользовался, главное – результат»*. Преподаватели со своей стороны уверены, что студенты, пользующиеся ИИ для выполнения заданий, никогда не заявляют в этом. Вместе с тем, преподавательское сообщество ясно сознает, что проектное обучение – это инструмент для развития самостоятельного, критического мышления студентов, поэтому важно увидеть «зону развития» именно студента, оценить усилия студента в процессе разработки проекта. В итоге педагог, в отличие от подавляющего числа студентов, видит необходимость декларирования студентами факта и зоны использования ИИ, но считает, что его педагогическое мастерство позволит ему самостоятельно определить личный вклад студента.

Между тем, принятые в международном вузовском сообществе стандарты академической честности требуют соблюдения этических стандартов использования инструментами ИИ: *«все лица, источники и инструменты, которые повлияли на идеи или создали контент, должны быть должным образом упомянуты. Следовательно, при использовании инструмента ИИ он обязательно должен быть упомянут»*. Авторы статьи разделяют эту позицию, полагая что в вузовской среде важно формировать культуру надлежащего использования сервисов, источников и инструментов, которые влияют на

выполнение заданий по проектному обучению.

Подводя итоги, хотелось бы сосредоточить внимание на авторских рекомендациях, направленных на повышение уровня академической честности при использовании технологий проектного обучения в условиях массового применения искусственного интеллекта обучающимися.

Прежде всего, нормы академической честности могут быть зафиксированы руководством университетов в качестве стандартов проектного обучения.

Преподавателям рекомендуется ориентировать студентов: на использование инструментов ИИ, формируя тем самым так необходимые в современном обществе навыки работы с ИИ; на то, чтобы согласно нормам академической честности, обязательно заявлять какие инструменты ИИ были использованы и для решения каких задач, предотвращая тем самым порочную практику ИИ-плагиата, когда результаты ИИ выдаются за свои.

Открытая легализация использования ИИ согласно стандартам академической честности, формирует у студентов устойчивые этические ценности в работе с ИИ, профессиональные компетенции и навыки добросовестного поведения, столь востребованные не только в обучающем процессе, но и в будущей профессиональной деятельности.

Список литературы

Боронина Л. Н., Кульминская А. В., Маркина А. А., Репринцева Н. Е. Проявление агентности студенчества в проектном обучении: кейс федерального университета // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 200-216. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-3. EDN: OSXQTQ.

Вяселев Р. И. Специфика применения проектных форм обучения при подготовке студентов коммуникативно-ориентированных направлений // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т.14, № 4-1.

С. 224-231. DOI: 10.25726/z2142-5882-5775-р.
EDN: SYCSGE.

Глухова О. Ю., Гудов А. М., Сирик С. М. Организация проектного обучения в учреждении высшего образования (на примере Кемеровского государственного университета) // Развитие образования. 2024. Т. 7, № 2. С. 12-20. DOI: 10.31483/r-109452. EDN: RVKQZZ.

Давыдов С. Г., Матвеева Н. Н., Адемукова Н. В., Вичканова А. А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития. Университетское управление: практика и анализ. 2024, Т. 28, № 3, С. 32-44. DOI: 10.15826/umpra.2024.03.023. EDN: FELSP.

Кокшаров В. А., Хлебников Н. А., Сандлер Д. Г. [и др.] Сравнительный анализ организационных моделей проектного обучения в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28, № 2. С. 17-28. DOI: 10.15826/umpra.2024.02.012. EDN: LMTQOS.

Назаров А. В. Методика ранжирования стейкхолдеров образовательной организации // Вопросы управления. 2024. № 2(18). С. 65-80. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-2-65-80. EDN: TVENWK.

Певная М. В., Боронина Л. Н., Кульминская А. В. Актуальные вопросы реализации проектного обучения в высшей школе (по материалам круглого стола) // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 12. С. 142-154. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-12-142-154. EDN: DYRMKJ.

Симонова А. А., Давыдова Н. Н. Роль научно-образовательной коллаборации в формировании готовности педагогических коллективов к инновационной деятельности // Вопросы управления. 2024. № 6(18). С. 60-73. DOI: 10.22394/2304-3385-2024-6-60-73. EDN: DBTLVE.

Сысоев П. В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 10. С. 9-33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33. EDN: TZYTKM.

Сысоев, П. В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 31-53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53. EDN: VTAIUO.

Хуснутдинов А. Н. ИИ в образовании – революционное будущее обучения // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5, № 7(148). С. 127-133. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.07.05.015. EDN: CNCZOI.

Чевтаева Н. Г., Боброва О. В., Колл Е. Академическая честность в структуре устойчивой антикоррупционной позиции студента: опыт социологического анализа // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 10. С. 131-165. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-10-131-165. EDN: VHJCSF.

Чевтаева Н. Г., Никитина А. С., Вишневская А. В. Культура коммуникации преподавателя и студента как матрица формирования «soft skills» выпускника // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 12. С. 33-44. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44. EDN: HVSPG.

Шмелева Е. Д., Семенова Т. В. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 101-129. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129. EDN: DRSCII.

Adam L., Anderson, V. & Spronken-Smith R. 'It's not fair': Policy discourses and students' understandings of plagiarism in a New Zealand university // Higher Education. 2017. Vol. 74, № 1. Pp. 17-32. DOI: 10.1007/s10734-016-0025-9. EDN: EROASK.

AlZu'bi S., Mughaid A., Quiam F. & Hendawi S. Exploring the Capabilities and Limitations of ChatGPT and Alternative Big Language Models // Artificial Intelligence and Applications. 2023. Vol. 2, № 1. Pp. 28-37.

Amiri F., Razmjoo S. On iranian EFL undergraduate students' perceptions of plagiarism // Journal of Academic Ethics. 2016. Vol. 14, № 2. Pp. 115-131.

Cebrián-Robles V., Raposo-Rivas M., Sarmiento-Campos J. A. Ética o prácticas deshonestas? El plagio en las titulaciones de

educación // Revista de Educación. 2016. Vol. 374. Pp. 161-186.

Cebrián-Robles V., Raposo-Rivas M., Cebrián-de-la-Serna M. & Sarmiento-Campos J. A. Percepción sobre el plagio académico de estudiantes universitarios españoles // Educación XXI. 2018. Vol. 21, № 2. Pp. 105-129.

Curtis G. J., Vardanega L. Is plagiarism changing over time? A 10-year time-lag study with three points of measurement // Higher Education Research & Development. 2016. Vol. 35, № 6. Pp. 1167-1179.

Damian Okaibedi E. ChatGPT and the rise of generative AI: Threat to academic integrity? // Journal of Responsible Technology. 2023. Vol. 13. DOI: 10.1016/j.jrt.2023.100060. EDN: CDZZMF.

Denisova-Schmidt E. Academic Dishonesty at Russian Universities: A Historical Overview // Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2023. Vol. 32, № 1. Pp. 159-181. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-159-181. EDN: TWCKOM.

Di Paulo D. Do preservice teachers cheat in college, too? A quantitative study of academic integrity among preservice teachers // International Journal for Educational Integrity. 2022. Vol. 18, № 2. DOI: 10.1007/s40979-021-00097-3.

Foltynek T., Bjelobaba S., Glendinning I. et al. ENAI Recommendations on the ethical use of Artificial Intelligence in Education // International Journal for Educational Integrity. 2023. Vol. 19, № 12. DOI: 10.1007/s40979-023-00133-4.

Groumpos P. P. A Critical Historic Overview of Artificial Intelligence: Issues, Challenges, Opportunities, and Threats // Artificial Intelligence and Applications. 2023. Vol. 1, № 4. Pp. 181-197.

Kocoń J., Cichecki I., Kaszyca O., Kochanek M., Szydło D., Baran J. & Kazienko P. ChatGPT: Jack of all trades, master of none // Information Fusion. 2023. № 99. P. 101861. DOI: 10.1016/j.inffus.2023.101861. EDN: SDMKSA.

Madauss BJ. Project Management Implementation // Project Management. Springer, Berlin, Heidelberg, 2025. Pp. 561-595. DOI: 10.1007/978-3-662-69057-4_17.

Javaid M., Haleem A., Pratap Singh R., Khan Sh., Khan I. H. Unlocking the opportunities through ChatGPT Tool towards ameliorating the education system // BenchCouncil Transactions

on Benchmarks, Standards and Evaluations. 2013. Vol. 3. P. 100115.

Masum M. R., Tonex Training Systems Engineering and Project Management with AI Training by Tonex // Conference: Systems Engineering and Project Management with AI October 2024. DOI: 10.13140/PT.2.2.11797.95205.

Rospigliosi P. A. Artificial intelligence in teaching and learning: what questions should we ask of ChatGPT? // Interactive Learning Environments. 2023. Vol. 31, № 1. Pp. 1-3. DOI: 10.1080/10494820.2023.2180191. EDN: XLMMYJ.

Shahriar S., Hayawi K. Let's Have a Chat! A Conversation with ChatGPT: Technology, Applications, and Limitations // Artificial Intelligence and Applications. 2023. Vol. 2, № 1. Pp. 11-20. DOI: 10.1080/10494820.2023.2180191. EDN: XLMMYJ.

Sims Randi L. The relationship between academic dishonesty and unethical business practices // Journal of Education for Business. 1993. Vol. 68, № 4. Pp. 207-211.

References

Boronina, L. N., Kulminskaya, A. V., Markina, A. A., Reprinceva, N. E. (2024), "Manifestation of student agency in project training: case of a federal university", *Research Result. Sociology and management*, 10 (3), 200-216, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-3, EDN: OSXQTQ. (In Russian).

Vyaselev, R. I. (2024), "Specifics of the application of project forms of education in the preparation of communication-oriented students", *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*, 14 (4-1), 224-231, DOI: 10.25726/z2142-5882-5775-p, EDN: SYCSGE. (In Russian).

Glukhova, O. Ju., Gudov, A. M., Sirik, S. M. (2024), "Organization of project training in a higher education institution (on the example of Kemerovo State University)", *Razvitie obrazovaniya*, 7 (2), 12-20, DOI: 10.31483/r-109452, EDN: RVKOZZ. (In Russian).

Davydov, S. G., Matveeva, N. N., Ademukova, N. V., Vichkanova, A. A. (2024), "Artificial intelligence in Russian higher education: current state and development prospects", *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 28(3), 32-44,

DOI: 10.15826/umpa.2024.03.023,
EDN: FELSPP. (In Russian).

Koksharov, V. A., Hlebnikov, N. A., Sandler, D. G. (2024), "Comparative analysis of organizational models of project training in Russian universities", *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 28 (2), 17-28, DOI: 10.15826/umpa.2024.02.012, EDN: LMTQOS. (In Russian).

Nazarov, A. V. (2024), "Methodology for ranking the stakeholders of an educational organization", *Voprosy upravleniya*, 2(18), 65-80, EDN: TVENWK. (In Russian).

Pevnaya, M. V., Boronina, L. N., Kulminskaya, A. V. (2024), "Topical issues of the implementation of project training in higher education (based on the materials of the round table)", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 33 (12), 142-154, DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-12-142-154, EDN: DYRMKJ. (In Russian).

Simonova, A. A., Davydova, N. N. (2024), "The role of scientific and educational collaboration in the formation of the readiness of pedagogical teams for innovation", *Voprosy upravleniya*, 6 (18), 60-73, DOI: 10.22394/2304-3385-2024-6-60-73, EDN: DBTLVE. (In Russian).

Sysoev, P. V. (2023), "Artificial intelligence in education: awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies by teachers of higher education in professional activities", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 32 (10), 9-33, DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33, EDN: TZYTKM. (In Russian).

Sysoev, P. V. (2024), "Ethics and AI plagiarism in the academic environment: students' understanding of the observance of author's ethics and the problem of plagiarism in the process of interaction with generative artificial intelligence", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 33 (2), 31-53, DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53, EDN: VTAIUO. (In Russian).

Husnutdinov, A. N. (2024), "AI in education is the revolutionary future of learning", *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 5 (7), 127-133, DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.07.05.015, EDN: CNCZOI. (In Russian).

Chevtayeva, N. G., Bobrova, O. V., Kol, I. E. (2024), "Academic integrity in the structure of a student's stable anti-corruption position: experience in sociological analysis", *Obrazovanie i nauka*, 26 (10), 131-165. DOI: 10.17853/1994-

5639-2024-10-131-165, EDN: VHJCSF. (In Russian).

Chevtayeva, N. G., Nikitina, A. S., Vishnevskaya, A. V. (2020), "The culture of communication between a teacher and a student as a matrix for the formation of a "soft skills" graduate", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 29 (12), 33-44, DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44, EDN: HVSPGL. (In Russian).

Shmeleva, E. D., Semenova, T. V. (2019), "Academic fraud students learning motivation vs educational environment", *Voprosy obrazovaniya*, (3), 101-129, DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129, EDN: DRSCII. (In Russian).

Adam, L., Anderson, V. & Spronken-Smith, R. (2017), "It's not fair": Policy discourses and students' understandings of plagiarism in a New Zealand university", *Higher Education*, 74 (1), 17-32, DOI: 10.1007/s10734-016-0025-9, EDN: EROASK.

AlZu'bi, S., Mughaid, A., Quiam, F. & Hendawi, S. (2023), "Exploring the Capabilities and Limitations of ChatGPT and Alternative Big Language Models", *Artificial Intelligence and Applications*, 2 (1), 28-37.

Amiri, F. & Razmjoo, S. (2016), "On Iranian EFL undergraduate students' perceptions of plagiarism", *Journal of Academic Ethics*, 14 (2), 115-131.

Cebrián-Robles, V., Raposo-Rivas, M. & Sarmiento-Campos, J. A. (2016), "Ética o prácticas deshonestas? El plagio en las titulaciones de educación", *Revista de Educación*, 374, 161-186.

Cebrián-Robles, V., Raposo-Rivas, M., Cebrián-de-la-Serna, M. & Sarmiento-Campos, J. A. (2018), "Percepción sobre el plagio académico de estudiantes universitarios españoles", *Educación XXI*, 21 (2), 105-129.

Curtis, G. J. & Vardanega, L. (2016), "Is plagiarism changing over time? A 10-year time-lag study with three points of measurement", *Higher Education Research & Development*, 35 (6), 1167-1179.

Damian, Okaibedi Eke (2023), "ChatGPT and the rise of generative AI: Threat to academic integrity?", *Journal of Responsible Technology*, 13, 100060, DOI: 10.1016/j.jrt.2023.100060, EDN: CDZZMF.

Denisova-Schmidt, E. (2023), "Academic Dishonesty at Russian Universities: A Historical Overview", *Universe of Russia. Sociology*.

Ethnology, 32 (1), 159-181, DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-159-181, EDN: TWCKOM.

Di Paulo, D. (2022), "Do preservice teachers cheat in college, too? A quantitative study of academic integrity among preservice teachers", *International Journal for Educational Integrity*, 18 (2), DOI: 10.1007/s40979-021-00097-3.

Foltynek, T., Bjelobaba, S., Glendinning, I. et al. (2023), "ENAI Recommendations on the ethical use of Artificial Intelligence in Education", *International Journal for Educational Integrity*, 19(12), DOI: 10.1007/s40979-023-00133-4.

Groumpos, P. P. (2023), "A Critical Historic Overview of Artificial Intelligence: Issues, Challenges, Opportunities, and Threats", *Artificial Intelligence and Applications*, 1 (4), 181-197.

Kocoń, J., Cichecki, I., Kaszyca, O., Kochanek, M., Szydło, D., Baran J. & Kazienko P. (2023), "ChatGPT: Yack of all trades, master of none", *Information Fusion*, (99), 101861, DOI: 10.1016/j.inffus.2023.101861, EDN: SDMKA.

Madauss, B.J. (2025), "Project Management Implementation", *Project Management*, Springer, Berlin, Heidelberg, 561-595, DOI: 10.1007/978-3-662-69057-4_17.

Javaid, M., Haleem, A., Pratap Singh, R., Khan, Sh., Khan, I. H. (2013), "Unlocking the opportunities through ChatGPT Tool towards ameliorating the education system", *BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations*, (3), 100115.

Masum, M. R., Training, T. (2024), "Systems Engineering and Project Management with AI Training by Tonex", *Conference: Systems Engineering and Project Management with AI October 2024*, DOI: 10.13140/PG.2.2.11797.95205.

Rospigliosi, P. A. (2023), "Artificial intelligence in teaching and learning: what questions should we ask of ChatGPT?", *Interactive Learning Environments*, 31 (1), 1-3, DOI: 10.1080/10494820.2023.2180191, EDN: XLMMYJ.

Shahriar, S., & Hayawi, K. (2023), "Let's Have a Chat! A Conversation with ChatGPT: Technology, Applications, and Limitations", *Artificial Intelligence and Applications*, 2 (1), 11-20, DOI: 10.1080/10494820.2023.2180191, EDN: XLMMYJ.

Sims, R. L. (1993), "The relationship between academic dishonesty and unethical business practices", *Journal of Education for Business*, 68 (4), 207-211.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2025 г. Поступила после доработки 25 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г. Received 30 June 2025. Revised 25 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Чевтаева Наталия Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия.

Natalia G. Chevtayeva, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia.

Боброва Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, и.о. декана факультета государственного и муниципального управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия.

Olga V. Bobrova, Candidate of Sociological Sciences, Acting Dean of the Faculty of Public and Municipal Administration, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia.

Маковкина Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия.

Svetlana A. Makovkina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia.

Трофимова Ольга Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Уральского института управления – филиала Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия.

Olga M. Trofimova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Ural Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.33

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-4

Исследовательская статья

Гайдукова Г. Н.

Человеческий капитал студенческой молодежи
как предмет маркетинга персонала

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Средний проспект Васильевского острова, дом 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия
gaidukova-gn@ranepa.ru

Аннотация. Актуальность заявленной проблематики исследования определяется особой ролью студенческой молодежи как основного двигателя в наращивании и обновлении человеческого капитала страны, формирующего тем самым фундамент ее долгосрочной стабильности и модернизационного потенциала. Завышенные ожидания (в первую очередь зарплатные) при выходе на рынок труда ведут к неудачам в поисках работы, которые, в свою очередь, в определенной мере снижают человеческий капитал студентов появляющимися сомнениями в своих возможностях, квалификации и даже правильности выбора профессии. Правильно выстроенный маркетинг персонала помогает скорректировать ожидания студентов, предоставив им четкое понимание карьерных перспектив, тем самым сохранив и приумножив их человеческий капитал. *Научная проблема* заключается в противоречии между необходимостью развития и реализации человеческого капитала студенческой молодежи на современном рынке труда и дефицитом практики применения механизмов HR-маркетинга, позволяющего целенаправленно привлекать, развивать и удерживать молодежные кадры. Постановка и перспективы решения проблемы связаны с необходимостью эмпирически проанализировать опыт реализации человеческого капитала студенческой молодежи и определить ключевые точки приложения к указанному процессу инструментов маркетинга персонала. Для концептуализации в работе были использованы общие и частные *методы* научного исследования (анализ, синтез, аналогия, сравнение, конкретизация, метод формально-логического анализа, графический, структурно-функциональный методы), а также комплекс социологических методов исследования (анкетный опрос, полуструктурированное глубинное интервью). *Научные результаты.* Осмысление специфики процессов реализации человеческого капитала студенческой молодежи позволяет сделать вывод о необходимости его рассмотрения как отдельной категории, что обусловлено наличием ряда особенностей по сравнению с другими возрастными группами. Применение социологических методов позволило дополнить проведенный анализ и обосновать основные инструменты маркетинга персонала, направленные как на привлечение, так и на удержание и повышение вовлеченности молодежи в деятельность работодателя. *Выводы.* Суммарно человеческий капитал молодежи

отличает сочетание высокой обучаемости, цифровых и инновационных компетенций с дефицитом опыта, ресурсов и устойчивых социальных связей. Это делает молодое поколение одновременно главным драйвером трансформаций и наиболее чувствительной группой к структурным дисбалансам рынка труда. HR-маркетинг может выступить связующим звеном («мостом») между потенциальным человеческим капиталом студенческой молодежи и его практической реализацией в экономике. Его грамотное применение ускоряет превращение знаний и навыков в продуктивный труд, укрепляя конкурентоспособность компаний и национальной экономики в целом.

Ключевые слова: студенческая молодежь; человеческий капитал; маркетинг персонала; рынок труда; реализация человеческого капитала

Информация для цитирования: Гайдукова Г. Н. Человеческий капитал студенческой молодежи как предмет маркетинга персонала // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 243-262. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-4.

Research article

Galina N. Gaidukova

Human capital of student youth as a subject of personnel marketing

RANEPa St. Petersburg – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43 Sredny Ave., Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia
gaydukova-gn@ranepa.ru

Abstract. The *relevance* of the stated research problem is determined by the special role of student youth as the main engine in building up and updating the country's human capital, thereby forming the foundation of its long-term stability and modernization potential. Inflated expectations (primarily regarding salary) when entering the labour market can lead to unsuccessful job searches. This can reduce students' human capital by casting doubt on their capabilities, qualifications, and even the suitability of their chosen profession. Correctly structured personnel marketing helps to adjust students' expectations, providing them with a clear understanding of career prospects, thereby preserving and increasing their human capital. *The scientific problem* lies in the contradiction between the need to develop and implement the human capital of student youth in the modern labor market and the lack of practice in applying HR marketing mechanisms that allow for targeted attraction, development and retention of young personnel. The formulation and prospects for solving the problem are associated with the need to analyse the experience of implementing human capital among student youth empirically, and to determine the key points of applying personnel marketing tools to this process. For conceptualization, the work used general and specific *methods* of scientific research (analysis, synthesis, analogy, comparison, specification, the method of formal-logical analysis, graphic, structural-functional methods), as well as a set of sociological research methods (questionnaire survey, semi-structured in-depth interview). *Research Results.* Understanding the specifics of the processes of implementing the human capital of student youth allows us to conclude that it is necessary to consider it as a separate category, which is due to the presence of a number of features in comparison with other age groups. The use of sociological methods made it possible to supplement the analysis and substantiate the main tools of personnel

marketing aimed at both attracting and retaining and increasing the involvement of young people in the activities of the employer. *Conclusions.* In total, the human capital of young people is distinguished by a combination of high learning ability, digital and innovative competencies with a deficit of experience, resources and stable social connections. This makes the younger generation both the main driver of transformations and the most sensitive group to structural imbalances in the labor market. HR marketing can act as a link (“bridge”) between the potential human capital of student youth and its practical implementation in the economy. Its competent application accelerates the transformation of knowledge and skills into productive work, strengthening the competitiveness of companies and the national economy as a whole.

Keywords: student youth; human capital; personnel marketing; labor market; implementation of human capital

Information for citation: Gaidukova, G. N. (2025), “Human capital of student youth as a subject of personnel marketing”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 243-262. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-4.

Введение (Introduction). Развитие человеческого капитала в современных условиях выступает мощнейшим фактором экономического процветания государства, повышения эффективности экономики и социально-экономического развития общества. Молодежь составляет наиболее динамичную, гибкую и перспективную часть этого капитала, т.к. именно в этом возрасте формируются профессиональные навыки, ценностные установки и модели поведения, не только определяющие потенциальное предложение рабочей силы, но и траекторию развития общества на десятилетия вперед.

Укрепление молодежного сегмента человеческого капитала становится критически важным для экономической диверсификации, технологического суверенитета и социальной гармонии. В долгосрочной перспективе эффективность национальных экономик во многом будет определяться тем, как рано и насколько качественно они начинают инвестировать в человеческий капитал молодежи, превращая ресурсы знаний, здоровья и мотивации в реальный инновационный и социальный эффект.

В свою очередь, студенческая молодежь выступает ключевым катализатором накопления и обновления человеческого капитала, обеспечивая долгосрочную устойчивость и

модернизационный потенциал государства. С одной стороны, возраст 18-24 года совпадает с фазой интенсивного накопления знаний, навыков и социального опыта, а университетская среда формирует «тройной» капитал: профессиональный (hard skills), социальный (нетворкинг, умение работать в командах) и культурный (ценности, креативность). С другой стороны, молодежь значительно более уязвима в финансовом и социальном отношении по сравнению с опытными коллегами¹. Завышенные ожидания (в первую очередь зарплатные) при выходе на рынок труда ведут к неудачам в поисках работы, которые, в свою очередь, в определенной мере снижают человеческий капитал студентов появляющимися сомнениями в своих возможностях, квалификации и даже правильности выбора профессии.

Одним из наиболее эффективных инструментов решения указанной проблемы может выступить маркетинг персонала как система инструментов и

¹ Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in transforming futures for young people [Online], available at: <https://www.ilo.org/publications/major-publications/global-employment-trends-youth-2022-investing-transforming-futures-young> (Accessed 4 May 2025).

технологий, посредством которых организация формирует и продвигает ценностное предложение работодателя, привлекает, развивает и удерживает целевые группы кандидатов. Говоря более конкретно о человеческом капитале студенческой молодежи, маркетинг персонала связывает воедино три ключевые подсистемы: бизнес (потребность в кадрах), университет (площадка накопления знаний) и самих студентов (носителей человеческого капитала). К сожалению, в настоящее время применение инструментов HR-маркетинга в отношении студенчества не нашло широко распространения в отечественной практике, несмотря на то что это обоудовыгодный механизм трудоустройства: для компании – это ресурс в долгие «жизненный цикл» (вложившись сегодня, работодатель получает лояльного и профессионального растущего сотрудника на годы вперед); для студентов – устранение разрыва «образование – работа», ранний карьерный рост.

Методология и методы (Methodology and Methods). Исследование базируется на комплексной методической основе, главными ориентирами которой выступили: теория поколений Нила Хоува и Уильяма Штрауса (Howe, Strauss, 2007), задавшая возрастно-культурный контекст анализа; структурный конструктивизм Пьера Бурдьё (Бурдьё, 2001), позволивший рассматривать социальные поля и формы капитала; теория человеческого капитала Гэри Беккера (Becker, 1964) и Теодора Шульца (Schultz, 1963), подчеркивающая значение инвестиций в знания и навыки. Дополняет эту триаду общенаучный системный подход, обеспечивающий целостное рассмотрение проблемы реализации человеческого капитала студенческой молодежи и интегрирующий социологические методы оценки.

Современные ученые продолжают исследования динамики накопления и

использования человеческого капитала молодежи. В частности, Е. А. Камышина определяет получение базового высшего образования как один из факторов формирования качественного человеческого капитала, а рынок труда относит к «принципиально новым каналам социализации, оказывающим сильное влияние на процессы формирования студенческой молодежи, ее адаптации в радикально меняющемся обществе» (Камышина, 2022: 439). В работах отечественных исследователей достаточно широко представлены качественные характеристики различных компонентов человеческого потенциала молодежи: С. В. Карпова предложила «систему мотивации молодежи к повышению качества жизни как фактору формирования человеческого капитала через внедрение принципов соблюдения здорового образа жизни» (Карпова, 2022); Л. Н. Боронина, А. А. Балясов (Боронина, Балясов, 2020), Л. Г. Титаренко (Титаренко, 2019), Е. Е. Ушенков (2020) рассматривали когнитивную составляющую; А. С. Юсупова (Юсупова, 2025), А. А. Boat, A. K. Syvertsen, P. C. Scales (Boat, Syvertsen, Scales, 2021) – социокультурный базис.

Конкретные поведенческие предрасположенности (диспозиции), характеризующие способы реализации молодыми людьми собственных жизненных выборов, проанализированы Ю. А. Зубок (Зубок, 2022), О. В. Сорокиным (Сорокин, 2020; 2022). В свою очередь, М. В. Рыбакова (Рыбакова, 2019), И. С. Шаповалова (Шаповалова, 2024), А. В. Andersson (Andersson, 2021) раскрыли ключевые проблемы развития молодежного человеческого потенциала.

Социологический аспект исследования профессиональных, карьерных и статусных ожиданий студентов представлены в научных трудах А. А. Алексеенко, К. В. Наливайко, Тянь Сяоюй (Алексеенко, Наливайко,

Тянь Сяюй, 2025), В. Ю. Бочарова, В. В. Гаврилюк (Бочаров, Гаврилюк, 2024), О.А. Золотиной, М. А. Серпуховой (Золотина, Серпухова, 2023), А. В. Кисиленко, И. С. Шаповаловой (Кисиленко, Шаповалова, 2023), Г. В. Леонидовой, А. В. Фетюкова (Леонидова, Фетюков, 2024), Е. М. Тарасовой (Тарасова, 2020), С. В. Хашаевой (Хашаева, 2023), которые стали основой для сопоставительного анализа данных нашего эмпирического исследования.

Отдельную группу представляют исследования, раскрывающие специфику адаптации молодежи на рынке труда в рамках концепции формирования человеческого капитала, как, например, в статье А. В. Зинич, О. С. Евдохина, О. В. Кондратьева (Зинич, Евдохина, Кондратьева, 2018), где систематизированы методические основания, позволяющие всесторонне отразить механизмы профессиональной адаптации, а также проведена комплексная диагностика и углубленный анализ проблемных аспектов при вхождении молодых людей на рынок труда.

В настоящее время достаточно редки исследования, рассматривающие человеческий капитал молодежи как предмет маркетинга персонала. В некоторых исследованиях предпринимаются попытки анализа особенностей применения маркетинга при подборе персонала в социальных сетях, в частности, в сети ВКонтакте, которая ориентирована именно на молодежную аудиторию (Мартынова, 2023; Павлова, Сергеева, 2020; Семина, 2020). Кроме того, У. А. Назаровой и Н. А. Грачевой (Назарова, Грачева, 2014) были предложены мероприятия по использованию регионального маркетинга для решения проблемы постобразовательной миграции. Однако, молодежь, в том числе студенческая, не выделяется как отдельная подсистема

HR-маркетинга, и соответственно, не актуализируются специфические инструменты воздействия на данную возрастную группу.

Целью работы выступает попытка эмпирически проанализировать опыт реализации человеческого капитала студенческой молодежи и определить ключевые точки приложения к указанному процессу инструментов маркетинга персонала.

Эмпирической базой выступило авторское социологическое исследование «Карьерные потребности и перспективы студенческой молодежи». Объектом исследования выступили в равной пропорции студенты гуманитарных специальностей Северо-Западного Института управления – филиал РАНХиГС г. Санкт-Петербург (N=200) и Белгородского государственного национального исследовательского университета (N=200), распределенные по полу и курсу обучения (ошибка выборки 1,96%, доверительная вероятность 95%). Количественный анализ был дополнен полуструктурированным глубинным интервью со студентами выпускного курса (N=20), направленным на выявление наиболее перспективных маркетинговых инструментов привлечения и удержания молодых людей в компаниях. Частотный анализ полученных в ходе опроса данных осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics.

Методика реализуется в рамках количественной парадигмы: данные массового анкетного опроса позволяют комплексно отслеживать, каким образом опыт трудоустройства, ценность текущих практик и карьерные ожидания воздействуют на поведение индивида. В этом аналитическом поле обучение студента в университете трактуется как важный этап становления и развития его человеческого потенциала, интегрированного в общих жизненный путь.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Человеческий капитал – это центральный фактор, связывающий экономический успех, устойчивость социальных систем и личное благополучие. В нашем исследовании под человеческим капиталом понимается совокупность производительных навыков (знаний, компетенций, физических

возможностей, мотивации), которыми человек обладает, может использовать для получения дохода на рынке труда, и которые повышают его способность создавать новую экономическую и социальную ценность. Структурно человеческий капитал может быть представлен следующими элементами (Рисунок 1):

Рисунок 1. Структурные элементы понятия «человеческий капитал»
Figure 1. Structural elements of the concept of “human capital”

В отличие от финансовых активов, человеческий капитал неотделим от самой личности, его нельзя продать или купить. Накопление человеческого капитала происходит на протяжении всей жизни индивида и представляет собой достаточно динамичный процесс развития, совершенствования и адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям, обуславливающий экономическую продуктивность и социальную активность людей.

Рассмотрение молодежного человеческого капитала как отдельной категории обусловлена наличием ряда особенностей по сравнению с другими

возрастными группами. Во-первых, молодежь (в особенности студенческая) находится на так называемой «инвестиционной» стадии, когда большинство ресурсов времени и энергии направлено на обучение, получение квалификации, формирование универсальных навыков, тогда как у старших групп преобладает стадия «монетизации» (применение накопленного опыта) или «вывода человеческого капитала» (передача знаний и уход из активной занятости). Сложившийся тренд на непрерывное образование (Lifelong learning) в определенной части размывает указанное различие, но темпы и

возможности накопления навыков и компетенций остаются у молодых людей более высокими. Как следствие, во-вторых, как показывают нейрофизиологические исследования, скорость усвоения новой информации, переключаемость внимания и способность к многозадачности максимальны именно в молодом возрасте (Andersson, 2021). Это дает преимущество в освоении быстро меняющихся технологий (AI, big data, VR) и в переобучении. В-третьих, подрастающее поколение социализируется в цифровой среде, где навыки работы с информационными системами и коммуникационными платформами формируются органично, а не через дополнительное обучение. Это переводит конкурентную борьбу на уровень качественного использования данных, а не просто владения базовыми ИКТ-компетенциями. В-четвертых, необходимо отметить ограниченный социальный и финансовый капитал. Сеть профессиональных контактов, накопления и репутация только формируются, поэтому молодые специалисты более зависимы от наставничества, программ поддержки и доступности кредитных ресурсов. Старшие группы обладают расширенными социальным капиталом, который часто

компенсирует технологические или когнитивные ограничения. В-пятых, уязвимость на рынке труда – без опыта и с неопределенностью карьерных перспектив молодежь чаще сталкивается с неформальной занятостью, временными контрактами и повышенным уровнем безработицы.

Дизайн нашего исследования был построен в рамках попытки определить, в первую очередь, не уровень сформированности человеческого капитала студенческой молодежи, а специфику его реализации на рынке труда в современных условиях. Результаты массового опроса показали высокую активность молодежи в поисках работы, т.к. чем раньше и системнее студент начинает проявлять инициативу, тем выше его шансы выйти на рынок труда с релевантным опытом и устойчивыми профессиональными контактами. Так, во время своего обучения только 7,9% респондентов не пробовали устроиться на работу, а практически половина (47,6%) предприняли от 3 до 5 попыток (Рисунок 2). Примечательно, что по данным исследования (Демьянченко, 2018: 233) в 2016 году доля студентов, стремящихся к трудоустройству, составляла всего 24,7%.

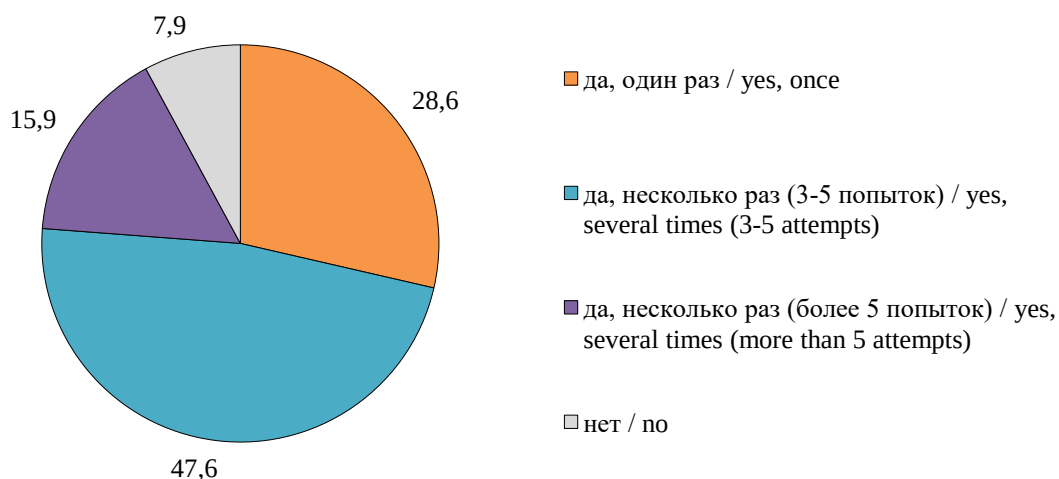

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос:

«Пытались ли Вы устроиться на работу во время Вашего обучения?», %

Figure 2. Respondents' answers to the question: "Did you try to find a job during your studies?", %

Полученные данные в целом согласуются с результатами общероссийских исследований, в которых отмечается, что «почти половина (45%) российских студентов колледжей и вузов работают параллельно с учебой, еще 39% пока не устроились, но ищут такую возможность» (Одинцов, 2024). Данные выборочного обследования рабочей силы (IV квартал 2023 г.), проводимого Федеральной службой государственной статистики, свидетельствуют, что 27% студентов очной формы обучения имеют оплачиваемую работу². В свою очередь, опрос, проведенный онлайн-платформой поиска работы и подбора персонала SuperJob (2023 г.), показал, что 54% студентов 3-5 курсов работают (36% – частичная занятость, 18% – полная занятость).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о существенном повышении активности студенческой молодежи на рынке труда и осознании, что трудоустройство во время учебы выступает не только способом обеспечения финансовой независимости, но и стратегическим шагом, который закладывает фундамент профессионального и личностного развития.

При выборе потенциального работодателя, помимо размера заработной платы и материальной мотивации (84,1% респондентов), студенты обращают особое внимание на карьерные перспективы (69,8%), комфортные условия труда (65,1%), возможности профессионального развития (61,9%) и удобный график (58,7%) – Рисунок 3.

Необходимо отметить, что исследование китайских студентов, дало схожие результаты: «для большинства студенческой молодежи будущая профессия, работа – то первостепенно

высокая заработная плата (61%). Вторым по популярности стал ответ о возможности карьерного роста, об этом заявило почти 59% студенческой молодежи» (Алексеев, Наливайко, Тянь Сяюй, 2025: 8).

Исследование не выявило существенных расхождений при определении ключевых параметров потенциальных работодателей между студентами различных ВУЗов. В тоже время необходимо отметить, что студенты выпускных курсов больше внимания обращают на баланс между карьерой и личной жизнью (61,5% респондентов выпускников по сравнению с 52,8% молодых людей других курсов обучения), а также на гарантии долгосрочной занятости (34,6% и 8,3% соответственно).

Значение системы нематериального стимулирования как мощного инструмента эффективного управления персоналом компаний отмечается многими отечественными и зарубежными авторами (Бордунос, Завьялова, 2024; Иванова, 2020; Павленко, 2015; Banerjee, Bhattacharyya, Bose, 2023; Cui, Yang, Ren, Lowry, Du, 2025). Однако, наше исследование показало, что, за исключением удобного графика работы (58,7%), система нематериального стимулирования находится в самом конце перечня факторов выбора потенциальных работодателей (4,8%). Причины сложившейся ситуации лежат на пересечении экономических, психологических и социокультурных трендов. Во-первых, экономический базис студенческой молодежи остается нерешенным. По пирамиде Маслоу приоритет отдается физиологическим и базовым социальным нуждам. Многие молодые люди арендуют жилье, самостоятельно оплачивают свое обучение, помогают семьям. Пока «подушка» финансовой безопасности не создана, нематериальное стимулирование воспринимается как приятный бонус, а не действенный механизм мотивации.

² Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 24.05.2025).

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На что Вы обращаете особое внимание при выборе потенциального работодателя (отметьте не более 5 вариантов)?», %
Figure 3. Respondents' answers to the question: "What do you pay special attention to when choosing a potential employer (check no more than 5 options)?", %

Во-вторых, современная молодежь выходит на рынок труда в среднем позже (из-за более длительного обучения), но стремится быстрее перейти к финансовой независимости, и денежное вознаграждение видится наиболее прямым путем. Одновременно с этим, родители, поддерживающие студента во время обучения, ожидают «окупаемости» образования, усиливая денежную установку.

В-третьих, молодежи присущ более короткий горизонт планирования. Они чаще меняют работодателей (job-hopping), а нематериальные стимулы обычно рассчитаны на долгосрочную лояльность. Если молодой человек планирует работать в компании 1-2 года, эти бонусы

обесцениваются. Кроме того, присутствует и ограниченное понимание ценности нематериальных стимулов – у студентов мало опыта, чтобы оценить пользу наставничества, расширенной медицинской страховки или пенсионных программ. Они видят немедленную выгоду в деньгах, тогда как долгосрочные эффекты требуют осознанности.

В-четвертых, существенную роль играет изменившаяся культура потребления и социальные сети. Цифровая среда транслирует образ успеха через материальные атрибуты (автомобили, гаджеты, путешествия, lifestyle), что усиливает фиксацию на доходе как ключевом индикаторе статуса.

Выявленная специфика студенческой молодежи (Рисунок 4).
подтверждается зарплатными ожиданиями

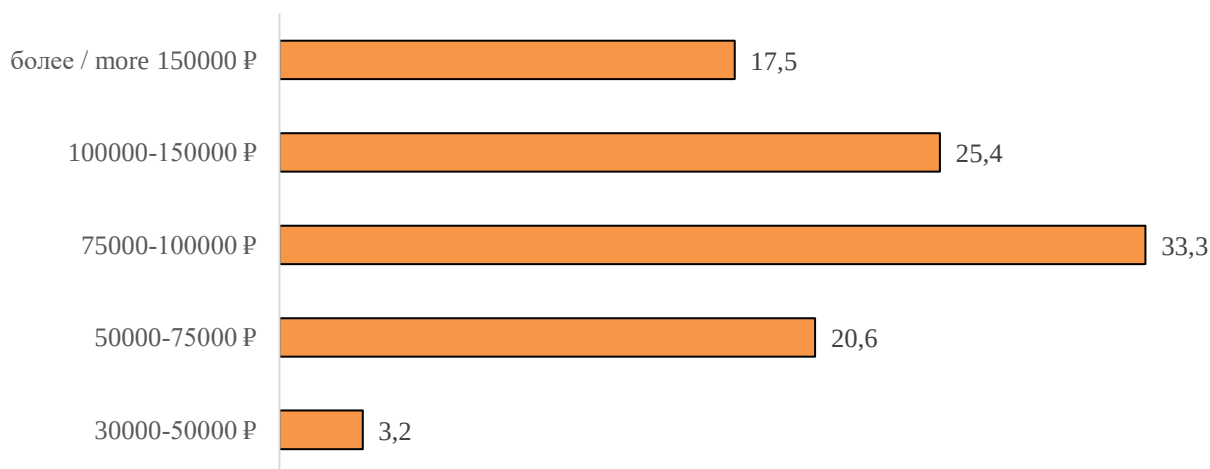

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой ожидаемый уровень ежемесячного дохода Вы рассматриваете при полной занятости?», %

Figure 4. Respondents' answers to the question: "What is your expected monthly income level if you are working full time?", %

Зарплатные ожидания респондентов в целом соответствуют картине, сложившейся на рынке труда. По оценкам Федеральной службы государственной статистики среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике составила в 2024 году 87951,5 руб.³ К сожалению, в настоящее время статистические данные о доходах студенческой молодежи не аккумулируются и могут быть оценены только на основе исследований различных компаний. Так, карьерная платформа Changellenge⁴ выявила, что средний ожидаемых доход учащейся молодежи составляет 79,4 тыс. руб., увеличившись таким образом по сравнению с 2024 годом на 16,4%.

Каждый третий опрошенный молодой человек планирует зарабатывать

от 75 до 100 тыс. руб., каждый четвертый – от 100 до 150 тыс. руб., а 17,5% рассчитывают на доход более 150 тыс. руб. Необходимо отметить, что белгородские студенты чаще выбирали размер ожидаемого ежемесячного дохода в 50-75 тыс. руб. – 26,3% по сравнению с 16,3% учащихся Северо-западного института управления, а студенческая молодежь г. Санкт-Петербурга вариант более 150 тыс. руб. (20,9% в сравнении 10,5%), что также вполне соответствует рынку труда.

Схожие данные были получены авторами мониторингового исследования «Образовательный путь студента ТюмГУ в условиях индивидуальных образовательных траекторий»⁵: 30% первокурсников и 33,8% студентов выпускных курсов рассчитывают на доход в размере 50-70 тыс. руб., 17,7% и 15,8% соответственно на заработную плату в 70-100 тыс. руб. (Бочаров В.Ю., Гаврилюк, 2024: 443).

³ ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57824> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Исследование проводилось в октябре-декабре 2024 г. Выборка составила более 8000 студентов из 40 ВУЗов России. URL: <https://changellenge.com/tpage/bca-2025-results/> (дата обращения: 21.05.2025).

⁵ Панельный массовый опрос студентов ТюмГУ, обучающихся на первом (декабрь 2022 г., N=1000) и четвёртом (выпускном) курсах бакалавриата (апрель 2023 г., N=856).

Однако, очень часто зарплатные ожидания студентов достаточно часто не соответствуют реальным возможностям при трудоустройстве, т.к. достаточно небольшая доля работодателей готова платить молодым специалистам сопоставимую со среднеотраслевой заработную плату. Исследование показало, что, как правило, завышенные зарплатные перспективы были у респондентов, не имеющих опыта работы или стажировок, а имеющие такой опыт уже более трезво оценивают свои возможности и их аппетиты в отношении планируемого дохода более умеренные.

В рамках нашего исследования были определены основные способы поиска и устройства на желаемую должность. Так, в рамках поиска работы 79,7% респондентов

использовали традиционный формат трудоустройства, предусматривающий анализ рынка вакансий, подготовку и размещение резюме и сопроводительных писем, отклик на вакансии, очные / онлайн интервью. Маркетинговый формат, включающий отраслевые мероприятия, проекты, профессиональное портфолио, формирование уникального торгового предложения и личного стиля коммуникации, использовали только 10,2% студентов. При этом маркетинговый формат показал большую эффективность (Рисунок 5). Так, попытки поиска работы в традиционном формате были успешными у 48,6% молодых людей, тогда как результативность трудоустройства с использованием маркетинговых инструментов составила 75,6%.

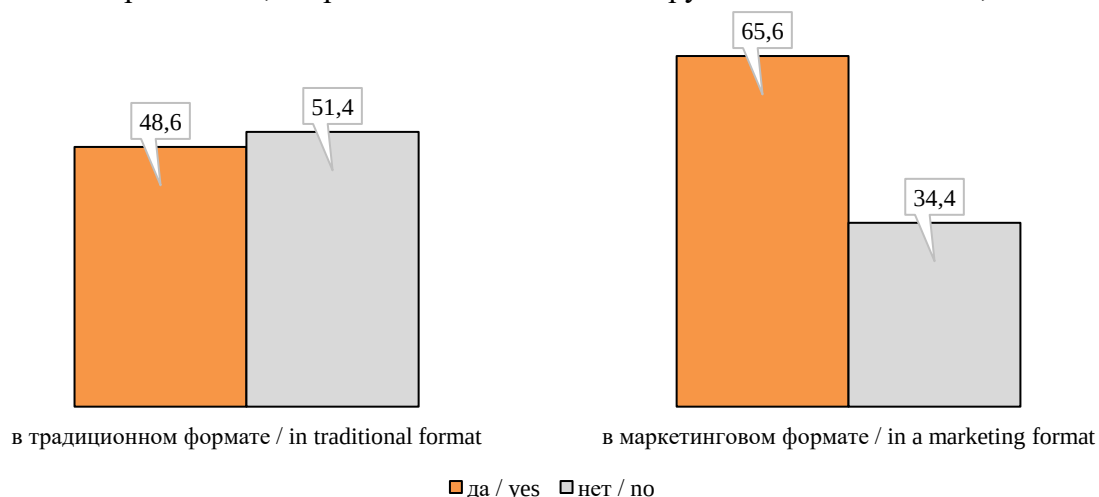

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В результате попыток устройства на работу с разных форматах удалось ли Вам это?», %

Figure 5. Respondents' answers to the question: "Did you manage to do this as a result of trying to work with different formats?", %

Большинство респондентов (57,1%) рассматривают полную занятость как наиболее подходящий для них формат трудоустройства. В то же время, каждый третий предпочитает гибкую занятость, в том числе различные гибридные варианты работы, сочетающие работу в офисе и онлайн. Таким образом, молодежь выбирает гибкие формы полной занятости благодаря сочетанию технологической доступности (развитие облачных сервисов

и коллаборативных инструментов устранило необходимость постоянного физического присутствия в офисе), ценностного запроса на свободу и экономическую привлекательность, а также трансформации самого рынка труда, который все реже предлагает «работу на всю жизнь».

Данный тезис подтверждается и тем, что только 11,1% студентов рассматривают трудоустройство только по

специальности, получаемой ими в настоящее время, тогда как 34,9% опрошенных готовы рассматривать непрофильные варианты, а 50,8% устраивают все варианты трудоустройства. «На современном рынке труда достаточно острой является проблема слабой идентификации студента со своей будущей профессией. Следствием этого является распространённая практика непрофильности трудоустройства выпускников вузов России, которая касается всех направлений подготовки и всех регионов страны» (Бочаров, Гаврилюк, 2024: 441).

Таким образом, существенно

возросшая активность учащейся молодежи на рынке труда и их потребность в реализации гибких или гибридных форматов занятости актуализируют проблематику развития маркетинга персонала на отечественных предприятиях. Для современных студентов при выборе работодателя важны репутация компании (44,4% выбрали вариант «да» и 42,9% вариант «скорее да, чем нет»), наличие корпоративных ценностей и социальной ответственности (33,3% и 52,4% соответственно), а также наличие маркетинговой стратегии компании в сфере развития персонала (Рисунок 6).

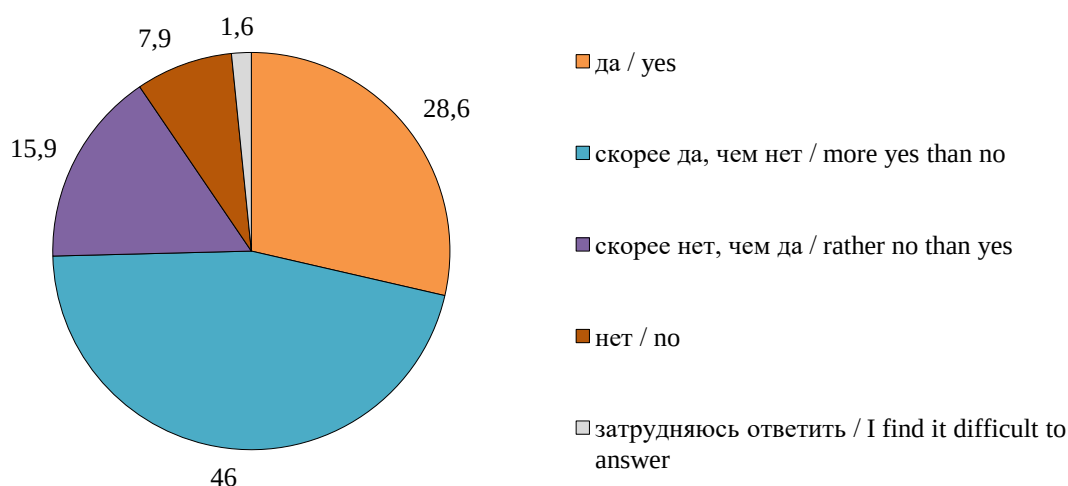

Рисунок 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Влияет ли наличие маркетинговой стратегии компании в сфере развития персонала на Ваш выбор работодателя?», %

Figure 6. Respondents' answers to the question: "Does the presence of a company's marketing strategy in the area of personnel development influence your choice of employer?", %

На фоне роста доли и численности российской молодежи группы NEET⁶ (Шестакова, Скворцова, Кузьмина, 2019) именно человеческий капитал молодежи, в том числе и в особенности студенческой, может стать драйвером развития и повышения эффективности

национальной экономики. Государство со своей стороны проводит серьезную работу по обеспечению молодых людей возможностями не только получения востребованной специальности, но и участия в различных активностях, направленных на раскрытие научного, творческого и профессионального потенциалов (например, национальный проект «Молодежь и дети», включающий 9 федеральных проектов, проекты Федерального агентства по делам

⁶ Аббревиатура NEET – сокращенное от английского выражения «Not in Employment, Education or Training», то есть та часть, молодежи, которая не обучается и не работает.

молодежи и Движения первых). В рамках рассматриваемой темы наибольший интерес представляет реализуемый с 2021 года Всероссийский студенческий конкурс «Твой ход», позволяющий студентам самостоятельно формировать траекторию своего развития и получать поддержку на реализацию собственных инициатив. В 2021-2024 годах участниками конкурса «Твой Ход» стали 1635 тыс. человек, а 800 победителей конкурса получили денежную премию в 1 млн рублей.

В свою очередь, отечественные компании должны суметь привлечь к себе молодых людей и предотвратить «утечку мозгов», причем не только за рубеж, но и в непрофильные сферы деятельности. Такая комплексная задача, требующая одновременного воздействия на экономические, институциональные, социальные и личностные факторы молодого специалиста, может быть решена с использованием инструментов маркетинга персонала.

Маркетинг персонала – это системный комплекс методов и инструментов, основанный на механизмах классического маркетинга, применяемый к управлению человеческими ресурсами с целью 1) привлечения нужных кандидатов на рынке труда; 2) удержания ценных кадров внутри компании; 3) повышения вовлеченности и производительности персонала; 4) формирования и поддержания привлекательного образа работодателя.

Ключевыми особенностями данного вида маркетинга выступают, во-первых, двухсторонняя ориентация – на внешний (соискатели) и внутренний (сотрудники) рынок труда; во-вторых, клиентоцентричность, когда сотрудник (существующий или потенциальный) рассматривается как «клиент» с осознанными потребностями.

В данном контексте предметом маркетинга персонала выступает совокупность экономических, социальных и коммуникативных отношений,

процессов и инструментов, направленных на формирование, привлечение, развитие, мотивацию и удержание трудовых ресурсов, а также создание ценностного предложения работодателя для внутренних и внешних целевых аудиторий. Таким образом, предмет маркетинга персонала охватывает не только операции найма, но и всю экосистему отношений «человек – труд – организация», включая исследование мотивационных драйверов, разработку привлекательных предложений и их эффективную коммуникацию, что обеспечивает стратегическое соответствие кадрового потенциала долгосрочным целям бизнеса.

Систему организации маркетинга персонала целесообразно представить, как интеграцию трех взаимодополняющих блоков:

- блок управления человеческим капиталом, включающий формирование кадрового потенциала (привлечение и отбор), его рациональное использование (планирование организационной структуры, адаптация), развитие компетенций (обучение, наставничество, карьерные треки), активизация человеческого капитала (мотивация, вовлеченность, корпоративная культура);

- блок управления организационным поведением, охватывающим две подсистемы: маркетинговую, отвечающую за исследование внутренних и внешних потребностей, сегментацию и позиционирование работодателя; управленческую, регулирующую модели поведения сотрудников внутри организации (нормы, ценности, ролевые ожидания);

- блок управления HR-брендом компании, состоящий из непосредственно управления брендом работодателя и его коммуникации с рынком труда; индивидуального бренда сотрудников (репутация экспертов, амбассадорство); HR-брендовых коммуникаций (цифровые каналы, офлайн-события, PR-инициативы);

развитие и эволюция HR-бренда (мониторинг восприятия, корректировка стратегии).

Таким образом, процессы реализации человеческого капитала студенческой молодежи инструментами маркетинга персонала будут реализованы в первом блоке системы. Полуструктурированное углубленное интервью со студентами позволило выделить следующие наиболее эффективные механизмы маркетинга персонала, направленные на:

1) привлечение молодежи:

- хакатоны, код-баттлы, бизнес-симуляторы, AR-квесты по офису и производству;

- публикация действующими сотрудниками сторис или постов с хештегом #ЖизньВКомании (63,5% респондентов используют социальные сети для изучения информации о потенциальном работодателе);

- коллаборации с микро-инфлюенсерами и студенческими лидерами в форматах совместных стримов, гостевых блогов, кастомного мерча;

- совместные курсы на образовательных платформах (например, Stepik, Skillbox) с брендингом работодателя;

2) обеспечение долгосрочного сотрудничества:

- игровые стимуляторы для отработки профессиональных и универсальных навыков (например, VR-переговоры);

- геймификация работы (например, «уникальные стикеры и заставки на экран “Домой” с ссылкой на трудовую деятельность: “Без ТЗ результат ХЗ” и так далее» – студентка 4 курса, г. Санкт-Петербург) и KPI, включающая применение игровых механик (баллы, уровни, бейджи, рейтинги, «лотереи» наград для повышения вовлеченности мотивации молодежи. Эмоциональный отклик, соревновательный элемент и мгновенные «микронаграды» делают ежедневную

работу более интересной, а сотрудники воспринимают бренд работодателя как современный, заботящийся о развитии и дерутинизации бизнес-процессов;

- оплачиваемые стажировки, совмещенные с наставничеством. Такая практика широко распространена в зарубежных странах. Так, в США выстроена институциональная «фабрика талантов», когда процессы централизованы на уровне HR-рынка (карьерные ярмарки, единая культура оплачиваемых летних стажировок), и, как правило, американские стажировки чаще завершаются предложением работы. В странах Европейского союза существует национальное дробление наряду с мощной академической интеграцией через Erasmus + ⁷. Российская модель организации стажировок (с учетом, безусловно, международного опыта) должна, с нашей точки зрения, строиться на трехстороннем договоре «Университет – Компания – Стажер», обеспечивающем научную подготовку, трудовые гарантии и карьерный капитал, с учетом институциональных рамок, надстраиваемых государством (бюджетное финансирование, гранты, налоговые льготы);

- корпоративные акселераторы внутренних стартап проектов позволяет сформировать кадровый резерв (по итогам компания получает «скрининговую» воронку перспективных специалистов), развивать компетенции и вовлеченность сотрудников, обеспечивает возможность

⁷ Программа Erasmus+ поддерживает практику стажировки за рубежом на любом рабочем месте для студентов, обучающихся в настоящее время в высших учебных заведениях стран-участниц программы по программам бакалавриата и магистратуры, а также для докторантов. Эти возможности также доступны недавним выпускникам. Стажировки за рубежом могут финансироваться на срок от 2 до 12 месяцев. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/opportunities/opportunities-for-individuals/students/traineeships-abroad-for-students> (дата обращения: 18.06.2025).

молодым людям запустить собственный проект без ухода из компании (снижение риска потери инициативных сотрудников);

– индивидуальные программы для молодых специалистов с четкими условиями роста и развития на первые 3-5 лет.

Однако, внедрение любых технологий и инструментов (и маркетинг персонала здесь не будет исключением) несет в себе потенциальные риски, рассмотрение и учет которых необходимы для их оптимального применения. Например, геймификация может смещать мотивацию с внутренних ценностей на внешние награды, повышая текучесть кадров, когда «игра» надоедает. Кроме того, активное ее применение, особенно среди молодежи, приводит к нарушению баланса труда и отдыха – погоня за очками или баллами стимулирует переработки, что чревато профессиональным выгоранием; а вывешивание метрик продуктивности несет риск раскрытия персональных данных или коммерческих секретов.

Таким образом, маркетинг персонала позволяет превратить процесс найма и удержания молодежи из разрозненных мероприятий в единую стратегию: от точного позиционирования и цифровых каналов привлечения до персонализированного развития и геймификации карьеры. Такой подход повышает конкурентоспособность компании на рынке труда, усиливает инновационный потенциал и формирует устойчивый кадровый резерв. Одновременно с этим решается проблема частой смены работы молодых людей, что неоднократно отмечалось экспертным сообществом⁸. HR-маркетинг превращает

вовлечение молодежи в системный процесс, делая его живым, персонализированным и динамичным. Он связывает развитие, культуру, коммуникации и аналитику в единую экосистему, где молодой специалист чувствует ценность и перспективу внутри компании. Одновременно с этим учет потенциальных рисков обеспечит прозрачность и высокую эффективность применения инструментов маркетинга персонала.

Заключение (Conclusions).

Человеческий капитал молодежи – это главный нематериальный ресурс XXI века. Индивид, компания и государство, которые системно инвестируют в знания, навыки и здоровье, получают конкурентное преимущество, устойчивый экономический рост и социальное благополучие. Суммарно человеческий капитал молодежи отличает сочетание высокой обучаемости, цифровых и инновационных компетенций с дефицитом опыта, ресурсов и устойчивых социальных связей. Это делает молодое поколение одновременно главным драйвером трансформаций и наиболее чувствительной группой к структурным дисбалансам рынка труда.

Актуальность проблемы накопления и реализации человеческого капитала у молодого поколения вызывает серьезное беспокойство. Несмотря на то, что современная молодежь обладает сравнительно более высоким уровнем профессиональной подготовки, чем предыдущие поколения, трудовая реальность остается для них крайне напряженной. Столкнувшись с нестабильностью рынка труда, они выбирают «тактические» стратегии: продлевают период обучения в колледжах и университетах, поступают на второе или последующие высшее образование без четкого карьерного плана, дольше остаются жить с родителями, откладывая экономическую самостоятельность. В тоже время, даже возросший образовательный

⁸ Например, в Экспертно-аналитическом докладе «Трудоустройство молодежи в современной России: возможности, проблемы и решения» // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

ценз не привел к заметному смягчению трудовых рисков: молодые специалисты по-прежнему сталкиваются с возрастной дискриминацией, а сам рынок труда все сильнее сегментируется, оставляя значительную часть выпускников в зоне уязвимости. Таким образом, наличие диплома перестает быть гарантией успешной интеграции в экономику, а вопрос эффективного использования молодежного человеческого капитала остается открытым.

Активное применение компаниями инструментов маркетинга персонала позволяют компаниям не только привлекать на работу наиболее мотивированную часть молодежи, но и, «разговаривая на их языке», обеспечить долгосрочную лояльность предприятию. Таким образом, HR-маркетинг может выступить связующим звеном («мостом») между потенциальным человеческим капиталом студенческой молодежи и его практической реализацией в экономике. Его грамотное применение ускоряет превращение знаний и навыков в продуктивный труд, укрепляя конкурентоспособность компаний и национальной экономики в целом.

Список литературы

Алексеев А. А., Тянь Сяоюй, Наливайко К. В. Социологический анализ традиционных ценностей современной студенческой молодежи (на материалах ЦИНДАО) // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 5-22. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-1. EDN: EBQNNT.

Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Москва: ГУВШЭ, 2003. 672 с.

Боронина Л. Н., Балясов А. А. Сравнительный анализ моделей инновационного потенциала учащейся и работающей молодежи промышленных регионов России // Социодинамика. 2020. № 12. С. 96-108. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.12.34594. EDN: UZVBXF.

Бочаров В. Ю., Гаврилюк В. В. Профессиональные, карьерные и статусные ожидания студентов нестоличного вуза // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 3. С. 437-449. DOI: 10.52180/1999-

9836_2024_20_3_9_437_449. EDN: GPXVSF.

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.

Демьянченко Н. В. Развитие холистической парадигмы маркетинга персонала в корпоративной стратегии организации: дис. ...д-ра экон. н. Краснодар, 2018. 301 с.

Завьялова Е. К., Бордунос А. К. Стратегический подход к оценке цифровизации систем управления человеческими ресурсами: пример российских компаний // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 2. С. 164-178. DOI: 10.17759/sps.2024150211. EDN: HDUNBH.

Зинич А. В., Евдохина О. С., Кондратьева О. В. Ресурсная база для адаптации молодежи на рынке труда в рамках концепции формирования человеческого капитала // Фундаментальные исследования. 2018. № 12-1. С. 106-112.

Золотина О. А., Серпухова М. А. Выпускники экономических специальностей: сферы занятости и поколенческие особенности // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 2. С. 181-198. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_3_181_198. EDN: FKPACL.

Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2. EDN: CUCVFI.

Иванова И. А. Нематериальная мотивация и стимулирование: от концептуальных подходов к практике применения в условиях цифровизации организационной среды // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. Т. 9, № 2. С. 19-25. DOI: 10.12737/2305-7807-2020-19-25. EDN: VFJVSF.

Камышина Е. А. Взаимосвязь социализации молодежи и качества

человеческого капитала // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2022. Т. 1. С. 439-440.

Карпова С. В. Современные подходы в формировании системы мотивации молодежи к повышению качества жизни как фактору создания человеческого капитала. Экономика. Налоги. Право. 2022. № 15 (6). С. 55-65. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-6-55-65. EDN: FXYZPK.

Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути, или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83-94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO.

Мартынова О. Ю. Особенности применения маркетинга при подборе персонала в социальной сети // Человек. Социум. Общество. 2023. № 12. С. 260-262.

Назарова У. А., Грачева Н. А. Региональный маркетинг персонала: проблемы постобразовательной миграции // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-5. С. 1124-1128.

Одинцов Е. Почти половина российских студентов работают параллельно с учебой // Российская газета. 2024. 24 апреля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/24/22860206.shtml> (дата обращения: 18.07.2025).

Павленко О. В. Нематериальная мотивация в системе управления персоналом // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3-2 (56). С. 524-527.

Павлова Е. Ю., Сергеева Н. В. Проблемы и перспективы использования социальных сетей в работе кадровой службы компании // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 70-76. DOI: 10.17513/vaael.1001. EDN: CVENES.

Рыбакова М. В. Управление развитием человеческого капитала студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 129-135.

Семина А. П. Подбор персонала через социальные сети: HR-маркетинг // Актуальные проблемы экономического развития: сб. докладов XI Междунар. научно-практической конференции, Белгород, 01 сентября 2020 г. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2020. С. 334-339.

Сорокин О. В. Смысловые отклонения в молодежной среде: опыт социологического исследования // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 116-128. DOI: 10.17805/zpu.2020.4.10. EDN: HSDGKE.

Сорокин О. В. Смысловые девиации российской молодежи в сфере труда // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 79-90. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6. EDN: PBEYDS.

Тарасова Е. М. Карьерное самоопределение студентов бакалавриата // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 148-154. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-5-116-148-154. EDN: ZMVTFS.

Титаренко Л. Г. Развитие модернизационного потенциала студенческой молодежи как предпосылка успешного включения в цифровую реальность // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2019. № 2 (96). С. 25-32.

Ушенков Е. Е. Оценка уровня инновационного потенциала молодежи (по материалам исследования в Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 127-133.

Фетюков А. В., Леонидова Г. В. Готовность к трудоустройству по профессии (на данных опроса выпускников педагогических направлений подготовки) // Социальное пространство. 2024. Т. 10, № 1. URL: <http://www.socialarea-journal.ru/article/29912> (дата обращения: 18.06.2025).

Хашаева С. В. Карьерные стратегии молодежи как отражение амбиций и соревновательных практик в профессиональной деятельности // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 4. С. 47-57. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-4-0-4. EDN: PXAEKJ.

Шаповалова И. С. Потенциал молодежи в региональном человеческом капитале // Образы и модели будущего: Материалы Среднерусского международного академического форума. Орёл, 26-27 сентября 2024 г. Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. С. 245-251.

Шестакова Н. Н., Скворцова М. Б., Кузьмина Л. К. О человеческом капитале молодежи, которой NEET // Экономика труда.

2019. Т. 6, № 1. С. 565-586.
DOI: 10.18334/et.6.1.40077. EDN: SVNFNJ.

Юсупова А. С. Управление человеческим капиталом в условиях культурного многообразия: ценности и идентичность молодежи как фактор организационного развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 3. Т. 9, С. 122-131.
DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.09.017.
EDN: VH KCNC.

Andersson A. B. Social capital and self-efficacy in the process of youth entry into the labour market: Evidence from a longitudinal study in Sweden // Research in Social Stratification and Mobility. 2021. № 71. P. 100580.
DOI: 10.1016/j.rssm.2020.100580.
EDN: UPNANE.

Banerjee S., Bhattacharyya S. and Bose I. The motivation paradox: Understanding contradictory effects of awards on contribution quantity versus quality in virtual community // Information & Management. 2023. Vol. 60, № 7. P. 103855. DOI: 10.1016/j.im.2023.103855.
EDN: JFKKSY.

Boat A. A., Syvertsen A. K., and Scales P. C. The role of social capital in promoting work readiness among opportunity youth // Children and Youth Services Review. 2021. № 131. Pp. 106270. DOI: 10.1016/j.childyouth.2021.106270.
EDN: IMEKIQ.

Cui X., Yang X., Ren J., Lowry P. B., and Du N. Ch. Enhancing team creativity among information technology professionals through knowledge sharing and motivational rewards: A self-determination perspective // Data and Information Management. 2025. Vol. 9, № 2. Pp. 100075.

Howe N. and Strauss W. Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus: Recruiting and Admissions, Campus Life, and the Classroom (2 ed.). Great Falls. Va.: LifeCourse Associates. 2007.

Schultz T. W. The Economic Value of Education. New York: Columbia University Press, 1963.

References

Alekseenok, A. A., Tian, Xiaoyu and Nalivayko, K. V. (2025), "A sociological analysis of the traditional values of modern students (based on the materials of Qingdao)", *Research Result. Sociology and Management*, 11 (1), 5-22,

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-1,
EDN: EBQNNT. (In Russian)

Bekker, G. (2003), *Chelovecheskoe povedenie: ekonomichesky podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works on Economic Theory], GUVShJe, Moscow, Russia. (In Russian)

Boronina, L. N. and Balyasov, A. A. (2020), "Comparative analysis of models of innovative potential of students and working youth in industrial regions of Russia", *Sotsiodinamika*, (12), 96-108, DOI: 10.25136/2409-7144.2020.12.34594, EDN: UZVBXF. (In Russian)

Bocharov, V. Yu. and Gavriluk, V. V. (2024), "Professional, Career and Status Expectations of a Non-capital University's Students", *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 20 (3), 437-449, DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_9_437_449, EDN: GPXVSF. (In Russian)

Burdie, P. (2001), *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning], Aleteya, St.-Petersburg, Russia. (In Russian)

Demyanchenko, N. V. (2018), "Development of a holistic paradigm of personnel marketing in the corporate strategy of the organization", D. Sc. Thesis, Krasnodar, Russia. (In Russian)

Zavyalova, E. K. and Bordunos, A. K. (2024), "Strategic approach to assessing the digitalization of human resource management systems: an example of Russian companies", *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, 15 (2), 164-178, DOI: 10.17759/sps.2024150211, EDN: HDUNBH. (In Russian)

Zinich, A. V., Evdohina, O. S. and Kondratieva, O. V. (2018), "Resource base for the adaptation of young people in the labor market within the framework of the concept of human capital formation", *Fundamentalnye issledovaniya*, (12-1), 106-112. (In Russian)

Zolotina, O. A. and Serpukhova, M. A. (2023), "Economics and Management Graduates: Employment Profiles and Generational Features", *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 19 (2), 181-198, DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_3_181_198, EDN: FKPA CL. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2022), "Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 10-30, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2, EDN: CUCVFI. (In Russian)

Ivanova, I. A. (2020), "Non-material motivation and incentives: from conceptual approaches to practical application in the context of digitalization of the organizational environment", *Upravlenie personalom i intellektualnymi resursami v Rossii*, 9 (2), 19-25, DOI: 10.12737/2305-7807-2020-19-25, EDN: VFJVSE. (In Russian)

Kamyshina, E. A. (2022), "The relationship between youth socialization and the quality of human capital", *Sovremennoe obrazovanie: содержание, технологии, качество*, (1), 439-440. (In Russian)

Karpova, S. V. (2022), "Modern approaches to the formation of a system of motivation of young people to improve the quality of life as a factor in the creation of human capital", *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law], 15 (6), 55-65, DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-6-55-65, EDN: FXYZPK. (In Russian)

Kisilenko, A.V. and Shapovalova, I. S. (2023), "Designing a life path or how do young people see their future?", *Sociological Research*, (2), 83-94, DOI: 10.31857/S013216250024385-6, EDN: ODCAGO. (In Russian)

Martynova, O. Ju. (2023), "Features of the application of marketing in the selection of personnel in a social network", *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*, (12), 260-262. (In Russian)

Nazarova, U. A. and Gracheva, N. A. (2014), "Regional personnel marketing: problems of post-educational migration", *Fundamentalnye issledovaniya*, (11-5), 1124-1128. (In Russian)

Odintsov, E. (2024), "Almost half of Russian students work in parallel with their studies", *Rossiyskaya gazeta*, [Online], available at: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/24/22860206.shtml> (Accessed 18 July 2025). (In Russian)

Pavlenko, O. V. (2015), "Non-material motivation in the personnel management system", *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 3-2 (56), 524-527. (In Russian)

Pavlova, E. Ju. and Sergeeva N. V. (2020), "Problems and prospects of using social networks in the work of the company's HR department",

Vestnik Altaiskoy akademii ekonomiki i prava, (2), 70-76, DOI: 10.17513/vaael.1001, EDN: CVENES. (In Russian)

Rybakova, M. V. (2019), "Managing the development of human capital of student youth", *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, (6), 129-135. (In Russian)

Semina, A. P. (2020), "Recruitment through social networks: HR marketing", *Aktualnye problemy ekonomicheskogo razvitiya* [Current issues of economic development], Belgorod, Russia, 334-339. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2020), "Meaningful deviations in the youth environment: the experience of sociological research", *Znanie. Understanding. Skill*, (4), 116-128, DOI: 10.17805/zpu.2020.4.10, EDN: HSDGKE. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2022), "Meanings deviations of Russian youth at work", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 79-90, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6, EDN: PBEYDS. (In Russian)

Tarasova, E. M. (2020), "Career Self-Determination of Undergraduate Students", *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 5 (116), 148-154, DOI: 10.20323/1813-145X-2020-5-116-148-154, EDN: ZMVTFS. (In Russian)

Titarenko, L. G. (2019), "Development of the modernization potential of student youth as a prerequisite for successful inclusion in the digital reality", *SOTIS – sotsialnye tekhnologii, issledovaniya*, (2), 25-32. (In Russian)

Ushenkov, E. E. (2020), "Assessment of the level of innovative potential of young people (based on research in the Ivanovo region)", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*, (2), 127-133. (In Russian)

Fetyukov, A. V. and Leonidova, G. V. (2024), "Willingness to Work by Profession (Based on Survey of Teacher Education Graduates)", *Sotsialnoe prostranstvo* [Social Area], 10 (1) [Online], available at: <http://www.socialarea-journal.ru/article/299124> (Accessed 18 July 2025). (In Russian)

Khashaeva, S. V. (2023), "Career strategies of young people as a reflection of ambitions and competitive practices in professional activities", *Research Result. Sociology and management*, 9 (4), 47-57, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-4-0-4, EDN: PXAEKJ. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2024), "Potential of youth in regional human capital", *Proceedings of the Central Russian International Academic Forum Images and models of the future*, Orel, Russia, 245-251. (In Russian)

Shestakova, N. N., Skvortsova, M. B. and Kuzmina L. K. (2019), "On the human capital of young people who are NEET", *Ekonomika truda*, 6 (1), 565-586, DOI: 10.18334/et.6.1.40077, EDN: SVNFNJ. (In Russian)

Yusupova, A. S (2025), "Human capital management in a culturally diverse environment: youth values and identity as a factor of organizational development", *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 3 (9), 122-131, DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.09.017, EDN: VHKCNC. (In Russian)

Andersson, A. B. (2021), "Social capital and self-efficacy in the process of youth entry into the labour market: Evidence from a longitudinal study in Sweden", *Research in Social Stratification and Mobility*, 71, 100580, DOI: 10.1016/j.rssm.2020.100580, EDN: UPNANE.

Banerjee, S., Bhattacharyya, S. and Bose, I (2023), "The motivation paradox: Understanding contradictory effects of awards on contribution quantity versus quality in virtual community", *Information & Management*, 60(7), 103855, DOI: 10.1016/j.im.2023.103855, EDN: JFKKSY.

Boat, A. A., Syvertsen. A. K., and Scales, P. C. (2021), "The role of social capital in promoting work readiness among opportunity youth", *Children and Youth Services Review*, 131, 106270, DOI: 10.1016/j.childyouth.2021.106270, EDN: IMEKIQ.

Cui, X., Yang, X., Ren, J., Lowry, P.B., and Du, N. Ch. (2025), "Enhancing team creativity among information technology professionals

through knowledge sharing and motivational rewards: A self-determination perspective", *Data and Information Management*, 9 (2), 100075.

Howe, N. and Strauss, W. (2007), *Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus: Recruiting and Admissions, Campus Life, and the Classroom*, LifeCourse Associates, Great Falls, Va.

Schultz, T. W. (1963), *The Economic Value of Education*, Columbia University Press, New York.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2025 г. Поступила после доработки 25 августа 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 15 August 2025. Revised 25 August 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ г. Санкт-Петербург, Россия.

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Faculty of Economics and Finance, Northwestern Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-5

Исследовательская статья

Ефимова Г. З.

Студенты как драйвер академического развития
преподавателей

Тюменский государственный университет,
улица Володарского, дом 6, Тюмень, 625003, Россия
g.z.efimova@utmn.ru

Аннотация. *Актуальность.* В условиях трансформации высшего образования особую значимость приобретает исследование роли студентов как активных участников образовательного процесса, поскольку их инициатива и вовлеченность способны стать катализатором профессионального и личностного роста преподавателей. В статье студенты рассматриваются как активный субъект образовательного процесса и изучается их влияние на академическое развитие преподавателей. *Научную проблему* определяет противоречие между традиционной моделью «преподаватель-студент» и необходимость трансформации образовательных отношений в партнерство, основанное на взаимном развитии. Недостаточная разработанность теоретических и методологических подходов к оценке влияния студенческой активности на академическое развитие преподавателей обуславливает необходимость комплексного изучения данного феномена. *Методы.* Анкетный опрос, проведенный в октябре-ноябре 2024 г. среди профессорско-преподавательского состава (n=2120) пятнадцати российских вузов (участников программы «Приоритет 2030» и кандидатов на вхождение в нее). *Научные результаты.* Рассмотрено стремление преподавателей к академическому развитию и влияние на этот процесс студентов (их ожиданий, запросов и требований). Респондентам предложено, опираясь на опыт педагогической деятельности, указать процент обучающихся, мотивирующих их к профессиональному, личностному и карьерному развитию. По субъективным оценкам преподавателей, их академическому развитию способствуют 47% студентов. Опрошенные из классических вузов, ощущают более сильное влияние обучающихся (53%) на свое стремление к развитию, что может быть связано с преобладанием традиционных методов обучения и сформированной академической культурой в таких учебных заведениях. Преподаватели-женщины и те, кто активно участвует в университетских мероприятиях, направленных на их академическое развитие, более высоко оценивают уровень влияния со стороны студентов (51% и 53%, соответственно), что может свидетельствовать о важности вовлечения обучающихся в образовательный процесс. Респонденты, удовлетворенные работой в университете, отмечают больший процент студентов, мотивирующих их к академическому развитию (60%). *Выводы:* Исследование показало, что студенты – значимый субъект академического развития преподавателей, при этом в классических вузах их влияние проявляется сильнее благодаря устоявшимся традиционным методам обучения и академической культуре. Более высокое воздействие студентов на преподавателей наблюдается среди женщин-преподавателей и тех, кто активно участвует в университетской жизни, что особенно заметно в условиях позитивного профессионального климата. Статья

полезна представителям университетского менеджмента для принятия управленческих решений в отношении управления академическим развитием сотрудников, а также самим преподавателям университетов и всем, кто интересуется вопросами высшего образования. Полученные данные могут применяться для разработки более эффективных стратегий стимулирования академического развития профессорско-преподавательского состава, программ повышения образовательной мотивации обучающихся и оптимизации взаимодействия студентов и преподавателей, для повышения качества образовательного процесса и академического развития сотрудников вузов.

Ключевые слова: университет; высшее образование; профессорско-преподавательский состав; студенты; академическое развитие; профессиональное развитие; личностное развитие; карьерное развитие

Благодарности: Амбаров П.А., профессору Уральского федерального университета, за критические замечания и конструктивные рекомендации, позволившие улучшить текст публикации; анонимным рецензентам; научно-педагогическим работникам российских университетов, принявшим участие в анкетном опросе.

Информация для цитирования: Ефимова Г.З. Студенты как драйвер академического развития преподавателей // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 263-285. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-5.

Research article

Galina Z. Efimova

**Students as catalysts for academic development
of university faculty**

University of Tyumen,
6 Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russia
g.z.efimova@utmn.ru

Abstract: *Relevance.* In the context of higher education transformation, the study of students' role as active participants in the educational process is of particular importance, as their initiative and engagement can catalyze faculty professional growth. The article examines students as active educational agents and explores their impact on faculty academic development. The *scientific problem* lies in the contradiction between the traditional 'teacher-student' model and the need to transform educational relationships into partnerships based on mutual development. The lack of theoretical and methodological approaches to assessing the influence of student activity on faculty academic development necessitates a comprehensive study of this phenomenon. *Methods.* A questionnaire survey conducted in October-November 2024 among the university faculty (n=2120) of fifteen Russian universities (participants of the "Priority 2030" program and candidates for inclusion). *Research Results.* The study examined faculty's desire to academic development and students' influence on this process (their expectations, requests, and requirements). Respondents were asked, based on their teaching experience, to indicate the percentage of students motivating their professional, personal, and career development. According to subjective faculty assessments, 47% of students contribute to their academic development. Respondents from classical universities feel a stronger student influence (53%) on their development desire, which may be associated with traditional teaching methods and established academic culture in

such institutions. Female faculty and those actively participating in university events aimed at their academic development assess student influence higher (51% and 53%, respectively), indicating the importance of student involvement in the educational process. Respondents satisfied with their university employment note a higher percentage of students motivating their academic development (60%). *Conclusions:* The study showed that students are a significant driver of faculty academic development, with their influence being stronger in classical universities due to established traditional teaching methods and academic culture. Higher student impact on faculty is observed among female educators and those actively engaged in university life, particularly noticeable under positive professional climate conditions. The article is useful for university managers in making decisions regarding employee academic development management, as well as for university faculty and anyone interested in higher education issues. The obtained data can be used to develop more effective strategies for stimulating faculty academic development, programs to enhance student educational motivation, and optimize student-faculty interaction, thereby improving the quality of educational process and academic development of university employees.

Keywords: university; higher education; university faculty; students; academic development; professional development; personal development; career development

Acknowledgements: P.A. Ambarova, Professor at Ural Federal University, for critical comments and constructive recommendations that made it possible to improve the text of the publication; anonymous reviewers; university faculty of Russian universities who participated in the questionnaire survey.

Information for citation: Efimova, G. Z. (2025), "Students as catalysts for academic development of university faculty", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 263-285. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-5.

Введение (Introduction).

Академическая среда всегда отличалась строгой иерархией в отношениях преподавателей и студентов, отчасти схожей с религиозной. Причину этого исследователи находят в исторических традициях, которые современные университеты переняли от монастырских школ (Riché, 1976), (McGrade, 2003). Рассматривая отношения преподавателя и студента в качестве «элементарной ячейки» университета до недавнего времени, ученые концентрировали внимание исключительно на одном векторе – воздействии преподавателя на студента. В современном контексте их взаимодействие трансформируется под влиянием новых подходов к образованию, повышением уровня осознанности и требовательности обучающихся к формированию своих компетенций, конкретизации запросов работодателя к

подготовке специалистов, а также исчезновением монополии преподавателя на обладание информацией. В актуальном академическом контексте роль преподавателя, транслирующего единственно верное знание, устаревает и перерождается в роль «проводника». Современный преподаватель формирует у обучающихся образ мышления не «ученика», а «исследователя» (Roupas, 2025). 3. Рупас в статье, опубликованной в журнале «Nature», предлагает «отказаться от академической иерархической модели и отношениях между учителем и учеником, заменив их более тонкими и сложными структурами, культивируя равенство, независимое мышление и интеллектуальную честность» (Roupas, 2025). В то же время не вызывает сомнений и то, что в университете преподаватель по-прежнему оказывает существенное влияние на

студента, передавая ему знания и формируя навыки, прививая основные принципы поведения и обозначая морально-этические рамки, содействуя его профессиональному и личностному развитию. Преподаватели – источник внешней мотивации для студентов, побуждающий их более эффективно выполнять академические обязанности.

При этом обучающийся тоже оказывает заметное влияние на преподавателя. Однако в отечественной и зарубежной социологической литературе изучение этого вопроса представлено лишь отдельными теоретико-эмпирическими исследованиями. В работах Г. Е. Зборовского и П. А. Амбаровой преподаватели и студенты рассматриваются как парные образовательные общности (Зборовский, Амбарова, 2019), имеющие взаимно обусловленные проблемы и противоречия. Одно из таких противоречий студентов – расхождение между мотивацией на получение качественного высшего образования и способами достижения этой цели. В этом контексте могут изучаться негативные (мошеннические) академические практики, которые оказываются губительны для системы высшего образования и всех участников образовательного процесса. Не зря в ведущих вузах они строго караются, вплоть до отчисления нарушителей. В последние годы к академическому мошенничеству относятся и практики некорректного использования студентами искусственного интеллекта, что провоцирует у преподавателей снижение трудовой удовлетворённости и интереса к работе, способствуя профессиональному выгоранию. S. Singh и D. Remenyi отмечают, что дополнительные обязанности педагогов по выявлению и устранению академических проступков могут вести к разочарованию образовательным процессом (Singh,

Remenyi, 2016). D. Bikowski и M. Broeckelman обращают внимание на эрозию доверия: рост мошенничества подрывает доверие между студентами и преподавателями, снижая мотивацию последних к развитию (Bikowski, Broeckelman, 2007). По оценкам D. A. Juanda и D. Rosiana, преподаватели испытывают эмоциональное истощение из-за постоянной бдительности, необходимой для соблюдения академических стандартов, что приводит к выгоранию (Juanda, Rosiana, 2024). Устранение академической нечестности с помощью проактивных образовательных рамок может повысить вовлеченность преподавателей и честность студентов, потенциально смягчая выгорание (Bikowski, Broeckelman, 2007).

В этом контексте примечательна классификация обучающихся, предложенная П. А. Амбаровой и Г. Е. Зборовским: (1) хотят и могут учиться; (2) хотят, но не могут учиться; (3) могут, но не хотят учиться; (4) не могут и не хотят учиться (Зборовский, Амбарова, 2019: 106). Полагаем, именно первая группа студентов способна стать источником вдохновения и мотивации для преподавателей и оказать наиболее сильное влияние на преподавателей, формируя у них стимулы к академическому развитию. Такие студенты мотивированы к получению знаний, требовательны и могут быть, в хорошем смысле слова, «неудобны» для вуза; работа с ними не только приносит преподавателю удовлетворение, но и является вызовом для его профессионального и личностного роста.

Продолжая мысль, здесь можно говорить о феномене *академического симбиоза*, возникающего в процессе продуктивного взаимодействия студентов и преподавателей, в котором обе стороны взаимно влияя друг на друга, способствуют обоюдному развитию.

Также это может включать ситуации, когда активность и вопросы студентов обогащают учебный процесс и побуждают преподавателей применять образовательном процессе новые педагогические подходы и методы обучения. Соответственно, студентов предлагается рассматривать как значимого актора образовательной экосистемы, особенно тех, которые проявляют желание и способность к обучению, играют ключевую роль в стимулировании преподавателей к академическому развитию, что способствует улучшению качества образования и развитию академической среды в целом.

Академическое развитие трактуется нами как целенаправленный процесс профессионального, карьерного и личностного развития представителей научно-педагогического сообщества, предполагающий непрерывное совершенствование (наращивание) у них человеческого капитала, необходимого для повышения качества академической деятельности НПР.

Цель статьи: проанализировать влияние студентов на стремление преподавателей к академическому развитию. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: (1) выявить характер влияния студентов на академическое развитие преподавателей; (2) определить долю студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих профессорско-преподавательский состав к профессиональному и личностному развитию; (3) оценить влияние студентов на мотивацию преподавателей к развитию в зависимости от вовлеченности педагога в практики академического развития, его пола и уровня трудовой удовлетворенности.

Методология и методы (Methodology and methods). Изучение влияния студентов на стимулирование

преподавателей к академическому развитию имеет значение как для поддержания эффективного функционирования академического сообщества, так и для развития высшего образования. Взаимодействие со студентами, заинтересованными в получении качественного образования и вовлеченными в научно-исследовательскую деятельность, вдохновляет и стимулирует преподавателей к обновлению и углублению знаний, что способствует их профессиональному и личностному росту.

В наших предыдущих исследованиях информанты из числа научно-педагогических работников подчеркивали значимость влияния обучающихся на стремление преподавателя поддерживать актуальный (и даже опережающий) уровень социально-профессиональных компетенций. В качестве одного из существенных преимуществ работы в университете отмечался постоянный «интеллектуальный вызов», как необходимость сохранять компетентность по широкому кругу вопросов. «Обогащение знаниями происходит даже помимо моего желания, и это взаимный процесс, который работает в обе стороны: для студентов всегда стараюсь найти что-то новенькое, интересные программы, книги, техники, методики. Бывает, и они мне рассказывают, чего не знаю» (Ефимова, 2024). Преподавание в вузе выгодно отличается от других сфер занятости, «общение со студентами и молодыми учеными эмоционально подпитывает» (Ефимова, 2024), дает тонус к поддержанию профессиональной и этической планки.

Также студент влияет на преподавателя и образовательный процесс, предоставляя обратную связь об используемых им методах, содействуя корректировке обучения и его адаптации для лучшего усвоения материала.

Обратная связь осуществляется как непосредственно (по запросу преподавателя), так и опосредованно (через опросные платформы университета). Активность и вовлеченность обучающихся в учебный процесс может мотивировать преподавателя искать неординарные способы подачи материала. Критически анализируя результаты образовательного процесса, преподаватели могут объективно оценивать эффективность педагогических методов и вносить в них необходимые коррективы. Это продуктивное взаимодействие помогает создавать более эффективные образовательные программы, адаптированные к запросам рынка труда.

Студенты, которые задумываются над изучаемым материалом, и задают глубокие вопросы, могут стимулировать преподавателей совершенствовать знания и предоставлять более детализированный материал, что в целом способствует повышению уровня высшего образования. Запросы и интересы обучающихся (особенно, в отношении элективных курсов) могут влиять на выбор тем для изучения. Учитывая их пожелания при составлении учебной программы, преподаватели могут сделать её более релевантной и интересной, переработав материал для нынешнего семестра или откорректировав план курса в будущем учебном году.

Так, влияние обучающихся на преподавателя охватывает методическую, эмоциональную и содержательную стороны образовательного процесса. Влияние студентов на трудовую мотивацию преподавателей университета имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Недостаточно высокая заинтересованность обучающихся получением качественного образования, может привести к снижению трудовой мотивации преподавателей, спровоцировать их нежелание развиваться

и совершенствоваться. Это может произойти по нескольким причинам. Во-первых, когда лишь немногие студенты стремятся к получению знаний, активно участвуя в учебном процессе, преподаватели могут почувствовать, что их усилия по разработке интересного, но при этом сложного занятия не приносят должного результата и не ценятся. Во-вторых, конструктивную обратную связь, которая помогает преподавателю совершенствовать методы обучения и материалы занятий, дают преимущественно заинтересованные студенты, вовлеченные в образовательный процесс. При отсутствии такой обратной связи преподаватели могут перестать стремиться к улучшению навыков, избегая «сверхквалифицированности» (от англ. *overqualified*) и экономя силы и ресурсы, не применяя их там, где это не требуется. В-третьих, снижение качества приема в отдельные университеты (рассчитывается на основании среднего балла ЕГЭ при поступлении¹) приводит к более «слабому» контингенту студентов, при работе с которыми преподаватели вынуждены снижать требования и «упрощать» учебные задания. В-четвертых, при работе с незаинтересованными студентами, преподаватели могут испытывать эмоциональное выгорание. Одна из причин которого – устойчивое отсутствие вовлеченности в образовательный процесс и незаинтересованность студентов будущей профессией. В этих условиях преподаватели могут пренебрегать развитием и совершенствованием, что повышает риск увольнения с последующим переходом в другой университет или выходом за пределы академического сектора.

Также отмечено негативное воздействие студентов на удовлетворенность трудом преподавателей

¹ Мониторинг качества приема в вузы. URL: <https://ege.hse.ru> (дата обращения: 21.03.2025).

и их мотивацию к саморазвитию. Как утверждают L. H. Tran и C. Moskovsky низкая успеваемость обучающихся и пессимистическое отношение к образованию могут значительно снизить мотивацию педагогов, влияя на их эмоциональное благополучие и эффективность преподавания (Tran, Moskovsky, 2022). Идентичной позиции придерживаются Y. Fei, L.-Ch. Tien, полагая, что низкий уровень вовлеченности студентов в образовательный процесс может привести к снижению удовлетворенности работой молодых преподавателей (Fei, Tien, 2024).

Исследования показывают, что поддерживающие отношения между преподавателями и студентами и эффективная обратная связь могут значительно повысить мотивацию преподавателей. A. Afrilia подчеркивает позитивное взаимодействие педагога и обучающегося, которое способствует созданию мотивирующей среды, повышая трудовую удовлетворенность и вовлеченность преподавателей (Afrilia, Waluyo, Apgrianto, Soepriyanti, 2024). Эмоциональный интеллект преподавателей (включая эмпатию и социальные навыки) напрямую коррелирует с мотивацией учащихся, что повышает моральный дух и вовлеченность педагогов (Rahman, Amin, Yusof, Islam, Afrin, 2024).

Таким образом, круг замыкается. Уровень мотивации преподавателей влияет на вовлеченность обучающихся и их академическую успеваемость. N. Katel доказывает, что мотивированные педагоги демонстрируют больший энтузиазм и приверженность, необходимые для создания позитивной среды обучения (Katel, 2024). Согласно исследованиям S. Sarwar, A. N. Tara, M. N. Abid и S. Dukhaykh академическая мотивация преподавателей значительно влияет на снижение прокрастинационного поведения обучающихся (Sarwar, Tara, Abid,

Dukhaykh, 2025). Одно из объяснений подобного результата в том, что учащиеся более мотивированы к обучению, когда у них есть значимое взаимодействие с преподавателем и они чувствуют личную ответственность за выполнение задания. В таких условиях студенты склонны совершенствовать навыки и максимально использовать возможности для обучения, что помогает уменьшить их склонность к прокрастинации и раскрыть их потенциал (Sarwar, Tara, Abid, Dukhaykh, 2025).

C. Bovill, P. Felten, A. Cook-Sather подчеркивают растущий интерес университетов к формированию партнерских отношений и сотрудничества между студентами и преподавателями. Это может стимулировать профессорско-преподавательский состав к развитию, повышая качество обучения и преподавательской деятельности в высших учебных заведениях (Bovill, Felten, Cook-Sather, 2014). Как утверждает R. Sebolao вовлечение обучающихся в совместное с преподавателем создание учебных программ расширяет возможности студентов, способствуя развитию у них критического мышления, а преподавателей мотивирует к академическому развитию (Sebolao, 2023). Партнерские отношения между обучающимися и преподавателями могут стимулировать обоюдное развитие, содействуя сотрудничеству и диалогу, позволяя студентам влиять на образовательный процесс, повышая вовлеченность и создавая среду взаимного обучения, которая приносит пользу как студентам, так и преподавателям (Bovill, Felten, 2016).

Готовность студентов к сотрудничеству в рамках образовательного процесса, стимулирует профессорско-преподавательский состав к постоянному совершенствованию, взаимному обучению и совместному производству знаний, совершенствуя педагогическую практику и поощряя преподавателей к саморефлексии,

которая способствует их профессиональному и личностному развитию, повышению эффективности преподавания (Huet, Van Der Sluis, Woodfield, 2017). В исследованиях, на протяжении ряда лет, М. Healey, А. Flint, К. Harrington отмечали преимущества исследовательских партнерств между преподавателями и студентами или сотрудничества между ними на индивидуальном и институциональном уровне (Healey, Flint, Harrington, 2014, 2016).

В отчете Академии высшего образования «Вовлеченность через партнерство: студенты как партнеры в обучении и преподавании в высшем образовании»¹ подчеркивается преимущество партнерств между преподавателями и студентами для повышения качества обучения. Партнерства повышают вовлеченность обучающихся, чувство принадлежности к академическому сообществу и успехи в обучении (Dickerson, Jarvis, Stockwell, 2016).

На основании представленного литературного обзора считаем правомерным предполагать, что вовлеченные в образовательный процесс студенты способны стимулировать преподавателей к академическому развитию, которое выражается в поддержании актуальности профессиональных и личностных компетенций, а также в стремлении к их опережающему развитию.

Эмпирический этап исследования проведен с применением метода анкетного опроса (онлайн, на платформе «Анкетолог») в октябре – ноябре 2024 г. в 15 университетах, среди которых 11 – участники программы «Приоритет 2030»

(в т.ч. 4 – классических, 6 – технических, 2 – федеральных и 3 медицинских) и 4 вуза – кандидаты на участие в программе «Приоритет-2030» (в т.ч. 1 – классический, 2 – технических, 1 – медицинский). В выборку включены научно-педагогические работники (НПР) российских университетов (n=2753), в каждом опрошено не менее 20% численности штатных НПР. В выборку вошли сотрудники, занятые научно-исследовательской и/или педагогической деятельностью как в рамках основной деятельности, так и задействованные на часть ставки, в т.ч. руководство вуза (ректоры, представители проректорского корпуса) (n=9), начальники отделов, управлений, институтов и пр. (n=77), заведующие кафедрами и лабораториями (n=97), научные работники (n=227), прочие представители административно-управленческого персонала (n=53), иные должности (n=170). Для достижения цели статьи сформирована подвыборка, состоящая из профессорско-преподавательского состава (n=2120). Данные соответствуют нормальному распределению. Значительные выбросы и аномальные значения отсутствуют.

Исследование имеет несколько ограничений, которые следует учитывать при интерпретации результатов. *Первое* ограничение связано с характерной для опросных методов субъективностью оценок преподавателей по шкале личной удовлетворенности трудом, ориентации на академическое развитие и уровня вовлеченности студентов в образовательный процесс. Здесь мы допускаем искажение оценки со стороны преподавателей, когда они могут ошибочно причислить обучающихся к категории «вовлеченных» на основании собственных субъективных оценок. Однако в рамках данного исследования это обстоятельство не является значимым ограничением, особенно если

¹ Engagement through partnership: students as partners in learning and teaching in higher education. URL: <https://documents.advanceshe.ac.uk/download/file/document/63> (дата обращения: 21.03.2025).

преподаватель полагает, что студент своим поведением на учебных занятиях мотивирует его к развитию. Допускаем искажение и со стороны студента: даже если он действительно вовлечен в образовательный процесс в рамках определенной учебной дисциплины при взаимодействии с конкретным преподавателем, не обязательно подобное поведение будет проявляться в отношении прочих дисциплин и других преподавателей. Но здесь для нас значима именно субъективная оценка преподавателем того влияния, которое оказывают студенты на его/ее стремление к академическому развитию. *Второе* ограничение состоит в том, что не установлены причинно-следственные связи между трудовой удовлетворенностью преподавателей, их ориентацией на академическое развитие и вовлеченностью студентов в образовательный процесс, а лишь отмечена теснота связи переменных (корреляция). *Третье* ограничение: на рассматриваемые переменные могут оказывать влияние дополнительные неконтролируемые переменные, не учтенные в исследовании, что приводит к вариациям в интерпретации данных.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Представим результаты проведенного эмпирического социологического исследования, посвященного оценке влияния студентов на стимулирование преподавателей к академическому развитию. Последовательно рассмотрим влияние студентов, которое они оказывают на стремление преподавателей к профессиональному и личностному развитию, в зависимости от уровня вовлеченности последних в практики академического развития, а также пола и уровня трудовой удовлетворенности педагогов.

Оценка влияния студентов на стимулирование преподавателей к академическому развитию. Представителям профессорско-преподавательского состава предложено, опираясь на опыт педагогической деятельности, указать процент студентов, мотивирующих их на совершенствование компетенций. Предполагалось, что речь идет об обучающихся с активной жизненной позицией в образовательной сфере, выраженной в стремлении к глубокому пониманию изучаемого предмета.

Согласно оценкам опрошенных, таких студентов меньше половины (47% в среднем по выборке). Как оговорено ранее, в данной статье при анализе результатов эмпирического исследования мы рассматриваем оценки исключительно представителей профессорско-преподавательского состава. Однако считаем значимым здесь обратить внимание на мнение прочих работников университета, выполняющих преподавательскую деятельность на часть ставки. Так, представители руководства университета (ректоры, проректоры) оценили вовлеченность обучающихся в образовательный процесс, на уровне 79% (ME¹ = 76%), линейные руководители (заведующие кафедрами) – 53% (ME=50%), начальники отделов, управлений, институтов – 52% (ME=52%), прочие административно-управленческие работники – 58% (ME=60%), научные сотрудники – 35% (ME=30%).

Расхождения относительно вовлеченности студентов в образовательный процесс, по мнению преподавателей, заведующих кафедрами, представителей топ-менеджмента университета и иных сотрудников, могут быть вызваны различными причинами, в т.ч. неодинаковыми основаниями для определения образовательной

¹ Здесь и далее: ME – медиана.

вовлеченности студентов. Преподаватели, находясь на «переднем крае» образовательного процесса, могут быть более критичны в оценках, т.к. их непосредственное взаимодействие со студентами на учебных занятиях позволяет заметить, как активность в образовательной деятельности, так и пассивность. Заведующие кафедрами, выполняя управленческие обязанности, имеют более широкий взгляд на академическую деятельность. Они могут выше оценивать вовлеченность и активность обучающихся в более позитивном свете, учитывая их вклад в академическую жизнь кафедры, их участие в научных конференциях и во внеучебной деятельности. Ректор и проректоры, находясь на высшем уровне университетского управления и имея стратегическую фокусировку, могут характеризовать более высокую вовлеченность студентов в образовательный процесс, потому что наблюдают преимущественно активных и вовлеченных студентов, которые стремятся к саморазвитию и вносят значительный вклад в развитие вуза. Это может приводить к завышению субъективной оценки представителей более высоких уровней университетского управления процента вовлеченных студентов. Кроме того, в оценках топ-менеджмента университета не исключен эффект «социальной желательности»,

который может влиять на восприятие и интерпретацию данных о вовлеченности студентов. Это может привести к искажению реальной картины и завышению процента обучающихся, мотивирующих преподавателей к развитию.

Более высокий процент студентов, вовлеченных в образовательный процесс, отмечают внутренние совместители ($M=53$, $ME=51\%$). Штатный профессорско-преподавательский состав, не практикующий внутреннее совместительство, оценивает, как более низкую долю обучающихся, мотивирующих их к развитию ($M=47\%$, $ME=47\%$). Ещё более критично к оценке процента вовлеченных студентов подходят внешние совместители ($M=42\%$, $ME=36\%$). Предположим, что внутренние совместители имеют более тесный контакт со студентами различных специальностей и направлений подготовки. Они могут лучше понимать потребности и мотивацию обучающихся, что приводит к более высокой субъективной оценке процента вовлеченных обучающихся.

Наибольшая представленность студентов, вовлеченных в образовательный процесс, отмечается в классических ($M=53\%$, $ME=50\%$) и в федеральных университетах ($M=49\%$, $ME=50\%$), а в медицинских и технических вузах – по 45% ($ME=40\%$ и 42%, соответственно) (см. Таблица 1).

Таблица 1

Средние и медианные значения при ответе на вопрос «Опираясь на опыт Вашей педагогической деятельности, укажите долю студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих Вас к профессиональному и личностному развитию» в зависимости от группы университета (в %)

Table 1

Mean and median values of responses to the question: “Based on your teaching experience, please indicate the proportion of students involved in educational activities and motivating you towards professional and personal development” by university group (%)

		Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Среднее / Mean	Медиана / Median
Общее / Overall		0	100	46,67	47
Группа университета / University Group	классические / Classical (n=246)	0	100	52,6	50
	технические / Technical (n=800)	0	100	44,8	42
	федеральные / Federal (n=705)	0	100	48,8	50
	медицинские / Medical (n=369)	0	100	45,3	40

В университетах, участвующих в программе «Приоритет-2030» (основной трек) и являющихся кандидатами на вхождение в нее, отмечается идентичный

процент вовлеченных студентов (по субъективным оценкам преподавателей) – 47% (см. Таблица 2).

Таблица 2

Средние и медианные значения при ответе на вопрос «Опираясь на опыт Вашей педагогической деятельности, укажите долю студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих Вас к профессиональному и личностному развитию» в зависимости от статуса университета в программе «Приоритет – 2030» (в %)

Table 2

Mean and median values of responses to the question: “Based on your teaching experience, please indicate the proportion of students engaged in educational activities and motivating you towards professional and personal development” according to the university’s status in the Priority 2030 Program (%)

		Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Среднее / Mean	Медиана / Median
Статус университета в программе «Приоритет 2030» /	Участники программы (основной трек) / Program Participants (Main Track)	0	100	47	48

		Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Среднее / Mean	Медиана / Median
University Status in the Priority 2030 Program	(n=1654)				
	Кандидаты на участие в программе / Program Candidates (n=466)	0	100	47	44

Влияние студентов на стимулирование преподавателей к развитию в зависимости от вовлеченности последних в практики академического развития. Рассмотрим распределение ответов преподавателей в зависимости от активности их участия в университетских мероприятиях, направленных на их академическое развитие⁵. На основании ответа на вопрос: «Пожалуйста, отметьте вариант, наиболее точно характеризующий активность Вашего участия в университетских мероприятиях, направленных на профессиональное, личностное и карьерное развитие научно-педагогических работников (на протяжении прошедших 12 месяцев)» мы разделили респондентов на три группы: 11% имеют низкий уровень активности (0-1 балл); 39% – средний (2-3 балла); 50% – высокий уровень активности (4-5 баллов).

Преподаватели, имеющие высокий уровень активности в отношении своего академического развития, в среднем отмечают более высокое количество

обучающихся, вовлеченных в образовательный процесс и мотивирующих их к совершенствованию компетенций (53%). Респонденты со средней вовлеченностью в университетские мероприятия, направленные на их профессиональное, личностное и карьерное развитие, на своих учебных занятиях встречают 43% студентов, стимулирующих их к развитию. И лишь треть обучающихся (33%) стимулируют к развитию преподавателей с низкой вовлеченностью в практики академического развития (см. Таблица 3).

Для оценки силы связи переменных использована корреляция Спирмана, которая показывает слабую связь активности участия преподавателей в университетских мероприятиях, направленных на академическое развитие, и отмеченного процента студентов, стимулирующих преподавателя к развитию (0,284**).

Смещение среднего значения относительно субъективной оценки преподавателями влияния студентов, вовлеченных в образовательный процесс, отражено в Таблице 4.

⁵ Вопрос: «Пожалуйста, отметьте вариант ответа, наиболее точно характеризующий активность Вашего участия в университетских мероприятиях, направленных на профессиональное, личностное и карьерное развитие научно-педагогических работников (на протяжении прошедших 12 месяцев)», с использованием шестибальной шкалы Лайкерта, где 0 – не участвую ни в каких мероприятиях, а 5 – участвую во всех без исключения мероприятиях.

Таблица 3

Средние и медианные значения при ответе на вопрос «Опираясь на опыт Вашей педагогической деятельности, укажите долю студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих Вас к профессиональному и личностному развитию» в зависимости от уровня активности преподавателя в отношении академического развития (в %)

Table 3

Mean and median values of responses to the question: "Based on your teaching experience, please indicate the proportion of students engaged in educational activities and motivating you towards professional and personal development" according to the level of faculty member's activity in academic development (%)

		Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Среднее / Mean	Медиана / Median
Уровень активности преподавателя в отношении академического развития / Levels of Faculty Staff's Academic Development Activity	Низкий / Low Level (n=195)	0	92	32,5	25
	Средний / Moderate Level (n=835)	0	100	43,3	40
	Высокий / High Level (n=1090)	0	100	52,9	51

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Опираясь на опыт Вашей педагогической деятельности, укажите долю студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих Вас к профессиональному и личностному развитию» в зависимости от уровня активности преподавателя в отношении академического развития (в % к числу опрошенных)

Table 4

Distribution of respondents' answers to the question: "Based on your teaching experience, please indicate the proportion of students engaged in educational activities and motivating you towards professional and personal development" according to the level of university faculty's activity in academic development (% of surveyed respondents)

		0	1 -10	11- 20	21- 30	31- 40	41- 50	51- 60	61- 70	71- 80	81- 90	91 -100
Уровень активности преподавателя в отношении академического развития / Levels of Faculty Staff's Academic Development Activity	Низкий / Low Level (n=195)	3	26	17	12	7	8	11	5	7	3	1
	Средний / Moderate Level (n=835)	0	10	12	15	15	13	10	9	10	4	2
	Высокий / High Level (n=1090)	0	5	7	14	10	13	11	11	11	9	8

Так, респонденты, имеющие низкий уровень вовлеченности в практики академического развития в среднем, более критично оценивают учебную вовлеченность студентов, с которыми они взаимодействуют в университете во время учебного и внеучебного процесса. Предположим, что здесь есть следующая взаимосвязь: вовлеченные студенты, заинтересованные собственным профессиональным и личностным развитием, с большей вероятностью будут стремиться к взаимодействию именно с теми преподавателями, которые также ориентированы на развитие, применяют прогрессивные образовательные методики, участвуют в научных исследованиях, проявляют активность в иных направлениях профессиональной деятельности и обладают более высокой «ресурсностью»⁶. Во взаимодействии с такими преподавателями обучающиеся могут получить (или предполагать, что способны получить) – более разнообразный образовательный и практический опыт. Здесь может быть актуализирован определенный риск, связанный с тем, что преподаватель, стремящийся к собственному развитию, не всегда готов уделять студенту много времени (помимо нормативно установленного), но способен вдохновлять его собственным примером, привлекая к научно-исследовательским проектам или иной практической профессиональной деятельности, в целом повышая их заинтересованность будущей профессией. Такие преподаватели активно внедряют новые методики и подходы в обучение, что

делает его более интересным и эффективным; создают атмосферу, в которой студенты вовлечены в образовательный процесс.

При реализации в университете индивидуальной образовательной траектории (ИОТ) студенту предоставляется возможность выбора ряда учебных дисциплин и конкретных преподавателей, к которым они могут быть зачислены на курс. Следовательно, менее вероятно, что «слабые» и незаинтересованные студенты попадут в учебные группы к «сильным» и вовлеченным преподавателям, так как будут не без оснований опасаться, что обучаться у них сложнее. Отдельные преподаватели могут целенаправленно придерживаться политики «элитарности», подчеркивая, что обучаться у них трудно, но при этом интересно и перспективно с точки зрения получения социально-профессиональных компетенций. Обучающихся, не настроенных на глубокую вовлеченность в образовательный процесс, подобное позиционирование может не без оснований настораживать. Информация о преподавательском составе, их требовательности (что не всегда связано со стремлением к развитию и может объясняться иными причинами) и особенностях проведения занятий распространяется в студенческой среде как неформально, так и формально – через институциональные практики университета. Примером такой коммуникации служит сайт «Отзывус»⁷, созданный инициативными студентами Тюменского государственного университета из команды MOAD.dev. Он направлен на содействие обучающимся в «осознанном выборе элективных дисциплин, опираясь на реальные отзывы других студентов, а преподавателям и управлению индивидуальных образовательных траекторий – делать

⁶ Здесь термин «ресурсность» используется нами в трактовке, предложенной Г.Е. Зборовским и П.А. Амбаровой – как взаимосвязанную совокупность разнообразных ресурсов представителей социально-профессиональной и научно-образовательной общности: социально-демографических, образовательно-педагогических, научно-квалификационных, публикационных, морально-идеологических, символических, коммуникативных, темпоральных и других (Зборовский, Амбарова, 2023).

⁷ Проект «Отзывус» <https://electives.utmn.ru> (дата обращения: 21.03.2025).

выводы для дальнейшего развития «элективного пространства»⁸.

Рассмотренные выше эмпирические результаты подтверждают, что в аудитории преподавателя, ориентированного на академическое развитие и непрерывное совершенствование компетенций, с большей вероятностью окажутся такие же вовлеченные и активные обучающиеся.

Влияние студентов на

стимулирование преподавателей к академическому развитию в зависимости от пола последних. Заметное различие в оценках отмечено в зависимости от пола респондента. Так, преподаватели-мужчины на своих занятиях встречают в среднем 40% обучающихся, вовлеченных в образовательный процесс и стимулирующих их к развитию; а женщины данное влияние оценивают выше – 51% (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Средние и медианные значения при ответе на вопрос «Опираясь на опыт Вашей педагогической деятельности, укажите долю студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих Вас к профессиональному и личностному развитию» в зависимости от пола респондента (в %)

Table 5

Mean and median values of responses to the question: “Based on your teaching experience, please indicate the proportion of students engaged in educational activities and motivating you towards professional and personal development” according to the respondent’s gender (%)

		Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Среднее / Mean	Медиана / Median
Пол / Gender	Мужской / Men (n=728)	0	100	39,7	35
	Женский / Women (n=1392)	0	100	51,3	50

Различия в преобладающих оценках респондентов наглядно представлены в Таблице 6. Об обозначенных различиях свидетельствует и медианный показатель – 35% студентов среди оценок преподавателей-мужчин и 50% среди преподавателей-женщин. О наличии статистически значимой связи между переменными свидетельствует слабая корреляция между количеством обучающихся, имеющих активную жизненную позицию и стимулирующих преподавателя к развитию, и полом преподавателя (0,220** по Спирману).

Одной из причин выявленных различий может быть расхождение в субъективной оценке студентов преподавателями. В частности, мужчины и женщины могут по-разному интерпретировать поведение студентов на учебных занятиях. Предположим, что преподаватели-женщины более склонны замечать вовлеченность обучающихся в образовательный процесс, тогда как мужчины могут акцентировать внимание на других аспектах, что отражается и на стиле преподавания.

⁸ О проекте «Отзывус». URL: <https://electives.utmn.ru/o-proekte> (дата обращения: 21.03.2025).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Опираясь на опыт Вашей педагогической деятельности, укажите долю студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих Вас к профессиональному и личностному развитию» в зависимости от пола респондента (в % к числу опрошенных)

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question: "Based on your teaching experience, please indicate the proportion of students engaged in educational activities and motivating you towards professional and personal development" according to the Respondent's Gender (% of surveyed respondents)

		0	1-10	11-20	21-30	31-40	41-50	51-60	61-70	71-80	81-90	91-100
Пол / Gender	Мужской / Men (n=728)	1	13	17	14	12	13	8	7	7	3	3
	Женский / Women (n=1392)	1	7	6	14	11	12	12	11	13	8	6

К аналогичным выводам приходят и другие исследователи (Malik, Nadeem, Tariq, 2022). Преподаватели мужского и женского пола могут иметь различные ожидания от студентов, основанные на опыте собственного образовательного и профессионального пути. Между полом респондента и его заинтересованностью в профессиональном и/или личностном совершенствовании – не обнаружено статистически значимой связи.

Влияние студентов на стимулирование преподавателей к академическому развитию в зависимости от уровня трудовой удовлетворенности последних. Респондентам предложено оценить уровень удовлетворенности работой по шестибальной шкале Лайкерта (где 0 – наиболее низкий уровень, а 5 – наиболее высокий). Преподаватели, имеющие низкий уровень удовлетворенности работой (от 0 до 1 балла), отмечали, что среди студентов, с которыми они работают, лишь 19% стимулируют их к развитию (ME=17%). Респонденты, чей уровень трудовой удовлетворенности квалифицируется как средний (от 2 до 3 баллов), указывали на

более высокий процент студентов, заинтересованных в обучении и мотивирующих преподавателя к развитию – 41% (ME=40%). Для респондентов с высоким уровнем удовлетворенности (от 4 до 5 баллов) характерна еще более субъективная оценка процента обучающихся, вовлеченных в образовательный процесс, в среднем 60% (ME=61%). Предположим, что преподаватели, менее удовлетворенные работой, склонны критически относиться к студентам и не рассматривать их как значимый стимул к развитию. Это может быть связано с их негативным восприятием профессиональной среды и низким ожиданием от студентов. На данном этапе исследовательского поиска сложно сказать, что является причиной, а что следствием. Преподаватели, имеющие высокую удовлетворенность трудом, способны лучше распознавать активность студентов в образовательной деятельности. В пользу более высокой численности таких обучающихся у преподавателей с высоким уровнем удовлетворенности работой и при этом ориентированных на академическое

развитие также говорит сформированный в глазах студентов образ конкретного преподавателя, когда «подобное притягивается к подобному».

Для оценки силы связи между переменными использована корреляция Спирмана, показывающая умеренную связь уровня трудовой удовлетворенности с процентом обучающихся, вовлеченных в образовательный процесс (0,408**⁸)

и активностью участия преподавателей в университетских мероприятиях, направленных на академическое развитие (0,471**) (см. Табл. 7). При этом необходимо подчеркнуть, что установление умеренной связи между двумя переменными не обязательно подразумевает причинно-следственную зависимость между ними (Khamis, 2008: 161).

Таблица 7

Коэффициенты корреляции между переменными (по Спирману)

Table 7

Spearman's rank correlation coefficients between variables

	Доля студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих преподавателя к профессиональному и личностному развитию / The proportion of students engaged in educational activities and motivating faculty members towards professional and personal development	Активность участия преподавателей в университетских мероприятиях, направленных на академическое развитие / Faculty involvement in university activities aimed at academic development	Трудовая удовлетворенность преподавателя / Job satisfaction of faculty members
Доля студентов, вовлеченных в образовательную деятельность и мотивирующих преподавателя к профессиональному и личностному развитию / The proportion of students engaged in educational activities and motivating faculty members towards professional and personal development	1,000	0,284**	0,408**
Активность участия преподавателей в университетских мероприятиях, направленных на академическое развитие / Faculty involvement in university activities aimed at academic development	0,284**	1,000	0,471**
Трудовая удовлетворенность преподавателя / Job satisfaction of faculty members	0,408**	0,471**	1,000

⁸ ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Высокий уровень трудовой удовлетворенности преподавателя может способствовать более открытому и позитивному подходу к обучению, что, в свою очередь, привлекает вовлеченных студентов. Кроме того, преподаватели, удовлетворенные работой, склонны видеть потенциал и стремление к развитию у студентов, что связано с их позитивным восприятием своей профессиональной роли. Соответственно, уровень трудовой удовлетворенности преподавателей связан с количеством активных обучающихся, находящихся в их учебных группах. Это подчеркивает важность создания в университете необходимых условий, способствующих повышению удовлетворенности и мотивации преподавателей, что может положительно отразиться на их вовлеченности в образование и будущем профессиональном успехе студентов.

Корреляционный анализ с прочими переменными показал отсутствие статистически значимых связей с переменными «возраст», «трудовой стаж в данном университете», «общий трудовой стаж», «общий научно-педагогический стаж».

Обобщая результаты проведенного социологического исследования, можно утверждать о наличии прямой и умеренной связи на высоком уровне значимости между влиянием, которое оказывают студенты на стимулирование преподавателей к академическому развитию, и условиями, созданными в университете для академического развития преподавателей; их заинтересованностью в профессиональном и личностном развитии.

Заключение (Conclusions).

Академическое развитие профессорско-преподавательского состава играет ключевую роль в повышении качества образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности, способствуя росту престижа конкретного университета, его конкурентоспособности

и академического сектора в целом. Активная позиция студентов в отношении учебного процесса и заинтересованность в достижении качественного образовательного результата оказывает положительное влияние на трудовую мотивацию и вовлеченность преподавателя. Проявляя субъектность, обучающиеся стимулируют преподавателей к самосовершенствованию и профессиональному росту.

Формирование устойчивой вовлеченности студентов в образовательный процесс и их позитивное влияние на стремление преподавателей поддерживать актуальный уровень своих компетенций и стремиться к их совершенствованию, представляется нам обоюдным процессом, который реализуется в экосистеме университета. Студенты и преподаватели оказывают воздействие друг на друга, при этом испытывая на себе воздействие сложного комплекса прочих элементов. Среди них можно назвать представителей университетского менеджмента, обеспечивающих поддержку различных аспектов университетской жизни, а также координирующих процесс академического развития преподавателей; материально-техническую инфраструктуру (библиотеки, информационные центры, лаборатории и пр.); академическую мобильность преподавателей и обучающихся (в т.ч. международные обмены и программы стажировок); партнерские связи (с отечественными и зарубежными университетами, НИИ, промышленными партнерами и пр.). Взаимодействуя между собой, обозначенные элементы создают сложную и динамичную экосистему, способствующую как академическому развитию преподавателей, так и вовлеченности обучающихся в образовательный и научно-исследовательский процесс. Любой дисбаланс во взаимодействии может превратить его из конструктивного в

деструктивный, сделав невозможным достижение непрерывного и эффективного академического развития научно-педагогических работников.

Полагаем, взаимодействие с мотивированными студентами эффективно стимулирует преподавателей к самосовершенствованию, профессиональному и личностному росту, поскольку они стремятся поддерживать высокие образовательные стандарты и личный авторитет. Студенты оказывают влияние на академическое развитие преподавателей через двухсторонний обмен знаниями и опытом. В свою очередь, преподаватели передают студентам фундаментальные теоретические знания и практический опыт, что помогает формировать у них осознанное отношение к будущей профессии.

Вовлеченность обучающихся в образовательный и научно-исследовательский процесс, способствует созданию поддерживающей и стимулирующей образовательной среды в университете. Энтузиазм и стремление обучающихся к знаниям вдохновляют преподавателей к участию в дополнительных образовательных и научных инициативах, что ведет к повышению общего уровня академической активности и престижа университета.

В результате проведенного исследования выявлено, что преподаватели, проявляющие высокую вовлеченность в практики академического развития, отмечают более высокий процент вовлеченных студентов. Влияние преподавателей на студентов не вызывает сомнений и многократно подтверждено в научной литературе. Изучение влияния обучающихся на академическое развитие преподавателей, подтвержденное результатами нашего исследования, способствует не только улучшению качества образования, но и общему развитию научного сообщества,

укреплению связи между образованием и наукой.

Практическая значимость исследования. На основе анализа влияния студентов на академическое развитие преподавателей представители университетского менеджмента могут сформулировать конкретные рекомендации, направленные на максимизацию позитивного влияния обучающихся на академическое развитие преподавательского состава, что может способствовать оптимизации управления развитием человеческого капитала в университетах. Также они могут сформировать более эффективные корпоративные программы повышения квалификации и предпринять меры, направленные на оптимизацию образовательного процесса, которые будут учитывать важность взаимодействия с учащимися для академического развития преподавателей.

Понимание механизмов, через которые взаимодействие со студентами способствует развитию преподавателей, может способствовать разработке более эффективных образовательных стратегий и политик, включая изменение подходов к организации практических занятий, семинаров и других форм взаимодействия. Обратная связь от студентов может использоваться для корректировки и улучшения качества преподавания. Исследование влияния взаимодействия с мотивированными и заинтересованными студентами включаться в стратегии стимулирования профессионального, личностного и карьерного роста преподавателей. Понимание факторов, усиливающих (или ослабляющих) влияние студентов на академическое развитие преподавателей может быть использовано при формировании более благоприятной образовательной среды и повышению трудовой удовлетворённости преподавателей.

Перспективные направления исследования. Необходимы дальнейшие

исследования в заявленной предметной области для разработки эффективных методов стимулирования академического развития преподавателей и студентов, а также для создания нормативных документов, координирующих и поддерживающих научные исследования в вузах. Выводы подчеркивают важность взаимодействия студентов и преподавателей для стимулирования академического развития последних и предлагают направления для дальнейших исследований и улучшений в образовательной системе.

Исследование влияния студентов на стимулирование преподавателя к академическому развитию должно быть направлено на выявление и обоснование причинно-следственной связи между рассмотренными в статье переменными. В связи с этим перспективным направлением изучения влияния студентов на стимулирование преподавателей к академическому развитию нам представляется анкетирование обучающихся различных вузов и курсов обучения. Однако применение этого метода имеет ограничения, связанные с тем, что студент не всегда способен объективно оценить свое влияние на мотивацию преподавателя к развитию, если только этот вопрос открыто не обсуждался. Следовательно, применение анкетного опроса студентов может использоваться только как вспомогательный метод, вместе с фокус-группами и полу-структурированными интервью студентов и преподавателей.

Список литературы

Ефимова Г. З. Преимущества и недостатки работы в университете: по оценкам научно-педагогических работников // Вестник университета. 2024. №10. С. 180-195. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-10-180-195. EDN: AAUYVD.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России.

2019. Т. 28, № 2. С. 98-124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124. EDN: TSIHQCS.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в российских вузах: от проблемы к концепции // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 1. С. 78-96. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4. EDN: JKZUTK.

Afrilia A., Waluyo U., Apgrianto K., Soepriyanti H. The Impact Of Teacher-Students Relationship On English Students' Motivation (A Survey On The First Year English Department Students). Pendas Jurnal Ilmiah Pendidikan Dasar. 2024. Vol. 09, № 2. Pp. 2297-2318. DOI: 10.23969/jp.v9i2.13651. EDN: SISZDJ.

Bikowski D., Broeckelman M. 'An Educational Framework for Nurturing a Culture of Academic Honesty' // Riding the Wave to Excellence in Engineering Education. 114th Annual Conference of the American Society for Engineering Education, 2007. June 24-27, Honolulu, Hawaii. URL: <http://soa.asee.org/paper/conference/paper-view.cfm?id=5376> (дата обращения: 06.06.2025).

Bovill C., Felten P. Cultivating student-staff partnerships through research and practice // International Journal for Academic Development. 2016. № 21(1). Pp. 1-3. DOI: 10.1080/1360144X.2016.1124965.

Bovill C., Felten P., Cook-Sather A. Engaging Students as Partners in Learning and Teaching (2): Practical guidance for academic staff and academic developers // In International Consortium on Educational Development Conference, Stockholm, Sweden, 2014. 16-18 June. Pp. 1-6. URL: http://iced2014.se/proceedings/1146_BovillFeltenCook-Sather%20.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

Dickerson C., Jarvis J., Stockwell L. Staff-student collaboration: student learning from working together to enhance educational practice in higher education // Teaching In Higher Education. 2016. Vol. 21, № 3. Pp. 1-17. DOI: 10.1080/13562517.2015.1136279.

Fei Y., Tien L.-Ch. The influence of work values and work engagement on improving the work performance of young teachers in universities // Journal of Law and Sustainable Development. 2024. Vol. 12, № 2. e2585.

DOI: 10.55908/sdgs.v12i2.2585.

EDN: OYYKWW.

Gill A., Herbert G., Mathur N., Nagpal V. Gender Differences and Factors that Improve Student Educational Satisfaction // A Study among Indian Commerce Students. 2011. Vol. 2, №5. Pp.27-37.

Healey M., Flint A., Harrington K. Students as Partners: Reflections on a Conceptual Model // Teaching and Learning Inquiry. 2016. Vol. 4, № 2. Pp. 8-20. DOI: 10.20343/teachlearningqu.4.2.3.

Healey M., Flint A., Harrington K. Engagement through partnership: Students as partners in learning and teaching in higher education. York: HE Academy, 2014.

Huet I., Van Der sluis H., Woodfield S. The benefits from staff-student partnerships in pedagogical and institutional research: an evaluation research study // Connecting Higher Education: International perspectives on research-based education; 27 - 28 Jun 2017. London, 2017.

Juanda D.A., Rosiana D. Kajian Mengenai Academic Burnout pada Mahasiswa Fakultas Kedokteran // Bandung Conference Series: Psychology Science. 2024. Vol. 4, №2. Pp. 1046-1053. DOI: 10.29313/bcsps.v4i2.12959. EDN: PNCEUA.

Katel N. The Influence of Motivation on Teaching Performance and Student Outcomes // Solukhumbu Multiple Campus Research Journal. 2024. Vol. 6, № 1. Pp. 67-74. DOI: 10.3126/smcjr.v6i1.74526. EDN: XFCRFN.

Khamis H. Measures of Association: How to Choose? // Journal of Diagnostic Medical Sonography. 2008. Vol. 24, Iss. 3. Pp. 155-162. DOI: 10.1177/8756479308317006.

Malik A.S., Nadeem M., Tariq M. The Gender Difference In Students-Teachers Interaction At University Level: A Quantitative Analysis // Pakistan Journal of Gender Studies. 2022. № 22 (1). Pp. 29-50. DOI: 10.46568/pjgs.v22i1.573. EDN: OEBSTO.

McGrade A. (ed.). The Cambridge Companion to Medieval Philosophy (Cambridge Companions to Philosophy) (Cambridge Univ. Press). 2003.

Rahman Md. H., Bin Amin M., Yusof M. F., Islam Md. A., Afrin S. Influence of teachers' emotional intelligence on students' motivation for academic learning: an empirical study on university students of Bangladesh // Cogent Education. 2024. Vol. 11, № 1.

DOI: 10.1080/2331186x.2024.2327752.

EDN: FHHSTG.

Riché P. Education and Culture in the Barbarian West, Sixth through Eighth Centuries (Columbia: University of South Carolina Press). 1976. 557 p.

Roupas Z. Radical reform is needed to combat power abuses in academia. Nat Hum Behav. 2025. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-025-02127-3> (дата обращения 21.03.2025).

Sebolao R. Enhancing Academic Development: A reflexive exploration of Staff and Students' Experiences on curriculum co-creation // Research in Educational Policy and Management. 2023. Vol. 5, № 3. 165-179. DOI: 10.46303/repam.2023.29. EDN: ZACYKW.

Sarwar S., Tara A.N., Abid M.N., Dukhaykh S. Teachers' Academic Motivation and Student Procrastination Behaviour: Mediating Effects of Emotion Regulation and Study Habits» // BMC Psychology. 2025. Vol. 13, № 1.

Singh S., Remenyi D. Plagiarism and ghostwriting: The rise in academic misconduct // South African Journal of Science. (Academy of Science of South Africa). 2016. Vol. 112. Pp. 7-7.

Tran L. H., Moskovsky C. Students as the Source of Demotivation for Teachers: A Case Study of Vietnamese University EFL Teachers // Social Psychology of Education. 2022. Vol. 25, Iss.6. Pp. 1527-1544. DOI: 10.1007/s11218-022-09732-4. EDN: KYQRMQ.

References

Efimova, G. Z. (2024), "Advantages and disadvantages of working at university: estimates of scientific and pedagogical employees", *Vestnik universiteta*, (10), 180-195, DOI: 10.26425/1816-4277-2024-10-180-195, EDN: AAUYVD. (In Russian).

Zborovsky, G., Ambarova, P. (2019), "The Dream of Quality Education: Contradictions in the Development of Educational Communities in Russian Universities", *Mir Rossii*, 28 (2), 98-124, DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124, EDN: TSIHQC. (In Russian).

Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. (2023), "Mobilizing the Resource Potential of the Scientific and Pedagogical Community in Russian Universities: From Problem to Concept", *Sotsiologichesky zhurnal*, 29 (1), 78-96, DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.4, EDN: JKZUTK. (In Russian).

Afrilia, A., Waluyo, U., Apgrianto, K., Soepriyanti, H. (2024), "The Impact of Teacher-Students Relationship on English Students' Motivation (A Survey on The First Year English Department Students)", *Pendas Jurnal Ilmiah Pendidikan Dasar*, 09(2), 2297-2318, DOI: 10.23969/jp.v9i2.13651, EDN: SISZDJ.

Bikowski, D., Broeckelman, M. (2007), "An Educational Framework for Nurturing a Culture of Academic Honesty", *Riding the Wave to Excellence in Engineering Education. 114th Annual Conference of the American Society for Engineering Education, June 24-27, Honolulu, Hawaii*, [Online], available at: <http://soa.asee.org/paper/conference/paper-view.cfm?id=5376> (Accessed 06 June 2025).

Bovill, C., Felten, P. (2016), "Cultivating student-staff partnerships through research and practice", *International Journal for Academic Development*, 21 (1), 103, DOI: 10.1080/1360144X.2016.1124965.

Bovill, C., Felten, P., Cook-Sather, A. (2014), "Engaging Students as Partners in Learning and Teaching (2): Practical guidance for academic staff and academic developers", *International Consortium on Educational Development Conference, Stockholm, Sweden, 16-18 June*, 1-6, [Online] http://iced2014.se/proceedings/1146_BovillFeltenCook-Sather%20.pdf (Accessed 20 February 2025).

Dickerson, C., Jarvis, J., Stockwell, L. (2016), "Staff-student collaboration: student learning from working together to enhance educational practice in higher education", *Teaching In Higher Education*, 21 (3), 1-17, DOI: 10.1080/13562517.2015.1136279.

Fei, Y., Tien, L.-Ch. (2024), "The influence of work values and work engagement on improving the work performance of young teachers in universities", *Journal of Law and Sustainable Development*, 12 (2), e2585, DOI: 10.55908/sdgs.v12i2.2585, EDN: OYYKWW.

Gill, A., Herbert, G., Mathur, N., Nagpal, V. (2011), "Gender Differences and Factors that Improve Student Educational Satisfaction", *A Study among Indian Commerce Students*, 2(5), 27-37.

Healey, M., Flint, A., Harrington, K. (2016), "Students as Partners: Reflections on a Conceptual Model", *Teaching and Learning Inquiry*, 4 (2), 8-20, DOI: 10.20343/teachlearninqu.4.2.3.

Healey, M., Flint, A., Harrington, K. (2014), *Engagement through partnership: Students as partners in learning and teaching in higher education*, HE Academy, York.

Huet, I., Van, Der sluis, H., Woodfield, S. (2017), "The benefits from staff-student partnerships in pedagogical and institutional research: an evaluation research study", *Connecting Higher Education: International perspectives on research-based education*; 27-28 Jun 2017, London, U.K.

Juanda, D.A., Rosiana, D. (2024), "Kajian Mengenai Academic Burnout pada Mahasiswa Fakultas Kedokteran", *Bandung Conference Series: Psychology Science*, 4(2), 1046-1053, DOI: 10.29313/bcsp.v4i2.12959, EDN: PNCEUA.

Katel, N. (2024), "The Influence of Motivation on Teaching Performance and Student Outcomes", *Solukhumbu Multiple Campus Research Journal*, 6(1), 67-74, DOI: 10.3126/smcj.v6i1.74526, EDN: XFCRFN.

Khamis, H. (2008), "Measures of Association: How to Choose?", *Journal of Diagnostic Medical Sonography*, 24 (3), 155-162, DOI: 10.1177/8756479308317006.

Malik, A.S., Nadeem, M., Tariq M. (2022), "The Gender Difference In Students-Teachers Interaction At University Level: A Quantitative Analysis", *Pakistan Journal of Gender Studies*, 22(1), 29-50, DOI: 10.46568/pjgs.v22i1.573, EDN: OEBSTO.

McGrade, A. (ed.) (2003), *The Cambridge Companion to Medieval Philosophy*, Cambridge Companions to Philosophy, Cambridge Univ. Press.

Rahman, Md. H., Bin Amin, M., Yusof, M. F., Islam, Md. A., Afrin, S. (2024), "Influence of teachers' emotional intelligence on students' motivation for academic learning: an empirical study on university students of Bangladesh", *Cogent Education*, 11 (1), DOI: 10.1080/2331186x.2024.2327752, EDN: FHHSTG.

Riché, P. (1976), *Education and Culture in the Barbarian West, Sixth through Eighth Centuries*, University of South Carolina Press, Columbia.

Roupas, Z. (2025), "Radical reform is needed to combat power abuses in academia", *Nat Hum Behav*, [Online], available at: <https://www.nature.com/articles/s41562-025-02127-3> (Accessed 21 Marght 2025).

Sebolao, R. (2023), "Enhancing Academic Development: A reflexive exploration of Staff and Students' Experiences on curriculum co-creation", *Research in Educational Policy and Management*, 5 (3), 165-179, DOI: 10.46303/repam.2023.29, EDN: ZACYKW.

Sarwar, S., Tara, A.N., Abid, M.N., Dukhaykh S. (2025), "Teachers' Academic Motivation and Student Procrastination Behaviour: Mediating Effects of Emotion Regulation and Study Habits", *BMC Psychology*, 13 (1).

Singh, S., Remenyi, D. (2016), "Plagiarism and ghostwriting: The rise in academic misconduct", *South African Journal of Science (Academy of Science of South Africa)*, 112, 7-7.

Tran, L.H., Moskovsky, C. (2022), "Students as the Source of Demotivation for Teachers: A Case Study of Vietnamese University EFL Teachers", *Social Psychology of Education*, 25 (6), 1527-1544, DOI: 10.1007/s11218-022-09732-4, EDN: KYQRMQ.

Статья поступила в редакцию 21 марта 2025 г. Поступила после доработки 16 августа 2025 г. Принята к печати 05 сентября 2025 г.

Received 21 March 2025. Revised 16 August 2025. Accepted 05 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Ефимова Галина Зиновьевна, кандидат социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Galina Z. Efimova, Candidate of Sociological Sciences, Professor of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia.

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-6

Исследовательская статья

Ковальчук О. В.

Социальные стратегии детей-инвалидов: проблема сопровождаемого проживания

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия
kovalchuk@bsuedu.ru

Аннотация. Статья подготовлена на основе данных опроса родителей детей-инвалидов Белгородского региона. В качестве индикатора проблемы выступают наличие инклюзивного пространства для детей-инвалидов, оценка возможностей для самостоятельного проживания ребенка-инвалида, оценка важности элементов сопровождаемого проживания, оценка наличия ресурсов для организации сопровождаемого проживания в регионе, оценка проблем в организации сопровождаемого проживания для детей-инвалидов. Исследование проводилось методом массового онлайн опроса родителей детей-инвалидов (N=1021). Делается вывод, что сопровождаемое проживание является одной из значимых социальных стратегий для детей с инвалидностью. Для ребенка с инвалидностью это означает не только физическую независимость, но и развитие социальных навыков, необходимых для взаимодействия с окружающим миром. Данные аспекты были подтверждены ответами респондентов нашего исследования. Тем не менее, недостаточное финансирование и ограниченная доступность квалифицированных кадров могут стать серьезными препятствиями для эффективной реализации данной стратегии социальной адаптации. Также актуальна информированность населения о возможностях и ограничениях в реализации этой стратегии на уровне региона. Поэтому мы считаем, что основной задачей региональных властей должно стать повышение доступности информации для семей, воспитывающих детей-инвалидов, о социальных стратегиях в Белгородской области, увеличение ресурсов для реализации сопровождаемого проживания, а также усиление подготовки специалистов в этой сфере.

Ключевые слова: дети-инвалиды; молодежь; жизненные стратегии; социальные стратегии; социальная адаптация; социальная интеграция; сопровождаемое проживание; Белгородская область

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства», 2023-2025 гг.

Информация для цитирования: Ковальчук О. В. Социальные стратегии детей-инвалидов: проблема сопровождаемого проживания // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 286-298. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-6.

Olga V. Kovalchuk

Social strategies for disabled children: the problem of assisted living

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
kovalchuk@bsuedu.ru

Abstract. Based on the results of a survey of parents of disabled children in the Belgorod region, the problems related to the social strategies of disabled children in the region are considered. An indicator of the problem is the availability of an inclusive space for children with disabilities, an assessment of the possibilities for independent living of a disabled child, an assessment of the importance of the elements of accompanied accommodation, an assessment of the availability of resources for the organization of accompanied accommodation in the region, an assessment of the problems in the organization of accompanied accommodation for children with disabilities. The study was conducted using a massive online survey of parents of disabled children (N=1021). It is concluded that assisted living is one of the significant social strategies for children with disabilities. For a child with a disability, this means not only physical independence, but also the development of social skills necessary to interact with the outside world. These aspects were confirmed by the responses of the respondents to our study. However, insufficient funding and a shortage of qualified personnel could pose serious obstacles to the effective implementation of this social adaptation strategy. It is also relevant to inform the population about the opportunities and limitations in the implementation of this strategy at the regional level. Therefore, we believe that the main task of the regional authorities should be to increase the availability of information for families raising children with disabilities about social strategies in the Belgorod region, increase resources for the implementation of assisted living, as well as strengthen the training of specialists in this field.

Keywords: disabled children, youth, life strategies, social strategies; social adaptation; social integration; assisted living; Belgorod region

Acknowledgment: The research was supported by a state assignment “Life strategies of youth in the context of the geopolitical transformation of the Russian space”, FZWG-2023-0016, 2023-2025.

Information for citation: Kovalchuk, O. V. (2025), “Social strategies for disabled children: the problem of assisted living”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 286-298. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-6.

Введение (Introduction). Изменения в политической сфере, экономические кризисы и культурные сдвиги создают сложные вызовы, с которыми молодежь сталкивается ежедневно. Эти факторы влияют на выбор жизненных стратегий, на уровне образования, профессиональной ориентации и социального поведения. Жизненные стратегии молодежи в

условиях геополитической трансформации российского пространства представляют собой сложный и многогранный феномен, понимаемый в контексте проявления личности одновременно с адаптацией к общественным запросам, обстоятельствам, ценностям и ограничениям (Деникин, 2023), и требующий глубокого анализа, который позволит получить разнообразные

данные для характеристики проблем социализации и социальной адаптации молодежи (Шаповалова, 2021).

Социальные стратегии, выработанные молодым поколением, представляют собой ключевой аспект как для описания целых поколенческих групп (представляют собой относительно неизменный критерий), так и для оценки кризисных ситуаций и рисков, с которыми сталкивается молодежь в современном обществе (отражая изменчивость). Многолетние исследования, проводимые Международным центром социологических исследований НИУ «БелГУ», подчеркивают, насколько молодежные социальные установки, жизненные амбиции и подходы к принятию решений могут изменяться в ответ на изменения во внешней среде (Шаповалова, 2021, Шаповалова, Заводян, 2021; Ковальчук, 2023).

В настоящее время одной из актуальных проблем является сложность в успешной реализации социальных стратегий для детей-инвалидов, особенно для возрастной категории «старших детей» (с 12 лет), по отношению к которым допустимо использовать термин молодежь, учитывая общие тенденции формирования сознания, социального поведения и перехода к самостоятельному статусу взрослого члена общества. Данная возрастная и социальная категория требуют особого внимания и поддержки общества с целью успешной интеграции в социум и достижения своего потенциала. Поэтому изучение социальных стратегий данной категории способствует выявлению и устранению барьеров, препятствующих их полноценной жизни в обществе. Часто и дети, и молодые инвалиды сталкиваются с социальной изоляцией, и в связи с этим исследование

социальных стратегий позволит определить эффективные методы их социальной интеграции, которые позволят создать условия для их социализации и социальной адаптации.

Социальные жизненные стратегии, в частности стратегии социальной адаптации детей-инвалидов, представляют собой сложный и многофакторный процесс, включающий как индивидуальные, так и социальные аспекты. Важнейшим элементом является создание поддерживающей среды, в которой ребенок-инвалид и молодой инвалид может развиваться и реализовывать свой потенциал. Это подразумевает как профессиональную помощь специалистов, так и участие семьи и общественности.

Согласно информации Росстата, на начало января 2023 года общее количество детей и подростков с инвалидностью, составляло 722 тысячи человек, а к концу декабря 2023 года эта цифра возросла до 755 тысяч¹. Согласно информации, предоставленной Росстатом, на Рисунке 1 отображены изменения численности лиц с ограниченными возможностями в данном регионе за последние три года.

Дети-инвалиды, молодые инвалиды их проблемы и потребности, нуждаются не только в постоянном внимании со стороны соответствующих социальных учреждений, но и в тесной интеграции в стратегическое планирование всех регионов как области непрерывного развития и потенциального риска. Исследование ключевых аспектов социальной адаптации детей с инвалидностью поможет выявить потребности семей, воспитывающих таких детей, в поддержке при разработке социальных стратегий, включая помощь со стороны региональных властей.

¹ Данные Росстата о положении инвалидов в РФ.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 07.10.2024).

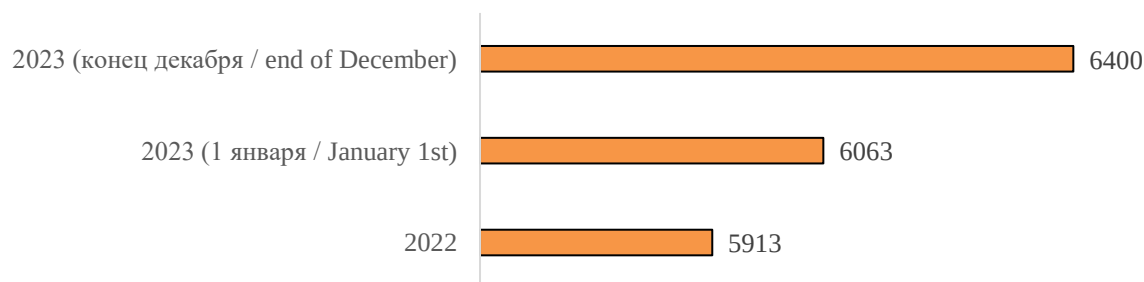

Рисунок 1. Динамика изменения численности детей-инвалидов
(на примере Белгородской области)
Figure 1. Dynamics of changes in the number of children with disabilities
(using the example of the Belgorod region)

Методология и методы (Methodology and methods). Российские исследователи регулярно занимаются изучением жизненных стратегий молодежи (Чупров, 1999; Зубок, 2003). В исследовании Ю. М. Резника и Е. А. Смирнова описаны наиболее распространенные разновидности жизненных стратегий (2002). Рассмотрение социальных стратегий детей и молодежи с инвалидностью осуществляется, как правило, в рамках концепции инклюзии (Деточенко, 2021; Зайцев, 2019; Складорова, 2020).

В контексте нашей работы интересны исследования Е. Ю. Ключко (Ключко, 2016), Т. В. Фуряевой, А. Н. Маркевич (Фуряева, Маркевич, 2016), О. Б. Чичериной (Чичерина, 2016).

В целях изучения социальных стратегий детей-инвалидов в условиях в 2024 году Международным центром

социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено социологическое исследование «Социальные стратегии детей-инвалидов» в общем цикле изучения социальных стратегий молодежи региона. Важные характеристики выборки представлены на Рисунках 2-3. Основными характеристиками становится представленность детей с определенными диагнозами, местность проживания семей и район проживания. Дополнительные характеристики включают в себя статус респондента по отношению к ребенку и его возраст.

Исследование проводилось методом массового онлайн опроса родителей детей-инвалидов (N=1021), ошибка выборки составила 2,83%, исследование было репрезентативно.

Рисунок 2. Представленность диагнозов в выборке
Figure 2. Representation of diagnoses in the sample

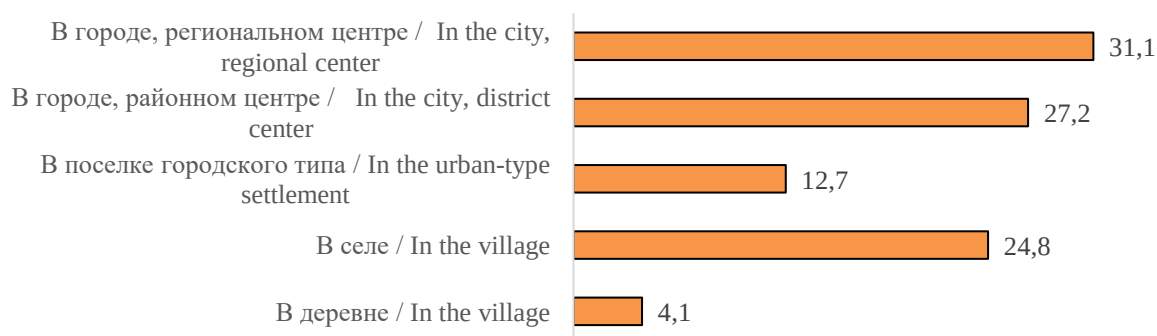

Рисунок 3. Представленность местности проживания семей в выборке
Figure 3. Representation of the location of families in the sample

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Жизненные стратегии вообще, а также социальные в частности, молодые люди могут выстроить в социуме, предоставляющем для всех равные права и возможности. Сегодня многие социальные практики основаны на концепции инклюзивности, которая возникла как часть серьезного сдвига в понимании прав,

достоинства и идентичности человека. Изменение в отношении к людям с инвалидностью стало лишь одним из проявлений данного подхода. Формирование инклюзивной среды для наиболее уязвимой социальной группы, к которой относятся семьи с детьми-инвалидами, — одна из приоритетных задач социальной политики не только федерального, но и регионального уровня.

Инклюзия представляет собой процесс включения людей с физической и ментальной инвалидностью в полноценную общественную жизнь, а также разработку и принятие конкретных управленческих решений для этого. Исследование показало, что родители детей-инвалидов в основном

положительно оценили деятельность региона по формированию инклюзивного пространства (70,5%). Четвертая часть респондентов придерживается отрицательной оценки, при этом однозначно негативно оценили деятельность региональных властей только 1,8% респондентов (Рисунок 4).

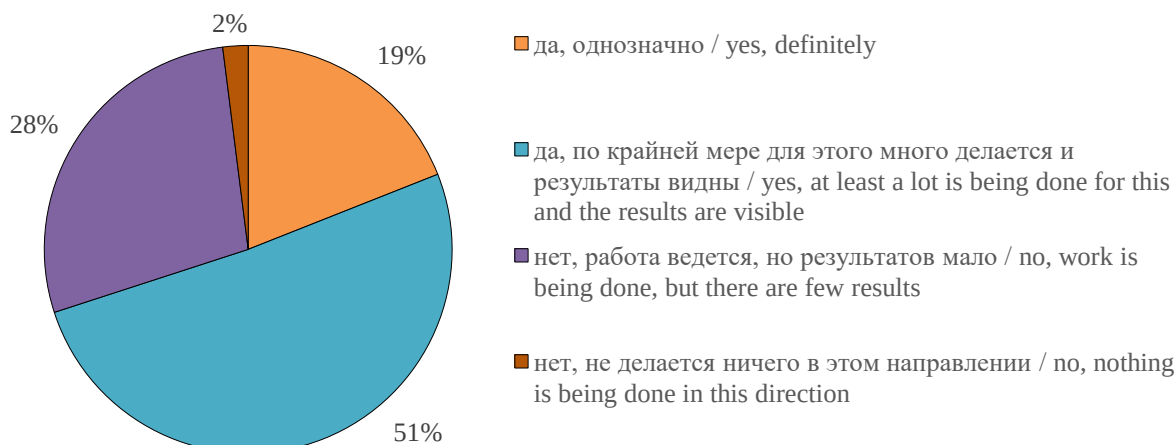

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Можно ли сказать, что в нашем регионе создана инклюзивное пространство (комфортная среда, позволяющая всем в равной степени получать и использовать блага цивилизации и услуг) для детей-инвалидов?» (в % от общего числа опрошенных).

Figure 4. Distribution of answers to the question “Can we say that an inclusive space has been created in our region (a comfortable environment that allows everyone to equally receive and use the benefits of civilization and services) for disabled children?” (% of total number of respondents)

Концепция инклюзии предполагает установление приоритетности государственной политики современной России в части обеспечения всех граждан равными возможностями для доступа к социальным, экономическим, культурным ценностям, гарантирование всем членам общества уважения к личности и соблюдения прав каждого. И государственная поддержка людей с особыми проблемами гарантируется Федеральным Законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Отметим, что согласно Конвенции ООН «О правах инвалидов» (ст. 19 «Самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество») предписывается решение проблемы сопровождаемого проживания по месту жительства инвалидов в условиях обычного

социального окружения. Иными словами, одной из моделей успешной интеграции детей-инвалидов в общество и повышение их качества жизни является модель самостоятельного проживания. Данная модель требует комплексного подхода и поддержки со стороны семей, образовательных учреждений и социальных служб.

Сопровождаемое проживание представляет собой стратегию социальной адаптации, которая обеспечивает поддержку и помощь людям в различных ситуациях, когда им требуется помощь для успешной интеграции в общество. Эта форма поддержки может быть особенно полезной для людей с ограниченными возможностями, молодежи, пожилых людей и других уязвимых групп населения.

Уточним, что сопровождаемое проживание по закону – для лиц с 18 лет, для детей-инвалидов можно говорить только о перспективах после совершеннолетия. Однако данная социальная стратегия является основополагающей для семей с детьми-инвалидами, поскольку предполагает автономность личности и возможность принимать собственные решения. Для ребенка-инвалида этот аспект включает в себя не только физическую независимость,

но и социальные навыки, позволяющие взаимодействовать с окружающим миром. Родители, воспитывающие детей-инвалидов, осознают важность самостоятельного проживания для своих детей в будущем. Так, на вопрос «Задумывались ли Вы о том, как будет организована и возможно ли самостоятельное проживание для Вашего ребенка в дальнейшем?» более 60 % родителей ответили положительно (Рисунок 5).

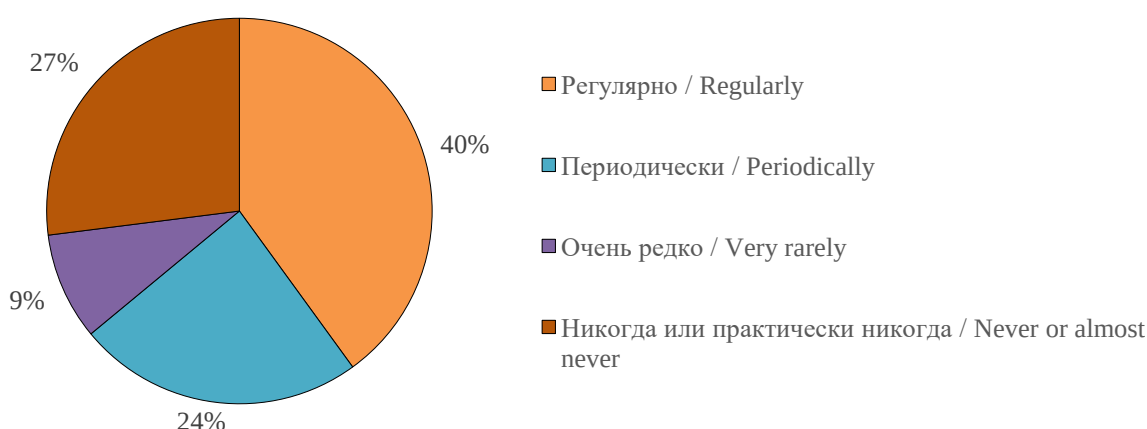

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Задумывались ли Вы о том, как будет организована и возможно ли самостоятельное проживание для Вашего ребенка в дальнейшем?» (в % от общего числа опрошенных).

Figure 5. Distribution of answers to the question “Have you considered how your child's independent living arrangements will be organised in the future and whether this will be feasible?” (% of total number of respondents)

Необходимо отметить, что полученные нами данные соотносятся с данными российских исследователей, занимающихся изучением данной темы. Одним из ключевых аспектов современной науки является изучение возможностей социальной интеграции детей и молодежи с инвалидностью посредством различных форм сопровождаемого проживания. Исследования показывают, что включение данной категории населения в общество способствует улучшению качества их жизни и расширению социальных связей. В частности, это направление получило значительное внимание в работах российских авторов, таких как А. Б. Альдашева и Т. В. Сиротина. Их

исследования подчеркивают важность формирования индивидуальной траектории развития каждого ребенка с особенностями психофизического развития, что позволяет адаптироваться к социальным условиям и формировать необходимые жизненные компетенции (Альдашева, Сиротина, 2017).

По данным Е. Ю. Клочко (Клочко, 2016) у семей, воспитывающих детей-инвалидов, имеется социальный запрос на развитие и внедрение сопровождаемого проживания, а также его элементов, к которым мы можем отнести:

- первоначальное регулярное или периодическое сопровождение в форме поддержки и обучения в начальный период самостоятельного проживания;

- организация учебного (тренировочного, временного) сопровождаемого проживания;
- регулярное сопровождаемое проживание, в связи с трудностями самообслуживания, самостоятельного передвижения, ориентации, общения, контроля над своим поведением;
- постоянное сопровождаемое проживание, в связи с ограничениями к жизнедеятельности, к самообслуживанию, к самостоятельному передвижению, к

ориентации, общению, обучению и контролю над своим поведением.

Результаты нашего исследования подтверждают запрос семей, воспитывающих детей с инвалидностью, на данные элементы сопровождаемого проживания, однако, часть родителей не могут в полной мере оценить важность данной модели и не желают доверить эту работу кому бы то ни было, кроме себя (Рисунок 6).

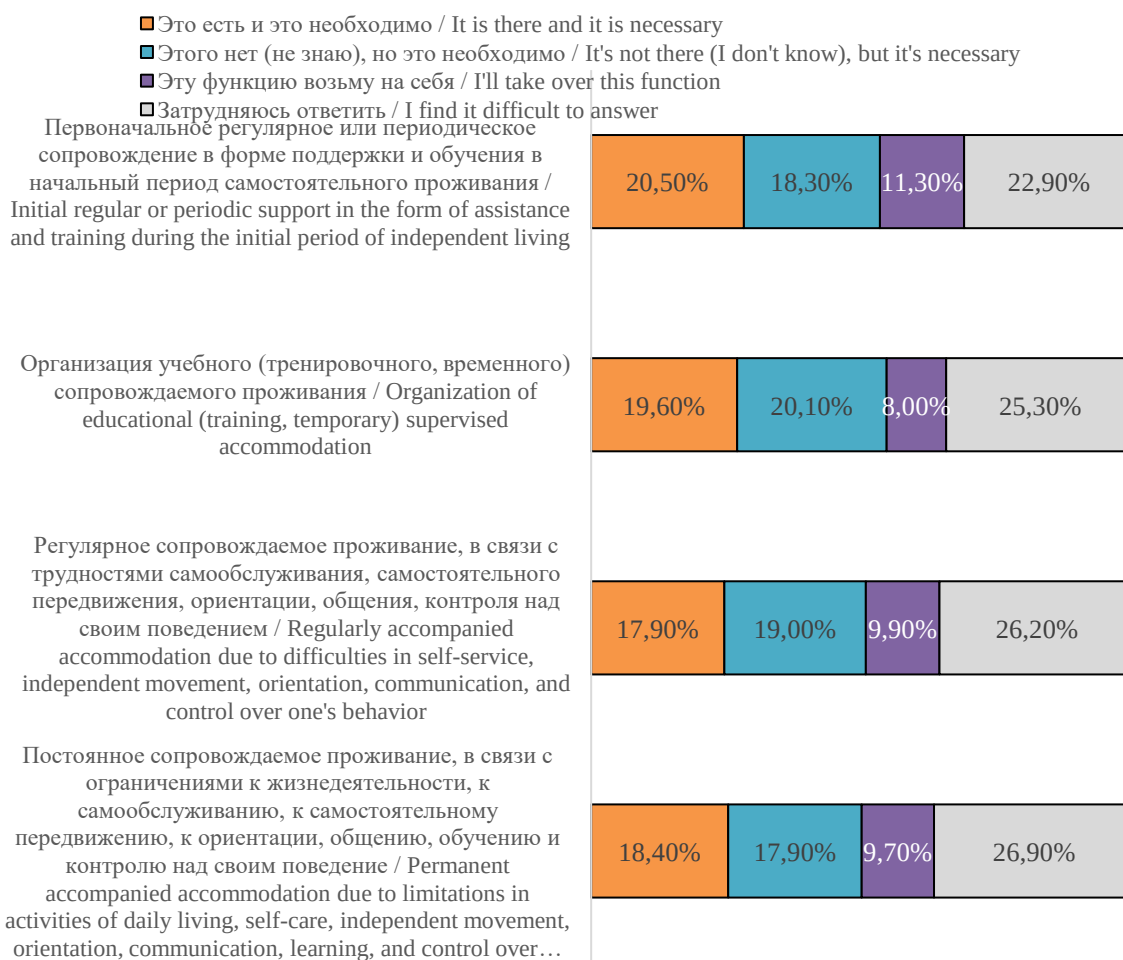

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Если понимать под организацией самостоятельного проживания и сопровождаемым проживанием ребенка-инвалида технологию социального обслуживания, предусматривающую возможность предоставления социальных услуг, услуг по реабилитации и абилитации, образовательных услуг и проведения мероприятий по социальному сопровождению, оцените пожалуйста наличие элементов, их важность для вашего ребенка в будущем» (в % от общего числа опрошенных).
Figure 6. Distribution of answers to the question “If we understand the organization of independent living and assisted living of a disabled child as a social service technology that provides for the provision of social services, rehabilitation and habilitation services, educational services and social support activities, please evaluate the presence of elements and their importance for your child in the future” (% of total number of respondents)

Модель сопровождаемого проживания предполагает использование ряда ресурсов для получения оптимальных результатов: и наличие инфраструктуры, и квалификацию, и наличие специалистов, которые могут ее поддерживать, и финансирование, и информационную составляющую. Наше исследование, показало, что все ресурсы, необходимые

для использования модели сопровождаемого проживания, в Белгородской области – на низком уровне (Рисунок 7). Процент большого числа респондентов, которые затруднились ответить на данный вопрос, на наш взгляд, является показателем недостаточной работы социальной сферы по реализации данной модели адаптации в регионе.

■ Достаточно / Enough

■ Совершенно недостаточно / Not enough

■ Необходимо больше / Need more

■ Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer

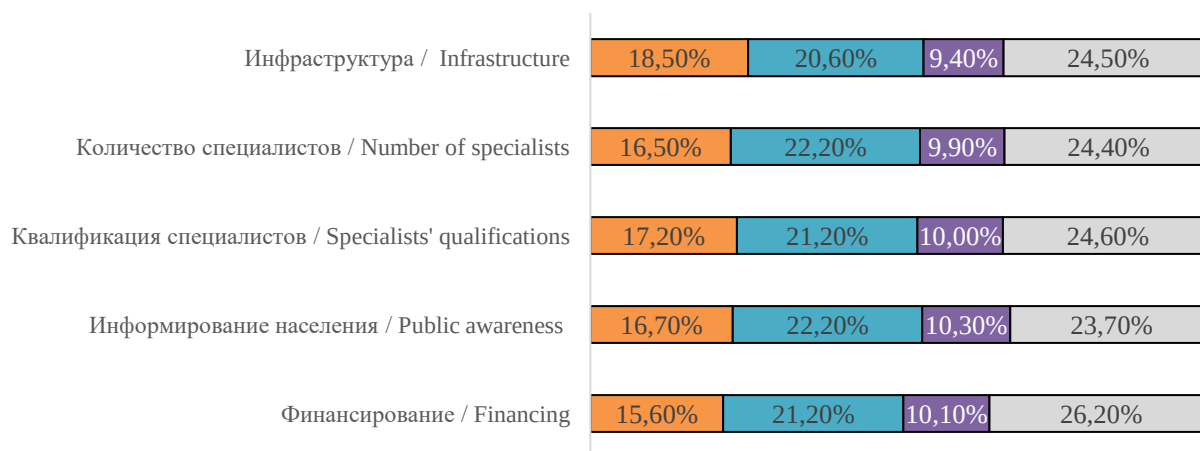

Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли в нашем регионе ресурсов для организации сопровождаемого проживания для детей-инвалидов?» (в % от общего числа опрошенных).

Figure 7. Distribution of answers to the question “Do you think there are enough resources in our region to provide assisted living for children with disabilities?” (% of total number of respondents)

Указанные выше данные коррелируются с полученными данными от респондентов по вопросу «Какие проблемы Вы могли бы обозначить в организации сопровождаемого проживания для детей инвалидов?».

При ответе на данный вопрос большинство респондентов в качестве проблем указали то, что не сталкивались с данной формой социальной адаптации, или не слышали о ней (Таблица).

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы Вы могли бы обозначить в организации сопровождаемого проживания для детей инвалидов?» (в % от общего числа опрошенных)

Table

Distribution of answers to the question “What problems could you identify in the organization of assisted living for disabled children?” (% of total number of respondents)

пока не знаю/не знаю / не сталкивался/затрудняюсь ответить / I don't know yet/I don't know/I haven't encountered it/I find it difficult to answer	31,3
в моем случае никаких /никакие/нет / in my case there are no/any	28,5
информирование о нем и его наличие (нет никакой информации, что это есть) no information about it and its availability (there is no information that it exists)	6,4

нет сопровождаемого проживания / there is no assisted accommodation	4
наличие энтузиастов-организаторов / качественные условия, и квалификация сопровождаемого /отсутствие специалистов / there are enthusiastic organizers/high-quality conditions and the qualifications of the accompanied person	4
Финансирование / financing	2,5
нет условий /нет тренировочной квартиры/ there are no conditions / no training apartment	2,4
недоступен для большинства населённых пунктов / it is not available in most localities	0,8
отсутствие навыков самостоятельной жизни / lack of independent living skills	0,8
очень многие родители ищут сиделок для своих детей за свой счет или интернат, который где сейчас у нас находится? / many parents are looking for caregivers for their children at their own expense or a boarding school, which is currently located where?	0,8
для каждого ребёнка индивидуально / for each child individually	0,8
Медицина / healthcare	0,8
самостоятельное проживание необходимо развивать и на местах реального в дальнейшем проживания инвалида, так как после тренировочных квартир навыки теряются с переездом в своё жильё / independent living should be developed in the places where the disabled person will live in the future, as the skills are lost when the person moves to their own home after training in the apartments	0,8

Заключение (Conclusions).

Социальные стратегии детей-инвалидов представляют собой сложный и многофакторный процесс, включающий как индивидуальные, так и социальные аспекты. Важнейшим элементом является создание поддерживающей среды, в которой ребенок может развиваться и реализовывать свой потенциал. Это подразумевает как профессиональную помощь специалистов, так и участие семьи и общественности.

Сопровождаемое проживание является одной из важных социальных стратегий детей-инвалидов, поскольку, являясь основополагающей для семей с детьми-инвалидами, предполагает автономность личности и возможность принимать собственные решения. Для ребенка-инвалида этот аспект включает в себя не только физическую независимость, но и социальные навыки, позволяющие взаимодействовать с окружающим миром. Важность этого подтвердили респонденты нашего исследования. Отсутствие достаточного финансирования и недоступность специализированных кадров могут стать препятствиями на пути

эффективной реализации данной стратегии социальной адаптации. Также важность представляет информированность населения о наличии/отсутствии возможностей реализации данной стратегии на региональном уровне.

Перспективы дальнейшего исследования представленной темы видятся прежде всего в следующем: анализ эффективности различных моделей сопровождаемого проживания, а также выявлении факторов, влияющих на успешность социальной адаптации ребенка-инвалида; исследование практики социального партнерства органов здравоохранения, социальной защиты населения, образовательных учреждений и общественных организаций в вопросах организации сопровождаемого проживания детей-инвалидов в аспекте выявления проблем и разработки рекомендаций по улучшению координации действий заинтересованных сторон; изучение общественного мнения относительно проблемы сопровождаемого проживания детей-инвалидов с целью проведения различных информационно-просветительских мероприятий среди

населения, повышение осведомленности общественности о потребностях детей и молодежи с особыми нуждами.

Исходя из этого, видится важным: проведение постоянного мониторинга потребностей семей, воспитывающих детей-инвалидов; развитие инфраструктуры служб поддерживающей среды, обеспечивающей интеграцию детей-инвалидов в социум; повышение уровня квалификации работников системы социальной защиты, медицинских учреждений и образовательных организаций, занимающихся вопросами сопровождаемого проживания детей-инвалидов. Реализация предложенных практических рекомендаций позволит существенно повысить качество жизни семей, воспитывающих детей-инвалидов, способствуя успешной реализации их социальных стратегий.

Главной задачей региональных властей является повышение доступности семей, воспитывающих детей-инвалидов, к информированию о социальных стратегиях для детей-инвалидов в Белгородской области, увеличив ресурсы в регионе для осуществления сопровождаемого проживания, а также усилив подготовку специалистов в данном направлении.

Список литературы

- Альдашева А. Б., Сиротина Т. В. Сопровождаемое проживание лиц с инвалидностью в Российской Федерации: возможности социальной интеграции // Социальная интеграция и развитие этнокультуры в евразийском пространстве. 2017. № 5-2. С. 14-18.
- Деточенко Л. С. Вовлеченность детей-инвалидов в социальные связи и сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 4 (64). С. 70-78. DOI: 10.52452/18115942_2021_4_70. EDN: CXZDZM.
- Зайцев Д. В., Складорова Т. В. Развитие практик инклюзивной культуры в работе социальных служб: социологический анализ проблем и перспектив // Бюллетень науки и практики. 2019. № 11. С. 343-351. DOI: 10.33619/2414-2948/48/43. EDN: XJQWFQ.
- Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147-162.
- Клочко Е. Ю. Жизнь без барьеров: о перспективах. Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21, №1. С.94-107. DOI: 10.17759/pse.2016210108. EDN: VSEQHD.
- Ковальчук О. В. Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов как индикатор благополучия региона // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 3. С. 37-48. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-4. EDN: GHZWNG.
- Ковальчук О. В. Профессиональные жизненные стратегии детей-инвалидов: проблема профессиональной ориентации // Научные результаты социологии-2023. Сборник статей по материалам III Международного научного онлайн-форума. Белгород, 2024. С. 89-95. EDN: GIDDCD.
- Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М., 2002. 260 с.
- Складорова Т. В. Стратегии и практики инклюзии детей-инвалидов: социологический анализ эффективности // Материалы Международной модульной научно-практической конференции «Инклюзия для всех – 2020: Социальная инклюзия в современном социокультурном пространстве». Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2020. С. 29-30.
- Фурьева Т. В., Маркевич А. Н. Моделирование сопровождаемого проживания молодых людей с РАС как условие создания новой социальной инклюзивной практики // Сибирский вестник специального образования. 2016. № 3 (18). С.43-49.
- Чечерина О. Б. Сопровождаемое проживание как эффективная альтернатива психоневрологическим интернатам // Сетевое издание «Электронный журнал «Практика социальной работы. Открытый методический ресурс». 2016. № 1. С.1-13.
- Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93-106.
- Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и

социализационные результаты // В книге: Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа, 2021. С. 25-45.

Шаповалова И. С. Карьерные стратегии провинциальной молодежи // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 173-182. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182. EDN: DYRHQM.

References

Aldasheva, A. B., Sirotina, T. V. (2017), "Supported Accommodation of Persons with Disabilities in the Russian Federation: Opportunities for Social Integration", *Sotsialnaya integratsiya i razvitie etnokul'tury v evraziyskom prostranstve*, (5-2), 14-18. (In Russian)

Detochenko, L. S. (2021), "Involvement of children with disabilities in social relations and communities", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki*, (4), 70-78, DOI: 10.52452/18115942_2021_4_70, EDN: CXZDZM. (In Russian)

Zaitsev, D. V., Sklyarova, T. V. (2019), "The development of inclusive culture practices in the work of social services: a sociological analysis of problems and prospects", *Byulleten nauki i praktiki*, (11), 343-351, DOI: 10.33619/2414-2948/48/43, EDN: XJQWFQ. (In Russian)

Zubok, Yu. A. (2003), "Risk in the social development of youth", *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, (1), 147-162. (In Russian)

Klochko, E. Y. (2016), "Life without barriers: about prospects", *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 21 (1), 94-107, DOI: 10.17759/pse.2016210108, EDN: VSEQHD. (In Russian)

Kovalchuk, O. V. (2023), "Professional life strategies of disabled children as an indicator of the well-being of the region", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (3), 37-48, DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-4, EDN: GHZWNG. (In Russian)

Kovalchuk, O. V. (2024), "Professional life strategies of children with disabilities: a gap in professional orientation", *Nauchnye rezultaty sotsiologii-2023. Sbornik statey po materialam III Mezhdunarodnogo nauchnogo onlajn-foruma* [Scientific results of sociology-2023. Collection of articles based on the materials of the III International scientific online forum], Belgorod, Russia, 89-95, EDN: GIDDCD. (In Russian)

Reznik, Yu. M. & Smirnov, E. A. (2002), *Zhiznennyye strategii lichnosti (opyt kompleksnogo analiza)* [Personal life strategies (experience of complex analysis)], Moscow, Russia, 260. (In Russian)

Sklyarova, T. V. (2020), "Strategies and practices of inclusion of disabled children: a sociological analysis of effectiveness", *Materialy Mezhdunarodnoy modularnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Inkljuziya dlya vseh – 2020: Sotsialnaya inkljuziya v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve»* [Proceedings of the International Modular Scientific and Practical Conference "Inclusion for All – 2020: Social inclusion in the modern socio-cultural space"], Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia, 29-30. (In Russian)

Furyaeva, T. V., Markevich, A. N. (2016), "Modelling assisted living for young people with ASD as a condition for creating a new social inclusive practice", *Sibirskiy vestnik spetsialnogo obrazovaniya*, (3), 43-49. (In Russian)

Checherina, O. B. (2016), "Assisted living as an effective alternative to neuropsychiatric boarding schools", *Setevoe izdanie «Elektronny zhurnal «Praktika Sotsialnoy raboty. Otkrytye metodicheskiy resursy»*, (1), 1-13. (In Russian)

Chuprov, V. I. (1998), "Youth in social reproduction", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 93-106. (In Russian)

Shapovalova, I. S. & Zavodyan, I. S. (2021), "Generation Z: values, dispositions and socialization results", *Pokolenie Z: mnogoobrazie identichnostey, orientatsiy, povedeniya* [Generation Z: diversity of identities, orientations, behavior], Ufa, Russia, 25-45. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2021), "Career strategies of provincial youth", *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, 140, 173-182, DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182, EDN: DYRHQM (In Russian)

Статья поступила в редакцию 07 апреля 2025 г. Поступила после доработки 16 августа 2025 г. Принята к печати 05 сентября 2025 г.

Received 07 April 2025. Revised 16 August 2025. Accepted 05 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Ковальчук Ольга Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского

университета, Белгород, Россия.

Olga V. Kovalchuk, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-7

Исследовательская статья

Кузьмин К. В.
Набойченко Е. С.
Петрова Л. Е.

Студенты из семей участников специальной военной операции: оценка потребностей в психологической помощи и барьеры к ее получению (опыт Свердловской области)

Свердловский областной медицинский колледж,
улица Репина, дом 2а, Екатеринбург, 620014, Россия
konstantinkuzmin1966@gmail.com

Министерство здравоохранения Свердловской области,
улица Вайнера, дом 34б, Екатеринбург, 620014, Россия
dhona@mail.ru

Екатеринбургская академия современного искусства (институт),
улица Культуры, дом 3, Екатеринбург, 620012, Россия
petrova@eaca.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в Свердловском областном медицинском колледже в октябре-ноябре 2024 г. (n=191, ошибка выборки – 4,24%). Цель – изучение уровня обращаемости студентов из семей участников специальной военной операции за психологической помощью, выявление гендерных особенностей и установление взаимосвязей в восприятии потребностей в помощи между возрастом и курсом обучения. Выявлена низкая обращаемость за помощью при достаточно высоком уровне распространенности психологических проблем, в особенности среди мужчин и совершеннолетних, что связано с трудностями поиска подходящего специалиста, недостатком доступной информации, страхами осуждения и стигматизации, а также с собственной психологической замкнутостью. Значительная часть опрошенных отрицает необходимость вмешательства специалистов даже при наличии нарушений психического здоровья при том, что ранее обращались за профессиональной помощью. Это свидетельствует о присутствии искаженных представлений и недостаточных знаниях симптомов и признаков психологических проблем, а также о малой вероятности обращения за помощью к специалистам в будущем, что грозит рисками развития хронических состояний и заболеваний и ухудшением качества жизни в целом. Необходимо расширение возможностей получения профессиональной помощи, развитие онлайн-сервисов психологической поддержки, организация тренингов по профилактике стресса и повышению стрессоустойчивости, повышение уровня психологических знаний педагогических работников, создание условий для анонимного обращения за помощью и благоприятной атмосферы «воспринимаемой поддержки» в студенческих коллективах.

Ключевые слова: студенты медицинского колледжа; психологическая помощь; востребованность помощи

Информация для цитирования: Кузьмин К. В., Набойченко Е. С., Петрова Л. Е. Студенты из семей участников специальной военной операции: оценка

потребностей в психологической помощи и барьеры к ее получению (опыт Свердловской области) // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 299-315. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-7.

Research article

Konstantin V. Kuzmin
Evgeniya S. Naboychenko
Larisa E. Petrova

Students from families of participants in the Special Military Operation: assessment of needs for psychological help and barriers to receiving it (experience of the Sverdlovsk region)

Sverdlovsk Regional Medical College,
2a Repin Str, Yekaterinburg, 620014, Russia
konstantinkuzmin1966@gmail.com

Ministry of Health of the Sverdlovsk Region,
34b Vayner St., Yekaterinburg, 620014, Russia
dhona@mail.ru

Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Institute),
3 Kultury St., Yekaterinburg, 620012, Russia
petrova@eaca.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted at the Sverdlovsk Regional Medical College in October-November 2024 (n=191, sampling error – 4.24%). The objective is to study the level of appeal of students from families of participants in the Special Military Operation for psychological help, to identify gender characteristics and to establish relationships in the perception of the need for help between age and course of study. A low rate of seeking help was found, despite a fairly high prevalence of psychological problems, especially among men and adults, which is associated with difficulties in finding a suitable specialist, a lack of accessible information, fears of condemnation and stigmatization, as well as one's own psychological isolation. A significant portion of respondents deny the need for specialist intervention even in the presence of mental health problems, despite having previously sought professional help. This indicates the presence of distorted ideas and insufficient knowledge of the symptoms and signs of psychological problems, as well as a low probability of seeking help from specialists in the future, which threatens the risks of developing chronic conditions and diseases and a deterioration in the quality of life in general. It is necessary to expand opportunities for receiving professional assistance, develop online psychological support services, organise training sessions on stress prevention and how to increase stress resistance, and improve the level of psychological knowledge among teaching staff. This will create conditions for anonymous requests for help and foster a favourable atmosphere of 'perceived support' within student groups.

Keywords: medical college students; psychological assistance; demand for assistance

Information for citation: Kuzmin, K. V., Naboychenko, E. S., Petrova, L. E. (2025), "Students from families of participants in the Special Military Operation: assessment of needs for psychological help and barriers to receiving it (experience of the Sverdlovsk region)", *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 299-315. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-7.

Введение (Introduction). В настоящее время наблюдаются существенные изменения в составе контингента обучающихся как высших, так и средних профессиональных учебных заведений, в частности, увеличивается количество студентов из семей участников специальной военной операции.

В соответствии с Указом Президента РФ от 09.05.2022 г. № 268 «О дополнительных мерах поддержки семей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов»¹ выделены специальные квоты приема на обучение по образовательным программам высшего образования (программам бакалавриата и специалитета), а согласно Федеральному закону от 25.12.2023 г. № 685-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”»² детям участников специальной военной операции предоставлено преимущественное право зачисления на обучение по образовательным программам среднего профессионального образования вне зависимости от результатов освоения ими образовательной программы основного общего или среднего общего образования.

В то же время, исследователи отмечают, что данная группа обучающихся

может отличаться от других студентов наличием у них выраженного синдрома дезадаптации. Носителями данного синдрома могут быть как родители (комбатанты – лица, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях), так и другие значимые близкие, у которых возникли различные психосоматические расстройства, вызванные эмоциональными потрясениями, а также аффективные нарушения и личностные расстройства, характеризующиеся, в частности, отклонениями от норм социального функционирования (Агаджанян, 2009; Струкова, 2023; Фаттахов, 2009; Цыба, 2023).

При этом важно понимать, что к категории «детей участников специальной военной операции» относятся не только несовершеннолетние, но и совершеннолетние студенты, нуждающиеся в сопровождении специалистов по психическому здоровью (психологов, социальных педагогов, психотерапевтов, психиатров), а именно в «повышенном психолого-педагогическом внимании» в связи с возникающими проблемами социальной дезадаптации, сниженной самооценкой и/или проявлениями депрессии, тяжелыми психологическими состояниями, обусловленными пережитыми травмирующими событиями (например, гибель родственников или близких лиц) или возникшими в результате воздействия психотравмирующих ситуаций, а также в случаях наличия склонностей к аддиктивному, девиантному или суицидальному поведению³.

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2022 г. № 268 «О дополнительных мерах поддержки семей военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов». URL: <https://base.garant.ru/404583716/> (дата обращения: 03.03.2025).

² Федеральный закон от 25.12.2023 г. № 685-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” и статью 2 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465629/ (дата обращения: 03.03.2025).

³ Письмо Минпросвещения России от 11.08.2023 г. № АБ-3386/07 О направлении Алгоритма сопровождения в дошкольных образовательных, общеобразовательных, профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования детей ветеранов (участников) специальной военной операции, обучающихся в соответствующих организациях, в целях оказания таким детям необходимой помощи, в том числе

В то же время результаты исследований как отечественных, так и зарубежных авторов наглядно свидетельствуют о том, что показатели обращаемости к специалистам подростков и молодых людей при возникновении психологических проблем остается крайне низкими: по данным Л. Е. Плутова (Плотов, 2023), в среднем только четверть подростков обращается за психологической помощью в случае возникновения у них психоэмоциональных проблем и лишь треть – при уже внешне наблюдаемых психических расстройствах.

Указанная ситуация имеет глобальный характер: по признанию экспертов Всемирной организации здравоохранения (Verboom, 2014; Kowalenko, 2018; Aguirre Velasco, 2020) именно несвоевременное либо позднее обращение молодых людей за психологической помощью является важнейшим фактором риска для дальнейшего развития личности, а наличие неразрешенных психологических трудностей и психических расстройств оказывает негативное воздействие на будущее благополучие и социальную деятельность, создавая реальную угрозу реализации и безопасности будущей жизни, образовательных и карьерных перспектив. Неслучайно, по примерным оценкам, до половины последующих проблем с психическим здоровьем во взрослой жизни начинается в возрасте до 15-ти лет, а почти три четверти – до 18-ти лет (Radez, 2021).

Методология и методы (Methodology and methods).

Систематические обзоры исследователей (Шпорт, 2023; Gulliver, 2010; Radez, 2021) выявляют основные причины нежелания обращаться за помощью; в их числе: стигматизация и страх смущения; низкая грамотность в вопросах психического

здоровья; негативные убеждения семьи относительно лечения в области психического здоровья; предпочтение самостоятельности и опасения по поводу нарушения конфиденциальности при общении со специалистом по психическому здоровью и др.

Крайне важными, в связи с этим, становятся мероприятия, ориентированные на профилактику и выявление отклонений не только дезадаптации, но и потребностей в сопровождении, с целью своевременного получения студентами психологической помощи при возникновении ситуаций, угрожающих эмоциональному благополучию, здоровью, жизни и социальному функционированию (Ахапкин, 2023; Ульянина, 2023; Ульянина, 2024).

Цель исследования, представленного в статье: изучение уровня обращаемости студентов из семей участников специальной военной операции, обучающихся в медицинском колледже, за психологической помощью, а также выявление гендерных особенностей и установление взаимосвязей в восприятии потребностей в помощи между возрастом и курсом обучения.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования был проведен онлайн-опрос студентов из семей участников специальной военной операции, обучающихся в Свердловском областном медицинском колледже. Опрос проводился в октябре-ноябре 2024 г.; ссылку на онлайн-анкету студенты получили посредством электронной рассылки. Анкета включила в себя 5 блоков вопросов, характеризующих: 1) Изучаемый контингент в целом (пол, возраст и курс обучения); 2) Частоту, причины и трудности обращения за помощью; 3) Субъективное отношение студентов к обращению за психологической помощью; 4) Возникающие барьеры и препятствия; 5) Вероятность обращения к ресурсам помощи в случае возникновения проблем

психологической. М.: Министерство просвещения Российской Федерации, 2023. URL: https://fcprc.ru/media/media/behavior/Algoritm_soprov_ojdeniya_SVO.pdf. (дата обращения: 03.03.2025).

психического здоровья. При составлении анкеты авторы использовали методические материалы опросников «Отношение к обращению за профессиональной психологической помощью» (Вайнштейн, 2015), «Барьеры в обращении за помощью» (Mansfield, 2005) и «Обращение за помощью» (Rickwood, 2005). Методы: одномерный, двухмерный и сравнительный анализ полученных результатов исследования.

Статья написана по результатам прикладного социологического исследования на тему «Оценка потребностей в социально-психологическом сопровождении студентов Свердловского областного медицинского колледжа из семей участников и ветеранов боевых действий» в рамках выполнения Плана государственного задания Министерства здравоохранения Свердловской области (2024 г.).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В анкетировании принял участие 191 респондент из семей участников специальной военной операции (158 женщин и 33 мужчины). Достижимость выборки составила 64,3%, ошибка выборки – 4,24%, что с вероятностью 95% указывает на реальную долю признака в распределении и дает наиболее точную информацию об изучаемой совокупности. Свыше половины опрошенных (56%) составили 15-17-летние; около трети (31%) – студенты в возрасте 18-20-ти лет; 13% – 21 год и старше. По 2/5 опрошенных составили студенты первого и второго курсов (38,2% и 41,4% соответственно), почти каждый десятый учится на третьем или четвертом курсе (11% и 9,4%).

Респондентам было предложено ответить на вопрос, обращались ли они

когда-либо за профессиональной помощью в решении своих психологических проблем к специалистам по психическому здоровью – психологам, психотерапевтам, социальным педагогам или врачам-клиницистам. В целом за помощью обращался каждый 5-й опрошенный, но при этом обращаемость мужчин значительно ниже обращаемости женщин – 6,1% против 22,1%, что может свидетельствовать о наличии в сознании студентов стереотипных представлений о различиях «сильного» и «слабого» пола.

Неслучайно, к примеру, при ответе на вопрос, хотят ли опрошенные, чтобы кто-либо «из посторонних» знал об их психологических трудностях, отрицательный вариант ответа выбрали 58,6% мужчин и 39,3% женщин; предпочли бы «не заикливаться» на своих проблемах двое из пяти мужчин (42,4%), но только каждая 5-я женщина (17,7%); считают, что проблемы пройдут «сами собой», 27,2% и 12,7% соответственно. Показательно и то, что относительно чаще за помощью обращались студенты старшего, 4-го, курса – 33,4% против 20,6% первокурсников, что связано, с одной стороны, с этапами взросления и осознания важности заботы о собственном здоровье, в том числе психическом, с другой, отражает косвенное воздействие специфики профессиональной подготовки, связанной с будущей работой в системе здравоохранения.

Однако показатели обращаемости за психологической помощью никак не соответствуют реальным масштабам ее востребованности, о чем свидетельствуют результаты ответов на вопрос, сталкивались ли опрошенные за последние 2 года с ситуациями, когда им *срочно* требовалась психологическая помощь (Рисунок 1).

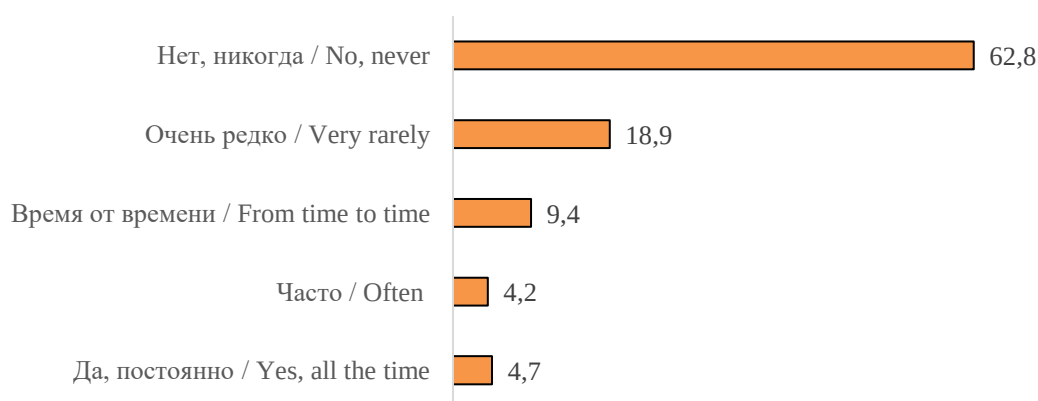

Рисунок 1. Сталкивались ли за последние 2 года с ситуациями, когда срочно требовалась психологическая помощь? (в % к общему числу; n=191)

Figure 1. Have you encountered situations in the last two years when psychological help was urgently needed? (% of the total number; n=191)

Необходимо отметить, что большинство опрошенных на данный вопрос (62,8%) выбрали вариант ответа «нет, никогда», однако пятая часть (18,3%) дала утвердительные ответы, выбрав варианты «да, постоянно», «часто» или «время от времени», а еще почти столько же (18,9%) – вариант «очень редко».

При этом показательны противоречия, которые выявились в ходе опроса: из 37 человек, обратившихся за психологической помощью, треть (12 чел.) утверждает, что никогда не сталкивалась с ситуациями, требовавшими профессионального вмешательства, а 10 респондентов сталкивались с ними «очень редко». При этом из 17 респондентов, указавших на то, что сталкиваются с подобными ситуациями «постоянно» или «очень часто», только 10 обращались за помощью специалистов. Описываемая ситуация представляется крайне тревожной, доказывая, что уровень обращаемости значительно ниже уровня востребованности, так как вне поля зрения специалистов оказываются те, кто реально находится на грани психического здоровья и нездоровья. При этом в ответах респондентов явно прослеживается влияние полоролевых стереотипов: варианты ответов «да, постоянно», «часто», «время от времени» или «очень

редко» выбрали 4 из 10-ти опрошенных женщин (41,2%), но только каждый 5-й мужчин (19,2%).

Возникновение проблем психологического характера с возрастом неуклонно растет (от «постоянно» до «очень редко») – от 36,5% в 15-17-летнем возрасте до 42% в возрасте 23 лет и старше, однако обращаемость за помощью к специалистам, напротив, сокращается вдвое – с 21,5% до 10,5%. Иными словами, в возрасте 15-17-лет число обратившихся за помощью по проблемам психического здоровья меньше в 1,7 раза от числа респондентов, сталкивающихся с ними в 18-22-летнем возрасте, а затем увеличивается в четыре раза в возрасте 23 года и старше. При этом если на первом курсе за помощью к специалистам обратились $\frac{3}{4}$ респондентов, испытывавших психологические проблемы, то на втором – чуть более трети, на третьем – около половины, а на четвертом – 6 из 10-ти респондентов.

Респондентам было предложено ответить на вопрос «в какой крайней ситуации может потребоваться срочная профессиональная помощь в решении личных или эмоциональных проблем», выбрав не более 3 вариантов ответа из предложенного списка (Рисунок 2); здесь следует оговориться, что свыше четверти

респондентов (52 чел.) указали на то, что

«для них таких ситуаций не существует».

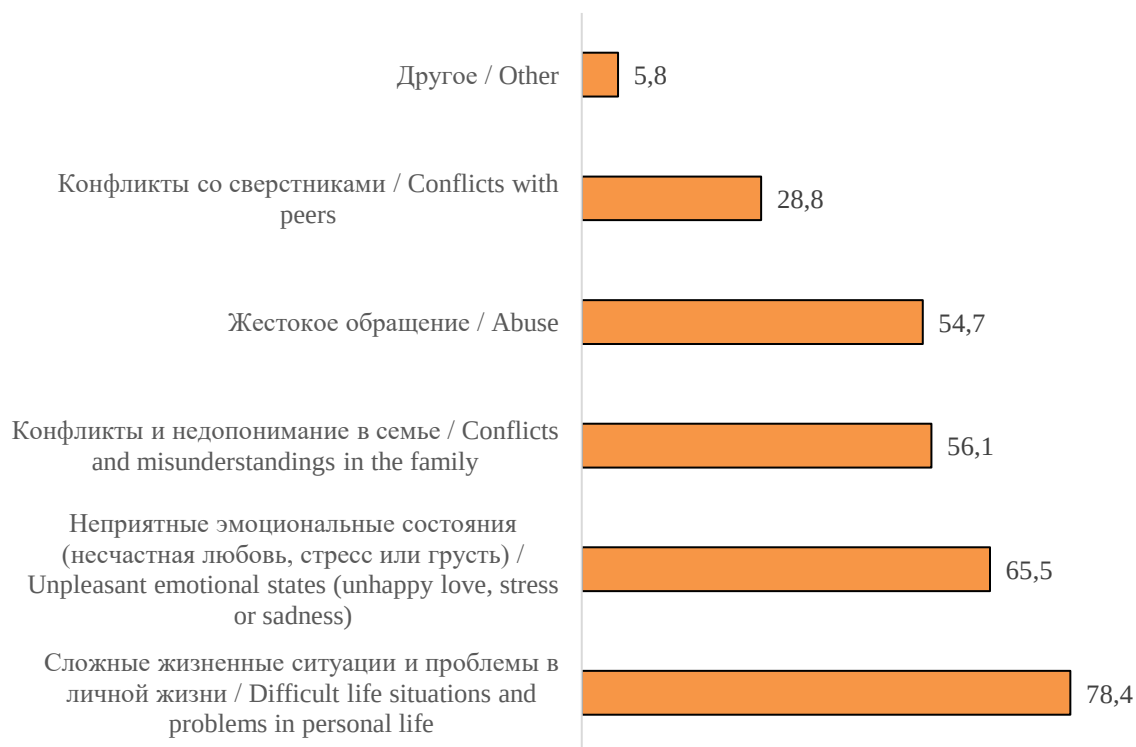

Рисунок 2. Ситуации, в которых может потребоваться профессиональная помощь в решении личных или эмоциональных проблем (в %; n=139; исключены респонденты, выбравшие вариант ответа «для меня таких ситуаций не существует»)

Figure 2. Situations in which professional help may be needed to solve personal or emotional problems (%; n=139; respondents who chose the answer option “for me such situations do not exist” are excluded)

Таким образом, чаще всего профессиональная психологическая помощь может потребоваться при сложных жизненных ситуациях и проблемах в личной жизни – такой вариант ответа предпочли 4 из 5-ти участников опроса (78,4%), а также при неприятных эмоциональных состояниях (несчастной любви, стрессе или грусти) – на данную ситуацию указали почти две трети (65,5%). Более половины опрошенных в качестве ситуаций, требующих вмешательства специалистов по психическому здоровью, назвали конфликты и недопонимание в семье (56,1%) и жестокое обращение (54,7%). Показательно, что только трое из 10-ти опрошенных (28,8%) выбрали вариант ответа «конфликты со сверстниками», что

косвенно свидетельствует о достаточно благополучной атмосфере в студенческих коллективах.

Некоторые отличия в выборе ситуаций, требующих оказания срочной психологической помощи, присутствуют при анализе ответов респондентов разных возрастных групп. Например, 18-20-летних в значительно большей степени волнуют сложные жизненные ситуации и проблемы в личной жизни (97,5%), а также конфликты и недопонимание в семье (67,5%); респондентов в возрасте 21 год и старше – неприятные эмоциональные состояния, связанные с несчастной любовью, стрессом или грустью (70,6%).

Участникам опроса был задан вопрос «Как Вы думаете, какие препятствия могут возникнуть, если Вам потребуется

профессиональная помощь в решении
личных или эмоциональных проблем?» с

выбором не более 3 вариантов ответа из
предложенного списка (Рисунок 3).

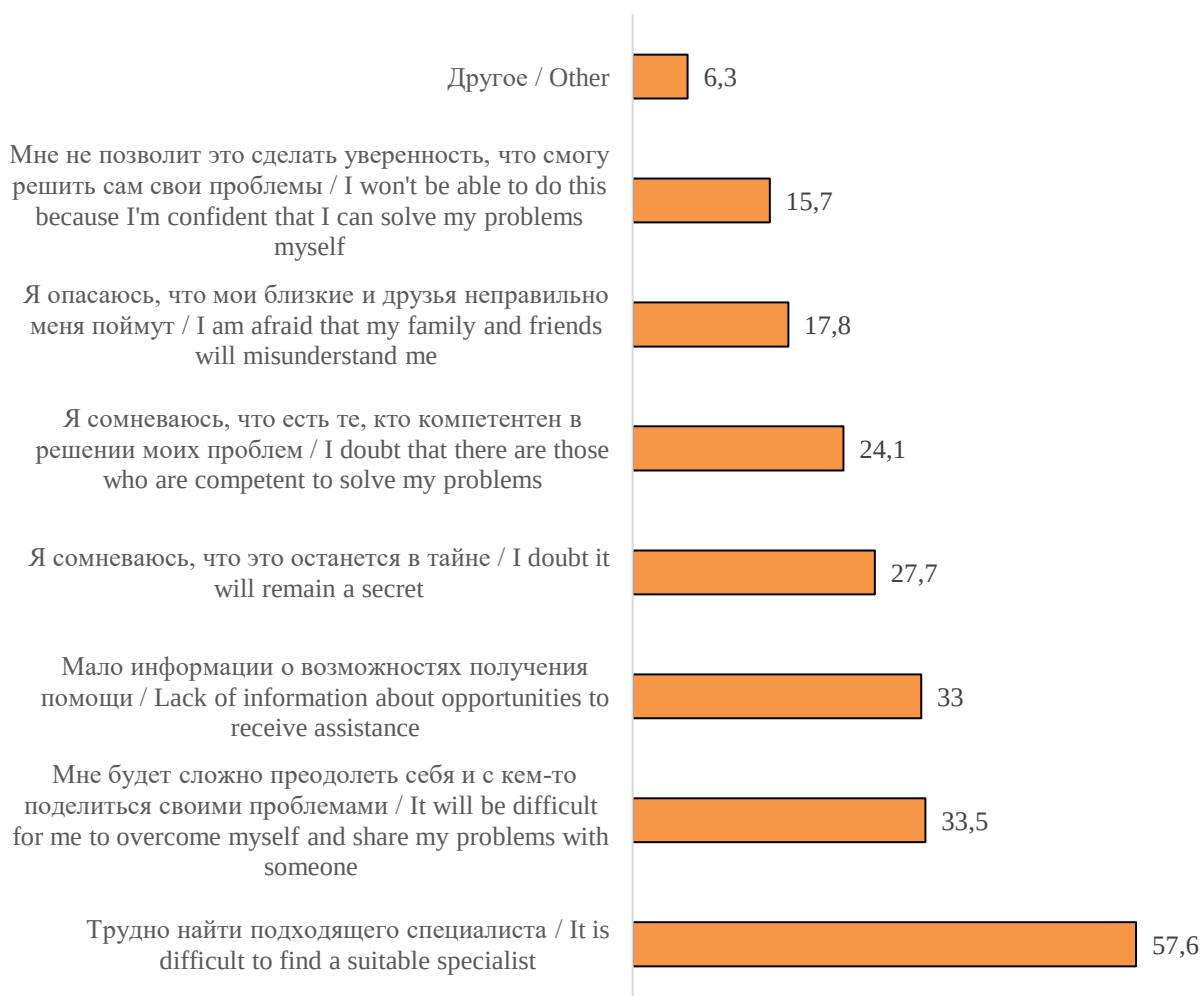

Рисунок 3. Препятствия, которые могут возникнуть, если потребуется профессиональная помощь в решении личных или эмоциональных проблем (в % к общему числу; n=191)
Figure 3. Barriers that may arise if professional help is needed to solve personal or emotional problems (% of the total; n=191)

Итак, первое место в ряду причин, препятствующих обращению за помощью, занимают трудности с поиском подходящего специалиста (на нее указали 6 из 10-ти опрошенных); по трети респондентов подчеркнули невозможность «преодолеть себя и с кем-то поделиться своими проблемами» либо «недостаток информации». Каждый 4-й участник опроса сомневается, что его обращение за

помощью «останется в тайне», или в том, что есть те, кто компетентен в решении его проблем, и только шестая часть (15,7%) уверена, что может решить все свои проблемы самостоятельно, не прибегая к профессиональной помощи. Интересно и то, что женщины-респонденты относительно чаще мужчин сомневаются в возможностях найти подходящего специалиста (59,5% против 48,5%), но

вдвое реже полагаются исключительно на себя в решении проблем – 13,3% против 27,2%.

Респондентам было предложено выбрать, какой формат помощи станет для

них самым предпочтительным, если все-таки им потребуется срочная помощь специалистов (Рисунок 4).

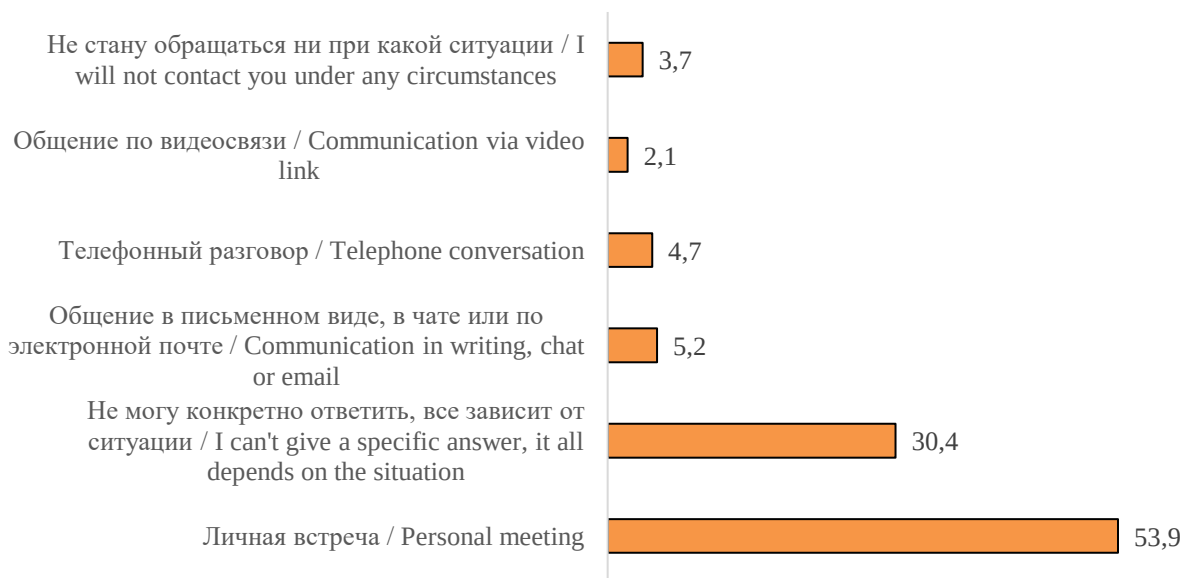

Рисунок 4. Предпочтительный формат помощи специалистов в решении личных или эмоциональных проблем (в % к общему числу; n=191)

Figure 4. Preferred format of assistance from specialists in solving personal or emotional problems (% of the total number; n=191)

Наиболее предпочтительным форматом помощи, по мнению половины участников опроса, является личная встреча «один на один»; трое из 10-ти указали на то, что формат встречи будет зависеть «от конкретной ситуации», а каждый 8-й участник – на возможность использования альтернативных форматов помощи: общение в письменном виде, разговор по телефону или по видеосвязи. Только 7 респондентов отметили, что не станут обращаться ни при какой ситуации.

Следует обратить внимание на противоречие, возникающее при

сопоставлении ответов респондентов на вопросы «Как Вы думаете, в каких ситуациях Вам может потребоваться профессиональная помощь в решении личных или эмоциональных проблем?» с выбором варианта «ситуаций, требующих помощи для меня не существует» и «Если Вам потребуется срочная помощь специалистов в решении личных или эмоциональных проблем, какой формат помощи станет для Вас самым предпочтительным?» с выбором варианта «не стану обращаться ни при какой ситуации» (Рисунок 5).

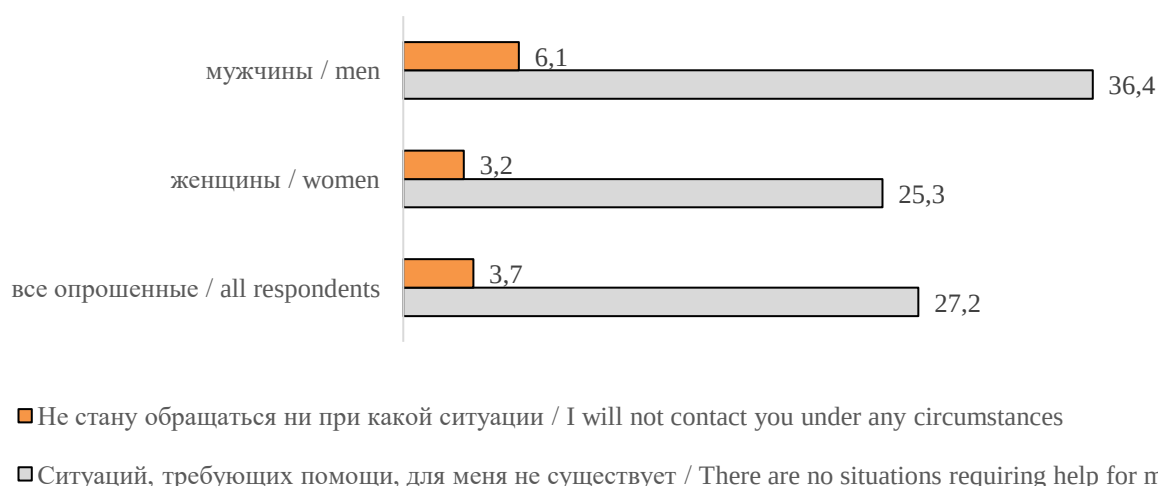

Рисунок 5. Ситуации обращения за помощью к специалистам
(в % по выбранным группам респондентов; n=191)

Figure 5. Situations of seeking help from specialists (% for selected groups of respondents; n=191)

Уверенность респондентов в отсутствии у них ситуаций, в которых может потребоваться профессиональная помощь, является во многом иллюзорной: число участников опроса, утверждающих, что они «не станут обращаться за помощью ни при какой ситуации», почти в 7,5 раз меньше числа утверждающих, что для них таких ситуаций не существует (в 8 раз меньше у женщин и в 6 раз – у мужчин). Можно также утверждать, что указанные респонденты, как правило, не имеют опыта общения со специалистами: так, из 7 респондентов, утверждающих, что они «не станут обращаться за помощью ни при какой ситуации», ни один ранее за подобной помощью никогда не

обращался; из 52 участников опроса, настаивающих на том, что для них «не существует таких ситуаций», никогда не обращались за помощью 45 (86,5%).

Конечно, при возникновении проблем психического здоровья люди обращаются не только и не столько к соответствующим специалистам, но ищут иные, альтернативные, источники возможной помощи и поддержки, в связи с чем участникам опроса было предложено определить, к какому из ресурсов помощи они вероятнее всего («крайне вероятно» или «вероятно») обратятся в случае острой необходимости с возможностью выбора не более 3 вариантов из предложенного списка (Рисунок 6).

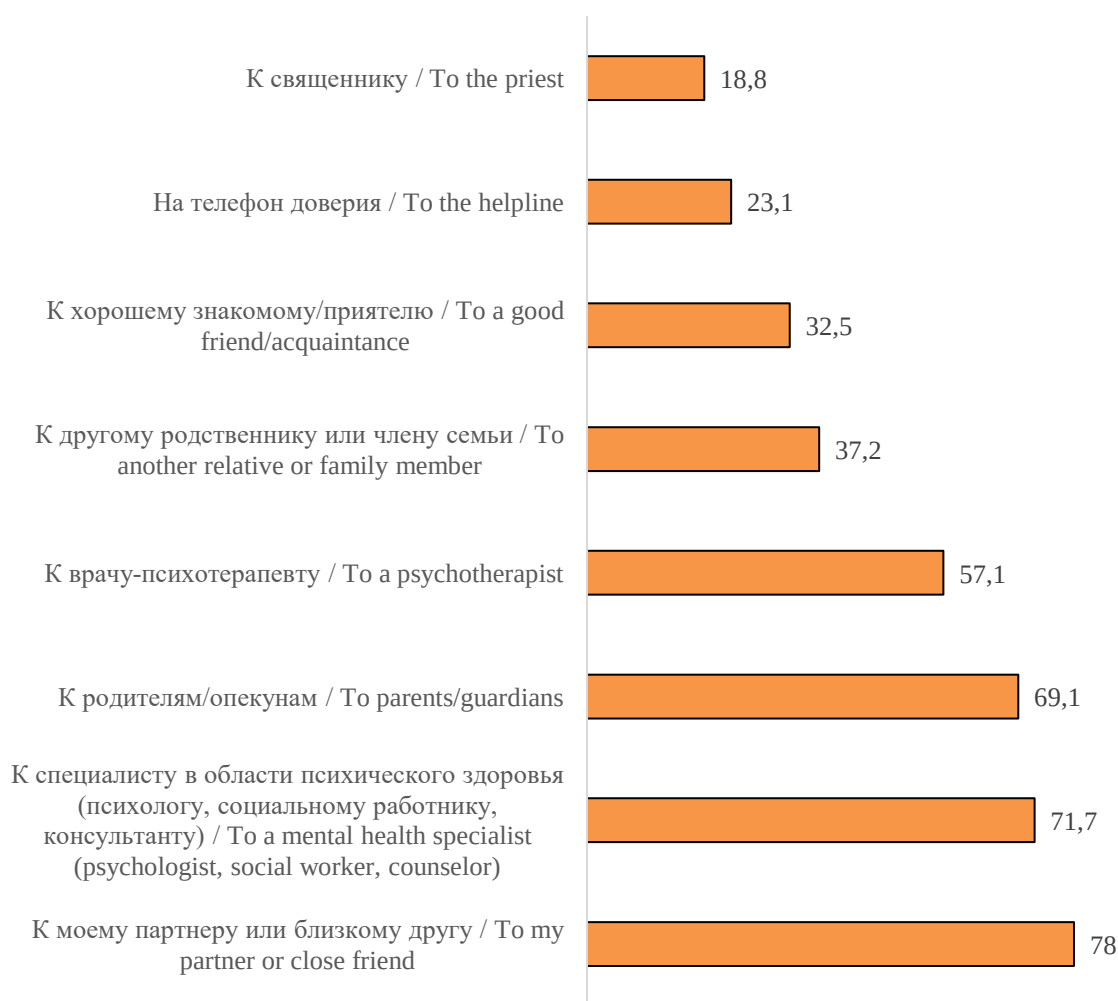

Рисунок 6. При возникновении психологической проблемы «крайне вероятно» и «вероятно» я обращусь за помощью (в % к общему числу; n=191)

Figure 6. If a psychological problem arises, it is “extremely likely” and “probably” that I will seek help (% of the total number; n=191)

Таким образом, самым востребованным ресурсом помощи являются «партнеры/близкие друзья» (на него указали 8 из 10-ти); второе и третье места с незначительной разницей занимают специалисты в области психического здоровья (71,7%) и «родители/опекуны» (69,1%). Показательно, что свыше половины участников опроса (57,1%) допускают возможность обращения за помощью к врачам-психотерапевтам, что, безусловно, свидетельствует об авторитетности данного ресурса в глазах студентов, хотя, без сомнения, отражает специфику

контингента обучающихся в медицинском колледже, возможно, в меньшей степени подверженного влиянию социальных стереотипов в восприятии психических расстройств. Примерно по трети опрошенных допускают возможность обращения за помощью к родственникам и членам семьи (37,2%) либо к «хорошим знакомым и приятелям» (32,5%). В качестве самых «маловероятных» ресурсов помощи названы «телефон доверия» (23,1%) и «священники» (18,8%).

При этом имеются существенные различия в восприятии респондентами разного пола значимости тех либо иных

ресурсов помощи: так, мужчины в меньшей степени склонны доверять «партнерам/близким друзьям» (72,7% против 79,1% женщин), «специалистам в области психического здоровья» (66,7% против 72,8%) и «врачам-психотерапевтам» (51,6% против 58,2%). При этом на первом месте по значимости для мужчин находятся «родители/опекуны» (75,8%), а свыше половины (51,5%) рассматривают в качестве потенциального ресурса помощи «хороших знакомых/приятелей» (так же считает лишь 28,5% женщин); каждый 4-й мужчина (27,3%) оценивает в качестве возможного ресурса помощь со стороны «священника» (аналогичного мнения придерживается 17,1% женщин).

В то же время, серьезную тревогу вызывает тот факт, что свыше четверти участников опроса (26,2%) не будут обращаться ни к одному из предложенных ресурсов, в том числе каждая 4-я опрошенная женщина (24,7%) и каждый 3-й мужчина (33,3%), что показывает наличие весомой доли респондентов, *не доверяющих никому*. При этом, к примеру, из 39 женщин, отметивших, что ни к кому не станут обращаться за помощью, только 15 (38,5%) считают, что в их жизни не может возникнуть ситуаций, когда им такая помощь может потребоваться, 7 респонденток до этого обращались за помощью к специалистам, а почти половина (19) отметили, что за последние 2 года они сталкивались с ситуациями, когда им срочно требовалась такая помощь. Из 11 мужчин, не доверяющих никаким ресурсам помощи, трое отмечают присутствие психологических проблем в последние два года, но только один из них обращался за помощью к специалисту по психическому здоровью.

В целом, из 50 участников опроса, отвергающих всякую возможность обращения за помощью, половина считает, что им будет трудно найти «подходящего специалиста»; двое из 5-ти сомневаются, что обращение за помощью останется в

тайне, а треть указывает на недостаток информации о возможностях получения помощи; еще столько же – на то, что не видят тех, кто был бы компетентен в решении их проблем. При этом лишь каждый 4-й отмечает, что ему будет сложно преодолеть себя и с кем-то поделиться своими проблемами, а каждый 5-й опасается, что его близкие и друзья могут неправильно его понять, если он к ним обратится.

Заключение (Conclusions).

Проведенное исследование демонстрирует сложную ситуацию с обращаемостью за профессиональной психологической помощью и позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на достаточно высокую распространенность психологических проблем среди студентов из семей участников специальной военной операции, лишь небольшая их часть в действительности обращается за квалифицированной помощью специалистов, что свидетельствует о недооценке важности своевременного решения психологических проблем, а также о недостаточной доступности соответствующих услуг.

Во-вторых, среди участников исследования присутствуют противоречивые представления о потребностях в психологической помощи: даже среди тех, кто обращался за помощью, значительная часть отрицает наличие серьезных проблем, требующих вмешательства специалистов по психическому здоровью, что свидетельствует о наличии возможных искажений в восприятии собственных потребностей и снижении вероятности осознанного обращения за помощью в будущем даже в случае крайней необходимости.

В-третьих, отмечены значимые гендерные различия в восприятии важности обращения за психологической помощью: женщины в отличие от мужчин чаще признают ее необходимость, что,

скорее всего, связано с влиянием социальных стереотипов и соответствующих культурных ожиданий, касающихся восприятия мужественности, «повышенной» психологической устойчивости мужчин и их способностей к самоконтролю собственного поведения.

В-четвертых, отмечено снижение обращаемости за психологической помощью по мере взросления студентов при растущей частоте встречаемости психологических проблем в старшем возрасте, что усугубляет риск развития хронических состояний/заболеваний и ухудшения качества жизни в целом; в то же время студенты старших курсов проявляют большее стремление обратиться за помощью, что связано с процессами личностного роста и осознанием важности сохранения психического здоровья.

К причинам низкой обращаемости студентов за квалифицированной психологической помощью следует отнести:

1. Недостаточное информирование о возможностях получения и доступности психологической помощи.
2. Страх осуждения и стигматизации, связанных с посещением специалистов по психическому здоровью (психолога/психотерапевта/психиатра).
3. Низкая доступность профессиональных услуг или высокая стоимость психологической консультации.
4. Недостаточные знания симптомов и признаков возникающих психологических проблем, требующих вмешательства специалистов.
5. Уверенность в собственных возможностях самостоятельного преодоления психологических трудностей.

Для повышения эффективности оказания психологической помощи студентам из семей участников специальной военной операции необходимы следующие меры:

1. Проведение целенаправленных информационных кампаний внутри

колледжа о значении и пользе консультаций специалистов по психическому здоровью.

2. Развитие доступных онлайн-сервисов психологической поддержки.

3. Организация специальных тренингов и семинаров по профилактике стресса и повышению стрессоустойчивости.

4. Повышение уровня психологических знаний педагогических работников колледжа с целью раннего выявления студентов, нуждающихся в специализированной психологической помощи.

5. Создание условий для анонимного обращения за помощью и минимизации страха перед возможным осуждением студенческого сообщества.

Таким образом, исследование демонстрирует значительные пробелы между реальной потребностью в психологической помощи и фактическими действиями студентов по ее получению. Необходим комплекс мер, направленных на повышение осведомленности и устранение барьеров, препятствующих обращению за помощью и предусматривающих не только расширение возможностей получения профессиональной помощи специалистов по психическому здоровью, но и создание благоприятной атмосферы «воспринимаемой поддержки» в студенческих коллективах.

При этом требуют дальнейшего обсуждения и детального изучения следующие вопросы: 1) Какое влияние оказывают традиционные представления о мужественности и женственности на принятие решения обратиться за помощью? 2) Какие практические меры могут повысить доступность и привлекательность психологической помощи для молодых людей? 3) Следует ли создать специализированные программы подготовки специалистов-психологов для образовательных учреждений медицинского профиля?

4) Существуют ли дополнительные механизмы выявления и сопровождения учащихся, испытывающих трудности в адаптации к учебному процессу и социальной среде колледжа?

Выделенные вопросы могут сформировать основу для дальнейших исследований и разработки практических рекомендаций, направленных на улучшение качества жизни и психологического благополучия будущих специалистов среднего звена системы здравоохранения.

Список литературы

Вайнштейн С. В., Бурдин М. В., Шабалин Е. Ю. Опросник отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья (IASMHS): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 3 (23). С. 81-96. EDN: UUSUAL.

Качество жизни ветеранов войны в Афганистане 20 лет спустя / Фаттахов В. В., Демченкова Г. З., Якупов М. С., Максумова Н. В. // Общественное здоровье и здравоохранение. 2009. № 1 (21). С. 100-104. EDN: KWSGRL.

Модель психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции / Ульянина О. А., Ермолаева А. В., Волков Д. С., Комолова О. С. Москва: МГППУ, 2024. 40 с. ISBN: 978-5-94051-327-8. EDN: KVXSNS.

Мотивирование ветеранов боевых действий, принимавших участие с специальной военной операции, и членов семей погибших при выполнении задач в ходе специальной военной операции к обращению за психологической помощью: Методические рекомендации / Шпорт С. В., Баева А. С., Булыгина В. Г., Долгих А. Г., Зинченко Ю. П., Кабанова Т. Н., Киселева М. Г., Ковязина М. С., Семенова Н. Д., Фадеева Е. В. Москва: Министерство здравоохранения Российской Федерации, 2023. 23 с.

Организационно-методические подходы к комплексной социальной реабилитации инвалидов, пострадавших в ходе специальной военной операции. Методические рекомендации / Струкова О. Г., Морозова Е. В., Жукова Е. В.,

Барышова А. Н. Москва: ФГБУ «Федеральное бюро медико-социальной экспертизы», 2023. 488 с.

Организация работы с участниками специальной военной операции и членами их семей на базе учреждений социального обслуживания населения: методическое пособие для специалистов учреждений социального обслуживания населения / Сост.: И. В. Цыба. Красноярск: КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения», 2023. 112 с.

Организация скринингового обследования участников специальной военной операции и членов их семей в целях раннего выявления у них психических расстройств, в том числе связанных со стрессом / Ахапкин Р. В., Зинченко Ю. П., Ичитовкина Е. Г., Карабанова О. А., Кекелидзе З. И., Кореньяк Р. Ю., Костюк Г. П., Курасов Е. С., Незнанов Н. Г., Сафуанов Ф. С., Семенова Н. В., Шамрей В. К., Шойгу Ю. С., Шпорт С. В. М.; СПб., 2023. 27 с. EDN: ZQZEFR.

Плутов Л. Е. Половая специфика обращения российских подростков за профессиональной психологической помощью // Социодинамика. 2023. № 10. С. 44-57. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.10.68771. EDN: LHRWYK.

Стресс. Адаптация. Репродуктивная система / Агаджанян Н. А., Рыжаков Д. И., Потемина Т. Е., Радыш И. В. Нижний Новгород: Издательство НижГМА, 2009. 296 с. ISBN: 978-5-7032-0736-9. EDN: QKSIMF.

Ульянина О. А., Дмитриева Н. Н., Прокопишин Р. А. Организация системы межведомственного адресного сопровождения участников специальной военной операции и членов их семей // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 6-7 апреля 2023 года. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. С. 76-84. EDN: PVHGLJ.

Aguirre Velasco A., Cruz I. S. S., Billings J., Jimenez M., Rowe S. What are the barriers, facilitators and interventions targeting help-seeking behaviours for common mental health problems in adolescents? // A systematic review. BMC Psychiatry. 2020. Vol. 20, № 1. P. 293. DOI: 10.1186/s12888-020-02659-0. EDN: FLDKBD.

Gulliver A., Griffiths K. M., Christensen H. Perceived barriers and facilitators to mental health help-seeking in young people: a systematic review // BMC Psychiatry. 2010. № 10. P. 113. DOI: 10.1186/1471-244x-10-113.

EDN: WTBJRD.

Kowalenko N. M., Culyak G. Workforce planning for children and young people's mental health care // Lancet Public Health. 2018. Vol. 3, № 6.

Mansfield A. K., Addis M. E., Courtenay W. Measurement of Men's Help Seeking: Development and Evaluation of the Barriers to Help Seeking Scale // Psychology of Men & Masculinity. 2005. Vol. 6, № 2. Pp. 95-108. DOI: 10.1037/1524-9220.6.2.95.

Radez J., Reardon T., Creswell C., Lawrence P. J., Evdoka-Burton G., Waite P. Why do children and adolescents (not) seek and access professional help for their mental health problems? A systematic review of quantitative and qualitative studies // Eur Child Adolesc Psychiatry. 2021. Vol. 30, № 2. Pp. 183-211. DOI: 10.1007/s00787-019-01469-4.

EDN: FHYLMO.

Rickwood D., Deane F. P., Wilson C. J., Ciarrochi J. Young people's help-seeking for mental health problems // Australian E-Journal for the Advancement of Mental Health. 2005. Vol. 4, № 3. Pp. 218-251. DOI: 10.5172/yamh.4.3.218.

Verboom C. E., Sijtsma J. J., Verhulst F. C., Penninx B. W., Ormel J. Longitudinal associations between depressive problems, academic performance, and social functioning in adolescent boys and girls // Dev Psychol. 2014. Vol. 50, № 1. Pp. 247-57. DOI: 10.1037/a0032547.

References

Weinstein, S. V., Burdin, M. V. and Shabalin, E. Yu. (2015), "Inventory of attitudes toward seeking mental health services (Russian version): a pilot study of psychometric properties", *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 3 (23), 81-96, EDN: UUSUAL. (In Russian)

Fattakhov, V. V., Demchenkova, G. Z., Yakoupov, M. S. and Maksoumova, N. V. (2009), "Life quality of veterans of war in Afganistan 20 years later", *Obshchestvennoe zdorovie i zdravookhranenie*, 1 (21), 100-104, EDN: KWSGRL. (In Russian)

Ulyanina, O. A., Ermolaeva, A. V., Volkov, D. S. and Komolova, O. S. (2024), *Model psikhologicheskogo soprovozhdeniya semey uchastnikov (veteranov) spetsialnoy voennoy operatsii* [Model of psychological support for families of participants (veterans) of the Special Military Operation], Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-94051-327-8, EDN: KVXSNS. (In Russian)

Shport, S. V., Baeva, A. S., Bulygina, V. G., Dolgih, A. G., Zinchenko, Yu. P., Kabanova, T. N., Kiseleva, M. G., Kovyazina, M. S., Semenova, N. D. and Fadeeva, E. V. (2023), *Motivirovanie veteranov boevykh deistviy, prinyimavshikh uchastie s spetsialnoy voennoy operatsii, i chlenov semey pogibshikh pri vypolnenii zadach v khode spetsialnoy voennoy operatsii k obrashcheniyu za psikhologicheskoy pomoshhyu: Metodicheskie rekomendatsii* [Motivating combat veterans who took part in a special military operation and family members of those killed while performing tasks during a special military operation to seek psychological help: Methodological recommendations], Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia. (In Russian)

Strukova, O. G., Morozova, E. V., Zhukova, E. V. and Baryshova, A. N. (2023), *Organizatsionno-metodicheskie podkhody k kompleksnoy sotsialnoy reabilitatsii invalidov, postradavshikh v khode spetsialnoy voennoy operatsii. Metodicheskie rekomendatsii* [Organizational and methodological approaches to comprehensive social rehabilitation of disabled people who suffered during a special military operation. Methodological recommendations], Federal Bureau of Medical and Social Expertise, Moscow, Russia. (In Russian)

Organizatsiya raboty s uchastnikami spetsialnoy voennoy operatsii i chlenami ikh semej na baze uchrezhdeniy sotsialnogo obsluzhivaniya naseleniya: metodicheskoe posobie dlya spetsialistov uchrezhdeniy sotsialnogo obsluzhivaniya naseleniya [Organization of work with participants of the Special Military Operation and their family members on the basis of institutions of social services to the population: a methodological manual for specialists of institutions of social services to the population], Comp.: I. V. Tsyba (2023). Resource and Methodological Center of

the Social Protection System of the Population, Krasnoyarsk, Russia. (In Russian)

Ahapkin, R. V., Zinchenko, Ju. P., Ichitovkina, E. G., Karabanova, O. A., Kekelidze, Z. I., Korenyak, R. Yu., Kostjuk, G. P., Kurasov, E. S., Neznanov, N. G., Safuanov, F. S., Semenova, N. V., Shamrej, V. K., Shoygu, Yu. S. and Shport, S. V. (2023), *Organizatsiya skринingovogo obsledovaniya uchastnikov spetsialnoy voennoy operatsii i chlenov ikh semey v tselyah rannego vyyavleniya u nikh psikhicheskikh rasstroystv, v tom chisle svyazannykh so stressom* [Organization of screening examination of participants in the Special Military Operation and their family members for the purpose of early detection of mental disorders, including those associated with stress], Moscow, St. Petersburg, Russia, EDN: ZQZEFR. (In Russian)

Plutov, L. E. (2023), "Gender specificity of psychological help-seeking among Russian adolescents", *Sotsiodinamika*, (10), 44-57, DOI: 10.25136/2409-7144.2023.10.68771, EDN: LHRWYK. (In Russian)

Agadzhanyan, N. A., Ryzhakov, D. I., Potemina, T. E. and Radysh, I. V. (2009), *Stress. Adaptatsiya. Reproduktivnaya sistema* [Stress. Adaptation. Reproductive system], NizhGMA Publishing House, N. Novgorod, Russia, ISBN: 978-5-7032-0736-9, EDN: QKSIMF. (In Russian)

Ulyanina, O. A., Dmitrieva, N. N. and Prokopishin, R. A. (2023), "Organization of a system of interdepartmental targeted support for participants in a special military operation and their family members", *Aktualnye problemy ekstremalnoy i krizisnoy psikhologii* [Current issues of extreme and crisis psychology], Yekaterinburg, Russia, 76-84, EDN: PVHGLJ. (In Russian)

Aguirre Velasco, A., Cruz, I. S. S., Billings, J., Jimenez, M., Rowe, S. (2020), "What are the barriers, facilitators and interventions targeting help-seeking behaviours for common mental health problems in adolescents? A systematic review", *BMC Psychiatry*, 20 (1), 293, DOI: 10.1186/s12888-020-02659-0, EDN: FLDKBD.

Gulliver, A., Griffiths, K. M., Christensen, H. (2010), "Perceived barriers and facilitators to mental health help-seeking in young people: a systematic review", *BMC Psychiatry*, (10), 113, DOI: 10.1186/1471-244x-10-113, EDN: WTBJRD.

Kowalenko, N. M., Culyak, G. (2018), "Workforce planning for children and young people's mental health care", *Lancet Public Health*, 3 (6).

Mansfield, A. K., Addis, M. E., Courtenay, W. (2005), "Measurement of Men's Help Seeking: Development and Evaluation of the Barriers to Help Seeking Scale", *Psychology of Men & Masculinity*, 6 (2), 95-108, DOI: 10.1037/1524-9220.6.2.95.

Radez, J., Reardon, T., Creswell, C., Lawrence, P. J., Evdoka-Burton, G., Waite, P. (2021), "Why do children and adolescents (not) seek and access professional help for their mental health problems? A systematic review of quantitative and qualitative studies", *Eur Child Adolesc Psychiatry*, 30 (2), 183-211, DOI: 10.1007/s00787-019-01469-4, EDN: FHYLMO.

Rickwood, D., Deane, F. P., Wilson, C. J., Ciarrochi, J. (2005), "Young people's help-seeking for mental health problems", *Australian E-Journal for the Advancement of Mental Health*, 4 (3), 218-251, DOI: 10.5172/yamh.4.3.218.

Verboom, C. E., Sijtsma, J. J., Verhulst, F. C., Penninx, B. W., Ormel, J. (2014), "Longitudinal associations between depressive problems, academic performance, and social functioning in adolescent boys and girls", *Dev Psychol*, 50 (1), 247-57, DOI: 10.1037/a0032547.

Статья поступила в редакцию 07 марта 2025 г. Поступила после доработки 03 августа 2025 г. Принята к печати 05 сентября 2025 г. Received 07 March 2025. Revised 03 August 2025. Accepted 05 September 2025.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Кузьмин Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Свердловский областной медицинский колледж, руководитель Координационного научно-методического центра по социальной работе в системе здравоохранения Свердловской области, Екатеринбург, Россия.

Konstantin V. Kuzmin, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Sverdlovsk Regional Medical College, Head of the Coordination Scientific and Methodological Center for Social Work in the Healthcare System of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia.

Набойченко Евгения Сергеевна, доктор психологических наук, профессор, главный внештатный специалист – клинический психолог, Министерство здравоохранения Свердловской области, Екатеринбург, Россия.

Evgeniya S. Naboychenko, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Chief Freelance Specialist – Clinical Psychologist, Ministry of Health of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia.

Петрова Лариса Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социокультурного развития территории, Екатеринбургская академия современного искусства (институт), Екатеринбург, Россия.

Larisa E. Petrova, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Sociocultural Development of the Territory, Yekaterinburg Academy of Contemporary Art (Institute), Yekaterinburg, Russia.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-8

Исследовательская статья

Проказина Н. В.

Социальные представления о работе и служении как факторы мотивации молодых специалистов в органах муниципальной службы

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ленинградский проспект, дом 49/2, Москва, 125167, Россия
NVProkazina@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных представлений о «работе» и «служении» как ключевых факторах мотивации молодых специалистов в органах муниципальной службы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью привлечения высокомотивированных молодых кадров, обладающих инновационным потенциалом для повышения эффективности местного самоуправления. Однако, несмотря на устойчивый научный интерес к вопросам управления на разных уровнях власти, специфика муниципальной сферы, её привлекательность и мотивация для молодежи остаются недостаточно изученными. Ключевая проблема заключается в противоречии между потребностью в кадрах, ориентированных на общественное «служение», и преобладанием у молодежи инструментального отношения к труду как к «работе», обеспечивающей личные блага. Цель статьи обоснование социальных представлений о «работе» и «служении» как факторов мотивации молодых специалистов на муниципальную службу. На основе данных социологических исследований ВЦИОМ и РАНХиГС, проведенных в 1997–2025 годах, подтверждена гипотеза о двойственном характере мотивации. Выявлено, что, прагматические мотивы (престиж, стабильность, связи) остаются доминирующими, однако наблюдается рост значимости содержательно-смысловых характеристик труда (социальная полезность, реализация потенциала). Молодые специалисты хотят видеть, что их труд имеет реальное значение и способствует решению важных общественных задач. Подтверждена гипотеза о росте значимости содержательно-смысловых аспектов труда как факторов мотивации. В выводах аргументировано, что для повышения привлекательности муниципальной службы необходимо не только создание комфортных условий и увеличение материального обеспечения служащих, но и активное формирование образа «служения». Успех кадровой политики зависит от умения совместить прагматические и содержательно-смысловые установки, предоставив молодым специалистам возможности для профессиональной самореализации и реального воздействия на социальные процессы.

Ключевые слова: муниципальная служба; молодежь; привлекательность; теория поколений; работа; служение; ценностные ориентации

Благодарность: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Информация для цитирования: Проказина Н. В. Социальные представления о работе и служении как факторы мотивации молодых специалистов в органах

муниципальной службы // Научный результат. Социология и управление. 2025.
Т. 11, № 3. С. 316-332. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-8.

Research article

Natalia V. Prokazina

Social perceptions of work and service as factors motivating young professionals in municipal services

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia
NVProkazina@fa.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of social representations of “work” and “service” as key factors of motivation of young professionals in municipal service bodies. The relevance of the study is due to the need to attract highly motivated young personnel with innovative potential to improve the efficiency of local self-government. However, despite the steady scientific interest in the problems of management at different levels of government, the specifics of the municipal sphere, its attractiveness and motivation for young people remain insufficiently studied. The key problem is the contradiction between the need for personnel focused on public “service” and the prevalence of an instrumental attitude towards work as “job” that provides personal benefits among young people. The purpose of this article is to substantiate the social perceptions of “work” and “service” as factors motivating young professionals to enter municipal service. Based on data from sociological studies conducted by VTsIOM and the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 1997-2025, the hypothesis about the dual nature of motivation was confirmed. It was revealed that pragmatic motives (prestige, stability, and connections) remain dominant, but there is an increase in the importance of the content and meaning of work (social utility and realization of potential). Young professionals want to see that their work is valuable and contributes to solving important social issues. The hypothesis about the growing importance of the content and meaning of work as factors of motivation was confirmed. The conclusions argue that in order to increase the attractiveness of municipal service, it is necessary not only to create comfortable conditions and increase the material support for employees, but also to actively promote the image of “service”. The success of personnel policy depends on the ability to combine pragmatic and meaningful approaches, providing young professionals with opportunities for professional self-realization and real impact on social processes.

Keywords: municipal service; youth; attractiveness; generational theory; work; service; value orientations

Acknowledgment: The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University.

Information for citation: Prokazina, N. V. (2025), “Social perceptions of work and service as factors motivating young professionals in municipal services”, *Research Result. Sociology and management*, 11 (3), 316-332. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-1-8.

Введение

(Introduction).

Муниципальная служба играет ключевую роль в обеспечении повседневной жизнедеятельности граждан, решении

локальных проблем и реализации стратегических государственных задач. Эффективность ее функционирования напрямую зависит от притока

профессиональных и высокомотивированных кадров. В этом контексте особую значимость приобретает задача привлекательности муниципальной службы для молодежи. Именно молодежь как социально-демографическая группа определяет будущее страны, обладает инновационным потенциалом и способна обеспечить оперативную реализацию актуальных подходов, в том числе в сферу управления.

Несмотря на устойчивый интерес к проблемам государственной и муниципальной службы в отечественной социологии управления (Бойков, 2007; Зинченко, 2016; Магомедов, 2007; Петухов, 2023; Турчинов, 2007), вопрос о ее привлекательности для молодежи рассматривается (Певная, Тарасова, Якубова, 2023) зачастую фрагментарно на примере конкретных территорий и акцентах на узкоспециализированных исследовательских задачах (Проказина, 2018; Сизганова, Кайдашова, Чикова, 2020; Шабунова, Уханова, Косыгина 2023; Савчук, Банных, Кульпин, Курашов, 2024; Шаповалова 2025 и др.).

Опубликованные результаты исследований, как правило, фокусируются на общих характеристиках государственной службы, поверхностно обозначая специфику муниципальной сферы, которая менее престижна и финансово обеспечена по сравнению с федеральным и региональным уровнями власти. Стоит отметить и дефицит эмпирических исследований, описывающих актуальные региональные практики, отражающие локальные особенности восприятия, сложившиеся социальные представления и установки о муниципальной службе у молодых специалистов.

Ключевой проблемой исследования мы выделяем противоречие, проявляющееся, с одной стороны, в необходимости привлекать и удерживать молодых специалистов, мотивированных на служение и нацеленных на решение

общественных задач. А с другой стороны, преобладанием ориентации на работу как инструментального отношения к труду, обеспечивающего реализацию личных благ. Таким образом значимой задачей является нахождение условий, при которых инструментальные мотивы молодых специалистов будут направлены на достижение целей служения.

Целью представленного исследования является обоснование социальных представлений о «работе» и «служении» как факторов мотивации молодых специалистов на муниципальную службу. Особое внимание будет уделено динамике представлений о труде как ценности, представлениям молодых специалистов о карьере, принципиальной разнице в социальных установках о «работе» как средстве к существованию и «служению» как реализации жизненного призвания.

Методология и методы (Methodology and methods). В качестве методологической основы будут использованы: теория поколений (Howe, Strauss, 1997), в преломлении к российской молодежи (Радаев, 2019); концепция социокультурных оснований конструирования образа труда молодежью (Зубок, Чупров, 2019).

Эмпирической базой выступили данные социологических исследований, проведенных ВЦИОМ¹, в том числе результаты всероссийского телефонного опроса «Спутник»² и исследования РАНХиГС, проведенные в период с 1991

¹ Социодиггер. 2020. Август. Том 1. Выпуск 1: Труд и занятость // <https://book.wciom.ru/books/book-page/sociodigger-ezhgodnik-vciom-2020> (дата обращения: 21.02.2025).

² Всероссийский телефонный опрос «Спутник» (13.04.2025 по 20.04.2025. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке); Всероссийский телефонный опрос «Спутник» 06.04.2025 по 13.04.2025. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке.

по 2021 годы (Магомедов, Турчинов 2007, 2015)¹.

На основе анализа доступных эмпирических данных мы выдвигаем следующие гипотезы:

Первое. Для молодых специалистов, поступающих на муниципальную службу, характерно сочетание прагматических (карьерный рост, престиж) и идеалистических мотивов (служение обществу), однако приоритет на протяжении последних десятилетий остается за первыми. Это свидетельствует о двойственном характере мотивации.

Второе. В мотивационной структуре молодых специалистов наблюдается тенденция к снижению доминирования инструментальной мотивации (высокая зарплата) и росту значимости содержательно-смысловых аспектов труда (интересная работа, баланс между работой и личной жизнью, социальная полезность).

Муниципальная служба представляет собой сложное социокультурное явление, сочетающее в себе элементы

бюрократической организации, социального института и профессиональной деятельности. В социологии управления она рассматривается как специфический вид профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий органов местного самоуправления. Ключевыми характеристиками муниципальной службы являются: публично-правовой характер, направленность на удовлетворение потребностей населения, осуществление властных полномочий, наличие особого правового статуса служащих и системы их правового регулирования.

Современный социологический анализ позволяет выявить существенные изменения в системе трудовых ценностей и мотивации молодых специалистов (Гнатюк, Печкуров, 2015) особенно в контексте государственной и муниципальной службы (Сизганова, 2020). Эмпирические данные, полученные в результате многолетних исследований², демонстрируют, что представления о работе и служении претерпевают динамические изменения, отражая трансформацию общественной системы ценностей и образа труда (Зубок, Чупров, 2019).

Мотивация молодых специалистов к работе в муниципальной службе является сложным и противоречивым явлением. Она формируется под влиянием нескольких ключевых факторов, отражающих общероссийские и поколенческие ценностные сдвиги.

Мотивация молодых специалистов в органах муниципальной службы тесно связана с привлекательностью муниципальной службы. Привлекательность муниципальной службы – это комплексная характеристика, отражающая степень заинтересованности

¹ Социологический опрос по теме «Население о работе органов местной власти» (октябрь, 2004 г.). Всего опрошено 1121 респондентов в 18 субъектах 7 Федеральных округов Российской Федерации, в том числе: Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Республика Саха-Якутия, Удмуртская Республика, Ставропольский край, Хабаровский край, Архангельская область, Нижегородская область, Омская область, Орловская область, Саратовская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тульская область, Челябинская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург. Руководитель исследования – д.с.н., профессор К.О. Магомедов; Социологический опрос по теме «Население о работе органов местной власти» (октябрь – декабрь 2014 года). Всего опрошено 1120 респондентов из числа населения в 20 субъектах Российской Федерации во всех Федеральных округах, в том числе: в республиках Кабардино-Балкария, Саха-Якутия, Северная Осетия – Алания, Тыва, Удмуртская, Хакасия, краях Краснодарском, Хабаровском, областях Белгородской, Брянской, Волгоградской, Московской, Новосибирской, Орловской, Псковской, Саратовской, Ульяновской, Челябинской, гг. Москва и Санкт-Петербург. Руководитель исследования д.с.н., проф. К. О. Магомедов.

² Социодиггер. 2020. Август. Том 1. Выпуск 1: Труд и занятость // <https://book.wciom.ru/books/book-page/sociodigger-ezhgodnik-vciom-2020> (дата обращения: 21.02.2025).

для потенциальных кандидатов, и для молодежи в частности. Привлекательность формируется под воздействием *объективных* (уровень заработной платы, социальные гарантии, карьерные перспективы, условия труда), и *субъективных* (престиж профессии, ценностные установки, образ службы в общественном сознании, личный опыт) факторов. Эти факторы предопределяют общее отношение к труду, работе и служению. В условиях конкурентного рынка труда, где за молодые таланты борются различные секторы экономики, понимание этих факторов становится критически важным для разработки эффективной кадровой политики в органах муниципальной службы.

Содержательные представления о «работе» и «служении» представляют собой социокультурный конструкт, формирующийся под влиянием социальных, экономических, политических, культурных условий и саморегуляционных практик молодых специалистов. Таким образом, актуализируется значение социально-институционального контекста, влияющего на формирование общих представлений о работе, служении и их смыслах применительно к органам местного самоуправления.

Ключевой тезис общепризнанной теории поколений (Howe, Strauss, 1997) о том, что социально-демографические группы рожденные в определенные исторические периоды и пережившие схожие ключевые события в молодом возрасте, формируют общие ценностные системы, мировоззрение и модели поведения обуславливает выделение и учет особенностей факторов мотивации для различных социально-демографических групп.

В отечественной литературе существуют многочисленные научные публикации и дискуссии о теории поколений в междисциплинарном поле (Радаев 2019; Тычинина, Рикель, 2024;

Ядова 2020), ее применении в социальной практике (Беляева, 2020; Зинурова, Никитина, Фатхуллина, 2022), в том числе с точки зрения различных исследовательских задач (Докторов, Збровский, 2021; Зубко, Клюев, 2022).

Однако отметим, что и теоретические и эмпирические исследования демонстрируют наличие различий у отдельных социальных групп, что и обуславливает выбор концепции теории поколений как методологической основы для исследования факторов мотивации молодых специалистов в органах муниципальной службы.

На рынке труда из молодежных групп сегодня преобладают представители «миллениалов» (Y) и «зумеров» (Z), чьи ценностные ориентации существенно отличаются от предыдущих поколений и в том числе друг от друга.

Поколение «миллениалов» Y (1981-1996 гг. рождения), вошедшее в трудовую жизнь в период активного развития информационных технологий и глобализации, характеризуется высокой ценностью самореализации, гибкости, баланса между работой и личной жизнью, а также потребностью в признании и обратной связи. Они ориентированы на карьерный рост, но не любой ценой, и часто готовы менять работу в поисках лучших условий и возможностей для развития (Радаев, 2019).

Поколение Z (1997-2010 гг. рождения), «цифровые аборигены», выросшие в условиях постоянной доступности информации, социальных сетей и кризисов, отличаются прагматизмом, ориентацией на финансовую стабильность, но при этом и на социальную значимость труда. Они ценят индивидуальность, свободу выбора, быструю обратную связь, технологичность рабочего места и возможность влияния на происходящее. Для них важна не только материальная выгода, но и чувство причастности к чему-то большему,

возможность оказать реальное воздействие на мир.

Сопоставить теоретически обоснованные временные поколенческие рамки и результаты эмпирических исследований не всегда представляется возможным, но поскольку это в большей степени общие конструкты, позволим себе возрастную когорту молодежи от 18 до 24 лет относить к поколению Z, а группу молодых специалистов в возрасте 25-34 лет к поколению Y.

Трудовые ценности российской молодежи претерпевают существенную трансформацию (Гнатюк, Печкуров, 2015) а эти различия напрямую влияют на восприятие труда, в том числе в сфере органов местного самоуправления. В результате, традиционные представления о стабильности и гарантиях, характерные для предыдущих поколений, могут быть менее привлекательны для молодежи, которая ищет динамичное развитие, возможность быстрого продвижения и признания, а также смысл в своей деятельности.

Центральным аспектом исследования факторов мотивации молодых специалистов в органах муниципальной службы является анализ различий между установками о «работе» и «служении», сложившийся в общественном сознании, и в представлениях молодых специалистов, в частности.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В данном контексте «*работа*» воспринимается как деятельность, направленная преимущественно на получение материального вознаграждения,

удовлетворение базовых потребностей и достижение личных карьерных целей. В приоритете выступает наличие гибкого графика, сокращенной рабочей недели, комфортность и функциональность условий труда. Таким образом, социальные представления о работе характеризуют инструментальное отношение к труду, который рассматривается преимущественно как средство достижения личного благополучия.

Представления о «*служении*» содержат более глубокое, ценностно-ориентированное отношение к труду, где деятельность воспринимается как реализация более высокой цели, общественного долга, помощь людям, вклад в развитие общества или конкретной территории. Это не просто средство к существованию, а форма самореализации, связанная с чувством социальной ответственности и гражданственности. Для молодых людей, мотивированных на «*служение*», важными являются: возможность видеть реальные результаты своей деятельности, ощущать свое участие в решении значимых проблем и осознавать свою роль в принятии и реализации решений, стремление к развитию личностно-профессиональных компетенций; осознание соответствия личных и организационных ценностей. Следовательно, служение выступает как ценностно-ориентированное отношение к труду, который становится основным способом самореализации и проявления гражданской и социальной ответственности (Таблица 1).

Таблица 1

Доминанты в представлениях о работе и служении

Table 1

Dominants in the concepts of work and service

Работа / Work	Служение / The ministry
Уровень заработной платы и система бонусов / Salary level and bonus system	Социальная значимость и польза труда / Social significance and benefits of work
Социальные гарантии и льготы / Social guarantees and benefits	Причастность к важным процессам и возможность влиять на изменения /

	Participation in important processes and the ability to influence changes
Карьерный рост / Career development	Развитие компетенций, полезных для общества / Development of competencies useful for society
Гибкость условий труда / Flexibility of working conditions	Общественное признание / Public recognition
Использование современных технологий / The use of modern technology	Этический аспект / The ethical aspect

Источник: авторская разработка

Муниципальная служба по своей сути ближе к концепции «служения», поскольку ее главная цель – обеспечение жизнедеятельности населения на местном уровне. Однако в современной российской действительности (в условиях распространения стереотипов о бюрократии, низкого уровня оплаты труда по сравнению с частным сектором) имидж муниципальной службы часто тяготеет к образу «работы» с ее недостатками (низкая зарплата, рутинность, забюрократизированность) без явных преимуществ «служения» для молодых специалистов. Это создает когнитивный диссонанс и снижает ее привлекательность.

Динамика представлений о труде как ценности. Согласно данным ВЦИОМ, представления россиян о ценности труда, значительно изменились с начала 1990-х годов. Если в 1991 году половина работающих рассматривала труд исключительно как дело, за которое «чем лучше платят, тем больше делаю», то к 2020 году эта доля сократилась до 23%. Одновременно с этим, заметно выросла доля тех, кто считает труд интересным, но не позволяющим ему мешать остальной жизни (с 32% в 1991 году до 45% в 2020 году). Наиболее показательным является рост числа респондентов, которые «хотели бы вложить в труд все лучшее, независимо от заработка» – с 11% в 1991 году до 18% в 2021 году (Таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о том: «Чем для Вас является труд?» (% от работающих)

Table 2

Distribution of answers to the question: “What is work for you?” (% of employees)

Варианты ответов / Answer options	1991	2016	2020
Труд - это дело, чем лучше платят, тем больше делаю / Work is a business, and the better you get paid, the more you do.	50	45	23
Нахожу труд интересным, но не позволю ему мешать остальной жизни / I find work interesting, but I won't let it interfere with the rest of my life	32	24	45
Труд - неприятная необходимость. Если бы мог, не работал бы / Work is an unpleasant necessity. If I could, I wouldn't work	7	14	8
Хотел бы вложить в труд все лучшее, независимо от заработка / I would like to put my best effort into my work, regardless of my earnings	11	14	18
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	-	3	6

Источник: ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-znachit-rabotat>. Данные за 2020 г. опубликованы на сайте ВЦИОМ: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=280&q_id=25924&date=16.08.2020.

Результаты опроса ВЦИОМ, проведенные в 2025 году показывают, что молодые люди в возрасте 18-24 лет и 25-34 лет в меньшей степени, чем более старшие возрастные группы (35-59 отмечают что их профессиональные навыки «полностью востребованы на работе (34% и 52% соответственно, по сравнению с 55% у группы 45-59 лет). Это указывает на наличие противоречия между ожиданиями молодежи от работы и реальным

положением дел. Молодые специалисты убеждены, что их потенциал не используется в полной мере. Следовательно, труд в социальных представлениях молодежи не только источник дохода, но и сфера для реализации своего потенциала. Когда этого не происходит, возникает фрустрация, что может снижать их мотивацию (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос о том «В какой степени на Вашей работе востребованы Ваши профессионально-квалификационные навыки (образование, знания, опыт и так далее)? (закрытый вопрос, один ответ, от работающих)»

Table 3

Distribution of answers to the question “To what extent are your professional skills and qualifications (education, knowledge, experience, etc.) in demand at your workplace? (closed question, one answer, from employees)”

Варианты ответов / Answer options	18-24	25-34	35-44	45-59	60 и старше / and older	Всего / Total
Полностью / Completely	34	52	50	55	49	50
Почти полностью / Almost completely	26	21	22	19	19	21
Частично / Partly	29	16	15	13	15	16
Почти никак / Almost nothing	6	6	7	4	6	5
Никак / In no way	4	5	6	8	8	6
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	1	1	0	1	1	1

Источник: ВЦИОМ URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/973256ae-dc54-4082-843a-6ce52b7260c0/cross/aaa6b3a4-df27-4348-8eec-0c497057f57b>

Интересные результаты демонстрирует анализ выбора респондентами суждений, представленный ВЦИОМ в 2025 году. Так, молодые люди в возрасте 18-24 года и 25-34 лет значительно чаще чем старшее поколение (35 и старше) выбирают вариант «Родина – это просто место, где ты родился. В современном мире можно быть гражданином мира, жить и работать там, где выгодно и комфортно». В целом 36% в возрастных когортах 18-24 лет и 25-34 лет полностью или частично согласны с этим утверждением. Это, по-нашему мнению

свидетельствует о преобладании инструментального отношения к труду и ориентации на личное благополучие. Однако, 55% в возрасте 18-24 лет и 56% в группе 25-34 лет склоняются к идее «работать во благо Родины». Таким образом, прослеживается двойственная ориентация у молодых специалистов, когда, с одной стороны, они стремятся к индивидуальным благам, а с другой – демонстрируют ценности служения, связанные с общественным долгом и патриотизмом (Таблица 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Скажите, какое из них ближе всего к Вашей точке зрения?

1а. Родина – одна, здесь нужно жить, работать во благо Родины, гордиться ею и нести ответственность за ее судьбу 1б. Родина – это просто место, где ты родился. В современном мире можно быть гражданином мира, жить и работать там, где выгодно и комфортно (закрытый вопрос, один ответ)»

Table 4

The distribution of answers to the question “Tell me, which one is closest to your point of view?

1a. There is only one homeland, you need to live here, work for the good of the Motherland, be proud of it and be responsible for its fate 1b. Homeland is just the place where you were born.

In the modern world, you can be a citizen of the world, live and work where it is profitable and comfortable (closed question, one answer)”

Варианты ответов Answer options	18-24	25-34	35-44	45-59	60 и старше and older	Всего Total
Точно первое / Exactly the first one	28	29	54	66	75	57
Скорее первое, чем второе / Rather the first than the second	27	27	23	19	16	21
Не могу оценить / I can't rate it	9	8	4	2	2	4
Скорее второе, чем первое / Rather the latter than the former	20	23	11	6	2	10
Точно второе / Definitely the second one	16	13	8	6	5	8

Источник: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/4440e2d5-6601-4bac-ac14-57560968fa04/cross/74f2c265-c7e0-4703-872f-b2dbb25bbf8b>

В целом, полученные результаты подводят к подтверждению гипотезы о том, что в мотивационной структуре молодых специалистов наблюдается тенденция к снижению доминирования инструментальной мотивации (высокая зарплата) и росту значимости содержательных аспектов труда (интересная работа, баланс между работой и личной жизнью, социальная значимость).

В настоящее время мотивация молодых специалистов зависит от того насколько их представление о труде как реализации потенциала и сочетание социальных представлений о работе и служении могут быть удовлетворены в рамках профессиональной деятельности. Таким образом, актуализируется задача создания таких условий, которые не только обеспечат комфортные условия и

карьерный рост, но и подчеркнут социальную значимость профессиональной деятельности. В результате будет интериоризироваться установка на то, что труд – это не просто работа, а и служение.

Динамика представлений о труде и мотивации в органах муниципальной службы. Блок эмпирических данных, представленный в результатах исследований (Магомедов, 2015; Турчинов, 2007; Проказина, 2018), позволяет проанализировать представления о мотивации служащих к профессиональной деятельности. Социологические опросы, проводившиеся в разные годы, демонстрируют устоявшиеся социальные представления о ключевых мотивах поступления на службу в органы государственной и муниципальной службы.

Результаты свидетельствуют, что на протяжении 2004-2014 годов ключевыми мотивами для поступления на муниципальную службу в общественном сознании выступают: престиж, служебный рост и возможность получения связей.

Мотив «желание принести пользу обществу и государству» хотя и вырос почти в три раза (с 12,6% до 21%), но по-прежнему уступает прагматическим факторам. Это подтверждает вторую

гипотезу о двойственном характере мотивации, где прагматические факторы преобладают, но содержательно-смысловая составляющая труда набирает вес (Таблица 5).

Анализ результатов экспертных опросов показывает, что проявляются существенные расхождения в оценках населения и самих муниципальных служащих (Таблица 6).

Таблица 5

Распределение вариантов ответов на вопрос: «Чем руководствуются люди, поступая на работу в государственные органы власти и управления (представление населения)?» (%)?

Table 5

Distribution of answers to the question: "What motivates people when they apply for a job in government agencies and administration (public opinion)?" (%)

Варианты ответов / Answer options	2004* ¹	2014** ²
Желание принести пользу обществу и государству / The desire to benefit society and the state	12,6	21,0
Стремление занять престижное место в обществе / The desire to take a prestigious place in society	48,4	46,7
Стремление обеспечить перспективы служебного роста / Striving to ensure career growth prospects	33,0	28,5
Желание иметь широкие связи с людьми, которые могут быть полезны в жизни / The desire to have extensive connections with people who can be useful in life	42,4	38,2
Стремление повысить свое материальное благополучие / The desire to improve their financial well-being	41,6	37,6
Стремление полнее реализовать свои профессиональные качества / The desire to fully realize one's professional qualities	12,2	15,7
Гарантией постоянной работы, стабильного положения / A guarantee of constant work and a stable position	29,8	33,6
Стремление заработать высокую пенсию / The desire to earn a high pension	20,0	18,7
Отсутствие другого выбора / Lack of other choice	7,4	4,9

Источник: (Проказина, 2023: 188,217)

* Социологический опрос по теме «Население о работе органов местной власти» (октябрь, 2004 г.). Всего опрошено 1121 респондентов в 18 субъектах 7 Федеральных округов Российской Федерации, в том числе: Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Республика Саха- Якутия, Удмурдская Республика, Ставропольский край, Хабаровский край, Архангельская область, Нижегородская область, Омская область, Орловская область, Саратовская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тульская область, Челябинская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург. Руководитель исследования – д.с.н., профессор К.О. Магомедов. С. 188.

** Социологический опрос по теме «Население о работе органов местной власти» (октябрь – декабрь 2014 года). Всего опрошено 1120 респондентов из числа населения в 20 субъектах Российской Федерации во всех Федеральных округах, в том числе: в республиках Кабардино-Балкария, Саха-Якутия, Северная Осетия – Алания, Тыва, Удмуртская, Хакасия, краях Краснодарском, Хабаровском, областях Белгородской, Брянской, Волгоградской, Московской, Новосибирской, Орловской, Псковской, Саратовской, Ульяновской, Челябинской, гг. Москва и Санкт-Петербург. Руководитель исследования д.с.н., проф. К. О. Магомедов. С. 217.

Таблица 6

Распределение вариантов ответов на вопрос о том, чем руководствуются люди, поступаая на работу в государственные органы власти и управления (экспертный опрос)? (%)?

Table 6

Distribution of answers to the question of what people are guided by when applying for jobs in government agencies and administrations (expert survey)? (%)?

Варианты ответов / Answer options	2004* ¹	2014** ²
Желание принести пользу обществу и государству / The desire to benefit society and the state	28,5	26,0
Стремление занять престижное место в обществе / The desire to take a prestigious place in society	30,3	54,7
Стремление обеспечить перспективы служебного роста / Striving to ensure career growth prospects	25,9	37,3
Желание иметь широкие связи с людьми, которые могут быть полезны в жизни / The desire to have extensive connections with people who can be useful in life	21,5	27,3
Стремление повысить свое материальное благополучие / The desire to improve their financial well-being	21,0	25,3
Стремление полностью реализовать свои профессиональные качества / The desire to fully realize one's professional qualities	27,2	17,3
Гарантией постоянной работы, стабильного положения / A guarantee of constant work and a stable position	39,0	49,3
Стремление заработать высокую пенсию / The desire to earn a high pension	17,1	17,3
Отсутствие другого выбора / Lack of other choice	3,1	5,3

Источник: (Проказина, 2023: 200, 224)

Анализ динамики представлений о труде и мотивации в органах муниципальной службы показывает, что мотивы, связанные с инструментальной ценностью труда, усиливаются как в общественном сознании, так и в оценках экспертов. Так, в общественном сознании стремление занять престижное место остаётся ключевым мотивом, его доля лишь незначительно уменьшилась (с 48,4% до 46,7%). При этом в экспертных оценках этот мотив значительно вырос – с 30,3% до 54,7%,

став доминирующим. Мотив «гарантия постоянной работы, стабильного положения» также укрепился. В общественном мнении он вырос с 29,8% до 33,6%, а в экспертных оценках – с 39,0% до 49,3%. Желание иметь полезные связи остаётся высоким (42,4% и 38,2% в 2004 и 2014 годах соответственно). Это свидетельствует о том, что муниципальная служба всё больше воспринимается как инструмент для достижения личных благ – приобретение социального статуса, стабильности и связей. Этот тренд показывает, что молодые

* Социологический опрос по теме «Муниципальные служащие о работе органов местной власти» (октябрь, 2004 г.). Всего опрошено 228 экспертов из числа муниципальных служащих, представленных 7 Федеральных округов Российской Федерации. Руководитель исследования – д.с.н., профессор К.О. Магомедов.

** Социологический опрос по теме «Муниципальные служащие о работе органов местной власти» (октябрь - декабрь, 2014 г.). Всего опрошено 150 представителей органов государственной власти и управления, местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций государственного и негосударственного сектора экономики, науки, культуры, образования, общественных организаций, СМИ. Руководитель исследования д.с.н., проф. К. О. Магомедов.

специалисты, в частности, могут ориентироваться на службу как на способ обеспечения личной безопасности и благополучия в нестабильных социально-экономических и геополитических условиях.

Однако стоит отметить и усиление мотива, связанного со служением. Он действительно вырос, но остаётся второстепенным по сравнению с прагматическими факторами. «Желание принести пользу обществу» в общественном сознании выросло с 12,6% до 21,0%. Это значительный рост, который подтверждает, что содержательно-смысловая составляющая труда набирает вес. Но этот мотив всё ещё уступает в значимости таким факторам, как престиж (46,7%), стабильность (33,6%) и связи (38,2%).

Таким образом, это подтверждает гипотезу о двойственном характере мотивации, где прагматические факторы преобладают, но содержательно-смысловая составляющая набирает вес. Служение воспринимается не как основной мотив, а, скорее, как ценность, как дополнительный бонус к уже имеющимся инструментальным выгодам.

Отметим, что результаты опросов демонстрируют значительные расхождения в представлениях населения и экспертов. Так, мотив «полнее реализовать свои профессиональные качества» в экспертных оценках снизился с 27,2% до 17,3%, в то же время в общественном мнении он вырос с 12,2% до 15,7%. Это может указывать на то, что эксперты, имеющие более глубокое понимание системы, видят меньше возможностей для профессиональной самореализации, чем граждане. Эксперты более реалистично оценивают важность материального благополучия (прослеживается рост с 21,0% до 25,3%), тогда как общественное мнение оценивает его важность ниже (снижение с 41,6% до 37,6%).

Следовательно, эти расхождения свидетельствуют о наличии

информационного разрыва между представлениями общества о муниципальной службе и её реальным положением. Для привлечения и удержания молодых специалистов важно учитывать, что их ожидания могут не соответствовать реальным условиям, что может привести к разочарованию и оттоку кадров.

Заключение (Conclusions).

Муниципальная служба в современной России сталкивается с серьезными вызовами в привлечении молодых кадров, что обусловлено комплексом объективных и субъективных факторов. Исследование подтвердило, что ценностные ориентации поколений Y и Z, их стремление к самореализации, быстрой отдаче и балансу между работой и личной жизнью, а также зачастую инструментальное отношение к «работе» в противовес идеалу «служения», создают значительные барьеры. Региональные различия лишь усугубляют эту ситуацию, демонстрируя, что в условиях жесткой конкуренции за кадры муниципальная служба проигрывает частному сектору.

Однако, несмотря на выявленные проблемы, муниципальная служба обладает уникальным потенциалом для привлечения молодежи, стремящейся к социальной значимости и возможности влиять на реальные изменения. Реализация предложенных рекомендаций, направленных на повышение финансовой привлекательности, модернизацию условий труда, развитие карьерных возможностей и, главное, формирование подлинного образа «служения», подкрепленного реальными кейсами успеха, позволит изменить негативные стереотипы и сделать муниципальную службу конкурентоспособным и престижным выбором для нового поколения российских управленцев. Только системный подход к кадровой политике и понимание ценностей современной молодежи позволят

обеспечить устойчивое развитие местного самоуправления в России.

Содержательные представления о «работе» и «служении» представляют собой социокультурный конструкт, формирующийся под влиянием социальных, экономических, политических, культурных условий и саморегуляционных практик молодых специалистов. Таким образом, актуализируется значение социально-институционального контекста, влияющего на формирование общих представлений о работе, служении и их смыслах применительно к органам местного самоуправления.

Анализ представленных данных показывает, что мотивация молодых специалистов к работе в муниципальной службе является сложным и противоречивым явлением. Она формируется под влиянием нескольких ключевых факторов, отражающих общероссийские и поколенческие ценностные сдвиги.

Проведённые исследования подтверждают гипотезу о двойственном характере мотивации, где у молодых специалистов одновременно сосуществуют инструментальные и содержательно-смысловые представления о труде. Инструментальное отношение к труду (понятие «работа») по-прежнему преобладает, о чем свидетельствуют высокие показатели по таким мотивам, как престиж и стабильность. Однако наблюдается и рост содержательно – смысловой составляющей (понятие «служение»). Молодые специалисты хотят видеть, что их труд имеет реальное значение и способствует решению важных общественных задач. Следовательно, подтверждается и вторая гипотеза о росте значимости содержательно-смысловых аспектов труда.

Результаты исследований показывают, что представления молодежи об условиях труда не всегда соответствуют действительности, что может быть

серьезным барьером для привлечения и удержания кадров. Индикаторами такой ситуации выступают, во-первых, нереализованный потенциал, создающий когнитивный диссонанс и снижающий мотивацию. Во-вторых, информационный разрыв, характеризующий расхождения между мнениями граждан и экспертов о мотивах поступления на службу. В-третьих, увеличивающийся запрос на ценностно-смысловое наполнение профессиональной деятельности, проявляющийся в стремлении к «служению» и «работе во благо Родины». Таким образом инструментальная составляющая профессиональной деятельности должна дополняться возможностями самореализации и общественной пользой.

Представления о работе и служении как факторы мотивации молодых специалистов в органах муниципальной службы находятся в состоянии динамического равновесия. Успех кадровой политики в этой сфере будет зависеть от умения руководства совмещать прагматические и идеалистические установки, создавая условия для реализации обоих типов мотивации.

Список литературы

Беляева Л. А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 220-237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13. EDN: FPBVAO.

Бойков В. Э. Народ и власть: результаты социол. мониторинга: 1999-2006 гг. / Рос. акад. гос. службы при президенте Рос. Федерации. Москва: Изд-во РАГС, 2007. 199 с.

Гнатюк М. А., Печкуров И. В. Ключевые риски трансформации трудовых ценностей российской молодежи и их социальные последствия // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 8. С. 97-102. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-97-102. EDN: VOTITD.

Демидов Н. Н. Ценностные ориентации поколения Z: социологический анализ //

Академическая мысль. 2021. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-pokoleniya-z-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 07.08.2025).

Докторов Б. З., Зборовский Г. Е. Поколенческий подход к современной отечественной социологии как теоретическая проблема: общероссийские и региональные аспекты // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 79-90. DOI: 10.31857/S013216250015742-9. EDN: JIGGFM.

Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 146-158. DOI: 10.17223/15617793/476/16. EDN: WNOHVA.

Зинченко Г. П. Государственная служба в предметном поле социологии // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 70-75.

Злотковский В. И. Проблема поиска оптимальной модели организации местного самоуправления в Российской Федерации (опыт социологического анализа) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24, № 3. С. 684-698. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-684-698. EDN: DWONKG.

Зубко Д. В., Ключев Ю. В. Теория поколений в фокусе ценностей: к вопросу целесообразности применения поколенческой концепции при стратегическом планировании // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK322.pdf>. (дата обращения: 07.08.2025).

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 243-259. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14.

Кузнецов А. М. Этика государственной и муниципальной службы: учебник и практикум для вузов/ Москва: Издательство Юрайт, 2025. 204 с. ISBN: 978-5-534-21674-5. URL: <https://urait.ru/bcode/581899> (дата обращения: 07.08.2025).

Магомедов К. О. Местное самоуправление в Российской Федерации:

проблемы функционирования и развития. Материалы социологического исследования. Октябрь – декабрь 2014 года. М. 2015.

Магомедов К. О., Турчинов А. И. Государственная служба и кадровая политика: теория и практика: информационно-аналитические материалы по результатам социологических исследований, проведенных кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2001-2006 годах. Ульяновск: Печатный двор, 2007. 272 с.: ил.; 29 см.

Певная М. В., Тарасова А. Н., Якубова Э. Р. Гражданское участие молодежи малых территорий крупного индустриального региона России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 722-737. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-722-737. EDN: SAEZFX.

Петухов Р. В. Особенности формирования доверия к муниципальной власти среди молодых россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 134-155. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.6. EDN: GTYSBY.

Проказина Н. В. Социология государственной и муниципальной службы. Учебное пособие. Часть II. Информационно-аналитические материалы. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. 256 с. ISBN: 978-5-93179-770-0.

Проказина Н. В. Молодые чиновники региона: представления и установки на профессиональную деятельность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 62-71. EDN: YPNCLB.

Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. ISBN: 978-5-7598-1985-1 (в пер.). ISBN: 978-5-7598-2009-3 (e-book).

Сизганова Е. Ю., Кайдашова А. К., Чикова И. В. Анализ ценностных ориентаций студентов – будущих государственных и муниципальных служащих в контексте вызовов современности // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 258-270. DOI: 10.32744/pse.2020.1.18. EDN: MSNNSS.

Социодиггер. 2020. Август. Том 1. Выпуск 1: Труд и занятость. URL: <https://book.wciom.ru/books/book-page/sociodigger-ezhegodnik-vciom-2020> (дата обращения: 07.08.2025).

Тычинина М. И., Рикель А. М. Методологический анализ понятия «поколение» в социальной психологии: классические, неклассические и постнеклассические теории поколений // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т. 17, № 4. С. 146-165. DOI: 10.11621/TEP-24-37. EDN: JGSTOM.

Шабунова А. А., Уханова Ю. В., Косыгина К. Е., Гражданское участие молодежи в регионе: возможности и ограничения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 167-199. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.7. EDN: MGQIYQ.

Шаповалова И. С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1(97). С. 124-142. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142. EDN: YYKEUN.

Ядова М. А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 181-188. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.14. EDN: URLUFT.

Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. New York: Broadway Books. 1997. 400 p. file:///D:/Downloads/The_Fourth_Turning.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

References

Belyaeva, L. A. (2020), "Generation Y in Russia: social stratification, labor market position, and problems of political socialization", *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 13 (4), 220-237, DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13, EDN: FPBVAO. (In Russian)

Boikov, V. Je. (2007), *Narod i vlast: rezultaty sotsiol. monitoringa: 1999-2006 gg.* [The people and the government: the results of sociol. Monitoring period: 1999-2006], RAGS, Moscow, Russia. (In Russian)

Gnatyuk, M. A., Pechkurov, I. V. (2015), "Key risks of the transformation of Russian youth's labor values and their social consequences", *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, 7 (8), 97-102, DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-8-97-102, EDN: VOTITD. (In Russian)

Demidov, N. N. (2021), "The value orientations of Generation Z: a sociological analysis", *Akademicheskaya mysl*, 2 (15), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-pokoleniya-z-sotsiologicheskii-analiz> (Accessed 07 August 2025). (In Russian)

Doktorov, B. Z., Zborovsky, G. E. (2021), "A generational approach to contemporary Russian sociology as a theoretical problem: national and regional aspects", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 79-90, DOI: 10.31857/S013216250015742-9, EDN: JIGGFM. (In Russian)

Zinurova, R. I., Nikitina, T. N., Fathullina, L. Z. (2022), "Social practices and socio-psychological characteristics of Generation Z (based on the results of a focus group study)", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (476), 146-158, DOI: 10.17223/15617793/476/16, EDN: WNOHVA. (In Russian)

Zinchenko, G. P. (2016), "Public service in the field of sociology", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 70-75. (In Russian)

Zlotkovsky, V. I. (2024), "The problem of finding an optimal model for local self-government in the Russian Federation (sociological analysis)", *Vestnik Rossyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 24 (3), 684-698, DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-684-698, EDN: DWONKG. (In Russian)

Zubko, D. V., Kljuev, Ju. V. (2022), "Generational theory in the focus of values: on the feasibility of applying the generational concept in strategic planning", *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*, 13 (3), available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK322.pdf> (Accessed 07 August 2025). (In Russian)

Zubok, Ju. A., Chuprov, V. I. (2019), "Self-regulation of the image of work in the cultural space of young people", *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 12 (6), 243-259, DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14. (In Russian)

Kuznetsov, A. M. (2025), *Etika gosudarstvennoy i munitsipalnoy sluzhby: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Ethics of Public and Municipal Service: Textbook and Workshop for Universities], Yurait, Moscow, Russia, ISBN 978-5-534-21674-5, available at: <https://urait.ru/bcode/581899> (Accessed 07 August 2025). (In Russian)

Magomedov, K. O. (2015), *Mestnoe samoupravlenie v Rossyskoy Federatsii: problemy funktsionirovaniya i razvitiya. Materialy Sotsiologicheskogo issledovaniya (Oktyabr – dekabr 2014 goda)* [Local self-government in the Russian Federation: problems of functioning and development. Materials of a sociological survey. October – December 2014], Moscow, Russia. (In Russian)

Magomedov, K. O., Turchinov, A. I. (2007), *Gosudarstvennaya sluzhba i kadrovaya politika: teoriya i praktika: informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam Sotsiologicheskikh issledovaniy, provedennykh kafedroy gosudarstvennoy sluzhby i kadrovoy politiki Rossyskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossyskoy Federatsii v 2001-2006 godah* [Public service and personnel policy: theory and practice: information and analytical materials based on the results of sociological research conducted by the department of public service and personnel policy at the Russian Presidential Academy of Public Service in 2001-2006], Pechatnyy dvor, Ul'yanovsk, Russia. (In Russian)

Pevnaya, M. V., Tarasova, A. N., Yakubova, Je. R. (2023), "Civil participation of young people in small territories of Russia's major industrial region", *Vestnik Rossyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 25 (3), 722-737, DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-722-737, EDN: SAEZFX. (In Russian)

Petukhov, R. V. (2023), "Features of building trust in municipal authorities among young Russians", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 11 (4), 134-155, DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.6, EDN: GTYSBY. (In Russian)

Prokazina, N. V. (2023), *Sotsiologiya gosudarstvennoy i munitsipalnoy sluzhby. Uchebnoe posobie. Chast II* [Sociology of state and municipal service. Textbook. Part II. Information and analytical materials], Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala

RANHiGS, Orel, Russia, ISBN: 978-5-93179-770-0. (In Russian)

Prokazina, N. V. (2018), "Young officials in the region: views and attitudes on professional activity", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (4), 62-71, EDN: YPNCLB. (In Russian)

Radaev, V. V. (2019), *Millenialy: Kak menyaetsya rossyskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing], Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. ISBN 978-5-7598-1985-1 (print), ISBN: 978-5-7598-2009-3 (e-book). (In Russian)

Sizganova, E. Ju., Kaidashova, A. K., Chikova, I. V. (2020), "Analysis of the value orientations of future civil servants in the context of modern challenges", *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 1 (43), 258-270, DOI: 10.32744/pse.2020.1.18, EDN: MSNNSS. (In Russian)

Sociodigger [Sociodigger] (2020), Avgust, 1(1): Trud i zanyatost, available at: <https://book.wciom.ru/books/book-page/sociodigger-ezhgodnik-wciom-2020> (Accessed 07 August 2025). (In Russian)

Tychinina, M. I., Rikel, A. M. (2024), "Methodological analysis of the concept of "Generation" in social psychology: classical, non-classical, and post-non-classical generational theories", *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 17(4), 146-165, DOI: 10.11621/TEP-24-37, EDN: JGSTOM (In Russian)

Shabunova, A. A., Uhanova Ju. V., Kosygina, K. E. (2023), "Youth civic participation in the region: opportunities and limitations", *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 26 (1), 167-199, DOI 10.31119/jssa.2023.26.1.7, EDN: MGQIYQ. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2025), "Strategies for the self-realization of regional youth: dispositions, life plans, and stratification", *Srednerussky vestnik obshchestvennykh nauk*, 20 (1), 124-142, DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142, EDN: YYKEUN. (In Russian)

Yadova, M. A. (2020), "The millennial generation in Russian society: in search of another youth", *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (6), 181-188, DOI: 10.17976/jpps/2020.06.14, EDN: URLUFT. (In Russian)

Howe, N., Strauss, W. (1997), *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next*

Rendezvous with Destiny, Broadway Books, New York, USA, available at:
file:///D:/Downloads/The_Fourth_Turning.pdf
(Accessed: 30 July 2025).

Статья поступила в редакцию 15 августа 2025 г. Поступила после доработки 05 сентября 2025 г. Принята к печати 10 сентября 2025 г.

Received 15 August 2025. Revised 05 September 2025. Accepted 10 September 2025.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Natalia V. Prokazina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.